СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 • 2016

Свидетельство о регистрации
Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Ю. В. Астафьев,
кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Д. В. Зотов,
кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Старилов,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,
кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров,
доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева,
доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова,
доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

М. О. Баев,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш,
доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

П. Н. Бирюков,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

В. К. Гавло,
доктор юридических наук, профессор
(Алтайский гос. университет);

С. И. Давыдов,
доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев,
доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин,
доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);
Г. С. Казинян,
доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);
А. П. Кругликов,
кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);
З. В. Макарова,
доктор юридических наук, профессор
(Южно-Уральский гос. университет);
Е. В. Марковичева,
доктор юридических наук, профессор
(Орловский гос. университет);
Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин,
доктор юридических наук, профессор
(Московский университет МВД России);
Ю. Г. Просвирнин,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
Т. Б. Рамазанов,
доктор юридических наук, профессор
(Дагестанский гос. университет);
А. В. Руденко,
доктор юридических наук, профессор
(Кубанский гос. университет);
М. К. Свиридов,
доктор юридических наук, профессор
(Томский гос. университет);
В. В. Трухачев,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров,
доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия)

Адрес редакции:
394006 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Сайт журнала:
www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:
51165 в каталоге Российской прессы «Почта России»

Ведущий редактор издательской группы
Н. Н. Масленникова

Подписано в печать 25.05.2016. Формат 70×108/16
Уч.-изд. л. 26,5. Усл. п. л. 24,7. Тираж 550 экз. Заказ 205

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

© Воронежский государственный университет, 2016
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2016

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC YOURNAL

№ 2 • 2016

Свидетельство о регистрации Роскомнадзора ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

Yu. V. Astafiev,
candidate of legal sciences, associate professor, coeditor
(Voronezh State University);

D. V. Zotov,
candidate of legal sciences, associate professor, coeditor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,
candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov,
doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva,
doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova,
doctor of legal sciences, professor
(Vorlgograd State University);

M. O. Baev,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash,
doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

P. N. Biriukov,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

V. K. Gavlo,
doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

S. I. Davidov,
doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin,
doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev,
doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin,
doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian,
doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov,
candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova,
doctor of legal sciences, professor
(South Ural State University);

E. V. Markovicheva,
doctor of legal sciences, professor
(Orel State University);

N. G. Muratova,
doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. I. Nosyreva,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. V. Pobedkin,
doctor of legal sciences, professor
(Moscow University of the Russian Ministry
of Internal Affairs);

Yu. G. Prosvirnin,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

T. B. Ramazanov,
doctor of legal sciences, professor
(Dagestan State University);

A. V. Rudenko,
doctor of legal sciences, professor
(Kuban State University);

M. K. Sviridov,
doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

V. V. Trukhachev,
doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

Yu. V. Franziforov,
doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy)

Editorial address:

394006 Russia, Voronezh,
Lenin Sg., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Official site:
www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2016
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Астафьев Ю. В., Панюшкин В. А. Памяти профессора Зои Филипповны Ковриги… 11
Рябинина Т. К. Памяти дорогого учителя ***Зои Филипповны Ковриги*** 14

20 ..... **НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА З. Ф. КОВРИГИ**

Библиографический список трудов З. Ф. Ковриги 20
Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность 25

124 ..... **ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б. Правовые основы задержания подозреваемого в совершении преступления: от международного права к национальному законодательству 124
Галдин М. В. Изменение обвиняемому меры пресечения на более строгую как реализация уголовно-процессуальной ответственности 131
Гамбарян А. С., Исраелян Ш. Ю. Ограничение осуществления права как мера уголовно-процессуальной ответственности 137
Гриненко А. В. О соотношении понятий «убеждение», «принуждение» и «ответственность» в уголовном судопроизводстве: размышления о книге Зои Филипповны Ковриги «Уголовно-процессуальное принуждение» (Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. – 175 с.) 143
Гулевский А. В. Позитивная ответственность в уголовном процессе: проблемы правопонимания 149
Завьялова Д. В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в исключительных следственных ситуациях 153
Иванов Д. А. Сущность наложения ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения 158
Кривошеев С. И. Уголовно-процессуальная ответственность в связи с пересмотром итоговых решений суда первой инстанции 164
Куракина Г. Н. Проблемы реализации уголовно-процессуального законодательства при применении домашнего ареста 173
Лятифов Р. Г. Зарубежный опыт избрания мер пресечения в целях выдачи лица для уголовного преследования и исполнения приговора 177
Рябцева Е. В. Уголовно-процессуальное принуждение: теория и практика 181
Серегина В. В. Проблема исследования структуры государственного принуждения в отечественной правовой науке 185
Титова Е. А. О соотношении уголовно-процессуальной и дисциплинарной ответственности адвоката-защитника 196

200 ..... **НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРАВОСУДИЯ**

Макарова З. В. Нравственный идеал профессии юриста 200
Панько Н. К. Совесть как необходимое условие для оценки доказательств по уголовному делу 204

210 .....ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Думы о современном состоянии российской уголовно-процессуальной политики 210
Баева К. М. Злоупотребление правом как уголовно-процессуальная категория..... 217
Малахова Л. И. З. Ф. Коврига о понятии и структуре уголовно-процессуальной деятельности 220
Абашева Ф. А., Басова О. О. Проблемы применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве России (на примере Удмуртской Республики)..... 226

232 .....ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Галиахметов М. Р. Особенности производства дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних 232
Зотова М. В. О необходимости дифференциации уголовно-процессуальных форм и создания сокращенной формы дознания 238
Насонова И. А., Арепьева Т. А. Оптимизация участия начальника подразделения дознания как одно из условий совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности..... 243
Савицкая И. Г. Участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации 250
Скрипченкова О. В. Эволюция дознания в уголовном процессе России: от советского этапа к современному 255

262 ..... СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Лотарев А. А. Основания условно-досрочного освобождения осужденных иностранных граждан 262

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
266 .....УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Насонов А. А. О состоянии правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче осужденных иностранных граждан 266

271 .....СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Иванов Ю. А. Суд и судопроизводство западных славян в Средние века.... 271

278 .....НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Малахова Л. И., Зотов Д. В. Рецензия на книгу: Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. А. П. Кругликов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 688 с. 278

281 ..... ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

Зотов Д. Правосудие и… голуби 281

CONTENTS

Astafjevs Yu. V., Panyushkin V. A. Blessed memory of professor Z. F. Kovriga..... 11
Ryabinina T. K. Blessed memory dear teacher Zoya Kovriga 14

20 ..... **THE SCIENTIFIC LEGACY OF PROFESSOR Z. F. KOVRIGA**

References works of Z. F. Kovriga 20
Kovriga Z. F. Criminal procedure responsibility..... 25

124 ..... **PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURAL RESPONSIBILITY**

Vilkova T. Yu., Rossinskiy S. B. The Legal basis for the detention of a suspect in committing a crime: from international law to national legislation 124
Galdin M. V. Changing to a more stricter measure of restraint the accused as the realization of the criminal procedure responsibility 131
Gambaryan A. S., Israelyan Sh. Yu. Limitation of the law as a measure of criminal procedural justice 137
Grinenko A. V. The correlation of the concepts «belief», «coercion» and «responsibility» in criminal proceedings: reflections on the book by Z. Kovriga «Criminal procedural compulsion» (Voronezh: Publishing house of Voronezh state university, 1975. – 175 p.) 143
Gulevsky A. V. Positive legal liability in the criminal trial: problems of the legal awareness..... 149
Zavyalova D. V. Application of criminal procedural compulsion measures in exceptional investigative situations 153
Ivanov D. A. The essence of the seizure of the property as a measure of criminal procedural coercion 158
Krivosheev S. I. Criminal procedural responsibility in connection with the revision of the outcome of the court of first instance 164
Kurakina G. N. Problems of realization of criminal procedural law in the application of house arrest..... 173
Latifov R. G. Foreign experience of a preventive measures to extradition..... 177
Ryabtseva E. V. Criminal procedural compulsion: theory and practice..... 181
Seregina V. V. The problem of state coercion structure research in the domestic legal science 185
Titova E. A. On the relation of criminal procedural and disciplinary responsibility of the lawyer-defender..... 196

200 ..... **MORAL PRINCIPLES OF JUSTICE**

Makarova Z. V. The moral ideal of the legal profession..... 200
Panko N. K. Conscience as a necessary condition for the assessment of evidence in a criminal case 204

210 ..... **GENERAL PROVISIONS OF CRIMINAL PROCESS**

Zaripov F. F., Zinatullin Z. Z. Thoughts on the current state of the russian criminal procedural politics 210

Baeva K. M. Abuse of the rights as a criminal procedural category 217
Malakhova L. I . Z. F. Kovrigs about the concept and structure of criminal procedural activity 220
Abasheva F. A., Basova O. O. Problems of mediation procedure in criminal proceedings Russia (the case Udmurt Republic) 226

232 .....PRETRIAL

Galiakhmetov M. R. Features of inquiry on criminal cases about crimes of minors 232
Zotova M. V. The need of differentiation of criminal procedural form and create a shortened form of inquiry 238
Nasonova I. A., Arepyeva T. A. Optimizing the participation of chief of division of inquiry as one of the conditions of improvement of legal regulation of criminal procedural activity..... 243
Savitskaya I. G. Expert involvement in investigating process related to data storage device withdrawal 250
Scripchenkova O. V. Evolution of inquiry in criminal process in Russia: from soviet stage to modern 255

262 .....TRIAL

Lotarev A. A. Bases of parole of the condemned foreign citizens 262

266 ..... INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL PROCESS

Nasonov A. A. Status of legal regulation of the procedural capabilities of the person sought by a foreign state for extradition 266

271 .....JUDICIAL BRANCH: HISTORY QUESTIONS

Ivanov Yu. A. The organization of judiciary and process of western slavs in the Middle ages..... 271

278 ..... ACADEMIC LIFE

Malakhova L. I., Zotov. D. V. Review of the book: Criminal process : the textbook for bachelors/ editor-inchief A. P. Kruglikov. – M. : Norm : Infra-M, 2015. – 688 p. 278

281 ..... ARTS AND JUSTICE

Zotov D. Justice and... pigeons 281

Светлой памяти
доктора юридических наук
Воронежского государственного университета
Зои Филипповны
Ковриги

Зоя Филипповна Коврига
(1936–2011)
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
Воронежского государственного университета

Памяти профессора Зои Филипповны КОВРИГИ

Юридический факультет Воронежского государственного университета понес тяжелую утрату. 18 февраля 2011 года ушла из жизни известный ученый-юрист, прекрасный педагог и замечательный человек, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Зоя Филипповна Коврига.

Зоя Филипповна родилась 23 марта 1936 года в г. Днепропетровске. В 1958 году окончила Харьковский юридический институт – одно из лучших высших юридических учебных заведений Украины.

Уже в период учебы Зою Филипповну всерьез увлек уголовный процесс, появилось желание применить полученные знания на практике. Вполне естественным в связи с этим выглядел выбор юридической профессии – профессии следователя, одной из самых непростых. В течение трех лет она работала следователем органов внутренних дел в г. Краматорске Донецкой области и в г. Харькове.

З. Ф. Коврига – следователь

С 1961 года жизненная и творческая судьба Зои Филипповны Ковриги, а это, только подумайте, без малого 50 лет, неразрывно связана с юридическим факультетом Воронежского государственного университета, созданным в 1958 году на базе филиала ВЮЗИ. Здесь она прошла путь от аспиранта до преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры уголовного процесса.

Одна из первых аспирантов факультета (наряду с Виктором Александровичем Михайловым и Эдуардом Филипповичем Побегайло, ставшими в дальнейшем видными учеными-юристами, специалистами в области криминологии, уголовного права и уголовного процесса, заслуженными деятелями науки РФ), Зоя Филипповна в 1964 году под научным руководством профессора Владимира Евгеньевича Чугунова защитила в Воронежском государственном университете кандидатскую диссертацию на тему: «Дознание, проводимое органами милиции, в советском уголовном процессе».

Первой среди женщин – преподавателей факультета Зоя Филипповна Коврига в 1987 году защитила в Киевском государственном университете докторскую диссертацию на тему: «Правовые и теоретические основы уголовно-процессуальной ответственности».

Наиболее весомый вклад был внесен ею в исследование проблем уголовно-процессуального принуждения и уголовно-процессуальной ответственности. Зоя Филипповна обстоятельно обосновала понятие и основные признаки уголовно-процессуального принуждения, особенности его законодательной регламентации. Впервые в российской юридической науке разработала идею

позитивной и негативной юридической ответственности в уголовном судопроизводстве, показала их социальную значимость, определила процедуру возложения ответственности на участников уголовного процесса.

Защита докторской диссертации

Зоя Филипповна Коврига – автор более 80 научных и методологических публикаций, из них 8 монографий и 4 учебных пособия. Весьма значимыми являются следующие работы: «Уголовный процесс РСФСР» (Воронеж, 1968) (в соавт.); «Уголовно-процессуальное принуждение» (Воронеж, 1975); «Уголовный процесс России» (Воронеж, 2003) (в соавт.).

Учебное пособие «Уголовно-процессуальные акты» (Воронеж, 2011), вышедшее из печати в марте под ее редакцией и с грифом УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации Зоя Филипповна увидеть не успела…

В течение двух десятилетий Зоя Филипповна Коврига активно и плодотворно работала в составе диссертационного совета при Воронежском государственном университете. Под ее научным руководством более 20 учеников защитили кандидатские диссертации.

Кафедра уголовного процесса 1987 год.

Слева направо нижний ряд: Р. В. Косинова В. А. Ефанова, З. Ф. Коврига, Т. М. Сыщикова; верхний ряд: В. Я. Понарин, Ю. В. Астафьев, И. Ф. Кириллов, В. А. Панюшкин, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов

Теплые, товарищеские, но вместе с тем, когда в этом была необходимость, принципиальные отношения связывали Зою Филипповну с нашим Учителем, заведующим кафедрой уголовного процесса, профессором Львом Дмитриевичем Кокоревым.

Без Зои Филипповны на факультете в настоящее время, к сожалению, не осталось «чистых» процессуалистов такого масштаба и степени признания в отечественной уголовно-процессуальной науке.

Годы совместной педагогической и творческой деятельности позволяют говорить о том, что Зоя Филипповна Коврига была известным в России ученым, внесшим значительный вклад в развитие теории и практики уголовного процесса, подготовку высоквалифицированных специалистов-юристов. Она всегда оставалась чутким, отзывчивым и справедливым человеком, умеющим ценить дружбу.

Увы, они уходят… Уходят те, кто стоял у истоков становления факультета. Уходят те, кто закладывал демократические традиции факультетской жизни. Уходят те, кто своими достижениями создавали авторитет и уважение факультету. Зоя Филипповна Коврига – одна из них.

Светлая память о Зое Филипповне Ковриге навсегда останется в сердцах коллег и учеников, ее имя будет навечно вписано в историю юридического факультета ВГУ.

До 75-летнего юбилея Зои Филипповны оставалось чуть больше месяца…

Ю. В. Астафьев,
В. А. Панюшкин

УДК 343.1

Т. К. Рябинина

ПАМЯТИ ДОРОГОГО УЧИТЕЛЯ – ЗОИ ФИЛИППОВНЫ КОВРИГИ

Поступила в редакцию 31 марта 2016 г.

23 марта 2016 г. исполнилось бы 80 лет известному ученому-процессуалисту, удивительному человеку Зое Филипповне Ковриге – доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета, в котором мне посчастливилось учиться и который свел меня с такими замечательными педагогами, как Лев Дмитриевич Кокорев, Владимир Яковлевич Понарин, Николай Пантелеймонович Кузнецов, увы, ушедшими из жизни. К сожалению, этот список пополнился – в 2015 г. безвременно ушел из жизни Валентин Анатольевич Панюшкин, долгое время возглавлявший юридический факультет ВГУ.

Зоя Филипповна Коврига была для меня ниточкой, связывающей с воронежской процессуальной школой, чье знамя гордо и достойно она несла долгие годы.

Какой останется Зоя Филипповна в моей памяти? В первую очередь ученым – борцом за истину и чистоту в науке, принципиальным человеком, который мог и поддержать добрым словом, советом, и высказать нелицеприятное мнение, невзирая на авторитеты. Она всегда болела за дело душой, не могла выносить фальши. Молодые, начинающие ученые, прежде всего аспиранты, порой боялись ее критической оценки, которую она давала их работам. Но я уверена, что потом они все были благодарны ей за это. Я сама прошла через страх выслушать всю правду о своем диссертационном исследовании, но это было на этапе подготовки работы. А вот на защитах диссертационных работ именно она чаще всего подбадривала молодых. Свой колоссальный опыт, знания Зоя Филипповна смогла передать не только своим ученикам, но и детям: Панько Надежда – кандидат юридических наук, Панько Кирилл – доктор юридических наук вносят свой вклад в науку. Вообще это уникальная семья: супруг Зои Филипповны – Панько Константин Александрович, доктор юридических наук, профессор, известный ученый, занимавшийся проблемами уголовного права, тоже мой бывший учитель, чьими лекциями мы заслушивались, и тоже ушедший из жизни. Сколько учеников они оставили после себя…

Мое знакомство с Зоей Филипповной Ковригой сначала было заочным – по ее работам. Сама она преподавала студентам вечернего отделения. Я же готовила сначала курсовую, а затем дипломную работу по теме «Уголовно-процессуальное принуждение», и ее труды, посвященные этой проблеме, в буквальном смысле стали для меня настольными книгами. Достав с дальней полки свою дипломную работу, я перелистала ее. 1983 г. – другая эпоха, но идеи, мысли, почерпнутые из книг Зои Филипповны, актуальны и сегодня.

Как сторонница широкого понимания охранительных средств в уголовном судопроизводстве, вслед за З. Ф. Ковригой и ее единомышленниками, я, читая студентам лекцию по теме «Уголовно-процессуальное принуждение», которая основана на этой дипломной работе, обязательно делаю акцент на том, что выполнение задач уголовного судопроизводства обеспечивается с помощью не только уголовно-процессуальных, но и уголовно-правовых, гражданско-процессуальных

© Рябинина Т. К., 2016

и административно-процессуальных норм права, что проявляется в регулировании вопросов гражданского иска и его обеспечении в уголовном деле, в административном доставлении, предшествующем процессуальному задержанию, в приводе, осуществляемом органами милиции, в предупреждении об уголовной ответственности за отказ и дачу ложных показаний и т.д. Все эти средства воздействия на поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений составляют компоненты широкого понятия «принуждение в сфере уголовного судопроизводства», из которого как составную часть надо выделить уголовно-процессуальное принуждение[1].

Остается современным и подход З. Ф. Ковриги к сути уголовно-процессуального принуждения как методу или средству государственного воздействия, используемому для пресечения (предупреждения) неисполнения участниками судопроизводства своих обязанностей и совершения ими неправомерных действий (бездействия), препятствующих осуществлению правосудия, а также для обеспечения условий выполнения задач уголовного судопроизводства. Это нашло отражение в учебном пособии, подготовленном в 2003 г. воронежскими учеными. То же можно сказать и по поводу признаков уголовно-процессуального принуждения, которые она выделяла: 1) применяется только в сфере уголовного судопроизводства; 2) носит характер ограничения определенных прав и интересов личности; 3) выражается в действиях принудительного характера в отношении участников уголовного судопроизводства; 4) формы ограничения конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве регламентированы действующим уголовно-процессуальным законодательством[2].

До настоящего времени уголовно-процессуальный закон не раскрывает содержание понятия оснований избрания мер пресечения, что приводит к нарушениям при установлении их наличия и принятии решений об избрании мер пресечения. Поэтому и в настоящее время остается актуальным предложение З. Ф. Ковриги о следующем изменении формулировки закона: при наличии достаточных доказательств считать, что обвиняемый скроется от следствия и суда или будет продолжать заниматься преступной деятельностью и пр. …, что предохранило бы данную норму от субъективизма и произвольности в ее толковании[3].

В связи с этим нельзя не затронуть вопрос о гарантиях прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяются меры процессуального принуждения, на что постоянно обращала внимание З. Ф. Коврига. В числе прочих ею обсуждался вопрос о степени «насыщенности» уголовно-процессуального законодательства мерами процессуального принуждения и возможности их сокращения, необходимости использования разных мер принуждения в каждых конкретных случаях[4].

Особое место среди проблем, которые интересовали Зою Филипповну, занимала проблема уголовно-процессуальной ответственности, широко обсуждавшаяся в 70–80-е гг. прошлого столетия[5]. Серьезное исследование в этом направлении она провела, выпустив в 1984 г. монографию «Уголовно-процессуальная

---

[1] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 10.

[2] См.: Там же. С. 16–17 ; Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 150.

[3] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. С. 96.

[4] См.: Там же. С. 49–92.

[5] См.: *Коврига З. В*. Проблема взаимосвязи законности и ответственности в уголовном судопроизводстве // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, прокуратуре и адвокатуре в СССР. Воронеж, 1981. С. 132.

ответственность»[6], в которой она отстаивала позицию о существовании уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного вида ответственности, справедливо утверждая, как и другие сторонники данной точки зрения[7], что если уголовно-процессуальное право имеет свой предмет и метод правового регулирования, а в структуре норм уголовно-процессуального права выделяются процессуальные санкции, то оно имеет и свои собственные средства обеспечения правовых норм. На ее взгляд, назначение процессуальной ответственности в механизме правового регулирования определяет две ее функциональные особенности: 1) охранять от нарушений нормы уголовно-процессуального права – общеобязательные правила поведения субъектов уголовного судопроизводства; 2) способствовать достижению эффективного результата при реализации норм уголовного и других отраслей права в сфере уголовного судопроизводства[8].

Вопреки мнению многих авторов, рассматривающих уголовно-процессуальную ответственность только в негативном аспекте как применение принудительных мер за уголовно-процессуальное нарушение[9], З. Ф. Коврига анализирует уголовно-процессуальную ответственность в двух аспектах – позитивном и негативном – как целостное правовое образование, включающее в себя: 1) предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством требования (обязанности) к участникам судопроизводства; 2) осознание требований (внутреннее отношение субъекта к правам и обязанностям), активную деятельность (бездеятельность) и предвидение результатов; 3) оценку поведения субъекта и меры воздействия – поощрение за определенную заслугу или санкции за правонарушения[10].

Возражая И. Л. Петрухину, считавшему, что «введение позитивной ответственности за предстоящее поведение означало бы серьезное нарушение законности»[11], З. Ф. Коврига настаивала на том, что безотносительно от «введения» позитивная ответственность проявляет себя в практической деятельности участников процесса, в реализации ими своих прав и обязанностей, существует в самой структуре их поведения, тем самым «работает» на режим законности в судопроизводстве и ее укрепление. Вне поведения, в частности вне процессуальной деятельности, нет не только позитивной ответственности, но и ее негативного аспекта, существование которого не ставится под сомнение[12].

Таким образом, для позитивной ответственности характерна положительная оценка со стороны государства поведения лица как правомерного, как одобре-

---

[6] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984.

[7] См.: *Мотовиловкер Я. О*. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971. С. 89–91 ; *Чечина Н. А., Элькинд П. С*. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Сов. государство и право. 1973. № 9. С. 33–34 ; *Корнуков В. М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 11–19 ; *Алексеева Л. Б.* Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования // Строгович М. С., Алексеева Л. Б, Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 170.

[8] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. С. 117.

[9] См.: *Элькинд П. С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 96 ; *Корнуков В. М*. Указ. соч. С. 11 ; *Капустянский В. Г.* Об уголовно-процессуальной ответственности // Правоведение. 1982. № 6. С. 101.

[10] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. С. 59.

[11] *Петрухин И. Л*. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 62.

[12] См.: *Коврига З. Ф*. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Там же. 1987. № 5. С. 62.

ние такого поведения. Негативная форма ответственности, напротив, основана на отрицательной государственной оценке неправомерного поведения, осуждении правонарушения.

Эти идеи З. Ф. Ковриги находят поддержку у других процессуалистов[13]. Есть авторы, которые связали вопросы уголовно-процессуальной ответственности с вопросами правового статуса личности в уголовном судопроизводстве, в результате чего предложили включить уголовно-процессуальную ответственность отдельным компонентом в правовой статус личности, так как она ставит личность в определенное положение по отношению к государству, обществу, другим гражданам, заставляет воздержаться от совершения определенных действий (позитивная) или отвечать за их совершение (негативная)[14]. Большая заслуга в этом принадлежит З. Ф. Ковриге.

Несомненный интерес представляет изданное коллективом кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета под редакцией З. Ф. Ковриги и Н. П. Кузнецова учебное пособие «Уголовный процесс России», в котором Зоя Филипповна подготовила разделы, посвященные уголовно-процессуальному законодательству, органу дознания и производству дознания, уголовно-процессуальному принуждению, общим условиям предварительного расследования, кассационному порядку рассмотрения уголовного дела, стадии исполнения приговора. Знакомясь с содержанием этих разделов, привлекло внимание ее авторское ви́дение некоторых проблем уголовного процесса. Например, отмечая важную роль в регулировании уголовно-процессуальных отношений постановлений Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам и его Пленума, она подчеркивает, что они «…чаще всего являются прецедентами толкования правовых норм, судьи используют их в судебной практике как эталон при вынесении судебного решения». В связи с этим она высказывается за предоставление судам «… права ссылаться в своих решениях на постановления Верховного Суда по конкретным делам именно как на прецедент в области толкования применяемой правовой нормы наряду с правовой нормой и после ссылки на нее»[15].

Рассматривая сущность кассационного производства, З. Ф. Коврига высказывает мнение, с которым мы полностью согласны, о том, что кассация является «… формой надзора за судебной деятельностью судов первой и апелляционной инстанций, устраняет допущенные ими ошибки и нарушения закона, укрепляет правопорядок и содействует повышению качества их работы. Рассматривая в кассационном порядке дела, решенные судом первой или апелляционной инстанции, кассация охраняет права и законные интересы сторон, стоит на страже личных и общественных интересов, отменяя и изменяя незаконные и несправедливые решения»[16].

В 2005 г. воронежскими коллегами было издано учебное пособие – практикум для подготовки студентов к семинарским занятиям, экзаменам и написания

---

[13] См.: *Ветрова Г. Н*. О сущности уголовно-процессуальной ответственности // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, прокуратуре и адвокатуре в СССР. С. 158–159 ; *Ее же*. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987.

[14] См.: *Чеботарева И. Н*. Обвиняемый в стадии предварительного расследования современного российского уголовного процесса : статус, гарантии прав и законных интересов. Курск, 2005. С. 24.

[15] Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. С. 29–30.

[16] Там же. С. 367.

курсовых и дипломных работ по уголовному процессу, в котором в доступной, лаконичной форме доведена до студентов необходимая информация по данной дисциплине. И преподаватели, и студенты, широко его используя, оценили методическое, прикладное и методологическое значение этого пособия.

Что касается проблемы охраны прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, то она, как уже отмечалось выше, постоянно была в центре внимания З. Ф. Ковриги, особенно в связи с принятием УПК РФ. Многочисленные и непрекращающиеся реформы в сфере уголовного процесса, часто вносящие не порядок, ясность и четкость в правовое регулирование правоприменительной деятельности, а сумятицу, противоречивость, недосказанность, очень раздражали ученого: она не переставала критиковать непродуманные новации, вместе с тем предлагая свои пути решения острых проблем.

Так, в статье «Проблемы ограничения прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства» З. Ф. Коврига, признавая объективную необходимость дифференциации уголовного процесса и существования упрощенных, альтернативных, форм в уголовном судопроизводстве, критиковала современное правовое регулирование производства дознания, в первую очередь за отсутствие процедуры предъявления обвинения, что затрудняет определение правового статуса лица, привлекаемого к уголовной ответственности, не создает надлежащего режима для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, не в полной мере обеспечивает права и законные интересы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, усложняет вступление защитника в уголовное дело и в целом нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом. По ее мнению, «… упрощение порядка дознания произошло не за счет установления особой процедуры, а за счет ограничения прав личности при производстве дознания и ограничения пределов законодательного регулирования порядка дознания как вида расследования, который проходит значительное количество уголовных дел».

Не согласна была З. Ф. Коврига с исключением из системы принципов уголовного судопроизводства гласности уголовного судопроизводства, обеспечивающей воспитание уважения к закону, укрепление авторитета судебной власти и возможность поставить под контроль общественности деятельность правоохранительных органов, а также принципа равенства всех перед законом и судом. Путем введения особого производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (наряду с современным регулированием производства дознания) уголовно-процессуальное законодательство, на ее взгляд, установило неравенство прав граждан перед законом и судом. «Исключение принципа равенства всех перед законом и судом… подрывает идею законности, так как законность и неравенство граждан одного государства, претендующего называться правовым, несовместимы. Узаконенное УПК РФ, вопреки международным правовым принципам и конституционному установлению, неравенство – это наихудший вариант беззакония»[17].

Мы тесно общались с Зоей Филипповной – она приезжала к нам в Курск на конференции и круглые столы, рецензировала наши монографии и учебные пособия, консультировала аспирантов. Под ее непосредственным научным руководством

[17] *Коврига З. Ф.* Проблемы ограничения прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства // Российское правовое государство : итоги формирования и перспективы развития : в 5 ч. Ч. 5 : Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2004. С. 75–82.

защитили свои кандидатские диссертации О. В. Петрова – ныне судья Ленинского районного суда г. Курска, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, С. В. Шевелева – декан юридического факультета ЮЗГУ.

Запомнился ее последний приезд в наш университет в октябре 2010 г. на круглый стол «Современные направления реформирования досудебного производства», посвященный 15-летию нашей кафедры, в котором приняли участие работники прокуратуры, следственного комитета, органов внутренних дел, представители адвокатской палаты. Острая дискуссия разгорелась вокруг вопросов о соотношении полномочий следователя, руководителя следственного органа и прокурора, о самостоятельности следователя, об эффективности прокурорского надзора в современной ситуации. Известное многим, ставшее уже крылатым выражение Зои Филипповны – «следователь – самая трагичная фигура в уголовном процессе» – еще больше подогрело интерес присутствующих к этой проблематике. В своем выступлении она отметила фактическое отсутствие процессуальной самостоятельности следователя, ущербность его положения по сравнению с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 г., что, несомненно, сказывается на качестве предварительного расследования и привлекательности этой профессии. З. Ф. Коврига предложила наряду с формированием единого следственного органа создать при нем и оперативный аппарат, целью которого стало бы оперативно-розыскное сопровождение уголовно-процессуальной деятельности. Именно благодаря умению Зои Филипповны вовлечь в дискуссию многих юристов круглый стол прошел неформально, живо и, самое главное, помог участвующим в нем студентам совсем не по-книжному взглянуть на проблемы, обсуждавшиеся в учебных аудиториях.

В нашей памяти Зоя Филипповна навсегда останется активным, жизнеутверждающим, принципиальным, совестливым, честным, порядочным человеком и разносторонним, масштабным ученым с острым и критичным взглядом на самые актуальные проблемы.

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Рябинина Т. К., *кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, заслуженный юрист Российской Федерации*

Yugo-Zapad State University (Kursk)

Ryabinina T. K., *Candidate of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Criminalistics Department, Honoured Lawer of Russian Federation*
E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ З. Ф. КОВРИГИ

Монографии

1. Дознание в органах милиции / под ред. В. Е. Чугунова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1964. – 59 с.

2. Изучение и предупреждение преступности. Вып. 3 / Г. Ф. Горский [и др.] ; отв. ред. В. Е. Чугунов. – Воронеж, 1966. – 124 с.

3. Изучение и предупреждение преступности (г. Елец Липецкой области). Вып. 7 / Г. Ф. Горский [и др.] ; отв. ред. В. Е. Чугунов. – Липецк, 1966. – 113 с.

4. Народный суд / З. Ф. Коврига [и др.] ; под ред. Л. Д. Кокорева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970. – 260 с.

5. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1975. – 175 с.

6. Уголовно-процессуальная ответственность / под ред. Л. Д. Кокорева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 191 с.

Учебники, учебные пособия

7. Уголовный процесс РСФСР / Т. В. Альшевский [и др.] ; под общ. ред. Л. Д. Кокорева, В. Е. Чугунова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1968. – 392 с.

8. Учебно-методические указания для изучения отдельных тем курса «Советский уголовный процесс» : для студентов всех форм обучения. Тема: «Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность» / сост. З. Ф. Коврига. – Воронеж, 1989. – 22 с.

9. Деловая игра по курсу «Советский уголовный процесс» / сост. З. Ф. Коврига [и др.]. – Воронеж, 1990. – 22 с.

10. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие / Л. Д. Кокорев [и др.] ; науч. ред. Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. – 191 с.

11. Задания и методические указания для выполнения контрольных работ по курсу «Советский уголовный процесс» студентами 4-го курса з/о / сост. З. Ф. Коврига. – Воронеж, 1989. – 8 с.

12. Методические указания по выполнению контрольных и курсовых работ по курсу «Уголовный процесс России» / сост. З. Ф. Коврига, Н. К. Панько. – Воронеж : ЛОП ИПЦ ВГУ, 2008. – 16 с.

13. Руководство по расследованию преступлений : учеб. пособие / О. Я. Баев [и др.]. – М. : НОРМА–ИНФРА–М, 2002. – 768 с.

14. Руководство по расследованию преступлений : учеб.-практ. пособие / Т. В. Аверьянова [и др.] ; отв. ред. А. В. Гриненко. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М. : НОРМА, 2008. – 768 с. – (*Допущено МВД РФ в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России юридического профиля*).

15. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного судопроизводства / сост. З. Ф. Коврига, Н. К. Панько. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 264 с.

16. Процессуальные акты, составляемые при производстве по уголовным делам, в отношении отдельных категорий лиц : процессуальные акты судебных стадий. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 5 с.

17. Процессуальные акты, составляемые при производстве по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей : процессуальные акты судебных стадий. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 15 с.

18. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие / А. В. Астафьев [и др.] ; под ред. З. Ф. Ковриги. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 377 с. – (*Допущено УМО по юридическому. образованию РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция»*).

19. Уголовно-процессуальные акты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства : процессуальные акты судебных стадий. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 6 с.

Научные статьи

20. Некоторые вопросы дознания по делам, по которым обязательно проведение предварительного следствия / З. Ф. Коврига // Первая научная сессия ВГУ. – 1962. – С. 176–177.

21. Повышение роли органов дознания в предупреждении преступлений / З. Ф. Коврига // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. – Харьков, 1962. – С. 52–53.

22. Надзор прокурора за соблюдением законности в органах милиции при проведении расследования / З. Ф. Коврига // Социалистическая законность и охрана прав граждан. – Воронеж, 1963. – С. 72–74.

23. Роль представлений органов милиции в предупреждении преступлений / З. Ф. Коврига // Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1966. – Вып. 2. – С. 167–177.

24. [Рецензия] / В. Б. Алексеев, В. П. Божьев, Г. Ф. Горский, З. Ф. Коврига, Л. Д. Кокорев, В. Е. Чугунов // Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 118-122. – (Рец. на кн.: Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду / В. З. Лукашевич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. – 145 с.).

25. Недостатки в практике внесения представлений органами охраны общественного порядка (по материалам Коминтерновского района г. Воронежа) / З. Ф. Коврига // Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 8. – С. 264–274.

26. Законность и обоснованность применения мер пресечения / З. Ф. Коврига, Г. Д. Побегайло // Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 9. – С. 436–446.

27. Процессуальная форма принуждения в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 97–105.

28. Совершенствование института мер пресечения и перспективы его развития / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1980. – 16 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 26.06.80, № 5635).

29. Проблема взаимосвязи законности и ответственности в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР и адвокатуре в СССР. – Воронеж, 1981. – С. 130–133.

30. Основные признаки уголовно-процессуальной ответственности / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1983. – 23 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 20.06.83, № 13283).

31. Социальная сущность уголовно-процессуальной ответственности / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1983. – 13 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 20.06.83, № 13284).

32. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига ; под ред. Л. Д. Кокорева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 159 с.

33. Классификация уголовно-процессуальных санкций / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1985. – 9 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР № 22535).

34. Сущность уголовно-процессуальных санкций / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1985. – 14 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 18.09.85, № 22534).

35. Генезис правовой природы оснований уголовно-процессуального принуждения / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 16 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 07.05.87, № 29348).

36. Системный подход к исследованию уголовно-процессуальной ответственности / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 12 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 07.05.87, № 29349).

37. Соотношение моральной и правовой ответственности в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства. – Воронеж, 1987. – С. 69–76.

38. Нормативные конструкции уголовно-процессуальной ответственности / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1989. – 14 с. – (Деп. в ИНИОН АН СССР 12.10.89, № 39729).

39. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности / З. Ф. Коврига // Уголовная ответственность : проблемы содержания, установления, реализации. – Воронеж, 1989. – С. 104–112.

40. Правовое средство повышения применения уголовно-процессуальных норм / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1989. – 15 с.

41. Нравственно-правовая ответственность судьи за нарушение закона при отправлении правосудия / З. Ф. Коврига // Юридические записки. – Воронеж, 1994. – Вып. 1 : Проблемы судебной реформы. – С. 42–50.

42. Генезис и правовые последствия судебной и следственной ошибки / З. Ф. Коврига // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 1995. – Вып. 1. – С. 91–107.

43. Идеи, на которых мы воспитывались / З. Ф. Коврига // Юридические записки. – Воронеж, 1995. – Вып. 2 : Жизнь в науке : к 100-летию М. С. Строговича. – С. 37–38.

44. Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство об охране прав личности / З. Ф. Коврига, К. А. Панько // Юридические записки. – Воронеж, 1995. – Вып. 3 : Проблемы государственной власти. – С. 65–74.

45. Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство об охране прав личности / З. Ф. Коврига, К. А Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 1995. – Вып. 2 : Конституция Российской Федерации 1993 года и развитие отраслевого законодательства. – С. 65–73.

46. Групповая преступность : вопросы квалификации и правоприменения / З. Ф. Коврига, К. А. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 1996. – Вып. 6 : Юридический процесс : реформа процедур управления, законодательной деятельности и судебной власти. – С. 59–69.

47. Политические и правовые коллизии, конфликты, фикции / З. Ф. Коврига, К. К. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 1996. – Вып. 4 : Право и политика : современные проблемы соотношения и развития. – С. 49–64.

48. Ответственность, безответственность или правовой долг // Служенье Истине : научное наследие Л. Д. Кокорева. – Воронеж, 1997. – С. 148–158.

49. Судебная деятельность и судебная практика, соотношение / З. Ф. Коврига // Юридические записки. – Воронеж, 1999. – Вып. 8 : Российское уголовное законодательство : проблемы теории и практики. – С. 124–139.

50. Уголовный процесс : проблемы развития / З. Ф. Коврига // Российское государство и правовая система. – Воронеж, 1999. – § 42. – С. 680–691.

51. Особенности компенсации морального вреда в уголовном деле / З. Ф. Коврига, К. А. Панько // Борьба с преступностью. – Воронеж, 2002. – С. 43–52.

52. Предисловие / З. Ф. Коврига // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : в 2 кн. – Воронеж, 2002. – Кн. 1. – С. 3–14.

53. Процессуальные проблемы уголовного преследования и защиты / З. Ф. Коврига // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж, 2002. – Вып. 13 : Правовая конфликтология : теоретические проблемы междисциплинарного юридического исследования. – С. 44–53.

54. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : вопросы теории и правоприменительной практики / З. Ф. Коврига // Юридические записки. – Воронеж, 2003. – Вып. 16 : Конституция Российской Федерации 1993 года информирование «новых» отраслей и институтов российского права. – С. 97–111.

55. Проблемы ограничения прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства / З. Ф. Коврига // Российское правовое государство : в 5 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 5 : Уго-

ловное право, уголовный процесс и криминалистика. – С. 75–82. – Режим доступа: http://www.lib.vsu.ru/elib/texts/291437.pdf

56. Потерпевший от преступления – юридическое лицо / З. Ф. Коврига // Проблемы теории и практики уголовного процесса. – Воронеж, 2006. – С. 471–478.

57. Проблемы совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига, Н. К. Панько // Современные проблемы публичного права (Россия – Литва). – Воронеж, 2007. – С. 158–170.

58. Baudziamosios teisenos reglamentavimo tobulinimo problemos / З. Ф. Коврига, Н. К. Панько // Современные проблемы публичного права (Россия – Литва). – Воронеж, 2007. – С. 341–352.

59. Защита имущественных интересов и деловой репутации потерпевшего-юридического лица в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства : в 2 ч. – Курск, 2009. – Ч. 2. – С. 100–110.

60. Способы защиты деловой репутации и имущественных интересов юридического лица в российском праве / З. Ф. Коврига // Правовые реформы в современной России : в 5 ч. – Воронеж, 2009. – Ч. 5 : Уголовное право. Уголовный процесс и криминалистика. – С. 80–92. – (Юбилеи. Конференции. Форумы. Вып. 5).

61. Защита имущественных интересов и деловой репутации потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Актуальные проблемы судопроизводства России. – Курск, 2010. – С. 42–55.

62. Правовая природа соглашения о сотрудничестве / З. Ф. Коврига // Досудебное соглашение о сотрудничестве. – Воронеж, 2010. – С. 151-158. – (Юбилеи. Конференции. Форумы. Вып. 6).

63. Системно-структурный подход к исследованию позитивной ответственности : на примере уголовного судопроизводства / З. Ф. Коврига, Н. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. – 2010. – Вып. 1. – С. 506–515.

64. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних / З. Ф. Коврига // Проблемы охраны и защиты прав несовершеннолетних. – Курск, 2011. – С. 92–94.

Авторефераты диссертаций,
выполненные под научным руководством З. Ф. Ковриги

65. *Григоренко И. И*. Механизм реализации уголовного преследования в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. И. Григоренко. – Воронеж, 2006. – 24 с.

66. *Малахова Л. И*. Уголовно-процессуальная деятельность : общие положения : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Л. И. Малахова. – Воронеж, 2002. – 24 с.

67. *Миронов В. Д*. Полномочия прокурора и их реализация при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Д. Миронов. – Воронеж, 2008. – 24 с.

68. *Новикова Е. А*. Полномочия следователя по доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Новикова. – Воронеж, 2009. – 24 с.

69. *Петрова О. В*. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. В. Петрова. – Воронеж, 2000. – 23 с.

70. *Прокудин А. Ф*. Примирение сторон в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ф. Прокудин. – Воронеж, 2006. – 24 с.

71. *Рябцева Е. В.* Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Рябцева. – Воронеж, 2005. – 24 с.

72. *Чурилов Ю. Ю*. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Авторефераты диссертаций З. Ф. Ковриги

73. Дознание, проводимое органами милиции, в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Ф. Коврига. – Воронеж, 1964. – 17 с.

74. Правовые и теоретические основы уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / З. Ф. Коврига. – Киев, 1987. – 39 с.

Редакторская работа З. Ф. Ковриги

75. *Батищев В. И*. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами / В. И. Батищев ; науч. ред. З. Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. – 140 с.

76. *Малахова Л. И*. Уголовно-процессуальная деятельность : понятие, предмет и структура / Л. И. Малахова ; науч. ред. З. Ф. Коврига. – Воронеж : Истоки, 2003. – 134 с.

77. Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 452 с.

78. Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 325 с.

79. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие / А. В. Астафьев [и др.] ; под ред. З. Ф. Ковриги. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 377 с. – (*Допущено УМО по юрид. образованию РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция»*).

З. Ф. Коврига

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. *Содержание и форма уголовно-процессуальной ответственности*
§ 1. Методологический подход к исследованию уголовно-процессуальной ответственности
§ 2. Понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности
§ 3. Основания уголовно-процессуальной ответственности
§ 4. Форма реализации уголовно-процессуальной ответственности

Глава 2. *Социальное назначение уголовно-процессуальной ответственности*
§ 1. Функциональная характеристика уголовно-процессуальной ответственности
§ 2. Процессуальная ответственность в системе гарантий социалистической законности
§ 3. Процессуальная ответственность как необходимое условие эффективности применения уголовно-процессуальных норм
§ 4. Роль ответственности в обеспечении прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве

Ссылки и примечания

Глава 1
СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Методологический подход к исследованию уголовно-процессуальной ответственности

Марксистско-ленинская философия в содержании социальной ответственности личности различает объективные и субъективные стороны: 1) требования общества, предъявляемые к личности в зависимости от ее места в системе общественных отношений; 2) эмоциональное переживание и осмысление характера общественных требований и последствий своего собственного поведения; 3) практическую реализацию общественных требований в деятельности; 4) оценку деятельности личности с точки зрения ее соответствия интересам социалистического общества[1].

Таким образом, социальная ответственность в общем виде рассматривается как одно из проявлений связи и взаимозависимости личности и общества и как отношение, выражающееся в мере соответствия субъективной активности (использование прав и выполнение обязанностей) характеру общественных требований и оценке этой активности со стороны общества. В этой интерпретации социальная ответственность может выступать на уровне чувства (чувство ответственности), сознания (сознания ответственности), реального поведения (социально ответственное поведение), общественного отношения (социально ответственное отношение)[2]. Это отношение существует между субъектом ответственности – «кто отвечает» и инстанцией, перед которой отвечают. Субъектом ответственности (как и ее инстанцией) могут быть отдельная личность и любая социальная общность, облада-

* Первая публикация данной работы: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальная ответственность. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 192 с.

ющая единством деятельности и организации. Данное отношение включает в себя также объект ответственности – «за что отвечает».

По своей структуре ответственность образуется из нескольких компонентов: свободы воли, осознания долга, социальных мер воздействия на личность в ответ на ее социально значимые поступки. Исходным моментом социальной ответственности является взаимодействие между поступком и его общественным резонансом. Это взаимодействие становится элементом сознания субъекта и обеспечивает понимание совершаемых действий и их последствий как социальной необходимости для общества и самого себя. Оно приобретает функцию ориентира в последующем поведении, осуществляемом с помощью усилий свободной воли. Осознание ответственности выступает необходимым средством управления поведением личности, впитавшей в себя знание того, что общественно целесообразно, что санкционируется обществом.

Как видно из изложенного выше, философская наука различает в социальной ответственности две стороны: объективную (внешнюю), которая проявляется как соответствие субъективной активности личности требованиям объективной ситуации, и субъективную (внутреннюю), которая проявляется как чувство ответственности и ее осознание. Эта взаимосвязь внутреннего и внешнего (объективного и субъективного) может быть гармоничной и противоречивой. Чем гармоничнее субъективное и объективное, тем больше поведение субъекта соответствует необходимым образцам.

Внутренняя сторона ответственности, будучи чертой характера личности, включает в себя эмоциональный фактор и выражается в таких состояниях, как беспокойство, озабоченность, тревога, старание. Однако как бы ни было глубоко чувство ответственности, оно не может стать надежным ориентиром, если личность не обладает сознанием ответственности, которое играет ведущую роль и включает в себя: а) осознание требований общества; б) осознание тех или иных действий для реализации этих требований; в) предвидение результатов своих действий, их значение для общества. Чувство ответственности в сочетании с ее осознанием образуют внутреннее качество личности, которое через механизм воли находит свое выражение в ответственном отношении человека к своим обязанностям, к требованиям общества и государства.

В связи с этим марксистско-ленинская философская наука определяет сущность социальной ответственности личности как волевое отношение индивида к господствующим в обществе ценностям, выражающееся в конкретно-определенной деятельности и соответствующим образом оцениваемое обществом и государством[3]. Как социальное явление ответственность возникает потому, что человек – существо общественное и «всякое проявление его жизни, даже если оно не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявлениями жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни….»[4]. Ответственность вытекает из взаимных отношений людей, из необходимости регламентации отношений, складывающихся в процессе производственной деятельности и взаимного обмена деятельностью[5].

Возникая на основе материальных общественных отношений, ответственность является стороной, моментом всех общественных связей и отношений – политических, правовых, моральных и др. Она выступает в качестве объективного явления общественной жизни, социальное назначение которого – регулировать отношения людей. Социальная ответственность как форма взаимодействия, как отношение личности и общества выражается в осуществлении ими взаимных требований, содержание которых в конечном счете определено объективной необходимостью[6].

Социальная ответственность расширяет рамки социалистического демократизма, ибо демократия – это организованность, которая немыслима без признания и соблюдения общественных требований. В.И. Ленин, раскрывая неразрывную связь демократии и ответственности, писал: «…мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны – дискуссии, митингования, с другой стороны – установление строжайшей ответственности за исполнительские функции… »[7]. Курс на всемерное развер-

тывание социалистической демократии и повышение социальной ответственности вновь подтвердили XXV съезд КПСС, октябрьский (1977 г.) Пленум ЦК КПСС и XXVI съезд КПСС. На необходимость усиления ответственности за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов указал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 года[8]. Возрастание ответственности в условиях развитого социализма сопровождается качественными изменениями в ее содержании.

Эти особенности содержания ответственности в общих чертах сводятся к следующему:

во-первых, сближение интересов различных классов и социальных групп обусловливает изменение классовой природы социальной ответственности. Ответственность приобретает общенародный характер, но, будучи общенародной по существу, все еще сохраняет классовую направленность и выступает как ответственность, выражающая прежде всего интересы и идеалы рабочего класса;

во-вторых, равные права, гарантированные социалистической демократией, определяют объективное равенство всех членов общества в системе социально-ответственной зависимости. Каждая личность входит в общество через целую систему коллективов, общностей и с каждым звеном этой системы у личности создаются конкретные, определенные спецификой этого звена отношения ответственности. Социальные функции личности определяют различную меру ответственности. И когда речь идет об одинаковой мере ответственности советских людей перед обществом и государством, имеется в виду не индивидуальное проявление, а существо социальной ответственности и тенденции ее развития;

в-третьих, ответственность личности выступает не просто как ответственность за свою собственную деятельность, но и как ответственность за судьбу всего общества. Единство коренных общественных и личных интересов предопределяет взаимообусловленность и взаимную заинтересованность общества и личности в результатах социального развития, а следовательно, устойчивую связь и взаимозависимость между соответствующими формами ответственности. Характерно, что уже в первые годы Советской власти В.И. Ленин ставил вопрос об «ответственности каждого наркома и каждого отдельного учреждения», за порученное им дело[9]. Только посредством ответственной деятельности по реализации интересов всего социалистического общества можно, в конечном счете, осуществить и личные интересы;

в-четвертых, четкое определение круга обязанностей, наделение соответствующими правами субъектов социальных процессов, а также создание благоприятных условий для выполнения обязанностей и использования прав является той реальной базой, на которой может возникнуть и функционировать социальная ответственность. В.И. Ленин неоднократно обращал внимание на важность установления «…самой точной *ответственности* ***каждого*** из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических работ*»[10];

в-пятых, ответственность носит двусторонний характер: не только личность ответственна перед обществом и за общество, но и общество берет на себя ответственность за каждого своего члена. Ответственность общества заключается в том, что оно принимает на себя обязанности по обеспечению оптимальных условий для жизни и всестороннего развития личности и оставляет за собой право контроля и регулирования действий личности в соответствии с интересами общества.

Тезис о взаимной ответственности общества и личности нашел свое отражение в целом ряде документов КПСС последних лет. Так, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывается, что совершенствование социалистической демократии рассматривается партией как необходимое условие «…все более широкого участия трудящихся в управлении всеми делами общества, как дальнейшее развитие демократических основ нашей государственности, как создание условий для всестороннего расцвета личности»[11]. Одновременно здесь же подчеркивается, что только «ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, к интересам народа создает единственно надежную базу для наиболее полного воплощения принципов социалистического демократизма, подлинной свободы личности»[12].

Таким образом, необходимость социальной ответственности обусловлена тем, что человек и его свобода имеют общественную природу, все, что делает человек, значимо не только для него, но и для многих других. Реальные связи человека с миром носят сложный и противоречивый характер, а функцию их регуляции выполняет социальная ответственность. Свобода и ответственность взаимосвязаны. Человек несет ответственность лишь тогда, когда он обладает свободой выбора поступков, может предвидеть их последствия, и только за то, что находится в сфере его прямого или косвенного влияния. Вместе тем социальные свободы, как бы широко они ни были развиты, не могут автоматически обеспечить формирование ответственности. Они создают лишь социальную базу ответственного поведения[13]. Следовательно, чтобы обеспечить ответственное поведение личности, демократия и свободы должны дополняться организационными мероприятиями, важнейшим из которых является нормативное регулирование поведения людей. При помощи системы социальных норм общество осуществляет веление (поступать так или иначе), запрет (не поступать вопреки социальным требованиям), санкцию за проступок.

Марксистско-ленинская теория классифицирует социальную ответственность по видам социальных ролей, которых в практической деятельности личности много и каждой соответствует форма ответственности – политическая, гражданская, партийная, производственная, профессиональная, семейная и т.д. Каждый индивид одновременно принадлежит множеству различных групп (производственному, социально-политическому, бытовому), поэтому является субъектом различных видов ответственности. По способам регулирования и обеспечения социальная ответственность бывает правовой или моральной. И наконец, ответственность можно рассматривать во временном плане: за прошлое, за действие уже совершенное – ретроспективная сторона, за действие предстоящее – перспективная сторона. Ретроспективная ответственность несет обычно негативное содержание – наказание за действие, которое имело социально вредные последствия. Перспективная же ответственность, исходящая из продуманности действий, имеет позитивный характер и является наиболее желательной формой ответственности при социализме.

Каждый из видов ответственности содержит структурные подразделения. Например, разновидностями политической ответственности является государственная, классовая, партийная, комсомольская, профсоюзная, национальная и интернациональная ответственность. Правовую ответственность можно дробить на виды в рамках отдельных отраслей права. Вместе с тем, взятая как специфическая человеческая деятельность, ответственность, в какой бы форме она ни проявлялась – экономической, политической, правовой, нравственной, всегда носит общественный, социальный характер. Социальная ответственность выступает как основа всех видов ответственности. Она вбирает в себя те общие, социально значимые стороны и черты, которые свойственны отдельным ее видам.

Эти основные положения марксистско-ленинской философии о социальной ответственности, ее сущности, возрастающей роли в условиях развитого социалистического общества создают методологические предпосылки для исследования ее во всех сферах жизни социалистического общества, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. При этом наиболее содержательным представляется положение, что в условиях коммунистического строительства решающее значение имеет не ретроспективная, а позитивная, положительная ответственность[14], не обязанность претерпевать лишения за причиненный вред, а обязанность осуществления предусмотренной нормами права полезной для общества деятельности. Трудно отказать в практической значимости позитивной ответственности, соответствующей такой положительной деятельности, которая преобразует общественные отношения, самого человека, отражает новые моменты в жизни права, в практике правового строительства. Что же касается представления о том, что позитивная ответственность формируется в зависимости от принятых лицом моральных критериев[15], и, будучи оторванной от правонарушения, переходит в область нравственно-этическую, то оно ошибочно. Иными словами, вопрос можно поставить так: можно ли правовую, в частности уголовно-процессуальную, ответственность в позитивной форме идентифицировать с моральной ответственностью? Представляется, что ответ на этот

вопрос содержится в изучении механизма уголовно-процессуального действия (бездействия) и морального поступка.

Поступок, согласованный с чувством и сознанием нравственной ответственности личности, так же, как и предписанное законом действие, предполагает: а) определенный мотив, цель; б) чувственный момент – желание действовать во имя достижения намеченной цели; в) рациональный момент – сознательный подход к своему поступку (действию), предвидение его последствий; г) выбор и принятие решений. Это общие элементы морального поступка и положительного процессуального поведения субъекта. Внутреннее устройство указанных явлений этим не исчерпывается и предполагает: а) деятельность по реализации; б) оценку содеянного его последствий. По этим элементам моральный поступок значительно отличается от уголовно-процессуального действия (бездействия).

Деятельность по реализации морального поступка происходит в рамках нравственных норм социалистического образа жизни, и внутреннюю самооценку содеянного и его последствий человек дает с точки зрения общественных моральных требований. Деятельность субъекта в уголовном судопроизводстве согласуется с требованиями не только нравственных начал, но прежде всего уголовно-процессуального закона, и оценка его поведения происходит с точки зрения требований и предписаний уголовно-процессуального законодательства. Против их отождествления свидетельствует и тот факт, что и моральная, и уголовно-процессуальная ответственность – самостоятельные виды социальной ответственности; каждый из них имеет временную форму проявления: за действие, уже совершенное, и моральная и процессуальная ответственность несут негативную, за действия предстоящие – позитивную оценку.

Диалектическое соотношение этих, как и других видов ответственности, раскрывается в их взаимопроникновении. При этом моральная ответственность носит более универсальный характер, связана с любой человеческой деятельностью, проникает во все ее сферы, включая и уголовно-процессуальную. Правовая, в том числе и процессуальная ответственность, подкрепленная моральными соображениями, получает большую эффективность и стабильность. Вместе с тем они, сближаясь и дополняя друг друга, не поглощаются взаимно и не отождествляются.

И наконец, совершенно несостоятельно утверждение противников позитивной ответственности о том, что она не предусмотрена никакими правовыми нормами. Это утверждение опровергает Преамбула Конституции СССР, в которой указывается, что политическая система развитого социалистического общества «обеспечивает сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностью и ответственностью перед обществом». В ст. 3 Конституции говорится об ответственности каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело, а согласно ст. 152 УПК РСФСР судьи и народные заседатели несут ответственность перед теми, кто их избрал, за правильное выполнение своих обязанностей; согласно ст. 127 УПК РСФСР следователь несет полную ответственность за законное и своевременное проведение следственных действий. Перечень нормативных актов, предусматривающих ответственность прежде всего в позитивном значении, можно было бы продолжить, однако ошибочность утверждения, что позитивная ответственность не имеет нормативного регулирования, и без того ясна.

Все изложенное является рабочей гипотезой для определения понятий уголовно-процессуальной ответственности и уголовно-процессуальной санкции, раскрытия их содержания и соотношения, а также для выявления пределов процессуальной ответственности и ее функционального назначения.

Ответственность, предусмотренная нормами советского уголовно-процессуального права, является прежде всего юридической и поэтому ей присущи общие признаки, характеризующие ее как правовую. Наряду с этим она имеет ряд особенностей, отличающих ее от административной, гражданско-правовой, уголовной и других видов ответственности. Выявление и анализ видовых специфических признаков уголовно-процессуальной ответственности могут быть успешными, если будут базироваться на общих признаках юридической ответственности, ее понятии.

В юридической литературе нет единства мнений в определении понятия ответственности, соотношения различных ее видов в системе советского права, соотношения правовых санкций и юридической ответственности. Анализ высказанных точек зрения позволяет свести их к одной из следующих концепций.

Некоторые авторы понимают под юридической ответственностью применение и реализацию правовых санкций, нередко рассматривая при этом саму юридическую ответственность в качестве формы, а санкцию правовой нормы – в качестве содержания этой формы[16]; другие рассматривают ее как обязанность лица подлежать действию соответствующих правовых норм за совершенное противоправное деяние[17]. Третья группа авторов подразумевает под юридической ответственностью меру государственного принуждения, основанную на правовом и моральном осуждении поведения правонарушителя и заключающуюся в установлении для него определенных последствий в форме ограничения личного или имущественного порядка[18]. По мнению С.Н. Братуся, юридическая ответственность характеризуется не только как применение принудительных мер за нарушение правовой обязанности, но и как само исполнение юридической обязанности под воздействием государственного принуждения[19].

Правильно отмечая сходство понятий «юридическая ответственность» и «реализация санкций», ученые акцентировали внимание прежде всего на решении вопроса о том, все ли санкции включают в себя юридическую ответственность, какие последствия нарушения правовой нормы следует считать неблагоприятными, является ли ответственностью принуждение к исполнению уже существующих обязанностей.

Практическая значимость поставленных вопросов несомненна, но недостаток этой концепции заключается прежде всего, если не в отождествлении санкций и юридической ответственности, этих тесно связанных между собой, но двух самостоятельных понятий, то в отсутствии четкого их различия, в подмене вопроса о сущности правовой ответственности вопросом о последствиях нарушения правовой нормы, установленной законодателем (иными словами, вопросом – в чем состоит санкция правовой нормы, и любая ли мера принуждения или неблагоприятное последствие несоблюдения правовой нормы является санкцией?).

Чтобы уяснить сущность правовой ответственности, действительно, следует разобраться в вопросе, что же такое санкция правовой нормы? Ряд авторов определяют ее как указание на меру принуждения, которая должна быть применена судом или уполномоченным на то органом к нарушителю нормативного акта[20]. По мнению других, санкция – неблагоприятные последствия несоблюдения, нарушения правовой нормы[21].

Определение санкции правовой нормы (безотносительно к отрасли права) как меры принуждения в правовой литературе подвергалось критике по тем основаниям, что государственное принуждение, является специфическим для правовых норм, не единственное средство обеспечения соблюдения этих норм в нашем обществе. Большинство советских граждан добровольно выполняют предписания правовых норм, будучи убежденными в их разумности и целесообразности исполнения. Более того, последствия, установленные законодателем для правонарушителя, не всегда являются мерами государственного принуждения. Содержание санкций подтверждает данное положение. В одних случаях – это может быть наказание (т.е. мера принуждения), а в других – неблагоприятные последствия несоблюдения нормы (например, обязанность возместить причиненный ущерб), в третьих случаях – это могут быть меры общественного воздействия (ст. 94 УПК РСФСР) и так далее. Соблюдение этих обязанностей охраняется государственным принуждением, но они могут выполняться и добровольно. Определение санкции правовой нормы как меры принуждения влечет за собой неоправданное расширение сферы применения государственного принуждения, что искажает характер способов обеспечения соблюдения правовых норм в нашем обществе. Это ярко видно применительно к гражданскому праву, особенностью ряда норм которого является возможностью добровольного устранения последствий правонарушения. В связи с этим санкция определялась как принудительные меры, применяемые государством в случае нарушения норм права, и сводились к принудительному обращению

взыскания на имущество лица либо на его личность (лишение свободы и так далее). Все другие последствия нарушения правовых норм в понятие санкции не включались.

Подвергая критике данное суждение, О. Э. Лейст правильно заметил, что, встав на такую точку зрения, санкцией следует считать не штраф, а принудительное взыскание штрафа, исправительные работы пришлось бы трактовать как удержание бухгалтерией учреждения или предприятия определенной части зарплаты осужденного и т.п.[22] Кроме того, многие взыскания, наказания, применяемые государством, не вошли бы в понятие санкции, так как при их осуществлении не применяется непосредственное физическое принуждение. К таким мерам, в частности, относятся почти все дисциплинарные взыскания (выговор, строгий выговор и так далее), восстановительные санкции в уголовном судопроизводстве, многие уголовно-правовые наказания и т.д. Таким образом, в своем определении М. М. Агарков сузил понятие санкции, определив ее как меру непосредственного принуждения, в то время как «любая санкция представляет собой указание на меру принуждения, осуществляемую в случае правонарушения органами государства»[23].

По мнению О. Э. Лейста, санкциями являются и правовые последствия, установленные законодателем на случай правонарушения, которые не являются мерами государственного принуждения. Это так называемые санкции восстановительного характера, например обязанность возместить причиненный ущерб. Последняя может быть осуществлена добровольно, без вмешательства государственных органов. Но и в этих случаях, как полагает О. Э. Лейст, нельзя говорить об отсутствии государственного принуждения, поскольку обязанность возместить имущественный ущерб принудительно возлагается на нарушителя норм права, и выполнение этой обязанности обеспечивается принудительными мерами[24].

Это положение не бесспорно. Охрана выполнения норм принудительными мерами еще не означает применения в каждом случае правонарушения мер принуждения. Возложение на правонарушителя обязанности принудительно, т.е. независимо от его воли, не означает, что она всегда реализуется против воли этого субъекта. В литературе в связи с этим правильно отмечалось, что обязанность и принудительность не одно и то же, и советское право имеет обязательный, но не всегда принудительный характер[25]. Обязанность, исполняемая под принуждением, есть не что иное, как реализация санкции.

Понятие санкции, как уже отмечалось, не исчерпывается мерами принуждения. Последнее пригодно лишь для той части санкций, содержание которых сводится к мерам государственного принуждения, и неприемлемо для значительной части гражданского, трудового, колхозного и некоторых других отраслей права, где правовые последствия несоблюдения правовой нормы могут и не быть мерой государственного принуждения[26].

Определение же санкции как неблагоприятного правового последствия несоблюдения или нарушения норм права также подвергалось критике, поскольку является слишком широким и включает правовые последствия, не относящиеся к санкциям. Подача гражданином жалобы с пропуском без уважительных причин установленного законом срока на обжалование, по мнению противников указанного определения, влечет для гражданина определенные отрицательные последствия – жалоба будет оставлена без рассмотрения. Но это последствие санкцией не является[27].

Верно, что такое последствие санкцией не является, но верно и то, что здесь нет и правонарушения, неисполнения обязанности императивного характера. «Если совершение действия, – как правильно указывает Л. А. Сыроватская, – возлагается на усмотрение гражданина и не является отступлением от общественно необходимого варианта поведения, вместо предписанного социалистическим государством в качестве единственно допустимого, но неблагоприятные последствия к санкциям не относятся, ибо ее введение связано с правонарушением»[28]. Необходимо особо подчеркнуть неблагоприятный для правонарушителя характер этих правовых последствий[29].

Учитывая сказанное, на наш взгляд, санкция – это применяемая в отношении правонарушителя мера воздействия, установленная законодателем в связи с совершением конкретного правонарушения. Независимо от того, где содержится санкция – в нарушенной

правовой норме или другой, иногда относящейся даже к иной отрасли права, – она выполняет функцию охраны тех правил поведения, которые закреплены в правовой норме. Таким образом, нарушение правовой нормы не может оставаться безнаказанным. Юридическая ответственность связана не просто с санкцией, а с санкцией в действии, с ее реализацией, иными словами, санкция характеризует статическую функцию права, а юридическая ответственность – его динамику[30].

Если не учитывать этого обстоятельства, то понятия санкции и ответственности надо рассматривать как идентичные. «Если ответственность, – как правильно писал Я.М. Брайнин, – сводится лишь к принуждению, к санкции, то нет необходимости в существовании ее самостоятельного понятия»[31]. Юридическую ответственность Я.М. Брайнин определяет как основанную на нормах советского социалистического права в целях социалистического правопорядка обязанность юридического или физического лица подлежать действию соответствующих правовых норм за свое противоправное деяние при наличии условий, указанных в законе, предусматривающих эти деяния как противоправные. Это определение понятия ответственности получило наибольшее распространение в правовой литературе.

Анализ изложенных взглядов на понятие юридической ответственности позволяет сделать вывод, что, несмотря на различие в подходе к сущности юридической ответственности, в названных определениях нашли свое отражение два аспекта одного и того же общественного явления. Ответственность – это действительно обязанность правонарушителя дать ответ за содеянное, т.е. не только дать пояснение, отчет о правонарушении перед обществом и государством, но и понести все последствия, указанные в санкции, за его совершение. Этой обязанности правонарушителя соответствует право органов государства применить к нему санкции, предусмотренные правовой нормой. Поэтому нельзя отрывать обязанность отвечать от связанного с ней и корреспондирующего ей полномочия применить санкцию.

Однако это еще не дает основания определять юридическую ответственность как применение санкций. Применение санкций – одна из стадий правового регулирования, наличие которой обязательно, ибо без нее ответственность не имела бы смысла, стадия, на которой соответствующий орган государства реализует свои полномочия в отношении правонарушителя. Определяя ответственность как применение санкций, мы оставляем субъекта ответственности (правонарушителя) за пределами ответственности. А это неверно, ибо субъект отвечает перед обществом и государством, и через его правовое положение должна раскрываться категория ответственности.

По мнению противников концепции «ответственность – обязанность», ее недостатком является то, что обязанность лица существует вне зависимости от применения к нему санкций. Поэтому лицо, совершившее правонарушение, считается несущим ответственность, хотя бы санкции к нему и не применялись. В этой связи в излагаемую концепцию вносились коррективы, направленные на изменение момента возникновения ответственности. Сама же ответственность трактовалась как обязанность лица претерпеть определенные лишения; а момент ее возникновения стал связываться с моментом применения санкций[32].

Согласиться с такими дополнениями нельзя по следующим основаниям. С момента совершения правонарушения лицо ставит себя в определенное правоотношение с государством, с тем или иным его органом. Именно с этого момента у субъекта возникает обязанность дать ответ за содеянное и понести все последствия, указанные в санкции. Другое дело, что между правонарушением и привлечением к ответственности почти всегда существует разрыв во времени. И это объяснимо. Ответственность – возложение санкции не может во времени предшествовать правонарушению. Если лицо не привлекается к ответственности, – обязанность существует, но пребывает в нереализованном состоянии.

Понимание ответственности как обязанности претерпеть те лишения, которые установлены в санкции правовой нормы, логически приводит к выводу, что основанием ответственности, т.е. юридическим фактом, влекущим ее возникновение, служит издание акта о применении санкции. С таким пониманием ответственности согласиться нельзя.

Ю. Б. Мельникова совершенно правильно писала, что подобное утверждение дает основание для неверных выводов о том, что значительная часть или даже вся уголовно-процессуальная деятельность органов расследования, прокуратуры и суда не имеет материально-правового основания, и возникновение этих правоотношений зависит не только от объективного основания, каким является юридический факт совершения преступления, но и от действий соответствующих должностных лиц, т.е. в значительной степени от их усмотрения, следовательно, от субъективного фактора[33]. Приведенные доводы полностью относятся и к другим видам ответственности. Имущественная ответственность, например, может быть реализована добровольно, без вмешательства государственных органов. Если же считать ее основанием издание акта о применении санкций, то в этом случае ответственности нет.

Применение санкций является одной из стадий ответственности, которая не адекватна всему понятию юридической ответственности. Ряд авторов правильно отмечает, что юридическая ответственность в своем развитии проходит несколько стадий. Так, И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин обосновывают наличие двух стадий развития охранительного правоотношения – от объективного акта правонарушения до установления его компетентными органами или признания сторонами (первая стадия), и с момента установления объективного факта правонарушения до момента реализации санкций (вторая стадия). По их мнению, лишь вторая стадия является юридической ответственностью, а ее основанием – правонарушение[34].

По нашему мнению, обе стадии входят в юридическую ответственность, и ее основанием является правонарушение. С момента совершения правонарушения, а не позднее, возникает обязанность ответить, понести те неблагоприятные последствия, которые указаны в санкциях. С момента применения санкции начинается вторая стадия – реализация ответственности.

Авторы, связывающие понятие юридической ответственности с актом применения санкций и соответственно с претерпеванием их действия, не без основания утверждают, что до издания акта о применении санкций трудно представить, что субъект несет ответственность. До издания акта о применении санкций у сторон есть лишь обязанность – ответить за правонарушение и правомочие – применить санкцию. Но одновременно с этим (и в силу этого) у субъектов возникает ряд правомочий и обязанностей процессуального характера. Их реализация – гарантия законности и подтверждение наличия материально-правового отношения и юридической ответственности определенного вида. Поэтому до издания акта, в котором фиксируется установление соответствующего факта и условий, при которых закон допускает применение санкции, утверждение, что данный субъект несет ответственность, является преждевременным, хотя этот акт не порождает, а лишь подтверждает ответственность субъекта за конкретное правонарушение. Признание основанием юридической ответственности установление факта правонарушения влечет за собой смешение понятия юридической ответственности с понятием привлечения к ней. Все, что связано с процедурой установления факта правонарушения, порядком, условиями применения санкций не должно входить в понятие юридической ответственности.

Представители уголовно-правовой и процессуальной отрасли, четко различая уголовную ответственность и привлечение к ней, указывают на возможное отличие субъектов (преступник–субъект уголовного правоотношения, а обвиняемый – субъект уголовно-процессуального правоотношения) и различные основания (юридический факт, порождающий уголовное правоотношение – преступление; основание привлечения к уголовной ответственности – соответствующие действия компетентных органов государства и должностных лиц)[35].

Юридическая ответственность характеризуется тем, что в ней всегда выражена оценка поведения правонарушителя государством. Такая оценка связана с осуждением правонарушителя, с порицанием его. Осуждение проявляется в определенных, прямо предусмотренных в санкциях отрицательных последствиях в форме ограничений личного или имущественного характера[36].

Определение санкции, данное в предыдущем изложении, характеризует не только сущность санкции, но и сущность юридической ответственности, поскольку последняя связана с применением санкций. В литературе, однако, можно встретить мнение, будто к юридической ответственности имеют отношение не все санкции, а только влекущие неблагоприятные последствия[37].

Связь лишь части санкций, по мнению сторонников этой точки зрения, с ответственностью обусловливается тем, что ряд санкций правовосстановительного характера не имеет отношения к юридической ответственности. Обычно в качестве примера называют принудительное исполнение уже существующей обязанности, при которой нет никаких лишений и невыгодных последствий для правонарушителя, в частности, обязанность погасить задолженность в связи с неотработкой аванса, выданного в счет заработной платы; погасить задолженность, образовавшуюся в результате невозврата оставшихся денег, полученных для покрытия расходов по командировке; взыскание ущерба, причиненного хищением работника[38], и нарушение условий договора подряда о качестве[39].

Как правильно отмечает Л.А. Сыроватская, при решении вопроса о том, является ли исполнение обязанности под принуждением юридической ответственностью, не учитывается, что одно и то же правило поведения может быть и диспозицией, и санкцией. Поставщик, например, не выполнил договорного обязательства в срок, и заказчику приходится обращаться в соответствующие государственные органы с целью принудить первого к выполнению взятого обязательства. Характер обязанностей поставщика в том и другом случае различен. Одна обязанность, принятая по договору, является диспозицией, тем правилом поведения, которая возлагается договором, другая, совпадающая по содержанию с первой, после правонарушения, неисполнения стороной принятого на себя обязательства, стала уже санкцией. Поэтому исполнение обязанности под принуждением – это не что иное, как переход обязанности – диспозиции в обязанность – санкцию после совершения правонарушения, свидетельствующий о динамике правового регулирования[40].

Государство охраняет правопорядок не только путем применения к правонарушителю различных мер карательного воздействия, но и пресекая правонарушения и их последствия, восстанавливая ценности, явившиеся объектом правонарушения, возмещая причиненный ущерб и обеспечивая исполнение тех обязательств, которые должен был выполнить правонарушитель. Учитывая, что законодатель устанавливает эти меры воздействия на случай правонарушения и что их применение связано с определенными, неблагоприятными для правонарушителя последствиями, их можно отнести к санкциям. Это санкции особые, получившие в теории название правовосстановительных[41]. Они непосредственно направлены на устранение ущерба, причиненного правонарушителем, на исполнение обязательства по договору.

Правовосстановительные санкции содержат лишения, неблагоприятные последствия в меньшей, может быть, степени, чем карательные санкции. Это – принудительное исполнение обязанности, последствия которого заключаются лишь в факте принуждения. Вмешательство государственных органов, предписание совершения определенного действия вопреки воле (с этим связано государственное принуждение)[42] также влечет лишения для правонарушителя.

Таким образом, все санкции связаны с юридической ответственностью, и поскольку признак лишений, неблагоприятных последствий для правонарушителя входит в понятие санкции, то нет необходимости включать его в понятие юридической ответственности, которую в общем виде можно определить как обязанность правонарушителя ответить за совершенное им правонарушение перед обществом и государством и претерпеть действие санкций.

Изложенное свидетельствует о том, что в правовой науке основное внимание в разработке учения о юридической ответственности было уделено определению его понятия, соотношению с санкцией, месту в системе правового регулирования общественных отношений. В частности, до сих пор остро дискутируется вопрос о содержании юридической ответственности, ее видах, о характере обязанностей, входящих в ее состав. Однако в резуль-

тате дискуссий не выкристаллизовались еще прочные, общепризнанные основы теории юридической ответственности, недостаточно полно она конкретизирована в отдельных отраслях права, уже не говоря о том, что существуют такие отрасли права, в которых эти вопросы не подвергались сколько-нибудь значительному исследованию.

Споры о понятии юридической ответственности носят иногда терминологический характер, а иногда являются результатом различных методологических позиций отдельных исследователей. При этом споры ведутся в основном по поводу определенного круга традиционных вопросов, тогда как многие важные аспекты юридической ответственности либо не привлекали, либо привлекали совершенно недостаточное внимание. Последнее обстоятельство становится особенно наглядным в настоящее время, когда развитие философской, социологической и других общественных наук дает возможность глубокого подхода к изучению правовых явлений, раскрывает новые пути и методы научного исследования.

Как видно из сказанного, при всех различиях определений ответственности это понятие традиционно применялось в юридической науке для обозначения отрицательных последствий за совершенные противоправные поступки, как обязанность понести личный или имущественный ущерб вследствие неправомерного поведения, т.е. как ответственность ретроспективная, несущая в себе негативное содержание. Под влиянием философской и других общественных наук, а также в связи с последовательным развитием демократии, расширением социальной свободы личности и повышением ее ответственности перед обществом и государством, развитием политической системы, которая, как сказано в Преамбуле Конституции СССР, «обеспечивает сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом», понятие юридической ответственности расширилось. В настоящее время представители юридической науки стали подвергать исследованию не только ретроспективный, но и перспективный (с позитивным содержанием) аспекты, считая, что последний соотносится не только с противоправным, но и с правомерным поведением личности[43]. По мнению сторонников этой концепции, позитивная ответственность возникает у субъекта права уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или действует вопреки им[44]. При этом проводится мысль о примате позитивной ответственности по сравнению с ответственностью негативной в советском праве[45]. Даже в этой отрасли права, где ответственность трактовалась только в негативном понимании, наметилась тенденция к изучению ее позитивного содержания. «Элементы подобного подхода, – пишет В.Н. Кудрявцев, – находят отражение в условном осуждении, в передаче лиц, совершивших преступление, на поруки коллективу трудящихся, в направлении осужденных к лишению свободы на стройки народного хозяйства и в других случаях применения таких санкций, при которых на лицо налагается ответственность за его будущее поведение, от которого зависит применение или неприменение последующих, более строгих мер уголовного наказания»[46].

Одновременно с новой трактовкой понятия юридической ответственности было внесено предложение именовать позитивную ответственность не в виде «стороны» или «аспекта» общего понятия юридической ответственности, а в качестве самостоятельного явления – правового долга, под которым сторонники данного предложения понимают необходимость определить свое поведение не только по обязанности, но и по убеждению в правильности, разумности закона и принципов права[47]. Такая нравственно-правовая конструкция, отличающаяся, по их мнению, от общественного долга как морального явления и от юридической обязанности как категории собственно правовой, достаточно полно отражает существо позитивной ответственности.

Замена термина «ответственность» на «правовой долг» проистекает, как нам представляется, из-за попытки толковать его от общеупотребительного семантического значения, согласно которому ответственность понимается как осознание личностью собственного долга перед обществом, классом, отдельным коллективом, понимание смысла и значения своих поступков и т.п. Между тем в праве термин «ответственность» давно приобрел впол-

не определенное содержание, отличающееся от употребляемого в повседневной жизни. Поэтому такая замена термина вряд ли может дать сколько-нибудь полезный результат, ибо теряется специфика юридического понимания ответственности. Необходимость же юридического понятия ответственности полностью оправдана, поскольку оно обозначает один из важнейших институтов советского права, а его определение, четкая характеристика и отграничение от других правовых явлений имеют существенное значение как для теории, так и для практики.

Таким образом, в настоящее время наметилась новая концепция, согласно которой в юридическую ответственность входят элементы: а) сознательное исполнение предписаний закона, добросовестное исполнение обязанностей (позитивное содержание); б) совокупность предусмотренных законом неблагоприятных юридических последствий в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения требований правовых норм (негативное содержание).

Доводы противников данной концепции сводятся в основном к следующим соображениям: а) будучи оторванной от правонарушения, позитивная ответственность переходит из области объективно существующих явлений в область нравственно-этическую; б) эта ответственность не предусмотрена в рамках регулятивных правоотношений никакими правовыми нормами; в) позитивная ответственность является по существу выражением чувства ответственности, возникающего у лица, стремящегося добросовестно выполнить свои обязанности[48]. Эти соображения, на наш взгляд, ошибочны и противоречат фактическому положению вещей. Никто из сторонников позитивной ответственности не отрицает нравственно-идеологического момента в трактовке позитивной ответственности, которая и рассматривается как определенное внутреннее состояние индивида, как его отношение к порученному делу, как мера требовательности к себе. Сторонники позитивной ответственности также не отрицают чувства ответственности, которое вместе с осознанием, правильным и четким пониманием лицом предоставленных ему прав и лежащих на нем в силу закона обязанностей составляет субъективную сторону позитивной ответственности. Однако сводить ее только к чувству ответственности, значит, чрезвычайно упростить это многогранное явление.

§ 2. Понятие и сущность уголовно-процессуальной ответственности

Научный интерес к проблеме процессуальной ответственности объясняется стремлением к более глубокому пониманию уголовно-процессуального права и практической потребностью в том, чтобы его механизм работал эффективнее, чтобы правовые предписания исполнялись в полной мере. На этой основе усиливается стремление к более глубокому анализу нормативных положений, изучению механизма их действия в общественной жизни, ценных ориентаций и установок, позволяющих сблизить понимание права с реальной жизнью, с практикой коммунистического строительства.

В сфере уголовного судопроизводства действуют различные виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная. Значит ли это, что в данной отрасли права нет своей ответственности и для успешного осуществления задач уголовного судопроизводства целесообразно дальнейшее совершенствование правовых норм в рамках административного, уголовного, гражданского и дисциплинарного методов правового регулирования с учетом особенностей, обусловленных задачами уголовного судопроизводства? Мы полагаем, что для решения этого вопроса необходимо определить, во-первых, сам метод подхода к раскрытию понятия уголовно-процессуальной ответственности; во-вторых, на его основе выявить специфику, присущую уголовно-процессуальной ответственности.

Существование уголовно-процессуальной ответственности вытекает из положения, являющегося аксиомой традиционной логики, согласно которой признаки, отмеченные у определенного класса явлений в общем понятии, непременно содержатся и у специфических явлений, входящих в этот класс. Таким образом, если мы фиксируем ответственность

в праве, то, согласно правилам логики, она присуща и видовым его частям, т.е. отдельным отраслям права, в том числе и уголовно-процессуальному праву.

Существование уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности имеет объективное основание, органически связанное с проблемой правового регулирования. Одним из элементов механизма правового регулирования является способ обеспечения субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений[49]. Среди различных способов правового обеспечения важное место занимает юридическая ответственность, вид которого характеризует своеобразие метода, используемого в данной отрасли права для регулирования общественных отношений. Следовательно, само определение специфики какого-либо метода правового регулирования в значительной степени зависит от содержания применяемого вида юридической ответственности. Объективное содержание ответственности представляет собой комплекс диктуемых объективной действительностью требований к деятельности субъекта, количество и качество деятельности, меру и направление активности субъекта.

Конкретный вид юридической ответственности, входя необходимым компонентом в метод правового регулирования, выражает его своеобразие и наряду с другими компонентами составляет признак соответствующей отрасли права. Отрицание процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности[50] логически приводит к отрицанию специфики метода уголовно-процессуального регулирования. Уголовно-процессуальное право имеет предметом своего регулирования определенный вид общественных отношений, которые выступают не иначе как в форме правоотношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального права, находятся во взаимопроникновении с уголовно-процессуальной деятельностью, в сфере которой они возникают, развиваются, изменяются и прекращаются, а также предлагают специфический круг субъектов с присущими им правами и обязанностями. Уголовно-процессуальная ответственность, как и соответствующий метод регулирования, составной частью которого она является, отражает своеобразие тех общественных отношений, которые складываются в сфере уголовного судопроизводства. Воплощая особенности предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, процессуальная ответственность служит инструментом воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства в направлении, соответствующем целям уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная ответственность существует объективно, лежит на поверхности правовой действительности, т.е. в области непосредственной видимости таких правовых явлений, как отмена, изменение незаконных процессуальных решений, вынесение частных процессуальных решений, вынесение частных определений (постановлений) по поводу установленных фактов нарушения закона, наложения штрафа за действия, совершенные в сфере уголовного судопроизводства и т.д. Эти явления имеют внешнюю форму своего проявления, закрепленную уголовно-процессуальным правом, известные признаки. Однако данное обстоятельство не исключает необходимости, преодолев известные существенные признаки внешних форм проявления, вскрыть истинное содержание этих правовых явлений, проникнуть в их сущность, назначение и роль в системе уголовно-процессуального регулирования.

Вопрос об ответственности правомерен во всех случаях, когда речь идет о соответствии или несоответствии целенаправленной деятельности участников судопроизводства тем требованиям, которые предъявляет уголовно-процессуальная ситуация. Поскольку решить в определенных случаях вопрос о наиболее целесообразном варианте поведения из числа предусмотренных законом – право компетентного органа государства, поскольку ответственность – это обязанность принятия таких решений, в которых одновременно выражались бы и цели судопроизводства и законные интересы его участников. Содержание ответственности, следовательно, формируется в результате взаимодействия двух факторов: объективных, понуждающих к действию через потребности, и субъективных, сознательных. Ответственность может быть адекватной требованиям уголовно-процессуальной ситуации только в том случае, если деятельность органов, применяющих правовые нормы,

не противоречит указанным требованиям, а, напротив, в достаточной мере их учитывает. Но и этого условия недостаточно. Цели уголовного судопроизводства и средства их достижения в рамках процессуальной деятельности не должны ни противоречить друг другу, ни быть изолированы одно от другого.

При нарушении любого из этих условий сознание ответственности оказывается не соответствующим ее объективному содержанию, а содержание целенаправленной деятельности, ее качество и количество не соответствует объективным требованиям уголовно-процессуальной ситуации. Неполнота знаний процессуальных обязанностей, недостаточное владение средствами достижения задач уголовного судопроизводства, неясное представление о целях процессуальной деятельности либо сознательная попытка противодействовать успешному осуществлению задач судопроизводства – все это нарушает требуемую адекватность ответственности конкретным условиям. Наличие такого несоответствия, отрицательные последствия деятельности субъекта составляют содержание негативной ответственности. Чем дальше разрыв между объективными требованиями к процессуальной деятельности и самой деятельностью, тем значительнее будут отрицательные последствия некомпетентного, неумелого или противоправного поведения участника судопроизводства, тем больше будет его ретроспективная ответственность.

В социалистическом обществе сами общественные отношения предопределяют выдвижение на первый план позитивного содержания ответственности, которая выступает одним из главных стимулов к участию в сознательной работе общества. А поиск максимально точной, внутренне согласованной системы правовых стимуляторов эффективной работы механизма правового регулирования снимает какие бы то ни было сомнения возможности и целесообразности формирования позитивной ответственности и включения ее в механизм правового регулирования в каждой отрасли права. Кроме того, юридическое понятие ответственности не может быть оторвано от социального ее понятия и должно рассматриваться как применение этого общего понятия к специфическим условиям правовой деятельности. И если мы фиксируем ретроспективный и перспективный аспекты ответственности в общесоциологическом понятии, то эти аспекты, согласно правилам логики, присущи и видовым понятиям, т.е. юридической ответственности, где они обладают особой качественной определенностью. К юридической ответственности как разновидности социальной ответственности применим основополагающий принцип материалистической диалектики – рассматривать все явления в их противоречивом единстве и борьбе противоположностей. Поэтому с позиций философского анализа в сущностно-функциональном содержании юридической ответственности четко прослеживаются две противоположные стороны, или два противоположных аспекта, ответственности – перспективный (позитивный) и ретроспективный (негативный), которые, исключая друг друга, находятся в диалектическом единстве. Юридическая ответственность в общей системе социальной ответственности выступает как часть функционирующего целого во всех процессах социальной регуляции. Поэтому важно своевременно выявить и установить: каковы в данных исторических условиях ведущие тенденции развития, какая сторона противоположностей – перспективная или ретроспективная имеет за собой право на будущее в механизме правового регулирования.

Юридическая ответственность есть ответственное отношение человека к своим обязанностям. Гражданин, личность, должностное лицо, учреждение, организация несут прежде всего позитивную ответственность за правильное выполнение своих обязанностей. Если же обязанность не выполнена, наступает ответственность в ее негативном значении. Одностороннее ретроспективное толкование ответственности смещает центр тяжести проблемы – от определения степени нарушения общественных интересов, как того требует позитивное понимание ответственности, к определению степени сознательной виновности субъекта. Нарушение общественных интересов при этом выглядит не как главный объект правовой деятельности, а лишь как условие оценки преднамеренных противоправных действий. Объектом регулирующего воздействия права оказываются не общественные отношения и их нормальное функционирование, а личность правонарушителя и ее поведение.

Традиционное одностороннее ретроспективное исследование правовой ответственности как определенного вида наказания за совершение общественно опасного действия вряд ли можно признать перспективным, так как без достаточно разработанной системы ответственности в целом, в ее позитивном аспекте не может быть четким определение ретроспективной ответственности, в том числе и правовой. Вместе с тем некоторые ученые, занимавшиеся исследованием проблемы юридической ответственности, наличие позитивной ответственности в праве отрицали. И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин писали: «Ни научные соображения, ни тем более интересы практики не дают основания для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствия правонарушения»[51]. Еще более категорична в этом вопросе Я.Н. Шевченко: «Отнесение так называемой «позитивной» ответственности к правовой ответственности означало бы фактически ликвидацию ответственности как правового института…» и далее: «Необходимо также, имея в виду «позитивную» ответственность, различать ответственность как объективное явление и чувство ответственности, происхождение которого явно субъективно»[52].

В цитируемых положениях обращает на себя внимание то, что авторы сводят понятие юридической ответственности только к ретроспективному ее пониманию, придавая ему явно гипертрофированное значение. Кроме того, определять позитивную ответственность как нечто субъективное, находящееся в сфере сознания, ошибочно с точки зрения марксистско-ленинский философии. Позитивная юридическая ответственность – не просто категория правового сознания, а собственная субстанция, имеющая объективные основания и базирующаяся на отношениях, имеющих объективную природу[53]. Основа позитивной ответственности – личная свобода как способность субъекта определять собственное поведение на базе тех или иных ценностей. Свобода есть возможность осуществления целенаправленной деятельности, и реализуется она тем полнее, чем глубже знание объективных условий, чем больше цель и средства ее достижения соответствуют им. Позитивная ответственность – это диктуемая объективными условиями необходимость выбора действия для осуществления цели, т.е. элемент механизма регулирования и контроля поведения субъекта, в его общественных связях. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой… он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»[54].

Сущность позитивной ответственности представляет собой единство объективного и субъективного. Объективное содержание ответственности, как ранее уже указывалось, – это комплекс диктуемых объективной действительностью требований к деятельности субъекта, количество, качество и направление этой деятельности. В то же время она есть мера субъективной активности субъекта, направленной на тот или иной объект деятельности. В содержании позитивной ответственности соединяются объективные требования к деятельности субъекта и субъективно определяемые им формы, принципы и способы этой деятельности. Субъект осознает предъявляемые к нему требования, понимает их необходимость, действует в соответствии с ними и внутренне подготовлен к тому, чтобы ответить за свои действия и их последствия. Эта способность человека принимать решения и совершать на их основе волевые поступки, сознавая их общественную значимость, определяет ответственность субъекта за свое поведение. «… Человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли…»[55]. Свободу воли также следует понимать в двух аспектах. С одной стороны, ее можно соотнести с объективными закономерностями общественного развития, с другой – с собственным поведением лица, которое в объективно обусловленных пределах выбирает такие варианты поведения, которые находятся в соответствии с общественными интересами.

Таким образом, с точки зрения философской теории позитивная ответственность по своему содержанию представляет собой единство объективного и субъективного и обусловлена свободой воли, ограниченной общественными интересами (объективными факторами). Общественные интересы в советском общенародном государстве выражаются в правовых нормах, которые, преломляя общенародную волю, формируют такие требова-

ния, в которых проявляется объективная необходимость. Эти юридические предписания обращены к сознанию и связанной с ним воле участников общественных отношений, от направленности которых зависит выбор поведения и, следовательно, соответствие или несоответствие его выраженной в нормах права общенародной воле. Из этого следует вывод, что позитивная ответственность субъекта и есть объективно существующая связь, объективное отношение, в котором выражается зависимость субъекта от общества. Субъект поступает ответственно, если его поведение укладывается в рамки данной связи, т.е. не нарушает условий общественной жизни, закрепленных правовыми нормами.

Отношения позитивной ответственности следует отнести к категории общих правовых связей, возникающих прежде всего на основе конституционных норм, являющихся юридическим источником всех конкретных индивидуализированных правоотношений[56].

В Преамбуле Конституции СССР указывается, что политическая система развитого социалистического общества обеспечивает «…сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями перед обществом». Относительно организации деятельности советского государства ст. 3 Конституции СССР устанавливает положение: «Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело». Нельзя не заметить, что в Конституции СССР понимание ответственности дано прежде всего в позитивном выражении как ответственности за правильное и добросовестное выполнение лицом своих обязанностей. Но оно имеет негативное выражение тогда, когда лицо безответственно или недостаточно ответственно относится к выполнению своих обязанностей. Например, согласно ст. 152 Конституции СССР, судьи и народные заседатели несут ответственность пред избирателями за правильное выполнение своих обязанностей. Если оценка избирателями их деятельности оказывается отрицательной, то избиратели вправе отозвать судью или народного заседателя, лишить его полномочий. В ст. 58 Конституции СССР говорится о возможности обжалования неправильных, незаконных действий должностных лиц, государственных и общественных органов, следовательно, и об их ответственности за неисполнение или неправильное, ненадлежащее исполнение обязанностей. Как видим, в Конституции СССР вопросы ответственности нашли ясное, отчетливое выражение в ее позитивной и негативной формах. Конституционные общие положения конкретизируются в нормах иных отраслей права, в том числе и уголовно-процессуального (ст. ст. 211, 214, 226, 258, 259, 321, 323, 325, 331, 339, 342, 373, 378, 383, 384, 389 УПК РСФСР; ст. ст. 22, 33 Закона СССР о Верховном Суде СССР; ст. ст. 10, 28, 29, 31–35, 39–41, 43, 45 Закона СССР о Прокуратуре СССР) и служат основой для наполнения нормативного материала конкретным содержанием позитивной и негативной ответственности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что существование отрасли права, базирующейся на основных положениях и принципах Конституции СССР как Основного Закона социалистического государства без собственного вида юридической ответственности, без собственных средств обеспечения правовых требований, представляется невозможным. Это в равной мере относится и к уголовно-процессуальному праву. Изложенное позволяет также сказать, что позитивная юридическая ответственность лица – первичное, а негативная – вторичное отношение юридической ответственности; первое служит одной из предпосылок возникновения второго. В силу того, что конституционные принципы конкретизированы в нормах различных отраслей права, противоправное поведение субъекта нарушает два вида правоотношений: конституционные (общие) и конкретное правоотношение, реализуемое определенной отраслью права.

После этих замечаний общего и методологического характера перейдем к рассмотрению вопроса о содержании уголовно-процессуальной ответственности.

В содержание уголовно-процессуальной ответственности в ее позитивной форме входят: 1) требования, которые предъявляются к участникам уголовного судопроизводства в отношении использования ими своих процессуальных прав и исполнения обязанностей; 2) осознание ими необходимости активного использования прав и добросовестного исполнения обязанностей; 3) система мер, которыми обеспечивается использование прав и ис-

полнение субъектами лежащих на них обязанностей; 4) оценка выполнения обязанностей и добросовестности при использовании прав.

1. Объективные требования, предъявляемые к лицу, выражены в уголовно-процессуальных нормах, посредством которых государство устанавливает общие правила поведения участников уголовного судопроизводства. Эти нормы регулируют порядок деятельности и поведение (возможное и должное) органов дознания, лица, производящего дознание, следователя, начальника следственного отдела, прокурора, суда, подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, общественного обвинителя и общественного защитника, а также иных лиц, которые содействуют компетентным органам власти в осуществлении задач уголовного судопроизводства. Содержанием этой деятельности (поведения) является быстрое и полное раскрытие преступлений, установление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения уголовного закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Содержание этой деятельности составляет также укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение и искоренение преступлений, охрана интересов общества, прав и свобод граждан, воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР и советских законов, уважения правил социалистического общежития (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»[57]).

Объективным содержанием требований, предъявляемых к участникам уголовного судопроизводства обществом и государством, выступает воля советского народа, выраженная в установленном законом особом порядке возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел, исполнения приговоров и определений, обеспечивающем выполнение задач судопроизводства и охрану прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Государственная воля, заложенная в содержание уголовно-процессуального права, обусловлена экономическими условиями развития общества и поэтому зависит от базиса. В основе уголовно-процессуальной нормы лежит политика Коммунистической партии Советского Союза, политика Советского государства. Уголовно-процессуальное право охраняет завоевания социалистической революции от преступных посягательств, способствует развитию социалистического общества, построению коммунизма в нашей стране. Поэтому уголовно-процессуальные нормы – это не рекомендации, не просьбы, а требования, имеющие властный характер и обращенные к участникам уголовного судопроизводства. Они делятся на три вида: а) управомочивающие; б) обязывающие; в) запрещающие[58]. Управомочивающие нормы при определенных условиях допускают производство тех или иных действий участниками процесса. Обязывающие нормы предписывают соответствующие действия участнику процесса, которые он обязан выполнить без каких-либо отступлений. Примером такой нормы могут быть требования ст. 13 Основ уголовного судопроизводства: «Следователь, прокурор и суд обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав». В нормах-запретах указывается на то, что запрещается делать. Так, в ст. 14 Основ сформулировано: «…Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого. Запрещается домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер». Статья 46 Основ устанавливает, что суд при рассмотрении дела в кассационном порядке «…не вправе усилить наказание, а равно применить закон о более тяжком преступлении».

Требования, закрепленные в нормах уголовно-процессуального права и обращенные к участникам уголовного судопроизводства, охватывают процессы целенаправленного воздействия на сознание и поведение субъектов, формирования и воспитания личности,

поэтому они выражают социальную связь личности и общества, объективную зависимость субъекта от государства. Выражением этой связи позитивной ответственности является принципиальное положение, записанное в ч. 2 ст. 39 Конституции СССР: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан». Это значит, что на субъекте лежит обязанность, используя и реализуя свои права в целях удовлетворения своих интересов, не допускать злоупотребления правами и не приносить вред интересам государства и правам других лиц. В силу указанного конституционного положения совершенно ошибочным является мнение, что позитивная ответственность, будучи оторванной от правонарушения, «не предусмотрена в рамках регулятивных правоотношений никакими правовыми нормами»[59].

2. Требования уголовно-процессуального закона, обращенные к участникам судопроизводства, исполняются ими добровольно, причем не только под страхом наступления ответственности за их неисполнение, но и в силу убежденности в справедливости, истинности, социальной целесообразности этих требований и тем самым осознанной необходимости их исполнения.

Объективно существующая зависимость личности от общества раскрывается в ленинском положении: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»[60]. Чувство ответственности служит выражением психического отношения лица к имеющимся у него правами и обязанностям, оно формируется на основе свойственных лицу представлений о долге перед обществом. Эти представления и само чувство ответственности являются отражением взглядов и представлений, существующих в обществе, и формируются они под влиянием объективной действительности. Закрепленная Конституцией СССР позитивная ответственность есть такая связь, в рамках которой государство формирует абстрактную обязанность всех субъектов исполнять конкретные юридические обязанности, а само выступает в качестве коррелята, имеющего право требовать их исполнения. Ответственность в позитивной форме существует как особое правовое отношение, цементирующее общественную систему и относящееся к тем глубинным юридическим связям, благодаря которым государство функционирует как особый социальный организм.

Включение позитивной ответственности в орбиту конституционных связей придает ей особое значение как правоотношению первичного, общего характера, на основе которого возникают некоторые индивидуализированные отношения позитивной ответственности в уголовном судопроизводстве, а затем негативной ответственности за конкретное правонарушение, допущенное в сфере судопроизводства. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что «уголовно-процессуальные нормы в ряде случаев могут реализовываться и вне процессуальных отношений. Это прежде всего относится к процессуальным нормам запрета. Простое воздержание от действий, запрещенных уголовно-процессуальным правом, есть не что иное, как реализация этих норм»[61]. То, о чем говорит автор, представляется не простым воздержанием от действия, а соблюдением юридического запрета, исполнением юридических обязанностей. Соблюдая юридические запреты, субъект, естественно, не становится участником конкретного правоотношения, которое могло бы возникнуть в случае нарушения запрета, т.е. субъектом правоотношения негативной ответственности. Но это не означает, что его поведение не обусловлено нормой права, предусматривающей этот запрет, что его воля не связана юридическими предписаниями позитивной ответственности. Общие правоотношения позитивной ответственности могут регулировать положительное поведение участников уголовного судопроизводства вне конкретных правоотношений, в то время как последние не могут возникнуть без общих, т.е. отношение негативной ответственности всегда базируется на общих отношениях позитивной ответственности.

3. Требования норм процессуального права, обращенные к участникам уголовного судопроизводства, могут быть реализованы путем пассивного поведения (при исполнении норм запрета) и путем активного поведения, когда субъекты права активно осуществляют свои права и обязанности. Система средств воздействия на поведение субъектов, как правильно указывала П. С. Элькинд, должна отвечать следующим требованиям: 1) они должны быть дозволены законом, т.е. прямо предусмотрены им или не противоречить за-

кону; 2) должны быть этичными, соответствующими нормам коммунистической морали в их конкретном применении к сфере уголовно-процессуального регулирования; 3) должны быть подлинно научными и опираться на новейшие достижения научно-технического прогресса, ибо только такие средства способны обеспечить получение достаточно объективных и достоверных результатов; 4) они должны быть максимально эффективными как в смысле обоснованности и целесообразности закрепленных в праве требований и дозволений, так и в смысле их использования в практике уголовного судопроизводства; 5) должны быть экономичными, способными обеспечить оптимальный результат в достижении цели при минимальной затрате сил субъектов уголовного судопроизводства[62].

4. Оценка государством в лице должностных лиц представительных органов выполнения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей и добросовестности при использовании прав производится путем проверки приговоров в кассационном порядке, их пересмотра в надзорном порядке. Указанная проверочная деятельность является прежде всего функцией суда, рассматривающего и оценивающего постановленный приговор, определение, постановление. Но процессуальная форма, в которую облекаются стадии судопроизводства, предполагает также деятельность лиц прокурорского надзора, органически включая ее в систему средств, гарантирующих принятие компетентными органами законных и обоснованных решений, деятельность суда первой инстанции, обнаруживающего процессуальные правонарушения при отправлении правосудия по уголовным делам.

В систему органов, выполняющих оценочную функцию исполнения участниками судопроизводства своих обязанностей, входит также Министерство юстиции, на которое постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» возложено государственное руководство судами и дальнейшее совершенствование их деятельности, всемерное содействие судам в осуществлении целей правосудия[63].

Итак, ***процессуальная ответственность в позитивной форме – это предусмотренная конституционными положениями и уголовно-процессуальным законодательством зависимость участников судопроизводства от государства, выражающаяся в правоотношении общего характера***, т.е. такая правовая связь, которая заключается в праве государства требовать от участников судопроизводства исполнения процессуальных требований, добросовестного исполнения прав и исполнения конкретных обязанностей. Конституционные и уголовно-процессуальные отношения личности и государства охватывают область связей, в которых участники судопроизводства выступают носителями не только обязанностей, но и прав, последние соответствуют обязанности государства обеспечить их реализацию и защиту от возможных нарушений со стороны отдельных должностных лиц или государственных органов. Следовательно, государство как субъект права не только устанавливает права личности, но и гарантирует их, тем самым возлагая на себя позитивную ответственность за их осуществление. Поэтому отношения государства и участников уголовного судопроизводства следует рассматривать как отношения взаимной позитивной ответственности, олицетворяющие социалистическую демократию.

Изложенное позволяет сделать вывод, что уголовно-процессуальная ответственность является самостоятельным видом социальной ответственности и специфика ее обусловлена природой тех общественных отношений, которые возникают в сфере уголовного судопроизводства и внутри которых уголовно-процессуальная ответственность проявляется и существует в своей качественной определенности. Соотношение между ними можно представить как диалектическую связь общего и отдельного. Общее, как известно, существует в отдельном и через отдельное, в то же время не исчерпывается отдельным.

Неисполнение конкретного предписания конституционных положений и норм уголовно-процессуального права есть нарушение правоотношения общего характера и основание возникновения индивидуализированных конкретных отношений ответственности в негативной (ретроспективной) форме и применения санкций.

В уголовно-процессуальной литературе словом «санкция» обозначают три понятия: 1) государственная мера, применяемая к правонарушителю и влекущая для него опреде-

ленные неблагоприятные последствия; 2) структурная часть правовой нормы, содержащая указание на возможные меры государственного воздействия на нарушителя данной нормы; 3) акт прокурора, разрешающий принудительные меры в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления (например, заключение под стражу, залог, обыск, выемку почтово-телеграфной корреспонденции, помещение обвиняемого или подозреваемого, не содержащегося под стражей, в медицинское учреждение; отстранение обвиняемого от занимаемой должности).

Все три понятия санкции являются традиционными, имеющими собственное содержание. Однако нельзя полностью согласиться с той интерпретацией процессуальной санкции, которая понимается как государственная мера, применяемая к правонарушителю и влекущая для него определенные неблагоприятные последствия. Хотя проблема санкций в науке уголовного процесса еще не подвергалась значительному исследованию, тем не менее существуют определенные дефиниции, высказанные в разное время в связи с исследованием других проблем уголовно-процессуального права. Одни авторы утверждают, что все меры процессуального принуждения (задержание, освидетельствование, обыск, меры пресечения и т.п.) носят характер процессуальных санкций[64]. Другие считают, что санкция – одно из юридических средств охраны права от нарушения[65], и тем самым полностью ее отожествляют с ответственностью. По мнению П. С. Элькинд, санкция – это возможная мера государственного воздействия за нарушение правовых требований и дозволений[66]. У Л. Б. Алексеевой «не вызывает сомнений, что санкция представляет собой самостоятельное правило поведения, то есть самостоятельную правовую норму»[67]. В качестве иллюстрации этого утверждения она анализирует ст. 146 УПК РСФСР, предусматривающую привод обвиняемого в случае неявки без уважительной причины. Нетрудно заметить, что в данном случае санкция полностью отождествляется не только с нормой права, но и со средствами ее обеспечения.

Представляется совершенно неправильным писать и мыслить о санкции как о самостоятельном правовом образовании или институте, подменяя тем самым сложное правовое явление его элементом, составной частью, которой по отношению к ответственности и является санкция. Тем более, нельзя одну часть правового явления отождествлять с другой его частью, как это делает Л. Б. Алексеева, ибо каждый из элементов системы несет собственную нагрузку внутри системы. В. И. Ленин указывал, что «…всегда существует разделение целого на части»[68], а части всегда выполняют ту или иную правовую нагрузку.

Процессуальная ответственность заключается в применении и реализации санкций правовых норм, а санкции определяют меру, объем ответственности, применяемой к нарушителям норм права. Будучи структурным элементом правовой нормы, санкция, как и вся норма в целом обеспечивается принудительной силой, и в этом смысле говорить о процессуальной санкции как мере государственного принуждения представляется правильным. Но именовать санкциями отдельные меры процессуального принуждения (привод, задержание, меры пресечения и т.д.) неверно. Отождествление санкций и иных правоохранительных средств приводит к необоснованному расширению границ института процессуальной ответственности. В то же время подмена санкций другими мерами правового воздействия, имеющими иную природу и назначение в механизме правового регулирования, искажает сущность каждого из институтов правоохраны, не отражает практики их реализации, эффективности действия тех фактических результатов, которые достигаются с помощью каждого из них.

Несколько неточным для раскрытия специфики процессуальной санкции, как ранее указывалось, представляется понимание ее как неблагоприятных юридических последствий несоблюдения норм права. Неблагоприятные последствия – понятие более широкое по объему, чем санкция. Причина возникновения неблагоприятных последствий может быть связана и с правонарушением, и с добровольным отказом от использования прав, реализация которых представлена на усмотрение лица. Например, отказ обвиняемого от защиты, от заявления ходатайств, пропуск без уважительной причины срока обжалования и т.д. влекут определенные отрицательные последствия: обвиняемый не реализует полно-

стью свое право на защиту, жалоба остается без рассмотрения. Но указанные неблагоприятные для обвиняемого последствия не означают ни ответственности, ни санкции. Отказ от предусмотренных законом права совершен самим обвиняемым себе во вред. Другое дело, если бы права обвиняемого не были обеспечены должностным лицом, тогда действия должностного лица следовало бы оценить как правонарушение. Значит, в основе процессуальной ответственности и ее санкции находится такое правонарушение, которое связано со злоупотреблениями правом или невыполнением процессуальной обязанности императивного характера. Санкция – необходимый элемент особой разновидности правовых норм – норм уголовно-процессуальной ответственности. И как часть такой нормы она выражает государственное принуждение, указывая на неблагоприятные последствия в связи с несоблюдением, нарушением требований процессуальной нормы.

По существу правильное суждение П. С. Элькинд о понятии процессуальных санкций отображает тот их вид, который связан с негативной ответственностью. Учитывая, что позитивная ответственность возникает у субъекта права уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или действует вопреки им, и что процессуальная ответственность соотносится не только с противоправным, но и с правомерным поведением личности, следует признать и наличие позитивной (поощрительной) санкции.

Содержание санкций всецело зависит от содержания ответственности и характера общественных отношений, которые они регулируют. Санкция предусматривает меру (объем, количество, качество, размер) ответственности и вне соответствующего вида ответственности утратила бы свою реальность так же, как ответственность без санкции потеряла бы свою действенность и четкие очертания. Наказание должно быть ограничено для того, «чтобы быть действительным»[69]. Вместе с тем нельзя отождествлять две категории. Санкция как структурный элемент правовой нормы существует всегда как возможное последствие за определенную заслугу или неисполнение правовых требований, ответственность представляет собой действительное следствие поступка, превосходящего обычные требования, или совершенного правонарушения, а также реализацию санкции, когда указанные факты имеют место в действительности.

Основным элементом правовой нормы является диспозиция, формирующая правило поведения. Условия действия правила поведения закреплены в гипотезе. Если же норма права не предусматривает определенных юридических последствий за нарушение диспозиции, она не может быть названа правовой. Следовательно, санкция является необходимым элементом правовой нормы. Уголовно-процессуальные нормы всегда имеют правообязывающий характер, значит, они относятся к числу тех правовых норм, трехчленная структура которых не должна вызывать никаких сомнений. Б. А. Галкин по этому поводу правильно утверждает, что сохранение для процессуального права традиционной схемы элементов правовой нормы обусловлено необходимостью подробно регламентировать процессуальную деятельность, что составляет одно из требований законности в советском уголовном процессе[70].

Однако в литературе высказываются различные возражения против расчленения правовых норм на указанные три элемента. Наличие санкций в уголовно-процессуальном праве отрицает Н. П. Томашевский, Н. Я. Якубович, авторы учебника «Советский уголовный процесс»[71]. Л. Б. Алексеева по этому поводу пишет: «В конце концов в уголовно-процессуальном законодательстве достаточно много сложных (составных) нормативных предписаний, представляющих собой соединение нескольких условий и правовых последствий. И тем не менее, как это ни покажется странным, нет ни одного предписания, соединяющего в себе одновременно гипотезу, диспозицию и санкцию»[72].

Отказ от трехчленной структуры нормы обусловлен смешением внутренней логической структуры нормы и формы ее изложения в том или ином уголовно-процессуальном законе. Так, Н. П. Томашевский ссылается на ст. 294 УПК РСФСР (ныне ст. 281 УПК), предусматривающую возможность оглашения в суде показаний подсудимого. На первый взгляд санкция в этой норме как будто отсутствует. Между тем это не так. Чтобы ее обнаружить,

надо обратиться к анализу других статей УПК, в частности ст. 20 о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела; ст. ст. 211, 308 о возможности направления дела прокурором или судом на доследование; ст. 342 об отмене приговора, вынесенного с нарушением требований процессуального закона, т.е. к тем нормам, которые предусматривают последствия нарушения требований ст. 281 УПК РСФСР. Для структуры норм уголовно-процессуального права характерно особенно четкое выражение в них гипотезы и диспозиции, при том что санкция формулируется применительно не к одной, а ко многим однородным нормам, «в чем находит свое конкретное выражение системность норм данной отрасли права»[73].

Наряду с ними имеются правовые нормы, в которых четко выражена диспозиция, предлагается гипотеза, а санкция уясняется лишь в сочетании с другими предписаниям, закрепленными в том же или другом нормативном акте. Вместе с тем уголовно-процессуальному праву известны и идеальные нормы, формулирующие гипотезы, диспозиции и санкции. Примером может служить ст. 94 УПК РСФСР. Гипотезой здесь будет указание на возможность применения в качестве меры пресечения личного поручительства, диспозицией – указание на необходимость обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого; санкцией – указание на то, что в случае недобросовестного исполнения взятых на себя обязательств на каждого поручителя может быть наложено денежное взыскание или применены меры общественного воздействия. Анализ ст. ст. 99 и 394 УПК РСФСР также показывает, что в них содержатся указания не только на то, как нужно или нельзя поступать в определенной ситуации, но и на то, что последует за этим для личных поручителей, залогодателя. Предписания этих норм упорядочивают процессуальные отношения и порождают ответственное состояние субъектов, соответствующее интересам социалистического правосудия. Специфика процессуальной ответственности здесь состоит в том, что требованиям норм процессуального права придается обостренное значение. Компетентные органы прибегают к ответственности, чтобы подтвердить незыблемость правовых предписаний и обеспеченность процессуального принуждения взыскательной санкцией. Специфичны и правоотношения, возникающие по этим основаниям. Компетентные органы вмешиваются в возникшие при применении мер пресечения правоотношения тогда, когда они развиваются ненормально или нарушаются одной из сторон, а органы государства заинтересованы в их позитивном функционировании, в проявлении ответственности их участников.

В представленной схеме прослеживается влияние процессуальной ответственности на эффективность мер процессуального принуждения и те правоотношения, которые складываются при их применении.

Таким образом, структура нормы уголовно-процессуального права не всегда тождественна структуре статьи закона, а отсутствие в конкретной статье уголовно-процессуального закона указания на санкцию вовсе не означает, что ее нет в системе уголовно-процессуального права, и правонарушение остается безнаказанным или законность не восстановленной. Независимо от редакционного изложения логическая структура норм уголовно-процессуального права относится к числу тех правовых норм, трехчленная конструкция которых не вызывает сомнений.

Классификация санкций в общем виде разработана в теории права. В ее основе лежат такие критерии, как отраслевая принадлежность, степень определенности и способ охраны правопорядка. Эта классификация санкций применима и к уголовно-процессуальному праву с учетом, однако, его специфики. Принимая во внимание, что санкция является неотъемлемым свойством ответственности, функциональное назначение которой состоит в регулировании и охране общественных отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальные санкции также можно подразделить на два вида: 1) регулятивные и 2) охранительные. Нас в данном случае больше интересуют особенности санкций, составляющих те элементы правовых норм, которые являются действенными средствами обеспечения нормативных требований, т.е. охранительных. Л. Б. Зусь делит их на два вида: «Это мера принудительного устранения нарушений норм права и способ карательного воздействия на лиц, допустивших нарушения»[74].

В соответствии со способом охраны уголовного судопроизводства санкции норм уголовно-процессуального права можно разделить на: 1) поощрительные, 2) правовосстановительные, 3) карательные, 4) имущественные (компенсационные).

Поощрительные санкции – это стимулирующие меры, поощрение за определенную заслугу, т.е. за поведение, превосходящее обычные правовые требования. Эти санкции не могут применяться к лицу, если в достижении полезного результата не было его заслуги. Поощрительные санкции обеспечивают заинтересованность субъектов в своей деятельности в уголовном судопроизводстве, поддерживают стабильность кадров должностных лиц, повышают ответственность субъектов за результаты своей деятельности. Примером поощрительной санкции служит частное определение суда в адрес должностных лиц правоохранительных органов, вынесенное в связи с проявленным мужеством в борьбе с преступностью.

Правовостановительные санкции – это меры, принимаемые для восстановления нарушенного закона, регулирующего определенный порядок уголовного судопроизводства. В правовосстановительных санкциях следует выделить: а) отмену или изменение незаконных процессуальных актов (например, возвращение дела на доследование, отмена незаконных постановлений, отмена или изменение приговора и т.д.); б) восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, нарушенных незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства; в) принудительное осуществление мер процессуального принуждения (избрание более строгой меры пресечения после нарушения первоначально избранной). Правовосстановительное содержание санкции отчетливо видно, например, из ч. 3 ст. 116 УПК РСФСР, в которой говорится: «В случае неосновательности отказа в возбуждении дела прокурор своим постановлением отменяет состоявшееся об этом постановление следователя или органа дознания и возбуждает дело». Посредством этого вида санкций отменяются или изменяются незаконные, необоснованные решения и процессуальные акты, устраняются их юридические последствия, восстанавливается законность в уголовном судопроизводстве. Они рассчитаны на все случаи устранения последствий нарушения процессуального закона. Поэтому введение в научной оборот еще одного вида санкций – правоотрицающих, направленных на лишение следственного или судебного акта доказательного значения, как это делает А. И. Столмаков, представляется нецелесообразным и надуманным[75]. Также необоснованна, на наш взгляд, попытка названного автора вводить такую разновидность правовосстановительных санкций, как принудительное исполнение, включая в них привод, освидетельствование, удаление подсудимого из зала судебного заседания и т.д., т.е. все то, что именуется в уголовном процессе мерами уголовно-процессуального принуждения[76].

Карательные санкции – это меры уголовно-процессуального наказания правонарушителя. В карательных санкциях следует выделить: а) штрафные, указания на которые мы находим в ст. ст. 57, 94, 99, 133 №, 263, 394 УПК и т.д. и б) порицательные, выражающие порицание недобросовестной служебной деятельности в сфере уголовного судопроизводства (отстранение следователя от дальнейшего ведения следствия, досрочный отзыв судьи и т.д.) или осуждение за допущенные в уголовном судопроизводстве правонарушения (частное определение негативного содержания).

На основании ст. 58 Конституции СССР и в целях дальнейшего укрепления социалистической законности, усиления охраны прав и законных интересов граждан Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, которым введена имущественная санкция по возмещению имущественного и иного ущерба, причиненного гражданину незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу. Ответственность за указанные действия принимает на себя государство, от имени которого действуют должностные лица правоохранительных органов, и возмещение ущерба производится за счет средств государственного бюджета; пенсия или пособие выплачивается органами социального обеспечения, а

стоимость имущества при невозможности его возврата в натуре возмещается финансовыми отделами исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов (п. 3 Положения). Размер причиненного ущерба обязаны определить органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суд, сформулировав решение о его возмещении в постановлении (определении). Если дело прекращено судом при рассмотрении его в кассационном или надзорном порядке, эти действия производит суд, рассмотревший дело по первой инстанции.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР, утвердившем это Положение, содержится такое указание: «Ущерб не подлежит возмещению, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины и тем самым способствовал наступлению указанных в части первой настоящей статьи последствий» (ч. 3 ст. 2). Тем самым закон устанавливает для ложно сознававшего лица имущественную санкцию – лишение возможности возмещения ему ущерба. Правильное, на наш взгляд, разъяснение этого правила дает М. С. Строгович: «Если самооговор вызван незаконными действиями следователя или производящего дознание лица, добивавшегося признания, то в таких случаях обнаруженный самооговор не лишает реабилитированного человека права на возмещение ущерба. Ведь не обвиняемый препятствовал установлению истины, не он способствовал причинению ему ущерба, все это исходило от должностного лица органа дознания и предварительного следствия»[77], следовательно, в этом случае ответственность за указанные действия принимает на себя государство.

Принятие законодательного акта, который определил условия, порядок, пределы возмещения имущественного вреда, причиненного действиями должностных лиц судебно-следственных органов при исполнении ими служебных обязанностей обусловило возникновение нового для уголовно-процессуального права вида санкций – имущественных (компенсационных), так как основания возникновения такой ответственности находятся именно в сфере уголовно-процессуального регулирования.

И хотя определенное решение этого вопроса дано не в процессуальном, а гражданском законодательстве (ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик), предусматривающем, что за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность, однако это положение, став конституционным установлением, должно действовать в любой сфере официальной действительности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, тем более, что именно здесь применяются наиболее жесткие меры государственного принуждения, сопряженные с имущественными лишениями.

В зарубежных социалистических государствах Европы нормы рассматриваемого института содержатся в уголовно-процессуальных кодексах в виде отдельных статей, разделов, глав (ст. 218 УПК Народной Республики Болгарии; §§ 383–386 закона Венгерской Народной Республики «Об уголовном процессе»; глава X УПК Германской Демократической Республики и т.д.). Поддержка в решении этого вопроса также всегда исходила именно от ученых-процессуалистов[78].

По отраслевой принадлежности институт возмещения вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами, является уголовно-процессуальным, так как в действующем уголовно-процессуальном законодательстве содержатся определенные предпосылки для положительного решения круга вопросов, входящих в него. Например, в соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РСФСР уголовное дело подлежит прекращению, за исключением случаев, когда производство по нему необходимо для реабилитации умершего. Из этого следует право заинтересованных лиц ходатайствовать о продолжении расследования или его возобновлении, если они считают обвиняемого невиновным и не довольствуются нереабилитирующим выводом об этом. Возвращение гражданину свободы, которой он был незаконно лишен в связи с подозрением или обвинением в совершении преступления, является обязанностью судебно-следственного органа, в чьем производстве

находится дело в момент установления оснований к реабилитации, а также прокурора, осуществляющего надзор за законностью уголовного судопроизводства. Официальная констатация невиновности гражданина или его виновности в менее тяжком преступлении (частичная реабилитация) – также дело судебно-следственных органов. И наконец, речь идет о вреде, наносящем ущерб престижу социалистического правосудия, надлежащему порядку функционирования уголовного судопроизводства, причинителем которого является должностное лицо органов дознания, следователь, прокурор или суд (судья) как носитель уголовно-процессуальных функций, и причиной вреда служат именно служебные, урегулированные уголовно-процессуальным законодательством действия, совершаемые в сфере судопроизводства. Поэтому дальнейшее формирование института возмещения вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами, следует осуществлять в рамках уголовно-процессуального права[79]. Принимая во внимание изложенные обстоятельства, Президиум Верховного Совета РСФСР своим Указом от 8 августа 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1983, № 32, ст. 1153) дополнил УПК РСФСР ст. 58[1] следующего содержания: «При прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, а также при постановлении оправдательного приговора орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Условия и порядок возмещения ущерба определяются законодательством Союза ССР и РСФСР».

Итак, санкция является атрибутом, неотъемлемым свойством процессуальной ответственности, без которой последняя не мыслится и не существует. Это свойство процессуальной ответственности может быть развито в большей или меньшей степени. Мера ее развития есть мера эффективности процессуальной ответственности. Иными словами, более или менее высокая эффективность ответственности зависит от того, как полно, правильно и своевременно законодательная практика отражает субъективные изменения общественных отношений в судопроизводстве, нужды и запросы уголовного судопроизводства для его дальнейшего развития.

Что же такое уголовно-процессуальная ответственность? По этому вопросу также были высказаны некоторые соображения в уголовно-процессуальной литературе. По мнению Я.О. Мотовиловкера, процессуальная ответственность – это «обязанность субъекта уголовного процесса претерпеть предусмотренные уголовно-процессуальной нормой неблагоприятные последствия за допущенное правонарушение (например, в случае, когда лицо подвергается более строгой мере пресечения ввиду нарушения им подписки о невыезде)»[80]. П.С. Элькинд определяла ответственность как «реальное возложение на правонарушителя дополнительной уголовно-процессуальной обязанности, лишение его тех или иных процессуальных прав или же и возложение дополнительной обязанности, и лишение соответствующих процессуальных прав»[81]. В приведенных определениях ясно выражена тенденция их авторов рассматривать процессуальную ответственность через призму уголовно-процессуальных отношений, т.е. как обязанность. Это вполне оправдано. Если мы обратимся к языку права, то увидим, что в нормативных актах под термином «ответственность» подразумевается именно обязанность субъекта к определенному поведению. Нормы права регулируют общественные отношения только путем предоставления субъектом данных отношений определенных прав и возложения на них соответствующих обязанностей. Никаких иных последствий, кроме наступления прав и обязанностей, нормы права не предусматривают. Разновидностью таких обязанностей и является процессуальная ответственность.

Другая группа авторов определяет процессуальную ответственность как следствие нарушения норм права, акцентируя внимание, таким образом, на основаниях ее возник-

новения. Так, В. М. Корнуков полагает, что «уголовно-процессуальная ответственность есть разновидность юридической ответственности, предусматриваемая нормами уголовно-процессуального права за противоправное поведение и, в частности, за невыполнение обязанностей в сфере уголовного судопроизводства»[82]. Это, по существу, правильное утверждение, так как анализ нормативных актов действительно приводит к выводу, что наступление процессуальной ответственности связывается лишь с определенными юридическими фактами, отрицательно оцениваемыми уголовно-процессуальным правом (судебно-следственная ошибка, неисполнение обязанностей, нарушение запретов, субъективных прав). Однако далее В. М. Корнуков пишет: «Уголовно-процессуальная ответственность выражается в наказании лица, совершившего противоправное действие или бездействие, с целью воспитания и перевоспитания виновного, недопущения подобных нарушений в будущем»[83]. Против этого положения следует возразить. Во-первых, оно сужает арсенал процессуальных средств воздействия на общественные отношения в сфере судопроизводства, так как сводит институт процессуальной ответственности как правовое явление к одному его свойству, структурному элементу – санкции. Во-вторых, сведение содержания процессуальной ответственности к наказанию и карательной санкции не согласуется с принципами и целями уголовного судопроизводства, а также с целевым назначением самой процессуальной ответственности, которая сориентирована не столько на наказание, сколько на устранение обстоятельств, препятствующих успешному осуществлению задач уголовного судопроизводства, т.е. на устранение допущенных нарушений и восстановление законности. Именно эту функцию выполняют санкции принудительного исполнения и отмены незаконных процессуальных решений, наличие которых в процессе В.М. Корнуков обходит молчанием.

Более откровенен, хотя также непоследователен в этом вопросе В. М. Ковалев: «Уголовно-процессуальная ответственность выражается в применении лишь штрафных (карательных) санкций к конкретному правонарушителю и поэтому носит сугубо персонифицированный характер»[84]. Если восстановление законности не есть проявление процессуальной ответственности, то почему автор именует ее санкцией, когда совершенно очевидно и признано в теории права, что санкция – атрибут именно ответственности, ее качественно-количественное свойство? Кроме того, отождествление процессуальной ответственности с реализацией исключительно карательных, штрафных санкций делает саму постановку вопроса о наличии самостоятельного вида уголовно-процессуальной ответственности бесперспективной, так как штрафных санкций в уголовном процессе незначительное количество и они не могут претендовать на особый вид юридической ответственности, который органически связан предметом уголовно-процессуального регулирования и выражает специфику его метода.

Существенная особенность уголовно-процессуальной ответственности состоит в том, что в ней заключена оценка государством в лице соответствующих компетентных органов и должностных лиц результатов деятельности субъекта уголовного судопроизводства (поведения, факта правонарушения) и его личности. Следствием такой оценки является поощрение поведения субъекта или порицание его противоправного поведения. В первом случае применяется поощрительная санкция, во втором – карательная в виде наложения штрафа, отторжения залоговой массы, лишения процессуальных прав или восстановительная. Против осуждения как существенного свойства восстановительной санкции возражают обычно сторонники концепции «уголовно-процессуальная ответственность выражается в применении лишь штрафных (карательных) санкций». Так, В. М. Ковалев, признавая принудительный характер восстановительных санкций, одновременно утверждает, что «…они не имеют такого личностного характера, как штрафные», т.е., иными словами, не несут в себе государственное осуждение правонарушителя. На основании этого утверждения автор делает вывод, что «…между мерами уголовно-процессуальной ответственности и мерами восстановления законности имеются существенные различия, не позволяющие объединять их в одно целое. Применение мер восстановления законности не означает проявления уголовно-процессуальной ответственности»[85]. Эта позиция, на наш взгляд,

ошибочна. Не следует смешивать заключенную в уголовно-процессуальной ответственности положительную или отрицательную оценку с ее направленностью на достижение либо воспитательно-принудительного эффекта, либо восстановления нарушенных в сфере уголовного судопроизводства общественных отношений. Все санкции (карательная, восстановительная) процессуальной ответственности в разной мере выполняют обе указанные функции, но и в том и другом случае государство, возлагая ответственность, выражает свое отрицательное отношение к правонарушителю. Прокурор, освобождая незаконно лишенного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором (ст. 11 УПК), отменяя избранные следователем меры пресечения, незаконные или необоснованные постановления следователя или органа дознания (ст. ст. 11, 211, 214 УПК), а также суд, возвращая дело на дополнительное расследование из распорядительного и судебного заседаний (ст. ст. 232, 258 УПК), прекращая уголовное дело (ст. ст. 234, 259 УПК), отменяя оправдательный приговор (ст. 341 УПК) и все другие решения по делу (ст. ст. 378, 389 УПК), изменяя приговор (ст. ст. 350, 378 УПК) и так далее – тем самым констатирует ущербность правосознания следователя, лица, производившего дознание, прокурора, суда и отменой их незаконных или необоснованных решений выражают им государственное осуждение.

Процессуальная ответственность есть форма государственного осуждения, так как такое осуждение неразрывно связано с осуществлением государственной власти, с интеллектуальным воздействием на сознание, психику, волю субъектов уголовно-процессуальных отношений, поведение которых порицается, с властностью связан и выбор средств воздействия, и, наконец, отрицательное реагирование государства на правонарушения, осуществляемое через ответственность, представляет собой конкретный путь воздействия уголовно-процессуального права на чуждые социалистическому правосудию явления. Отрицательное реагирование получают только общественно вредные с точки зрения уголовно-процессуального закона действия или бездействия, т.е. те, которые приносят ущерб выполнению задач судопроизводства, и тогда государственное осуждение имеет ретроспективный характер, ибо отрицательную оценку получают отдельные акты поведения субъектов, имевшие место в прошлом.

Восстановительные санкции так же, как и штрафные, носят личностный характер, ибо они, становясь достоянием более или менее широкого круга, приводят к дискредитации должностного лица – умалению его авторитета, подрыву доверия к нему, снижению его профессиональной репутации. Восстановительные санкции, направленные на устранение нарушений уголовно-процессуального закона, несут в себе оценочное мнение о должностном лице, допустившем нарушение, о его профессиональной деятельности и нравственных качествах. А поскольку лицо занимается правовой деятельностью и нарушения допускает в сфере уголовного судопроизводства, то и оценку его деятельности следует считать правовой и трактовать как государственное осуждение. Государственное же осуждение характерно именно для правовой, в данном случае – уголовно-процессуальной ответственности.

Еще большее сожаление вызывает ошибочность позиции Б.Т. Безлепкина, который утверждает, что «…юридическая природа восстановительных и компенсационных имущественных отношений, возникающих при определенных условиях из причинения вреда судебно-следственными органами, с позиций юридической ответственности объяснена быть не может»[86]. И далее: «По своей юридической сущности исследуемый институт относится к средствам правовой защиты, а не к юридической ответственности»[87]. Именно по своей юридической сущности и природе восстановительных и компенсационных санкций возмещения вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами, должно войти органической частью в содержание уголовно-процессуальной ответственности, так как данный институт отвечает всем признакам последней. Правовые идеи, юридические предписания об уголовно-процессуальной ответственности и возмещение материального ущерба, а также восстановление чести гражданина, несправедливо пострадавшего в сфере уголовного судопроизводства, имеют одни и те же социальные корни – их общественной миссией является исправление ошибок, допущенных в уголовном судопроизводстве, где

соблюдение законности имеет особо важное значение. Их функциональное назначение производно от конституционной обязанности Советского государства и всех его органов (в том числе судебно-следственных) действовать на основе социалистической законности, обеспечивать охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан (ст. 4 Конституции СССР). Всякая обязанность императивного характера предполагает ответственность и применение ее санкций.

В институте возмещения вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами, особенно рельефно подчеркнуто свойство правовой ответственности – взаимоотношения гражданина и государства по поводу правовых требований и возложенных ст. 4 Конституции СССР взаимных обязанностей. Ответственность выражается через систему двусторонних связей государства и личности по схеме: перед гражданином ответственно государство или его орган, а перед государством или его органом отвечает конкретное лицо. За надлежащее функционирование каждого государственного органа и действия его представителя – должностного лица – ответственно перед своими гражданами в целом демократическое государство. Здесь нельзя не вспомнить слова А. Ф. Кони: «Судья – орган государства. Оно смотрит на него как на средство ближе и правильнее исполнить свою задачу охранения закона. Напряжения душевных сил судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства, которое, уповая на спокойное беспристрастие его тяжелого подчас труда, вверяет ему частицу своей власти. Поэтому оно ждет от судьи обдуманного приговора, а не мимолетного, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом»[88].

Естественно, государство через свои представительные органы обязано устранить допущенные нарушения, ошибки и их вредные последствия, чем бы они ни были вызваны – отступлениями от режима законности, несовершенством законов, слабой подготовленностью кадров судебно-следственных работников и так далее. Развивая эту мысль, логически следует прийти к выводу, что обязанность государства возместить гражданину вред не исключает ответственности перед государством конкретного должностного лица, чьими действиями этот вред причинен. Даже Б. Т. Безлепкин, впадая в определенное противоречие с ранее изложенным, признает: «Если же действия лица, производившего дознание, следователя, прокурора или судьи, совершенные в уголовно-процессуальной сфере, представляют собой преступление, причинившее имущественный вред гражданину, то независимо от формы вины возложение на виновного, наряду с уголовной ответственностью, обязанности возместить материальный вред представляется правильным и справедливым во всех отношениях»[89].

Итак, логико-правовой анализ понятия уголовно-процессуальной ответственности позволяет в ее содержании выявить два отличительных признака: 1) ответственность как обязанность; 2) связь обязанности с поведением, отрицательно оцениваемым уголовно-процессуальным правом. Однако эти черты в понятии ответственности выражают только внешнюю, объективную ее сторону. А наличие объективной стороны предполагает присутствие и внутренней, субъективной стороны (свойства) ответственности, в качестве которой выступает чувство ответственности и ее осознание субъектом уголовного судопроизводства. Чувство ответственности включает в себя эмоциональный фактор. Однако как бы ни было глубоко чувство ответственности, оно не может стать надежным ориентиром, если субъект не обладает сознанием ответственности, которое включает в себя: а) осознание требований уголовно-процессуального закона; б) осознание действий (бездействия) для реализации этих требований; в) предвидение результатов этих действий и их значение для осуществления задач уголовного судопроизводства.

Чувство ответственности в сочетании с ее осознанием образует внутреннее, субъективное качество процессуальной ответственности и внутреннее качество ответственного субъекта. Эта взаимосвязь внутреннего и внешнего, объективного и субъективного, которая может быть гармоничной и противоречивой обусловливает наличие двух сторон уголовно-процессуальной ответственности – позитивной и негативной. Чем гармоничнее субъективное и объективное, тем больше поведение субъекта соответствует требованиям

уголовно-процессуального закона, тем выше ответственность субъекта в позитивном плане. Противоречивость объективного и субъективного в содержании ответственности предполагает отчет за свои действия виновного субъекта, т.е. его ответственность в негативном плане.

Ответственность в негативном плане – это всегда дополнительная обязанность, отличающаяся от других обязанностей тем, что она носит ущербный, нежелательный для субъекта, на которого она возлагается, характер, ущемляет его правовой статус. Эта ущербность негативна не только для субъекта, допустившего процессуальное правонарушение, но и для государства, общества, которые через законодателя вынуждены обременять систему уголовно-процессуального права дополнительными нормами охранительного порядка, являющимися в определенном смысле издержками правового регулирования порядка судопроизводства.

Исходя из высказанных соображений, представляется наиболее приемлемой трактовка негативной стороны понятия уголовно-процессуальной ответственности как правовых последствий отрицательного характера, которые наступают для лица, не выполняющего должным образом своих обязанностей, лежащих на нем в силу закона[90]. Под этим имеется в виду возложение обязанности претерпеть меры штрафного, карательного характера в случаях, предусмотренных законом, и лицами, перечисленными в законе (ст. ст. 57, 94, 99, 133[1], 263, 394 УПК РСФСР), лишения и ограничения процессуальных прав для подавления отрицательных волевых устремлений, принудительное восстановление законности, допущенное должностными лицами в процессе, осуществления своих обязанностей. Все эти варианты правовых последствий проистекают из факта невыполненной обязанности, охватывают понятием уголовно-процессуальной ответственности и преследуют достижение единой цели – охрану системы уголовно-процессуального законодательства от нарушений. Содержательным и перспективным представляется понимание ответственности как единства позитивных и негативных сторон. Так, М. С. Строгович характеризует позитивную ответственность как «отношение лица к обществу и государству, к другим лицам с точки зрения выполнения предъявленных к лицу определенных социальных, политических, этических, юридических требований, осознание и правильное понимание гражданином своих обязанностей по отношению к обществу, государству, другим лицам. В то же время ответственность – это совокупность требований, предъявляемых обществом и государством к государственным органам, общественным организациям, должностным лицам и гражданам»[91]. Н. И. Матузов рассматривает позитивную ответственность как определенное внутреннее состояние индивида, как его отношение к порученному делу, к своему поведению в прошлом и будущем, как меру требовательности к себе[92].

Таким образом, вслед за философской и социологической науками в юридической (в том числе и уголовно-процессуальной) литературе приобретает все больший вес трактовка ответственности как сочетания элементов: а) сознательного и добросовестного исполнения правовых обязанностей, правового долга; б) совокупности предусмотренных законом неблагоприятных юридических последствий в случае неисполнения или ненадлежащего выполнения правовых обязанностей, правового долга. В такой интерпретации учитывается единство объективной и субъективной сторон ответственности, она выступает как правовая категория, выражающая обусловленную потребностями социалистического общества необходимость предвидения субъектом последствий своих действий, выбора оптимального варианта поведения с учетом требований уголовно-процессуальных нормативов и принятия на себя санкций в случае их нарушения.

В процессуальной литературе высказано суждение, что правовая, в том числе и уголовно-процессуальная, ответственность – «это подотчетность гражданина перед государством по поводу возложенных на него правовых обязанностей, выражающаяся через систему двусторонних связей государства и личности, охватывающих отношение обязанного субъекта к предъявляемым к нему требованиям и реакцию со стороны государства на его поведение в соответствии с выполнением или невыполнением правовых обязанностей»[93]. По поводу этой формулировки можно заметить, что для содержательной характеристики

ответственности важна не только подотчетность, но и сознание, правильное и четкое понимание субъектом лежащих на нем обязанностей[94], преломление нормативных требований в сознании, выработка социально-активной мотивации сообразования поведения с нормативными требованиями[95], внутреннее состояние индивида, мера требовательности к себе[96].

Подотчетность как «обязанность отчитываться перед кем-либо»[97] является свойством ответственности, но ею не исчерпывается содержание ни позитивной, ни, тем более, негативной ответственности, которая предполагает необходимость не только «дать отчет в своих действиях, поступках и т.п.», но «и принять на себя вину за их возможные последствия, за результат чего-либо»[98].

Ответственность как целостное правовое образование включает в себя: 1) предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством требования (обязанности) к участникам судопроизводства, 2) осознание этих требований (внутреннее отношение субъекта к правам и обязанностям), активную деятельность (бездеятельность) и предвидение результатов, 3) оценку поведения субъекта и меры воздействия – поощрение за определенную заслугу или санкции за правонарушения.

Все эти части структуры несут ту или иную нагрузку, образуя единую систему уголовно-процессуальной ответственности. В состоянии динамики они взаимодействуют, проникают друг в друга, выступают как единое, неделимое целое. Каждый из элементов структуры исчерпывающе проявляет свои качества лишь через связи, включающие его в единый правовой организм. «Лишь в рамках целостного правового образования (института, отрасли, системы права) отдельные правовые нормы в полной мере реализуют свои потенции»[99].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: *уголовно-процессуальная санкция – это основанное на процессуальном законе поощрение за определенную заслугу или порицание совершившего процессуальное правонарушение, в котором проявляется положительная или отрицательная оценка поведения субъекта в сфере уголовного судопроизводства со стороны государства.* Уголовно-процессуальную ответственность можно определить как *необходимость действовать в интересах социалистического правосудия, используя права и выполняя обязанность, а также обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения, правонарушения*.

Для правильного определения содержания уголовно-процессуальной ответственности, а следовательно, и применения уголовно-процессуальных норм, имеют значения пределы процессуальной ответственности. Этот вопрос еще не получил сколько-нибудь значительного освещения в процессуальной литературе. Г. В. Ветрова по поводу момента возникновения уголовно-процессуальной ответственности пишет: «Момент, с которого лицо становится носителем уголовно-процессуальной обязанности, следует считать моментом возникновения уголовно-процессуальной ответственности данного лица»[100]. Однако о какой ответственности – позитивной или негативной – идет речь, она не указывает.

Поскольку уголовно-процессуальная ответственность рассматривается нами во временном плане: за прошлое, за действие, уже совершенное, – негативная (ретроспективная) сторона, и за действие предстоящее – позитивная (перспективная), то мы вправе, прежде всего, предположить, что момент их возникновения не совпадает.

Относительно начального момента ретроспективной ответственности мы придерживаемся точки зрения криминалистов[101], которые считают таковым момент совершения уголовно-процессуального правонарушения. Такое понимание соответствует также представлению общей теории права о правонарушении как юридическом факте, порождающем юридическую ответственность[102]. С момента совершения правонарушения наступает обязанность субъекта дать отчет перед государством в лице его правоохранительных органов или должностных лиц этих органов за свое поведение в сфере уголовного судопроизводства. Такая обязанность возникает с момента совершения процессуального правонарушения и реализуется с момента вынесения частного определения, отмены или изменения незаконного процессуального решения, наложения штрафа и т.д.

Таким образом, совершение процессуального правонарушения порождает уголовно-процессуальную ответственность в ретроспективном аспекте. Существуя в виде дополнительных, помимо ранее не исполненных, обязанностей, она материализуется в реализации процессуальных решений по поводу этих правонарушений. Вопрос о том, в течение какого срока необходимо реализовать уголовно-процессуальную ответственность, уголовно-процессуальным законодательством не разрешен, хотя интересы соблюдения гарантий укрепления социалистической законности и охраны прав и законных интересов личности настоятельно этого требуют. Исключение составляет уголовно-процессуальная ответственность с имущественными (компенсационными) санкциями, в отношении которой Указ Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» от 18 мая 1981 г. установил в ст. 2, что право на возмещение ущерба возникает с момента вступления оправдательного приговора в законную силу; с момента прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям[103].

Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, установило следующие сроки реализации компенсационных санкций: 1) гражданину, освобожденному от работы (должности) в связи с незаконным осуждением либо отстраненному от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, прежняя или другая равноценная работа (должность) предоставляется не позднее месячного срока со дня его обращения, если оно последовало в течение трех месяцев с момента вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям; 2) в этих же случаях судебно-следственные органы обязаны в месячный срок поставить в известность о своем решении трудовой коллектив или общественные организации по месту жительства реабилитированного гражданина по его просьбе об этом; 3) если сведения об осуждении или привлечении такого гражданина к уголовной ответственности, применении к нему заключения под стражу были опубликованы в печать, то соответствующая редакция в течение одного месяца обязана сделать сообщение о его реабилитации; 4) определение размера ущерба в виде заработка и других трудовых доходов, являющихся основным источником средств к существованию гражданина, которых он лишился в результате незаконных действий, а также штрафов, взысканных во исполнение приговора суда, судебных издержек, сумм, выплаченных в связи с незаконными действиями, производится судебно-следственными органами в месячный срок со дня обращения гражданина.

Возможное законодательное решение вопроса, с которым можно согласиться, в отношении момента реализации уголовно-процессуальной ответственности со штрафными санкциями предложено В.М. Ковалевым: «В случаях, предусмотренных статьями 57, 94, 133[1], 394 УПК РСФСР, лица, осуществляющие расследование, в трехсуточный срок с момента обнаружения правонарушения устанавливают причины несоблюдения процессуальных обязанностей, данные, характеризующие личность правонарушителя, целесообразность применения мер уголовно-процессуальной ответственности и, составив протокол, направляют материалы проверки в суд. Суд в пятидневный срок с момента поступления материалов обязан разрешить вопрос о взыскании денежных сумм с виновных лиц. Такой же порядок следует распространить и на вопрос об обращении залога в доход государства»[104].

Моментом реализации уголовно-процессуальной ответственности с восстановительными санкциями следует считать решение должностных лиц об отмене незаконных решений по уголовному делу, как только незаконное или необоснованное решение обнаружено в процессе надзорной деятельности.

Моментом реализации уголовно-процессуальной ответственности с карательными санкциями следует также считать внесение прокурором представлений в адрес лиц, допустивших процессуальное правонарушение, вступление в законную силу частных опре-

делений суда по этому же поводу. Часть II ст. 56 Основ после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 13 августа 1981 г. устанавливает правило: «Не позднее чем в месячный срок по представлению должны быть приняты необходимые меры и о результатах сообщено лицу, направившему представление». Такое правило, установлено и в отношении частного определения: «Не позднее чем в месячный срок по частному определению (постановлению) должны быть приняты необходимые меры и о результатах сообщено суду, вынесшему частное определение (постановление)» (ч. III ст. 57 Основ).

Относительно начального момента перспективной ответственности следует согласиться с мнением Г.Н. Ветровой, что таковым является момент, с которого лицо становится носителем уголовно-процессуальной обязанности. Носителем же уголовно-процессуальной обязанности лицо становится либо с момента его избрания, назначения на должность (судья, прокурор, следователь и т.д.), либо с момента его вступления в производство по конкретному уголовному делу (залогодатель, поручитель, специалист, переводчик и т.д.). Таким образом, начальным моментом позитивной процессуальной ответственности следует считать вступление лица в должность или вступление в производство по делу. Процессуальная ответственность лежит на лице, несущем в силу закона обязанность, все время, в течение которого эта обязанность подлежит выполнению. Например, согласно ст. 13 УПК РСФСР, правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Это значит, что на суд возлагается обязанность вершить правосудие по всем, без исключения, уголовным делам. Согласно ст. 20 УПК РСФСР «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства». Эта обязанность указанных должностных лиц лежит на них постоянно, пока они выполняют свои полномочия в уголовном судопроизводстве, а не возникает лишь тогда, когда произойдет какое-либо нарушение процессуального закона.

Позитивная процессуальная ответственность материализуется в добросовестном исполнении своих обязанностей, в успешном достижении эффективных результатов и в положительной оценке этих результатов со стороны общества и государства.

Моментом прекращения негативной процессуальной ответственности служит ее реализация – уплата штрафа, отторжение залоговой массы, доведение до сведения правонарушителя восстановительных санкций, принятие мер по частному определению, представлению.

§ 3. Основания уголовно-процессуальной ответственности

1. Структурный анализ уголовно-процессуальной нормы показывает, что в ней заключена модель ответственного поведения субъекта, поскольку содержится указание, как нужно, можно или нельзя поступать в конкретной ситуации и что последует за этим для него. Указания нормы процессуального права влияют на поведение субъектов, порождая их ответственное состояние, адекватное государственным и общественным интересам. Позитивная ответственность сводится не только к действию одного структурного элемента нормы права – ее санкции, при том только отрицательной. Она порождается всем содержанием нормы уголовно-процессуального права обязывающего характера. П. Е. Недбайло, выступая за признание позитивной ответственности, обращал внимание на то, что в формулировании такой ответственности главную роль играет диспозиция, являющаяся сердцевиной нормы права[105].

Все нормы уголовно-процессуального права независимо от формы их выражения всегда в том или ином виде и объеме содержат правила поведения субъектов, т.е. предписания, в рамках которых субъект может действовать. Решив действовать, субъект уголовного судопроизводства обязан подчинить свое последующее поведение соответствующим

нормативным предписаниям, которые детально регулируют порядок уголовного судопроизводства и к точному и безусловному выполнению которых обязываются участники уголовного судопроизводства. Угроза отрицательными последствиями за несоблюдение требований правовых норм в виде взыскательных санкций имеет самостоятельное значение для воспитания позитивной ответственности у субъектов уголовного судопроизводства. П. И. Стучка по этому поводу писал: «Право, вошедшее в сознание людей… проводится в жизнь в громадном большинстве случаев без всякого принуждения… вследствие добровольного подчинения и т.д., хотя наблюдение власти, возможная охрана допустима, эвентуальное принуждение все-таки остается в силе»[106]. Применение правовой нормы связано с возможностью реализации санкции к лицам, не желающим согласовывать свое поведение с требованиями правовой нормы. Но дело не в этом. Сам факт существования такой санкции стимулирует отказ от нарушения нормы права, воспитывает чувство позитивной ответственности. Носителями позитивной ответственности являются субъекты уголовного судопроизводства, выступающие одновременно в качестве адресатов предписаний правовой нормы, участников правоотношения, в котором реализуется правовая норма, и обладателей правосознания, через которое прививается чувство ответственности. В структуре правосознания ответственность закрепляется не простым пониманием смысла правовых предписаний, а выработкой активного отношения к ним, долга, ответственного поведения. Именно в таком смысле трактуется позитивная ответственность личности в партийных документах и Конституции СССР, а также в конституциях союзных и автономных республик.

Из сказанного можно сделать вывод, что основанием позитивной уголовно-процессуальной ответственности являются требования уголовно-процессуального закона, предъявляемые к субъектам уголовного судопроизводства, предусмотренные законом их процессуальные права и обязанности, эмоциональное переживание и рациональное осмысление обращенных к ним требований, предоставленных прав и возложенных обязанностей.

Требование уголовно-процессуальных норм, как объективная сторона основания процессуальной ответственности, обусловлены интересами социалистического правосудия, потребностями, которые возникают у судопроизводства в связи с разрешением стоящих перед ним задач. В структуру этих норм входят следующие элементы: 1) обязанность совершить определенные действия; 2) обязанность воздержаться от совершения определенных действий; 3) обязанность требовать совершения либо несовершения определенных действий от других участников судопроизводства; 4) обязанность не наносить ущерб интересам общества и государства, правам других лиц при использовании предоставленных субъекту прав и свобод. Исполнение этих обязанностей неотделимо от осуществления прав и свобод, что закреплено впервые в Конституции СССР (ст. 59). Единство прав и обязанностей, составляющих содержание требований, обращенных к участникам судопроизводства, предопределяется невозможностью их раздельного существования, коррелятивностью в рамках соответствующих правоотношений, одинаковой ценностью и значимостью как определителей меры необходимого поведения, одинаковой заинтересованностью государства в их реализации[107]. Объем требований, адресованных субъекту, зависит от его места, социальной роли в системе общественных отношений, регулируемых в сфере уголовного судопроизводства. Иными словами, положение личности в уголовном судопроизводстве, ее полномочия, определяя меру необходимого поведения, очерчивают границы проявления ее ответственности. Мера личной ответственности субъекта всегда конкретна. Она определяется характером уголовно-процессуальных отношений и возможностями (правами), которые уголовно-процессуальный закон предоставляет для реализации этих требований, а также степенью сознательного использования субъектом этих возможностей. Ответственным будет такое поведение субъекта, которое совершается добровольно и соответствует требованиям объективной ситуации и выполнению задач судопроизводства в целом.

Кроме внешней объективной стороны основания позитивной ответственности существует внутренняя субъективная сторона, отражающая отношение субъекта к требованиям уголовно-процессуального закона. Будучи внутренним качеством субъекта, эта часть основания проявляется как чувство и правосознание. Посредством чувства ответственности

устанавливается определенное эмоциональное отношение субъекта к тем или иным правам и обязанностям. Через правосознание достигается осознание субъектом требований закона, своих прав и обязанностей, необходимого поведения для реализации этих требований и предвидение результатов своего поведения, своей деятельности (бездеятельности) для интересов социалистического правосудия. Надо отметить, что правосознание участников процесса, профессионально использующих права и обязанности по охране правопорядка и осуществлению правосудия, выступает как правосознание более высокого уровня по сравнению с правосознанием других участников судопроизводства. Поэтому к указанной категории должностных лиц могут быть предъявлены повышенные требования в отношении их деятельности и предвидения ее последствий.

Руководствуясь в своей деятельности требованиями закона и процессуальной ситуации, субъект исходит также из своих внутренних побуждений. Эту взаимосвязь объективного и субъективного в поведении личности отметил еще Гегель: «Каков человек внешне, т.е. в своих действиях… таков он внутренне, и если он лишь внутренний, т.е. если он остается только в области намерений, умонастроений, если он «добродетелен», «морален» и т.д., а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое»[108].

Соответствие деятельности субъекта задачам социалистического правосудия, добросовестное отношение к своим правам и обязанностям, правильный выбор целей и средств их достижения, высокая сознательность, потребность в соблюдении требований уголовно-процессуальных норм лежит в основе уголовно-процессуальной позитивной ответственности. Она немыслима без предвидения результатов своих действий. Истинно ответственное поведение основано на предвидении последствий, которое оно может вызвать.

В общей формулировке можно сказать, что основанием позитивной ответственности является добросовестное использование прав и исполнение обязанностей субъектом с предвидением последствий своей деятельности по выполнению задач уголовного судопроизводства.

2. Основанием негативной процессуальной ответственности выступает уголовно-процессуальное нарушение, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение предписанных уголовно-процессуальным законом действий. Различая отрасли права по предмету и методу правового регулирования, нельзя не разграничивать их по видам правонарушений и средствам охраны норм – необходимым элементам данного предмета и метода.

В общей теории права проблему правонарушений принято считать проблемой материального права и делить их на преступления и иные правонарушения – гражданские, административные, дисциплинарные[109]. В уголовно-процессуальной литературе правонарушение именуется следственной и судебной ошибкой[110] или нарушением законности[111].

Возникает вопрос, тождественны ли эти понятия, взаимозаменяемы? Представляется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным в силу следующих соображений. Прежде всего, ошибка – это термин не юридический, он заимствован из математической статистики и означает просчет, погрешность, промах, отклонение результатов измерений от истинных значений измеряемых величин[112]. Поэтому едва ли имеет смысл вместо существующего традиционного понятия «правонарушение» вводить новые дефиниции, которые вряд ли окажутся более качественными и проясняющими суть вопроса. С другой стороны, вполне очевидно, что без определенного раскрытия содержания этих понятий, дальнейшее исследование невыполнимо. В связи с этим, не стремясь в данном случае привести однозначные определения понятий следственной или судебной ошибки и правонарушения, мы попытаемся указать лишь на некоторые моменты их возможного содержания, отсутствие которых лишило бы эти понятия их сущностных характеристик и отличительных признаков.

Понятие следственно-судебной ошибки – это, выражаясь языком математической статистики, непреднамеренно искаженное познание объективной действительности. Следственно-судебная ошибка – это мера или действие, не приводящее к достижению поставленной цели, принятие неверного решения в уголовном судопроизводстве. Закон требует

от органов расследования, прокуратуры и суда установления истины по каждому делу, реализации применительно к каждому делу четко определенных законом задач уголовного судопроизводства. Следовательно, существенное значение для конкретного уголовного дела имеют те обстоятельства, доказательства, без выявления и учета которых не могут быть реализованы задачи уголовного судопроизводства, установлена истина и достигнуты цели социалистического правосудия. Так, для правильного решения по делу необходимо, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и не один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден, чтобы были установлены все обстоятельства, составляющие предмет доказывания, правильно определен вид и размер наказания, чтобы в уголовном процессе была обеспечена охрана прав личности и т.д. Поэтому суть следственно-судебной ошибки, на наш взгляд, состоит в том, что она несет в себе негативные последствия, является таким нарушением закона, которое приводит к неправосудности, незаконности и необоснованности приговора со всеми вытекающими последствиями.

Правонарушение поглощает содержание следственно-судебной ошибки, но им не исчерпывается. Правонарушением является любое нарушение закона, которое повлияло или могло повлиять на постановление законного и обоснованного приговора (существенное нарушение уголовно-процессуального закона), нарушения предписаний УПК относительно порядка составления процессуальных документов и т.д., которые не привели к негативным последствиям – отмене или изменению приговора, однако на которые вышестоящие судебные инстанции могут указать в частном определении. Кроме того, следственно-судебная ошибка может быть допущена только государственными органами и должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, ответственными за его законность и обоснованность и обеспечивающими права других участников процесса, а в систему юридических фактов, образующих основание процессуальной ответственности, входит и неправомерное поведение других участников судопроизводства (уклонение переводчика, специалиста от исполнения своих обязанностей, личных поручителей, нарушение порядка в судебном заседании и т.д.).

Поэтому понимание процессуального нарушения не только как принятия неверного решения, но и как противоправного поведения участников судопроизводства делает понятие правонарушения шире понятия судебно-следственной ошибки. Сопоставление этих понятий приводит к выводу, что они различаются между собой довольно четко. Такая же грань пролегает между понятиями «правонарушение» и «нарушение законности».

Юридический анализ понятия правонарушения свидетельствует, что это не просто факт, имеющий место в действительности, а совокупность признаков, выделенных законодателем и необходимых для возложения юридической ответственности, т.е. состав правонарушения, за пределами которого остаются признаки менее существенные. Отсутствие хотя бы одного из признаков, необходимых для возложения ответственности, исключает правовую ответственность.

И наконец, нарушение законности или судебно-следственная ошибка в общем виде могут явиться такими юридическими фактами, в результате которых возникает необходимость возложения уголовной, дисциплинарной или иных видов ответственности. Например, привлечение заведомо невиновных к уголовной ответственности, вынесение заведомо неправосудного приговора, заведомо незаконный арест или задержание являются нарушением законности или преднамеренной следственной или судебной ошибкой, влекущей за собой уголовную и уголовно-процессуальную ответственность (отмена незаконных решений). В отличие от них, конкретный вид правонарушения определяет соответствующий ему вид ответственности, «характер санкции определяется характером самого правонарушения, его материальными чертами и признаками, его социальной значимостью»[113]. Поэтому при установлении вида правонарушения нужно руководствоваться не отраслевой принадлежностью нарушенной нормы права, а характером правонарушения, его содержанием, которое должно лежать в основе классификации видов правонарушений.

И.С. Самощенко правильно подчеркивает, что классификация правонарушений по характеру (содержанию) совпадает с классификацией санкций, однако из этой правильной посылки выводит противоречащее ей суждение, отрицающее уголовно-процессуальное правонарушение как самостоятельный вид. Факт существования особых уголовно-процессуальных санкций не оспаривается в теории права[114] и не вызывает сомнения у большинства процессуалистов. Процессуальные санкции не могут быть мерой ни уголовной, ни административной, ни иного вида ответственности, а являются лишь атрибутом, неотъемлемой частью процессуальной ответственности, основанием возникновения которой может быть признано уголовно-процессуальное правонарушение.

В теории права и специальной литературе общепризнано выделение следующих признаков правонарушения, образующих в совокупности его понятие: 1) правонарушение всегда есть деяние (действие или бездействие); 2) правонарушением признается только виновное деяние; 3) правонарушение – деяние, противоречащее нормам права; 4) правонарушение – деяние, за совершение которого предусматривается правовая ответственность[115]. Эти же признаки составляют содержание большинства отраслевых определений понятия правонарушения, так как все составы правонарушений по советскому законодательству имеют определенную структуру, совокупность обязательных элементов. Вместе с тем каждый из элементов состава правонарушения в конкретном проявлении обладает специфическими чертами, поэтому вместе с определяющими, общими признаками содержания правонарушения каждое из его видов обладает своим содержанием, специфическим для каждой сферы правового регулирования и не совпадающим с одноименным элементом состава правонарушения, регулируемого другой отраслью права.

Раскрывая специфику уголовно-процессуального нарушения П. С. Элькинд указывает, что это «а) нарушение требований уголовно-процессуального закона, б) совершенное конкретным лицом – субъектом уголовного судопроизводства, в) в форме сознательного нарушения таким лицом соответствующих правовых обязанностей»[116]. Правильная по существу система признаков процессуального правонарушения нуждается в дальнейшем развитии и уточнении.

1. Процессуальное правонарушение имеет место в случае нарушения требований уголовно-процессуального закона. Оно учиняется в сфере уголовного судопроизводства, нарушает норму уголовно-процессуального права, и ответственность за него предусматривается нормой уголовно-процессуального права. Поэтому ошибочным представляется утверждение А. И. Столмакова, что «санкциями норм административного права (ст. 323 УПК РСФСР) достигается неуклонение переводчика (ст. 57 УПК РСФСР), специалиста (ст. 133 УПК РСФСР) от исполнения своих обязанностей, обеспечиваются меры пресечения, личное поручительство (ст. 94 УПК РСФСР) и отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 394 УПК РСФСР), а также необходимый порядок в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 263 УПК РСФСР). Нарушения указанных норм УПК образуют административный проступок (правонарушение), ибо ими являются общественно вредные нарушения порядка советского государственного управления»[117].

Нелогичность данного утверждения очевидна из самой цитаты: правонарушения административные регулируются нормами УПК и учиняются в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, действия, совершаемые или несовершаемые переводчиками, специалистами, личными поручителями при применении уголовно-процессуального принуждения, – это юридические факты, происходящие в сфере уголовного судопроизводства, а не в сфере административного управления, как считает автор. Общее между фактами уголовно-процессуальными и административными состоит в том, что и те и другие согласно принятой классификации являются фактами, направленными на установление, изменение или прекращение правоотношений. Вместе с тем между названными фактами есть существенная разница. По административным фактам принимаются акты управления по вопросам народного хозяйства и культуры в целях руководства различными отраслями государственного управления, выполнения планов хозяйственного и культурного строительства, развития социалистической собственности, т.е. по самым разнообразным вопросам, воз-

никающим в ходе исполнительно-распорядительной деятельности органов управления. По процессуальным фактам принимаются судом, прокуратурой, следствием, органом дознания процессуальные акты (решения), не имеющие в качестве своего объекта какой-либо конкретный участок народного хозяйства. Они принимаются в связи с нарушением норм уголовного и уголовно-процессуального права, в строго установленных законом случаях и в определенной процессуальной форме.

Возвращаясь к анализу элементов уголовно-процессуального нарушения, повторяем, что нам представляется бесспорным положение о том, что это – нарушение требований уголовно-процессуального закона. Вместе с тем, учитывая, что применение норм уголовного права всегда сопровождается применением уголовно-процессуальных норм, что уголовно-процессуальные отношения находятся в неразрывной взаимосвязи с отношениями уголовно-правовыми, процессуальное правонарушение может выразиться не только в существенных нарушениях процессуального закона, но и в неправильном применении уголовного закона. Как отметил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г., по большинству уголовных дел «приговоры выносятся в строгом соответствии с законом, реже стали допускаться нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также факты назначения несправедливых мер наказания», однако в результате поверхностного проведения судебного разбирательства, неправильной оценки доказательств и других нарушений закона «все еще имеют место случаи вынесения незаконных и необоснованных приговоров»[118].

Применяя уголовный закон, следователь или суд могут неправильно истолковать правовые понятия, характеризующие состав преступления, особенно в случаях, когда эти понятия не раскрываются в законе, неправильно установить факты, образующие состав преступления, неправильно соотнести установленные факты с признаками состава преступления, т.е. неправильно квалифицировать преступное деяние. Определяя характер и меру наказания, суд может неполно или неправильно установить факты, характеризующие степень общественной опасности преступления и преступника, ошибочно определить наказание, вытекающее из неправильной уголовно-правовой квалификации преступления, неправильно определить вид исправительно-трудовой колонии для осужденного, неправильно применить принцип поглощения или сложения наказания, допустить ошибку в признании или непризнании лица особо опасным рецидивистом и т.д.

Перечисленные нарушения норм уголовного права, хотя и возникают в результате искажения в познании истины, т.е. в результате процессуальной деятельности судебно-следственных органов, тем не менее остаются нарушениями норм уголовного, исправительно-трудового права и т.д., допускаемыми в сфере уголовного судопроизводства и влекущими возвращение дела на доследование, изменение, отмену приговора, т.е. уголовно-процессуальную ответственность в негативной форме.

Поэтому нарушение требований процессуального закона как свойство понятия процессуального правонарушения следует рассматривать не только в плане неисполнения норм процессуального права, но и в плане опосредованных ими требований норм иных отраслей права (уголовного, исправительно-трудового, гражданского и т.д.), нарушенных в уголовном судопроизводстве. Нарушением уголовно-процессуального закона следует считать любое отступление от требований (предписаний) уголовно-процессуального закона в сфере уголовного судопроизводства. По правовым последствиям уголовно процессуальные нарушения можно классифицировать на: 1) нарушения, признаваемые уголовно наказуемыми деяниями (отказ или уклонение от дачи показаний, ложные показания, разглашение данных предварительного расследования и т.д.); 2) неправильное применение уголовного, гражданского, исправительно-трудового и т.д. закона в сфере уголовного судопроизводства; 3) нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее негативные последствия для достижения целей правосудия (существенные); 4) нарушение уголовно процессуального закона, не влекущее негативных последствий для решения задач судопроизводства (несущественные), однако требующее реагирования на них для неукоснительного обеспечения законности в судопроизводстве.

2. В определенном уточнении нуждается и второй признак процессуального правонарушения – совершение его конкретным лицом – субъектом уголовного судопроизводства. Известно, что основным субъектом судопроизводства выступают государственные органы, возбуждающие, расследующие, рассматривающие и разрешающие уголовные дела – органы дознания, следствия, прокуратуры, суд. Субъектом уголовно-процессуальной деятельности являются также общественные организации, коллективы трудящихся. В связи с этим встает вопрос – кого считать субъектом процессуального нарушения, организацию или должностное лицо и представителя общественной организации?

На наш взгляд, таким субъектом могут быть и государственные органы, и должностные лица, равно как и общественные организации, так и их представители. Все зависит от специфики органов, специфики их деятельности и принимаемых решений. Когда решение о производстве тех или иных действий, вынесение акта принимается единолично должностным лицом (следователь, судья в стадии предания суду), процессуальное нарушение совершается должностным лицом – представителем государственных органов. Когда решение по уголовному делу принимается коллегиально (в органах дознания начальник органа утверждает основные решения лица, производящего дознания; в распорядительном заседании и судебном разбирательстве суд коллегиально принимает решения), субъектом уголовно-процессуального нарушения следует считать государственный орган (орган дознания, суд). В пользу данного мнения свидетельствуют два частных определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, одно из которых вынесено в адрес всего состава Верховного Суда Коми АССР, а другое – в адрес председателя Иркутского областного суда. По первому частному определению, вынесенному по делу М., осужденного по ст. 15 и ст. 102 п.«б» УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «Обратить внимание состава Верховного Суда Коми АССР на невыполнение требований закона по делу М.». По второму частному определению, вынесенному по делу И., осужденного Иркутским областным судом по совокупности преступлений, судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала: «Обратить внимание председателя Иркутского областного суда на нарушение ст. 320 УПК РСФСР и волокиту при выполнении требований ст. ст. 327 и 330 УПК РСФСР».

Аналогично должен быть решен вопрос в отношении общественных организаций и их представителей.

3. Третьим признаком процессуального правонарушения является сознательное нарушение субъектом уголовного судопроизводства соответствующих правовых обязанностей. По мнению П.С. Элькинд, в сфере уголовного судопроизводства «…находит свое наиболее отчетливое выражение ленинское суждение об ответственности как осуждение лишь за деяние виновное»[119], т.е. она полностью исключает возможность процессуальной ответственности за деяния объективно противоправные, считая, что сфера процессуальных отношений «….может использоваться в таких случаях только как метод, способ установления данной ответственности»[120]. Так ли это? Представляется, что указанная точка зрения может привести к неприемлемым ни в практическом, ни в научном отношении выводам. Если признать данное суждение правильным, то следует исключить из процессуальной ответственности все восстановительные санкции – отмену незаконных и необоснованных решений следователя, постановлений судьи, определений и приговоров суда потому, что в основе допускаемых ими нарушений чаще всего лежит непреднамеренность, добросовестное заблуждение, при котором они полагают, что выносят правильно решение. Вынесение же заведомо неправосудного приговора, например, уже не просто процессуальное правонарушение (хотя и оно тоже), а преднамеренная ложь, преследуемая в уголовном порядке. Однако в настоящее время такие правонарушения почти не встречаются, а количество непреднамеренных процессуальных нарушений все еще значительно.

Возможен и другой вывод из высказанного суждения. Если процессуальным нарушением считать только виновное неисполнение процессуальных обязанностей, то следует применять отмену незаконных решений, т.е. восстановительных санкций, лишь в случае достоверного установления вины субъекта уголовного судопроизводства в допущенном

нарушении; при неустановлении вины правонарушителя – оставлять незаконное решение в силе, т.е. без изменения. Однако такой вывод является неправильным по существу, противоречащим назначению охранительной функции уголовно-процессуального права в целом.

Выход в создавшейся ситуации представляется только один – наряду с виновностью субъекта в процессуальном нарушении признавать основанием процессуальной ответственности, а тем самым и свойством процессуального правонарушения, действия, объективно противоправные, как это прямо предусмотрено в гражданском праве (ответственность за случайное причинение вреда).

Объективная (безвинная) ответственность рассматривается некоторыми юристами как равноправное с принципом вины основание ответственности[121]. Е. А. Флейшиц наличие безвиновного начала ответственности объясняет тем, что «в отдельных случаях задача восстановления нарушенных общественных отношений требует того, чтобы обязанность такого восстановления возлагалась и на того, кто допустил нарушение независимо от своей вины»[122]. И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин объясняют безвиновную ответственность тем, что было бы недемократично оставлять некоторые невиновные нарушения закона без последствий[123]. С. Н. Братусь характеризует ее как «дань обстоятельствам, которые еще не преодолены»[124].

Можно ли требование установления вины как безусловного основания юридической ответственности в уголовном и административном праве переносить на уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в результате следственно-судебной деятельности?

М. С. Строгович приходит к заключению, что «…само понятие правонарушения не включает в качестве необходимого элемента вину в специфически юридическом значении этого понятия (отношения лица к своим действиям и их последствиям в форме умысла или неосторожности). Если действиями лица – должностного лица или отдельного гражданина – нарушен закон, это нарушение законности, нарушение права, т.е. правонарушение, и оно должно быть устранено. Установление же вины правонарушителя необходимо тогда, когда решается вопрос о его ответственности за правонарушение, поэтому если судьи вынесли неправильный приговор, добросовестно заблуждаясь, будучи убежденными, что их решение правильно, нарушение законности, несомненно, произошло, и приговор должен быть отменен, но поскольку вопрос о привлечении судьи к ответственности не ставится, не возникает и необходимость устанавливать вину судей»[125].

Нельзя согласиться с тем, что понятие правонарушения не включает в качестве необходимого элемента вину в специфически юридическом значении этого понятия. Основания процессуальной ответственности, т.е. основные признаки, свойства, без которых ответственность не может иметь место, тождественны элементам понятия правонарушения. Признание состава правонарушения единственным фактическим основанием процессуальной ответственности можно объяснить лишь отождествлением понятия состава правонарушения с понятием самого правонарушения. Поэтому уже понятие правонарушения включает в себя субъективное основание – вину правонарушителя или объективное (безвиновное) совершение правонарушения. Надо признать, что субъективное начало для уголовно-процессуального нарушения – это не всегда вина; что психическое отношение правонарушителя к принимаемому решению и к его результатам может охватываться понятием добросовестного заблуждения судьи, связанного с недостатками профессиональной подготовки, уровнем правосознания судей и народных заседателей, посторонними влияниями, не вполне продуманной организацией труда и т.д. Однако нарушение процессуального закона остается правонарушением и всякое незаконное решение требует отмены путем применения восстановительных санкций, в которых одновременно содержится упрек в адрес лиц, допустивших правонарушение. Указанные восстановительные меры возлагают ответственность за неблагоприятные последствия на невинное лицо, допустившее нарушение. Это вытекает из той роли, которую играют лица, наделенные властными полномочиями, в осуществлении задач уголовного судопроизводства, их особого процессуального положения, выражающегося в процессуальной независимости и принятии ре-

шений на основе внутреннего убеждения. Это допустимо этическими воззрениями социалистического общества, заинтересованного в ликвидации следственно-судебных ошибок в деятельности органов, специально призванных укреплять законность в стране.

Специфика ответственности в отношениях, регулируемых уголовно-процессуальным правом, определяется тем, что меры ответственности в этой области выполняют не только штрафную, воспитательную функцию, но и восстановительную, компенсационную. Поэтому представляется логичным признать наличие в уголовно-процессуальном праве конструкции ответственности без вины. Это положение закреплено в различных отраслях права в целях обеспечения уголовно-процессуального института возмещения вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. Так, в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, КЗоТ союзных республик и Положении о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации[126] предусмотрено правило о выплате реабилитированному двухмесячного заработка. В Инструкции Министерства финансов СССР содержится правило о возвращении реабилитированному конфискованного имущества или о выплате стоимости этого имущества[127]. Статья 95 Исправительно-трудового кодекса РСФСР устанавливает обязанность возвращения незаконно осужденному к исправительным работам без лишения свободы сумм, удержанных из его заработка в период отбывания наказания по приговору суда. Особого внимания в плане постановленной проблемы восстановительных (компенсационных) санкций заслуживает положение ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства, которое не оставляет сомнения в том, что возмещение имущественного вреда, причиненного судебно-следственными органами, законодатель склонен рассматривать как родственный гражданско-правовому институту деликатных обязательств из причинения вреда. Это вытекает из терминологии закона, в котором речь идет об имущественной ответственности за вред. И наконец, положение «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», ясно указывает, что ответственность за названные действия принимает на себя государство, от имени которого действуют должностные лица правоохранительных органов.

Во всех приведенных нормативных актах правомочным субъектом признается гражданин, пострадавший в сфере уголовного судопроизводства, а правообязанным государственный орган (орган дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суд), который в данном случае выступает как юридическое лицо. Финансовые органы не относятся к числу субъектов, наделенных полномочиями в уголовном процессе, так как и при конфискации имущества, и при возврате конфискованного имущества реабилитированному их компетенция заключается в принятии, реализации или возврате имущества на основании вступившего в законную силу приговора.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни один из перечисленных нормативных актов не ставит возмещение вреда, причиненного гражданину в сфере уголовного судопроизводства, в зависимость от наличия или отсутствия вины должностных лиц судебно-следственных органов. А отсюда естественный вывод – независимо от того, какие действия должностных лиц (то ли правомерные, повлекшие вредный результат; то ли совершенные вследствие недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям; то ли должностные преступления) причинили гражданину вред, государство в любом случае возлагает на себя обязанность к его возмещению, т.е. налагает на себя имущественную ответственность за деятельность своих представителей. Именно такое решение вопроса соответствует конституционному положению: «Граждане СССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (ст. 58).

Отказ от учета этого принципиального обстоятельства приводит Г. Н. Ветрову к существенно неправильному выводу о том, что реализацию «…восстановительных санкций при отсутствии вины в невыполнении предписаний уголовно-процессуального закона не следует рассматривать в качестве ответственности, поскольку отсутствует при этом определяющая черта ответственности за правонарушение – осуждение со стороны государства ви-

новного в нарушении закона»[128]. Указанное обстоятельство может иметь значение только в случаях регрессных взысканий в пользу государства, исполнившего свою обязанность перед гражданином, потерпевшим от судебно-следственной ошибки. Возложение на должностное лицо ответственности за законные, правомерные действия, повлекшие, однако, вредный результат, недопустимо и необоснованно ни с социально-нравственных, ни с правовых позиций. Но также безнравственным по отношению к пострадавшему в уголовном судопроизводстве было бы положение, если бы исходя из позиций, предложенных Г. Н. Ветровой, государство не возложило на себя эту ответственность, предусматривающую восстановительные и компенсационные санкции за вред, причиненный судебно-следственными органами. В специфической сфере реализации уголовно-процессуальных отношений, где особенно рельефно выражен принцип публичности, повсеместно действует схема отношений: перед гражданином ответственно государство через свои представительные органы, а перед государством или его органом отвечает конкретное должностное лицо. Сущностная особенность социалистического образа жизни в том и состоит, что он функционирует и развивается на основе принципа «государство–человеку, человек–государству». Этот принцип определяет ответственность государства, общества за судьбу людей и ответственность каждого человека за настоящее и будущее социалистического государства.

С учетом высказанных соображений уголовно-процессуальное правонарушение можно определить следующим образом: это нарушение требований закона (процессуального и материального), совершенное в сфере уголовного судопроизводства любым его участником в форме виновного неисполнения им своих процессуальных обязанностей или объективного (безвиновного) поведения.

Содержание любого правонарушения в юридической литературе обычно раскрывается путем анализа его составных частей: объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон. Рассмотрим эти структурные элементы под углом зрения предмета нашего исследования.

Объект уголовно-процессуального правонарушения. Вопрос об объекте правонарушений относится к числу сложных в юридической науке и совершенно неразработанных применительно к уголовно-процессуальным правонарушениям. В общем виде таким объектом можно назвать всю совокупность возникающих по делу отношений, составляющих сущность уголовного судопроизводства. Однако сами правоотношения в своем структурном подразделении имеют: объект, субъект, права, обязанности. Отсюда возникает вопрос: являются ли тождественными понятия «объект процессуального правоотношения» и «объект процессуального правонарушения»? Представляется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Их соотношение между собой можно определить как отношение части к целому. Объектом уголовно-процессуального правоотношения являются любые отношения, возникающие в судопроизводстве, – и регулятивные, и охранительные. Объектом уголовно-процессуального правонарушения являются только охранительные правоотношения.

В теории уголовного процесса уголовно-процессуальные отношения рассматриваются как общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, которые возникают, развиваются, изменяются и прекращаются в процессе возбуждения, расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, а также при разрешении процессуальных вопросов в стадии исполнения приговоров и определений, вступивших в законную силу[129]. Сущность их видят в том, что они возникают по поводу уголовно-правовых отношений, имеют государственно-властную природу правообязывающего характера, неразрывно связаны с уголовно-процессуальной деятельностью и т.д.

К объекту процессуального правоотношения М. С. Строгович относит «все то, по поводу или ради чего возникает данное отношение»[130]. П. С. Элькинд называет общий и специальный объект. Общий объект – это «быстрое и полное раскрытие преступлений, познание объективной истины с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию… Специальным объектом уголовно-процессуальных отношений является результат поведения участников каждого данного правоотношения…»[131].

Общим объектом процессуальных отношений, по мнению В. Н. Шпилева, выступает «уголовная ответственность лица, совершившего общественно опасное деяние…». Непосредственный объект – «результат проведения процессуальных действий»[132].

Эти по существу правильные суждения не содержат, однако, указания на специфику правоохранительных отношений и специфику объекта процессуального правонарушения.

Охранительные правоотношения, будучи разновидностью процессуальных, обладают наряду с признаками, общими для всех правоотношений, и своими специфическими, к которым относятся: особая направленность, отличающая их от регулятивных правоотношений, своеобразие их волевого характера, субъективного состава.

Объект правоохранительных отношений (по аналогии с регулятивными) можно подразделить на общий, видовой и непосредственный. Общим объектом является охрана установленного нормами уголовно-процессуального права порядка уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает определенные запреты, возлагая обязанность воздерживаться от совершения конкретных действий. При соблюдении запретительных норм не возникает конкретных охранительных правоотношений. Но запрет ставит субъекта уголовного судопроизводства (независимо от мотивов соблюдения запрета) в определенное отношение к государству (другим участникам процесса). Это отношение является общим правоотношением. Оно не одностороннее, ибо социалистическое государство выступает не только носителем властных полномочий, но в лице своих органов и правообязанным субъектом.

Охранительные правоотношения общего характера складываются в связи с наделением граждан определенными правами и использованием этих прав, «а также обязанностей в связи с их охраной, защитой, гарантированием, взаимной ответственностью, существующей между государством и гражданином»[133]. Правам советских граждан – участников уголовного процесса – соответствует обязанность государства в лице уполномоченных органов и должностных лиц обеспечить реализацию предоставленных правовых возможностей, защитить их в необходимых случаях от посягательств со стороны органов, должностных лиц и других участников процесса.

В случае нарушения правовых предписаний возникают конкретные охранительные правоотношения. Если в общих правоотношениях государство выступает как гарант исполнения юридических обязанностей и неприкосновенности субъективных прав, то в конкретных является стороной, от имени которой правоохранительные органы применяют различные виды принуждения по отношению к правонарушителям.

По видовым признакам охранительные отношения в уголовном судопроизводстве можно разделить: 1) на отношения, возникающие в связи с надзорной деятельностью; 2) на отношения, связанные с применением мер процессуального принуждения; 3) на отношения, связанные с возложением процессуальной ответственности.

Непосредственным объектом процессуального правонарушения является все то, на что посягает правонарушитель в конкретном случае. Это может быть установленный порядок проведения следственного действия или судебной процедуры, нарушение требований, установленных в процессуальных нормах-запретах и нормах материального права, реализуемого в уголовном процессе и т.д.

Объективная сторона процессуального правонарушения. С объективной стороны обязательными элементами всякого правонарушения являются: а) противоправное действие (бездействие); б) вред для общественных отношений; в) причинная связь между ними. Рассмотрим, как эти элементы выражаются в уголовно-процессуальном нарушении.

Процессуальные правонарушения совершаются должностными лицами, ведущими производство по делу, а также иными субъектами, вовлеченными в уголовное судопроизводство в том или ином качестве. Правонарушения должностных лиц выражаются, как правило, в различного рода ошибках; а правонарушения иных участников процесса – в отказе от выполнения возложенных на них законом обязанностей, в нежелании подчиниться установленному законом правопорядку. И те и другие правонарушения являются противозаконными, противоправными. Такое поведение не только формально расходится

с требованиями процессуального закона, но и является общественно вредным, а тем самым и общественно опасным. Общественная опасность процессуальных правоотношений определяется вредом, который они причиняют отдельным гражданам, социалистическому обществу и государству в целом.

Процессуальное нарушение, выразившееся, например, в необоснованном осуждении, причиняет огромный моральный и материальный вред не только необоснованно осужденному, но и его родственникам и близким. Это – потеря работы и утрата заработка в связи с задержанием, арестом, применением в качестве наказания лишения свободы, материальный ущерб от имущественных мер наказания – штрафы, конфискация имущества, возложение обязанности загладить причиненный вред, исправительно-трудовые работы без лишения свободы, взыскание судебных издержек, утрата права на жилую площадь при осуждении к лишению свободы на срок свыше 6 месяцев; правоограничения, обусловленные наличием судимости.

Необоснованное осуждение – это нравственные страдания невинно осужденного, разлука с родными, вынужденное общение с преступниками, публичная дискредитация, которая вносит разлад в общественное мнение коллектива относительно нравственного облика осужденного члена коллектива.

Данное правонарушение приносит огромный вред социалистическому правосудию, делу успешной борьбы с преступностью, так как нарушается принцип неотвратимости наказания, и истинно виновный уходит от законного возмездия, подрывается авторитет органов государства, осуществляющих борьбу с преступностью (оперативного аппарата, следственных органов, прокуратуры и суда).

Большое количество процессуальных правонарушений, их повторяемость ослабляют борьбу с преступностью, состояние законности и правопорядка в стране и тем самым наносят ущерб социалистическому обществу, Советскому государству.

Конкретные процессуальные правонарушения причиняют непосредственный вред самым различным уголовно-процессуальным отношениям или создают угрозу наступления такого вреда в обеспечении прав и законных интересов граждан и решении задач судопроизводства. Принятие всякого незаконного решения и издание на его основе акта в конечном счете посягает на важную сторону социалистического правопорядка – соподчинение правоприменительных актов (приговоров, определений, постановлений) закону. Процессуальное правонарушение приносит, таким образом, вред «правоприменительному процессу и влияет на результат реализации нормы материального права в том смысле, что он не будет столь эффективным, как при неукоснительном соблюдении процессуальных норм»[134].

Специфика процессуальных нарушений такова, что значительное число правонарушений – это результат одновременно и бездействия участников процесса и незаконного действия. Например, такое распространенное правонарушение судебно-следственных органов, как неполнота и односторонность расследования или разбирательства дела (нарушение требований ст. 20 УПК РСФСР), совершается путем бездействия. Принятие же на основе нарушений требований ст. 20 УПК РСФСР незаконных актов (постановления о привлечении в качестве обвиняемого; обвинительного заключения; постановления или определения о предании суду, приговора) есть результат действия, так как нельзя принять решение или издать акт путем бездействия. В уголовном судопроизводстве допускаются правонарушения, которые совершаются путем действия (нарушение порядка в судебном заседании) или только путем бездействия (уклонение переводчика и специалиста от выполнения своих обязанностей).

С точки зрения вредности нет оснований противопоставлять неправомерное действие и бездействие, однако в отличие от правонарушений, совершаемых путем активных действий, нарушения, связанные с бездействием, менее заметны и требуют дополнительных усилий надзорных инстанций при их выявлении.

Для характеристики объективной стороны процессуального правонарушения важное значение имеет причинная связь между противоправным поведением и наступившими вследствие него общественно опасными результатами. Эта связь не всегда бывает прямой,

видимой без всестороннего анализа правонарушения, что затрудняет установление, но вовсе не свидетельствует об отсутствии причинной связи. Вред или угроза его причинения является обязательным элементом процессуального правонарушения, поэтому и причины, его вызывающие, также имманентно присущи всякому правонарушению. Установить эти причины, проследить их связь с конечными результатами не всегда легко, но весьма важно для применения процессуальной ответственности.

Субъективную сторону процессуальных правонарушений составляют элементы, характеризующие психическое, волевое отношение правонарушителя к своим действиям, а также к последствиям правонарушения. Главным среди этих элементов является вина, выражающаяся в двух формах – умысла и неосторожности.

Неявка свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта по вызовам следователя, прокурора, суда без уважительных причин; уклонение переводчика и специалиста от исполнения обязанностей, нарушение порядка судебного заседания, неисполнение указаний прокурора и судебных инстанций и т.д. – эти правонарушения могут совершаться только умышленно, так как участник процесса понимает противоправность своего поведения, его направленность против установленного порядка судопроизводства и предусматривает либо может предусмотреть наступление вредных последствий.

Недобросовестное исполнение своих обязанностей личными поручителями при применении в качестве меры пресечения личного поручительства и отдачи несовершеннолетнего под присмотр совершается как умышленно, так и по неосторожности, если правонарушитель легкомысленно рассчитывал предупредить наступление вредных для социалистического правосудия последствий своих действий, хотя и должен был предвидеть их противоправные результаты. Эта форма вины преобладает при совершении процессуальных правонарушений должностными лицами – субъектами судопроизводства.

Ранее мы указывали, что вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления, привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности и т.д. не являются только процессуальными нарушениями. Это – виновная преднамеренная ложь, преследуемая в уголовном порядке. В рамках уголовно-процессуального правонарушения остаются эти же действия, совершенные по неосторожности или в результате добросовестного заблуждения, т.е. в результате объективно противоправного деяния. Неосторожная форма вины будет в том случае, когда должностное лицо понимает, что выводы, сделанные им в решении по делу, не вытекают в полной мере из имеющихся доказательств, являются сомнительными, но надеется, что, может быть, ошибки нет, или надзорная инстанция ее не заметит. Должностное лицо может преднамеренно нарушить требование процессуального закона, надеясь, что это не отразится на выводах по делу и останется незамеченным в вышестоящих инстанциях (самонадеянность в отношении последствий нарушения).

Процессуальное правонарушение, исходящее из незнания фактов, искажения их правовой оценки, неправильного определения меры наказания, представляет собой добросовестное заблуждение должностного лица. Объективно противоправным следует считать вынесение неправильного приговора в связи с отсутствием полной убежденности и определенными сомнениями в том, каким образом должно быть разрешено рассматриваемое уголовное дело, когда психическое состояние судьи связано с преодолением внутреннего конфликта, возникающего в результате борьбы мотивов «за» и «против» принятия определенного решения, либо в зависимости от противоречивых воздействий, порождаемых объективно существующей разной ориентацией участников судебного разбирательства, противоречивыми интересами подсудимых, потерпевших, различным характером обвинительных и оправдательных доказательств.

Объективно противоправным следует считать вынесение ошибочного приговора под воздействием процессуального вмешательства кассационных и надзорных инстанций, если они превышают пределы своих полномочий при пересмотре дел, признают доказанными факты, не установленные или отвергнутые судом первой инстанции, предрешают вопрос о доказанности обвинения и при отмене оправдательного приговора[135].

Субъект уголовно-процессуального правонарушения. Им могут быть только субъекты уголовного судопроизводства. Исходя из процессуального положения, все субъекты уголовного судопроизводства разграничиваются следующим образом: 1) государственные органы – органы дознания, следствия, прокуратуры, суд; 2) граждане, имеющие в уголовном процессе личный интерес, – обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик; 3) лица, представляющие в уголовном судопроизводстве интересы других субъектов, – защитник обвиняемого, представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика; 4) общественные организации, коллективы трудящихся, их представители; 5) граждане, чьи показания являются источником доказательств (свидетели, эксперты и т.д.), и содействующие компетентным органам государства в осуществлении процессуальной деятельности (специалисты, понятые, переводчики и т.д.).

Каждый из указанных субъектов может допустить нарушение требований закона и тем самым оказаться субъектом процессуального правонарушения. Поэтому неверным представляется мнение, что «несоблюдение юридических норм отдельными гражданами еще не означает нарушение режима законности, в то время как неуважение к законам, проявленное со стороны государственных органов, всегда означает нарушение режима законности»[136]. Нарушением законности в уголовном судопроизводстве выступает любое нарушение требований уголовно-процессуального закона любым его участником.

Рассмотренные элементы образуют состав процессуального правонарушения, являющийся фактическим основанием уголовно-процессуальной ответственности. Однако в теории права общепризнано положение, согласно которому юридическая ответственность в советском обществе не может иметь места без указания на то в законе. Это общее положение распространяется и на процессуальную ответственность, юридическим основанием применения которой являются нормы уголовно-процессуального права, предусматривающие как обязанность (в диспозиции), нарушение которой составляет правонарушение, так и меру ответственности (в санкции) за нарушение правовой обязанности. Нельзя в связи с этим не вспомнить указания В.И. Ленина о том, что «….воля, если она государственная, должна быть выражена как *закон*, установленный *властью*; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком»[137]. В этой мысли сконцентрировано все необходимое для правильного понимания сущности нормы права. Ее содержание – это государственная воля, по форме – это закон, установленный властью, т.е. обеспечиваемый силой по отношению к лицам, нарушающим ее установления.

§ 4. Форма реализации уголовно-процессуальной ответственности

В рамках процессуальных правоотношений ответственность берет свое начало, в рамках этих правоотношений она реализуется. Общее положение, что применение правовых норм к конкретным фактам, действиям происходит в форме правоотношений, через правоотношения, полностью относится к уголовно-процессуальной ответственности: ее возникновение, применение в установленной процессуальным законом форме и порядка всегда происходит через посредство соответствующего уголовно-процессуального отношения, с которым процессуальная ответственность составляет единое и неразрывное целое. Это обстоятельство позволяет некоторым ученым трактовать ответственность как правоотношение. Так, П. С. Элькинд пишет: «Уголовно-процессуальная ответственность всегда выражается в форме правоотношения – урегулированного нормами уголовно-процессуального права общественного отношения между лицом, нарушившим требование закона и поэтому подвергаемым ответственности, и компетентным органом государства, возлагающим на него такую ответственность»[138]. По мнению Б. Т. Базылева, «правовая ответственность – это динамическое правоотношение, возникающее из факта правонарушения, между государством (а также обладателем нарушенного субъективного права) и правонарушителем, представляющее собой диалектическое единство правовой формы – права компетентных органов государства требовать восстановления нарушенного общественного отношения и применять меры государственного воздействия к виновному правонарушителю и обязан-

ности последнего подчинить свое поведение этим требованиям – и содержания – фактических действий сторон по реализации своих субъективных прав и обязанностей»[139]. Трактовка ответственности как правоотношения не исключает указания на иные ее признаки и свойства.

В советской правовой литературе считается общепризнанным мнение, что юридическая ответственность и правоохранительное отношение – не совпадающие правовые явления, имеющие существенные различия. Однако также общепризнано, что юридическая ответственность берет свое начало, реализуется и прекращается в рамках или в форме охранительного правоотношения, поэтому несет в себе черты последнего. Значит, исследование ответственности как правоотношения свидетельствует не об отождествлении этих явлений, а о стремлении авторов рассмотреть указанные вопросы глубже и шире[140].

Уголовно-процессуальные отношения объединяют в одно правовое явление субъективные права и юридические обязанности участников судопроизводства, процессуальное правонарушение как юридический факт, процессуальную ответственность как правовое последствие. Поэтому теория процессуальных правоотношений выполняет важную методологическую функцию: она дает дополнительные возможности выяснить сущность этих правовых явлений, связи и взаимоотношения между ними.

Позитивная процессуальная ответственность выражается в таком правоотношении, в рамках которого государство формирует требования ко всем участникам процесса исполнять конкретные процессуальные обязанности и соблюдать правовые запреты, оно же выступает в качестве субъекта, имеющего право требовать исполнения этих обязанностей. Права (правомочия компетентных органов государства) и обязанности участников судопроизводства образуют правовой компонент процессуального правоотношения или, как иногда говорят, юридическое содержание этого правоотношения. Результатом, последствием реализации указанного правоотношения является надлежащее исполнение субъектом своих процессуальных обязанностей. Осознание, правильное и четкое понимание предоставленных прав и лежащих на участниках судопроизводства в силу закона обязанностей и есть процессуальная ответственность в позитивной форме, ответственное состояние или «чувство ответственности».

Позитивная ответственность осуществляется только в сфере регулятивных отношений. В системе института процессуальной ответственности – это первичное отношение, обрываемое процессуальным правонарушением. Правонарушение как юридический факт выражается в правоотношении, которое в системе ответственности является вторичным. Нейтрализация последствий правонарушения происходит путем применения негативной ответственности, выраженной в форме правоотношения, которое в системе ответственности будет уже третичным отношением процессуальной ответственности (рис. 1).

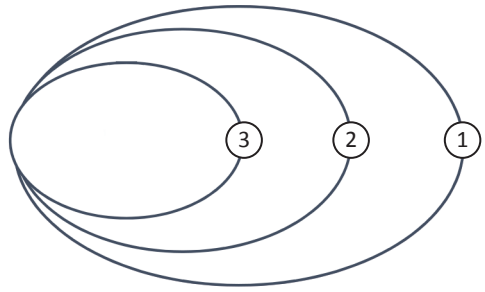

Рис. 1. 1 – правоотношение позитивной ответственности; 2 – правонарушение; 3 – правоотношение негативной ответственности

Негативная ответственность осуществляется в сфере охранительных правоотношений, которые по своей социальной природе служат упрочению правопорядка и укреплению законности в уголовном судопроизводстве. Будучи разновидностью социалистических

правоотношений, охранительное правоотношение негативной ответственности обладает наряду с признаками, общими для всех правоотношений, и своими специфическими. Они возникают при нарушении правовых запретов и несоблюдении правовых предписаний между правонарушителем и компетентным органом государства. Таким образом, правоотношение негативной ответственности вытекает из правоотношения, в рамках которого совершается процессуальное правонарушение, является естественным продолжением его, а оба они отражают известную аномалию в правовом регулировании. Однако правоотношение негативной ответственности – это самостоятельное правоотношение, в рамках которого совершаются положительные действия, направленные на нейтрализацию последствий правонарушения, – восстановление нарушенных требований или возложение мер штрафного воздействия, компенсационного характера.

Эти отношения возникают как следствие нарушения на основе норм процессуального права между компетентными органами государства и субъектом уголовного судопроизводства, однако они не характеризуются равноправием их участников. Это ярко выраженное властеотношение, в котором наблюдается перевес активности со стороны государственных органов, правомочных воплощать в жизнь требования социалистической законности. Однако правомочия компетентных органов и соответствующих должностных лиц нельзя рассматривать как односторонние. В данном случае, как и во всех других, мы имеем дело с правилами поведения, возлагающими на участников правоотношения взаимные права и обязанности с той лишь разницей, что эти нормы в большей мере выражают государственно властный характер. Властные полномочия компетентных органов государства и соответствующих должностных лиц не исключают, а, наоборот, предполагают права участников судопроизводства в условиях соответствующих гарантий (прокурорского надзора, надзора вышестоящих судебных инстанций и т.д.).

В общих чертах структура правоотношения негативной ответственности выглядит следующим образом: в качестве основания возникновения данной связи выступает правонарушение, виновное или объективно противоправное (безвинное) действие субъекта уголовного судопроизводства, и, как следствие, одной стороне (управомоченному органу государства или должностному лицу) предоставляется право и обязанность применить к субъекту, допустившему противоправные действия, санкции процессуальных норм. Другая сторона (правонарушитель) при наличии определенных прав обязана сообразовывать свое дальнейшее поведение с реализуемыми в отношении его мерами принудительного воздействия.

С точки зрения предпосылок, оснований возникновения, субъектов и содержания это правоотношение не отличается принципиально от других процессуальных правоотношений. Оно предполагает наличие правовой нормы (уголовно-процессуального закона), юридического факта, порождающего правоотношение (основание процессуальной ответственности), субъектов, могущих нести процессуальную ответственность, и взаимные права и обязанности участников правоотношения. Поэтому правоотношение негативной ответственности, если определять его в общем виде, представляет собой один из видов уголовно-процессуальных правоотношений, т.е. общественных отношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального права. Уголовно-процессуальные отношения негативной ответственности возникают из фактических общественных отношений в связи с юридическими фактами, имеющими место в сфере уголовного судопроизводства, с которыми уголовно-процессуальный закон связывает наступление правовых последствий в виде процессуальной ответственности. Правоотношение процессуальной ответственности представляет собой поэтому единство правовой формы и материального содержания.

Б. Т. Базылев правильно указывал, что «правовая ответственность – это динамическое правоотношение…»[141], которое в процессе своего осуществления «материализует» общие предписания норм уголовно-процессуального права в поведении адресатов правовой нормы. Оно как бы «…переключает общие правовые предписания в плоскость конкретных прав и обязанностей. При таком переключении точно очерчивается круг лиц, которые становятся носителями субъективных юридических прав и обязанностей, конкретно фик-

сируются для данных лиц рамки, в пределах которых они должны строить свое поведение. Правоотношение, следовательно, индивидуализирует общие предписания права, вносит необходимую определенность в круг субъектов, «прикрепляет» к ним конкретные субъективные права и обязанности»[142]. При этом права и обязанности субъектов правоотношения образуют юридическую, специфически уголовно-процессуальную форму этого правоотношения, а поведение субъектов, действия по реализации прав и обязанностей – его содержание.

В содержание процессуальной ответственности (как охранительного правоотношения) входят определение и реализация мер государственного воздействия. Со стороны субъекта процессуального правонарушения – это исполнение новых юридических обязанностей (уплата штрафа) или принятие на себя мер процессуального осуждения (определение, частное определение суда, представление прокурора и т.д.). Эти действия не дают полного представления о содержании процессуальной ответственности, но они являются ее составными элементами.

Вместе с тем в содержании процессуальной ответственности не может включаться деятельность органов, осуществляющих привлечение к уголовной ответственности. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений охватывает и правоотношения уголовной и уголовно-процессуальной ответственности. Уголовные правоотношения органически связаны с уголовно-процессуальными отношениями, облекаясь в форму которых они развиваются и реализуются. Однако смешение этих видов правоотношений, особенно отожествление двух видов ответственности, представляется недопустимым.

В процессуальной литературе встречаются суждения о разграничении понятия уголовной ответственности на ответственность в материально-правовом и процессуальном смысле. Так, уголовно-процессуальную ответственность Я. О. Мотовиловкер понимает как уголовную в процессуальном смысле, усматривая различие этих двух видов ответственности в том, что уголовная ответственность в материальном смысле – результат действительной и доказанной вины, а уголовная ответственность в процессуальном смысле – следствие вероятного, а не совершенного преступления[143].

Прежде всего вызывает возражение определение автором оснований уголовно-процессуальной ответственности (в его трактовке – уголовной ответственности в процессуальном смысле). Таким основанием является процессуальное правонарушение, а не вероятное совершение преступления, и если существенное нарушение требований уголовно-процессуального закона будет допущено субъектом уголовного судопроизводства при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований уголовной ответственности, то в связи с этим нарушением требований процессуального закона возникают основания процессуальной ответственности, для которой доказанность или недоказанность оснований уголовной ответственности безразлична.

Отождествление уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельного института уголовно-процессуального права и уголовной ответственности в процессуальном выражении ее установления и закрепления недопустимо, так как это не один вид юридической ответственности, а два ее самостоятельных вида, установленных различными отраслями советского права, имеющих разные основания, не тождественный круг субъектов, различную форму реализации и т.д.[144]

Правовую основу действий, образующих содержание уголовно-процессуальной ответственности, составляет обусловленная процессуальными нормами взаимосвязь права компетентных органов государства установить правонарушение, возложить на правонарушителя и реализовать меры государственного воздействия по отношению к нему, принять меры к восстановлению нарушенных требований уголовно-процессуального закона и обязанности правонарушителя подвергнуться мерам воздействия и реализовать их в положительном поведении.

Проблема уголовно-процессуальных отношений в той или иной мере рассматривалась в различных работах по уголовному процессу[145]. К несомненным достижениям в научной разработке этого вопроса следует отнести выводы, что предпосылками возникновения,

развития и прекращения уголовно-процессуальных отношений являются: уголовно-процессуальные нормы; юридические факты, с которыми закон связывает возникновение, существование, изменение или прекращение отношений; наличие субъектов данных конкретных правоотношений. Авторы правильно указывают, что уголовно-процессуальные отношения – это общественные отношения, которые развиваются в ходе судопроизводства, что они развиваются, изменяются и прекращаются по поводу уголовно-правовых отношений. Поэтому процессуальные отношения органически связаны с материально-правовыми отношениями и как бы «вводят» уголовный закон, а при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле и гражданский закон «… в ткань общественной жизни, оживляют право, превращают его из своеобразной абстракции в реальность»[146]. При этом процессуальные отношения выполняют регулятивную функцию уголовно-процессуального права в процессе возбуждения, расследования, судебного рассмотрения уголовных дел, а также при разрешении процессуальных вопросов в стадии исполнения приговоров и определений, вступивших в законную силу.

Однако уголовно-процессуальные нормы устанавливают и другой вид правоотношений, выполняющих охранительную функцию, которые в процессуальной литературе не были подвергнуты сколько-нибудь значительному исследованию[147]. Охранительные правоотношения, опосредствующие охранительную функцию социалистического права, носят дополнительный характер по отношению к регулятивным отношениям так точно, как выраженная в охранительном правоотношении негативная ответственность носит супплетивный характер по отношению к позитивной ответственности регулятивного правоотношения. Позитивная ответственность является способом защиты регулятивных правоотношений в сфере уголовного судопроизводства; негативная ответственность – способ регулирования конфликтных отношений в судопроизводстве. Различие этих видов уголовно-процессуальной ответственности определяется видовыми различиями тех общественных отношений (регулятивных и охранительных), которые составляют их объекты.

В рамках охранительных правоотношений осуществляется защита субъективных прав, проводятся в жизнь меры процессуальной ответственности.

Специфика охранительных правоотношений состоит в том, что они представляют собой отношения органа власти с участниками уголовного судопроизводства. Если в позитивных связях, т.е. в отношениях позитивной ответственности государство выступает как гарант исполнения юридических обязанностей и неприкосновенности субъективных прав, то в охранительном отношении негативной ответственности – стороной, от имени которой органы власти применяют санкции к нарушителям требований процессуальных норм.

Далее. Если регулятивные процессуальные отношения возникают не только между органом власти и гражданами, организациями – участниками уголовного судопроизводства[148], но и между гражданами[149] (защитником и обвиняемым, потерпевшим и обвиняемым и т.д.), то не вызывает никаких сомнений, что охранительные правоотношения могут существовать лишь между компетентным органом государственной власти и иными участниками судопроизводства. Вне связи каждого из участников уголовно-процессуальных отношений с государственным органом власти (должностным лицом) охранительные отношения, в рамках которых осуществляется процессуальная ответственность, невозможны.

Специфика охранительного правоотношения негативной ответственности состоит также в том, что оно опосредствует применение принудительных мер воздействия, охватываемых понятием уголовно-процессуальных санкций. Субъективное право в указанном правоотношении выражается в правомочии органов власти (должностных лиц) по применению санкций; юридическая обязанность – в их претерпевании участниками правоотношения. Отрицательные последствия такого воздействия выступают в качестве средств, при помощи которых достигается общая и частная превенция правонарушений в сфере уголовного судопроизводства.

В теории права указываются следующие признаки отношения юридической ответственности как особого вида охранительных отношений: 1) оно возникают только из правонарушений, т.е. виновно совершенных, противоправных, общественно вредных и наказуе-

мых деяний, выраженных как в действии, так и в бездействии; 2) эти отношения являются конфликтными, нежелательными для социалистического общества; 3) общественные отношения, регулируемые нормами ответственности, – отношения властные, складывающиеся по вертикали, т.е. между государством и правонарушителем; 4) эти отношения, будучи урегулированными нормами права, становятся правоотношениями, в рамках которых осуществляется наказание правонарушителей; 5) указанные отношения имеют единый объект, в качестве которого выступает правовой и моральный статус правонарушителя; 6) отношения ответственности внешне выражаются в комплексе процессуальных правоотношений; 7) данные отношения регулируются методом наказания, предполагающим применение государственного принуждения[150].

Эта совокупность признаков не только наиболее полно раскрывает существенные общие и специфические, материальные и правовые свойства охранительного отношения правовой ответственности, его элементы, но одновременно показывает неразрывные диалектические связи и взаимозависимости этого правоотношения и его элементов с другими правовыми явлениями, начиная от юридического факта, вызывающего правоотношения к жизни, и кончая наказанием.

Вместе с тем указанная совокупность признаков является общей для отношений всех видов юридической ответственности различных отраслей права. Применительно к правоотношениям уголовно-процессуальной ответственности некоторые из указанных признаков нуждаются в уточнении.

1. В системе признаков прежде всего обращает на себя внимание то, что объектом отношения юридической ответственности признается правовой и моральный статус правонарушителя, т.е. личность. С. Н. Кожевников указывает, что «…объект его – это то, на что направлены данное субъективное право и соответствующая обязанность. В широком смысле объект рассматриваемого правоотношения это личность: ее физическое, духовное, материальное бытие, ее правовой и социальный статус»[151].

Не может не вызывать возражений такое совмещение функций в любом правоотношении, так как это противоречит общефилософскому и общеправовому пониманию объекта как того, что противостоит субъекту, на что направлена практическая и познавательная деятельность субъекта и что существует независимо от субъекта и вне его. Марксистско-ленинская философия исходит из признания независимого существования объекта от субъекта и в то же время рассматривает их в неразрывном единстве. Объект и субъект – соотносительные понятия. Основой их соотношения является действие – предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта, направленная на объект[152]. Гносеологически под объектом понимается внешний предмет, на который воздействует субъект, предмет, существующий независимо от субъекта и его сознания; субъект в гносеологическом плане – это носитель активности, деятельное, практическое существо, обладающее сознанием и волей.

Исходя из этих кратко очерченных общефилософских позиций, мы полагаем неправомерным признание личности объектом того правоотношения, в котором реализуется уголовно-процессуальная ответственность. Объект и субъект – соотносимые, противополагающиеся, но в то же время самостоятельные категории и в философии, и в праве. Поэтому и в уголовно-процессуальном праве объект правоотношения может быть только самим собой, а субъект – самим собой. Субъект уголовно-процессуального отношения не может одновременно быть и объектом этого же правоотношения. Это противоречит основным законам формальной логики – законам тождества, противоречия (непротиворечия) и исключенного третьего[153]. Ф. Энгельс, изучая логический метод исследования системы общественных отношений, каковыми, бесспорно, являются и уголовно-процессуальные отношения, отмечал, что «уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»[154].

Правовой статус правонарушителя – субъекта охранительного уголовно-процессуального правоотношения, выражающийся в его субъективных правах, также не может быть объектом конкретно этого правоотношения. Субъективные права являются правовой кате-

горией и правоотношения, элементом которых они выступают, как и право в целом, регулируют не сами себя, а фактические общественные отношения. Если же объектом норм права или предметом правового регулирования являются только фактические общественные отношения, то и объектом уголовно-процессуального правоотношения будет та часть общественных отношений, которая конкретно регулируется уголовно-процессуальным правом.

Выявить и теоретически определить объект уголовно-процессуального охранительного правоотношения на эмпирическом уровне, как это имеет место в естествознании, не представляется возможным, поэтому здесь пригодны только методологические и логические средства. В уголовно-процессуальной литературе этот вопрос пока не ставился и не исследовался, хотя он интересен как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Согласно широко распространенному в юридической литературе определению объекта правоотношения им признается «все то, по поводу чего или ради чего возникает данное отношение»[155]. С учетом ранее сказанного мы считаем его правильным, поскольку оно, как нам представляется, отражает объективную действительность. В то же время это определение, по справедливому замечанию многих авторов, слишком общо, не раскрывает полностью содержания понятия объекта правоотношения. В связи с чем одни авторы под этой формулой понимают «…быстрое и полное раскрытие преступлений, познание объективной истины с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию»[156], другие таким объектом считают уголовную ответственность лица, совершившего общественно опасное деяние[157].

Исходя из указанного выше философского определения объекта как предмета, на который направлена практическая деятельность субъекта, к объекту правоотношения в уголовно-процессуальном праве следует отнести такие действия или явления, которые имеют место в реальной действительности и находятся в сфере регулирования уголовно-процессуального права. «Помимо *своих действий*, – отмечал К. Маркс, – я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»[158]. Но из этого совсем не следует, что с точки зрения марксизма объектом правового регулирования следует считать только индивидуальные поступки людей. Нужно иметь в виду, что единичный и обособленный индивид – это, по Марксу, иллюзия больших и малых робинзонад[159], что из действия реальных личностей слагаются общественные отношения. Отсюда вытекает, что, регулируя поведение участников уголовного судопроизводства, процессуальные нормы тем самым регулируют и отношения между ними, именуемые процессуальными правоотношениями.

Дозволяя или запрещая тот или иной вариант поведения участников уголовного судопроизводства, устанавливая процедуру и последовательность проведения процессуальных действий определенного вида, предусматривая права и обязанности в связи с участием в производстве процессуальных действий, закон тем самым устанавливает порядок судопроизводства, наиболее соответствующий общественным и государственным интересам, т.е. такой порядок, который обеспечивает успешное выполнение задач уголовного судопроизводства, в том числе быстрое и полное раскрытие преступлений, познание объективной истины и привлечение к уголовной ответственности.

В структуре уголовно-процессуального отношения порядок судопроизводства (правопорядок) противостоит субъекту. Если субъект правильно и добросовестно соблюдает правопорядок судопроизводства, т.е. выполняет возложенные на него обязанности, он находится в состоянии позитивной ответственности и способствует успешному достижению задач судопроизводства. Если субъект нарушает порядок судопроизводства и тем самым противодействует успешному достижению задач судопроизводства, для него как следствие должна наступить ответственность в негативной форме. Охранительные отношения по своей социальной природе служат упрочнению правопорядка и вытеснению общественных связей, мешающих и противодействующих нормальному, установленному уголовно-процессуальным правом порядку судопроизводства.

К какому бы виду отрицательной деятельности субъектов судопроизводства мы не обратились, – это всегда нарушение установленного законом правопорядка. Уклонение переводчика, специалиста от выполнения своих процессуальных обязанностей, уклонение лич-

ных поручителей от выполнения взятых на себя обязательств, любое нарушение требований процессуального закона органом дознания, следствия, прокуратуры, суда – это нарушение установленного законом порядка судопроизводства. Основное назначение процессуальной ответственности – восстановить нарушенный порядок судопроизводства или нейтрализовать последствия этого нарушения. Учитывая изложенное, мы полагаем, что общим объектом уголовно-процессуальных охранительных отношений является установленный уголовно-процессуальным правом порядок судопроизводства как явление объективной реальности, существующее до возникновения правоотношения и по поводу которого сталкиваются противоречивые или прямо противоположные интересы субъектов данного правоотношения – интересы правонарушителя и общественные, государственные интересы.

Установленный уголовно-процессуальным правом порядок судопроизводства в процессуальной литературе называют уголовно-процессуальной формой и в нее включают совокупность условий для совершения органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда действий по осуществлению функций расследования и разрешения уголовных дел и для совершения иными участниками уголовного процесса действий по выполнению своих обязанностей и осуществлению прав[160]. В уголовно-процессуальную форму включают порядок совершения всех процессуальных действий по собиранию и исследованию доказательств на предварительном следствии и судебном разбирательстве; осуществлению своих прав и защите интересов; разрешению всех возникающих при производстве по уголовному делу вопросов; а также последовательность тех действий, из которых складывается производство по уголовному делу. Вместе с тем, как правильно отмечал М. С. Строгович, процессуальная форма – «это не нечто поверхностное, внешне не связанное с существом, с содержанием деятельности следственных, прокурорских и судебных органов. Наоборот, она представляет собой именно выражение содержания этой деятельности, организацию ее, средство обеспечения выполнения задач уголовного судопроизводства. В общем виде можно сказать, что процессуальная форма есть необходимая и важная составная часть социалистического правосудия, важная гарантия его правильного осуществления»[161].

Порядок производства уголовных дел, установленная законом процессуальная форма следственных, судебных и других процессуальных действий обеспечивает нормальное функционирование уголовного судопроизводства, гарантирует субъектам судопроизводства реализацию принадлежащих им процессуальных прав. Содержанием процессуальной формы является уголовно-процессуальная деятельность.

Порядку судопроизводства, процессуальной форме противостоит неправомерная деятельность субъекта судопроизводства, совершающего нарушение требований процессуального закона. В этом проявляется положение марксистско-ленинской философии о том, что между формой и содержанием существуют противоречия и борьба. В возникшем конфликте сталкиваются несовместимые стремления субъектов уголовно-процессуального отношения – правонарушителя и социалистического государства, заинтересованного в нормальном функционировании уголовно-процессуальной системы. Конфликтная ситуация причинно обусловливает в качестве своего закономерного следствия реальное завязывание отношения уголовно-процессуальной ответственности между субъектами судопроизводства, принимающего форму охранительного уголовно-процессуального правоотношения.

Поэтому уголовно-процессуальная ответственность, как и иные охранительные средства, играет существенную роль в обеспечении процессуальной формы, порядка судопроизводства, в организации общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства в целом. С ее помощью устраняются отступления от нормального порядка, нарушения процессуальной формы, предупреждаются случаи возможных отклонений и аномалий в будущем.

В советской литературе понятие вреда, приносимого правонарушением, вполне справедливо связывается с нарушением организации общественных отношений, установленного законом порядка деятельности. С этих позиций любое правонарушение причиняет

нематериальный вред, и этот вред состоит в том, что противоправное действие вносит дезорганизацию в общественные отношения, подрывает общественную дисциплину и авторитет права, препятствует нормальным процессам в функционировании и развитии социалистических общественных отношений[162].

Таким образом, мы приходим к выводу, что установленному уголовно-процессуальным правом порядку судопроизводства (процессуальной форме) в качестве объекта противостоит волевое устремление субъекта, нарушающего этот порядок, – формула «все то, по поводу чего» возникает данное отношение. Как следствие появляется новое общественное отношение, в рамках которого правонарушитель должен отвечать за свое неправомерное поведение, держать ответ перед государством за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а компетентные органы (должностные лица) обязаны восстановить нарушенную процессуальную форму или нейтрализовать ее нарушения – формула «все то, ради чего возникает данное отношение».

Иначе говоря, правоотношение, в котором развивалась процессуальная ответственность, трансформируется в качественно новое правоотношение, в котором реализуется санкция (поощрительная или порицательная). Непосредственным объектом этого правоотношения становится социальный и правовой статус участника процесса, на который направлена оценочно-познавательная деятельность соответствующих органов или должностных лиц. Оценочно-познавательная деятельность выражается в применении к субъекту мер поощрения или порицания. Спецификой правоотношения, в котором реализуется процессуальная санкция, является фактическое содержание и природа субъективных прав, при которых у одной стороны возникает право поощрять или порицать, а участник процесса, совершивший одобряемое государством действие или процессуальное правонарушение, не наделен правом этого требовать. Участник процесса, например, не наделен правом требовать вынесения в свой адрес поощрительного частного определения, а равно и обязанностью требовать вынесения частного определения порицательного характера; правомочный орган не обязан по требованию этого лица вынести в его адрес частное определение. Следовательно, субъективное право и обязанность в этом виде правоотношения возникают не непосредственно из нормы, а лишь после издания акта применения поощрения или порицания.

В то же время в уголовном судопроизводстве имеются нормы, которые предоставляют субъективное право участникам процесса на компенсацию понесенных расходов (ст. 106 УПК РСФСР, Указ и Положение от 18 мая 1981 г.), но при условии реализации компенсационных санкций. Отсюда вытекает вывод о том, что недоказанный в особом, установленном нормой права порядке факт совершения поощряемого государством поступка или процессуального правонарушения не может влечь для участника процесса правовых последствий, т.е. что без отношения, в котором реализуется уголовно-процессуальная ответственность, не может возникнуть правоотношение, в котором реализуется санкция.

Правовое регулирование общественных отношений осуществляется на основе юридических норм – общеобязательных, формально определенных правил поведения, которые образуют правовую основу деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц по привлечению к ответственности. Эта деятельность составляет содержание юридической ответственности, а обусловленная процессуальными нормами взаимосвязь права компетентных органов государства (должностных лиц) устанавливать правонарушения, определять и возлагать меры государственного воздействия на правонарушителя и обязанности субъекта правонарушения принять эти меры и реализовать их в положительном поведении – правовую форму указанной деятельности. Единство этих действий (содержания) с правовой формой и представляет собой правоотношение юридической ответственности.

Если взаимодействие содержания и формы правоотношения рассматривать с диалектических позиций, то нужно прийти к выводу, что правовая форма правоотношения возникает раньше фактического содержания. Как указывает С. С. Алексеев, именно такое расхождение между правовой формой и фактическим содержанием позволяет понять механизм активной творческой роли социалистического права. Возникнув без определенного

фактического содержания, правовая форма затем обретает это содержание (совершаются положительные действия) и тем самым достигается цель правового регулирования – складываются фактические отношения, которых раньше не было[163].

Отношение юридической ответственности возникает так: сначала существует и действует (психически) норма или ряд норм права, в которых предусмотрены права и обязанности субъектов будущего общественного отношения. Но здесь нет еще юридической ответственности, ибо правовая ответственность как правовое отношение есть единство правовой формы и фактического содержания. Затем правовые нормы реализуются в формах их соблюдения, исполнения, при которых субъекты ведут себя в соответствии с юридическими правилами предписанного для каждого их них поведения. Соблюдая юридические запреты, исполняя юридические обязанности и используя юридические права, носители их становятся субъектами отношения позитивной ответственности, так как реализация права всегда предполагает связанность воли и обусловленность поведения правовыми предписаниями.

Факт правонарушения приводит в движение охранительные правовые нормы в определенном направлении, и эта форма постепенно наполняется материальным содержанием. Следовательно, юридическая ответственность возникает, складывается и развивается в диалектическом противоречии ее содержания и формы. Моментом, с которого начинается динамика позитивной ответственности, является правомерная деятельность субъектов, регламентированная правом. Основанием и моментом, с которого начинается динамика негативной ответственности, является факт неправомерного действия субъекта. Динамичность всей системы правоотношений уголовно-процессуальной ответственности и переход ее позитивного вида в негативный можно показать на рис. 2

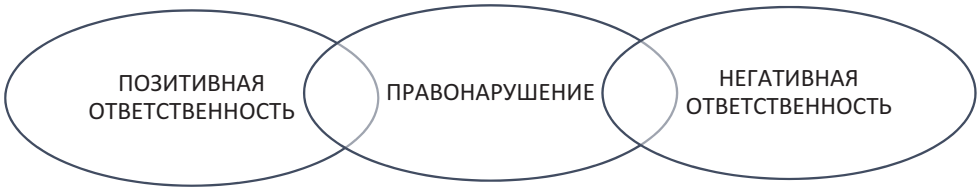

Рис. 2

При этом отношения позитивной ответственности, содержащие положительное поведение субъектов уголовного судопроизводства, являются первичными и общими. Они существуют вне конкретных правоотношений негативной ответственности, в то время как последние не могут возникнуть без общих. Поэтому большое значение приобретает выработка такой системы ответственности, которая в максимальной мере отвечала бы интересам повышения эффективности уголовно-процессуальных норм и всего механизма уголовно-процессуального регулирования и не только апеллировала бы к мерам негативной ответственности, но и шире использовала методы учета и контроля, отчетности и подотчетности, убеждения, поощрения, воспитания и т.д.

Вывод о примате позитивного над негативным в содержании и структуре уголовно-процессуальной ответственности методологически важен для характеристики уголовно-процессуального права, его содержания и функций в условиях, когда оно выражает волю и интересы всего советского народа.

2. Отношение уголовно-процессуальной ответственности включает в себя те же элементы, что и любые другие правоотношения, – субъекты, содержание (права и обязанности) и объекты, на которые направлено правоотношение. Применительно к исследуемой проблеме нуждается в уточнении содержание правоотношения ответственности. Речь в данном случае идет о характере обязанностей. П. С. Элькинд правильно считает, что ответственность – это «реальное возложение на правонарушителя дополнительной уголовно-процессуальной обязанности»[164], дополнительной к той, которая ранее лежала на субъекте судопроизводства.

Несмотря на то, что это положение открыто не подвергается критике, в процессуальной литературе допускаются и иные суждения, согласно которым содержание ответственности понимается как предусмотренная законом обязанность. Так, В. М. Ковалев, критикуя выдвинутое нами в ранее опубликованной работе «Уголовно-процессуальное принуждение» суждение о том, что удаление подсудимого или свидетеля из зала судебного заседания есть мера процессуального принуждения, считает, что «удаление из зала судебного заседания и штраф – все это выражение уголовно-процессуальной ответственности в связи с несоблюдением процессуальной обязанности»[165]. Аналогичны рассуждения автора о приводе свидетеля, потерпевшего и эксперта в случае их неявки по неуважительным причинам. По мнению В.М. Ковалева, привод является «реализацией уголовно-процессуальной ответственности» и «представление о приводе как просто о мере процессуального принуждения не соответствует основаниям и природе его назначения»[166]. Однако в связи с этим возникает вопрос: где же здесь дополнительная обязанность, дополнительное обременение, когда речь идет о принудительном исполнении первоначальной обязанности являться по вызовам и вести себя надлежащим образом в судебном заседании?

Выделение уголовно-процессуальной ответственности как особого института, не включающего в себя применение указанных В. М. Корнуковым и В. М. Ковалевым мер процессуального принуждения к исполнению существующей обязанности, обусловлено содержанием возникающих в данном случае отношений. Принуждение к исполнению обязанности нельзя считать ответственностью, поскольку меры уголовно-процессуального принуждения направлены лишь на обеспечения существующей, установленной нормой права обязанности. Здесь нет дополнительной обязанности, являющейся результатом правонарушения. Отклонение поведения от требований права исправляется с помощью процессуального принуждения, но не связано с возникновением особых, новых обязанностей – санкцией за допущенное правонарушение. С помощью уголовно-процессуального принуждения участники приводятся в то положение, в котором они должны находиться в соответствии с требованиями закона. Поэтому более плодотворной является точка зрения, согласно которой уголовно-процессуальная ответственность включает в себя лишь такие последствия правонарушения, которые выражаются в возникновении новых обязанностей либо в видоизменении обязанностей, возникших из существующего правоотношения. Эти видоизменения, как и новые обязанности, должны быть связаны с определенными (положительными или отрицательными) последствиями для участника уголовного судопроизводства.

Именно содержание правоотношения ответственности является тем критерием, по которому последняя отличается от мер уголовно-процессуального принуждения и правоотношений, в которых они реализуются. Если бы меры принуждения к выполнению обычных обязанностей считались мерами ответственности, то это означало бы, по существу, отождествление ответственности с охраняемой ею обязанностью. Такая теоретическая конструкция вела бы к снятию самой проблемы уголовно-процессуальной ответственности, подменяла бы ее проблемой принудительного выполнения обязанностей. Уголовно-процессуальная ответственность субъекта как в потенциальном состоянии, так и на стадиях реализации (возложения и осуществления) отличается от охраняемой с ее помощью обязанности иным по форме и содержанию характером. Это особая уголовно-процессуальная мера, возлагающая на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения в виде наказания за невыполнение обязанности или злоупотребления правом, а также в виде наступления неблагоприятных последствий – имущественных, нравственных, профессиональных.

3. В юридической литературе считается общепризнанным, что государство как целое выступает участником некоторых видов правоотношений. Нет единства лишь в вопросе, в каких именно правоотношениях участвует оно и является ли участником правоотношений государство в целом или суд как его самостоятельный орган. Так, А. В. Мицкевич считает, что Советское государство – союзная республика – становится субъектом правоотношения только тогда, когда по делу выносится окончательное решение Верховным судом респу-

блики. При этом имеются в виду только уголовно-процессуальные отношения[167]. Такой же точки зрения придерживался С. Ф. Кечекьян[168]. Обосновывалось и другое мнение – о том, что государство как носитель суверенитета осуществляет правосудие, наказывает преступников, выступая участником уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений[169]. Это мнение представляется более обоснованным. Охрана правопорядка и осуществление правосудия – одно из важнейших проявлений суверенитета государства. Реализация этих функций соответствующими органами государства не от своего имени, а от имени государства в целом выражает подлинно демократическое отношение к охране интересов общества, сочетающееся с максимальной гарантией прав личности.

Выступление государства в целом в качестве участника правоотношений накладывает особый отпечаток на правоотношения. Положение органов, выступающих от имени государства (органы милиции, прокуратура, суд, органы Министерства финансов и др.), отличается от положения органов, выступающих в качестве самостоятельных участников правоотношений. Это – отношения власти и подчинения. Государственно-волевой характер обеспечивает содержанию правоотношения значение правового (властного) требования, повелительного предписания, обращенного к определенному адресату, т.е. характер правообязывающего отношения. К числу государственных органов власти уголовно-процессуальное законодательство относит: прокуратуру, следствие, дознание, суд; руководителей и должностных представителей этих органов: прокурора, заместителя и помощника прокурора, следователя, начальника следственного отдела, начальника органа дознания, лицо, производящее дознание, председателя, заместителя председателя, члена суда, народных судей.

Признание государства участником правоотношения означает, что государство принимает на себя ответственность за действия своих представителей – должностных лиц или органов, т.е. выступает правообязанным субъектом правоотношения. Это логично, так как свою честь, свободу и имущественное положение гражданин, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, вверяет не прокурору, следователю, судье, а государству. Перечисленные органы и должностные лица – это лишь звенья аппарата, специально созданного государством, чтобы успешно осуществлять свое суверенное право на отправление правосудия. Поэтому за действия каждого должностного лица, за эффективное функционирование всей системы органов по выполнению возложенных на них задач ответственно в целом государство.

В теории советского уголовного права господствует концепция, согласно которой субъектами уголовно-правового отношения являются, с одной стороны, осужденный, с другой – государство. Эта концепция основывается на известном положении К. Маркса: «У государства определенное право по отношению к обвиняемому, так как государство по отношению к данному индивиду выступает как государство. Отсюда для него непосредственно вытекает обязанность относиться к преступнику именно как государство и сообразно с духом государства»[170]. Аналогичную систему суждений с подобным выводом и обратной связью можно построить и относительно правоотношения уголовно-процессуальной ответственности: с одной стороны, правонарушитель, с другой – государство; а в случае судебно-следственной ошибки, с одной стороны, государство, а с другой – гражданин, пострадавший в сфере судопроизводства.

Ни у кого не вызывает сомнений правильность положения, когда конфискованное имущество, а также денежные суммы, удержанные из заработка осужденного к исправительным работам без лишения свободы, в случае ошибочного осуждения возвращаются ему государством через его финансовые органы. Возращение гражданину свободы, которой он был несправедливо лишен, отмена всех незаконных уголовно-процессуальных актов или их изменение также является обязанностью судебно-следственных органов как представителей государства. Но обязанность государства устранить вред, причиненный гражданину в уголовном судопроизводстве, не исключает ответственности перед государством должностных лиц и органов, действиями которых этот вред был причинен. Одновременно с реализацией восстановительной (компенсационной) санкции (констатация невиновно-

сти, возмещение вреда, отмена решений и так далее) государство реализует карательную санкцию в отношении должностных лиц, допустивших правонарушение путем вынесения частных определений, внесения протестов, представлений, отстранения следователя, прокурора от занимаемой должности и т.д., выражая тем самым должностным лицам свое осуждение. Таковы особенности, характеризующие выступление государства в качестве субъекта правоотношений уголовно-процессуальной ответственности, в которых контрагентами являются, с одной стороны, граждане, которым причинен вред в уголовном судопроизводстве, а с другой – должностные лица государственных органов, совершившие вредоносные действия.

Кроме компетентных органов государственной власти субъектами отношений уголовно-процессуальной ответственности могут быть организации – различные учреждения, предприятия, действующие от своего имени, общественные организации, коллективы трудящихся и граждане. Они являются субъектами уголовно-процессуальных правоотношений, когда выступают в качестве заявителей о преступлении, общественных поручителей, гражданских истцов, гражданских ответчиков, личных поручителей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, защитников, свидетелей, понятых, экспертов, специалистов и др.

К данному выводу мы приходим на основании анализа действующего уголовно-процессуального законодательства. Так, в ч. 5 ст. 25 и ч. 2 ст. 140 УПК РСФСР говорится, что постановления прокурора и следователя обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, должностными лицами и гражданами, которым они адресованы. В ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 133[1] УПК РСФСР устанавливается, что требования лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда о вызове эксперта и специалиста обязательны для руководителя учреждения, предприятия или организации, где работают эти лица. Принудительность требований, обращенных ко всем участникам процесса и лицам, не являющимся участниками уголовного процесса, обеспечивается реализацией санкции уголовно-процессуальной ответственности, установленной ст. 321 УПК РСФСР: «Одновременно с постановлением приговора суд при наличии к тому оснований частным определением обращает внимание руководителей учреждений, предприятий, организаций и других лиц на причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер» (ч. 1) и далее: «Суд по материалам судебного разбирательства вправе частным определением обратить внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга. В необходимых случаях копия частного определения может быть направлена в товарищеский суд» (ч. 4).

Частное определение – это акт социалистического правосудия, который реализует уголовно-процессуальную ответственность, в отношении руководителей предприятий, организаций, учреждений и в отношении отдельных граждан. Поэтому следует признать ошибочным высказанное нами ранее положение о том, что уголовно-процессуальной ответственности может быть подвергнут только гражданин[171].

Правосубъектность представляет собой общую предпосылку участия граждан и организаций в любых правоотношениях. Вместе с тем следует различать отдельные характеристики, определяющие положение участников именно правоотношения уголовно-процессуальной ответственности. Одной из таких характеристик является деликтоспособность – способность нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения (деликты).

В уголовно-процессуальном отношении различаются два вида субъектов: а) субъекты, претерпевающие ответственность, и б) субъекты, привлекающиеся к ответственности. Это разделение, как ранее указывалось, относительно, ибо в зависимости от вида правонарушения один и тот же субъект может и претерпевать ответственность (например, государство) и одновременно привлекать к ней других субъектов (государственные органы). Деликтоспособность государственных органов, действующих от имени государства, не вызывает никаких сомнений. Она возникает с момента существования этого органа неза-

висимо от сменяемости его должностных лиц. Деликтоспособность должностных лиц как структурного подразделения определяется путем провозглашения ответственности тех органов, от имени которых они действуют. Иными словами, должностные лица государственных органов так же, как и руководители предприятий, организаций, действующих от своего имени, свои полномочия получают от организации, следовательно, на них распространяется деликтоспособность организации (государственной или общественной).

Однако через деликтоспособность нельзя раскрыть правосубъектность в правоотношении процессуальной ответственности граждан – участников уголовного судопроизводства. Процессуальные права могут принадлежать лицам, которые не обладают зрелой волей, способностью принимать решения, самостоятельно осуществлять эти права. Их права в правоотношениях реализуются через посредство действий других лиц. Гражданин СССР может стать субъектом любого вида ответственности, т.е. иметь общую деликтоспособность, в возрасте восемнадцати лет. Кроме этого признака для признания деликтоспособности необходима и волевая способность лица давать отчет в своих действиях и руководить ими, а также отсутствие физических недостатков, в силу которых субъект не в состоянии полностью и эффективно использовать свои права, а тем более выполнять свои обязанности.

Итак, все граждане, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства, обладают уголовно-процессуальной деликтоспособностью, за исключением: 1) несовершеннолетних; 2) невменяемых и лиц, страдающих психическими недостатками, которые включают в себя психические заболевания и иные психические состояния, отрицательно влияющие на способность воспринимать, запоминать, воспроизводить сведения о фактах, а также правильно ориентироваться в происходящих событиях; 3) лиц, страдающих физическими недостатками, к которым следует отнести полную или частичную потерю зрения, слуха, речи, а также хронические соматические заболевания, другие физические дефекты, в силу которых лицо не в состоянии полностью и эффективно использовать свои права и выполнять обязанности.

Глава 2
СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Функциональная характеристика уголовно-процессуальной ответственности

Уголовно-процессуальное право – это динамичная и целостная система юридических норм, направленная на регулирование особым уголовно-процессуальным методом общественных отношений, складывающихся в уголовном судопроизводстве. Соответственно уголовно-процессуальное регулирование представляет собой юридическое воздействие на поведение субъектов указанных общественных отношений. Его основное назначение состоит в том, чтобы организовать положительное поведение субъектов, направить их действие в русло государственных интересов. Вследствие этого нормы уголовно-процессуального права, выполняющие функцию регулирования позитивных общественных отношений, получили название регулятивных норм.

Однако процесс нормального осуществления права может приостанавливаться в результате различных противоправных фактов. Обвиняемый (подсудимый) может стремиться помешать ходу расследования, познанию истины по уголовному делу; свидетель, желая выгородить или, наоборот, оговорить обвиняемого, может дать заведомо ложные показания и т.д. Указанные факты служат основанием для возникновения негативных, конфликтных отношений, которые также регулируются правовыми нормами. Эти нормы уголовно-процессуального права выполняют функцию охраны регулятивных правоотношений и называются охранительными нормами. Таким образом, право не только организует, ре-

гулирует, но и поддерживает, охраняет от посягательств систему уголовно-процессуальных отношений с помощью защитных механизмов, предназначенных обеспечить нормальное функционирование уголовно-процессуального права.

Правовая охрана уголовно-процессуальных отношений осуществляется различными способами: 1) установлением правовых запретов, направленных на предупреждение негативных действий участников судопроизводства; 2) установлением мер уголовно-процессуального принуждения (меры пресечения, привод, задержание, розыск и т.д.), направленных на предотвращение негативных действий участников судопроизводства, препятствующих успешному осуществлению задач уголовного процесса; 3) установлением процессуальной ответственности, направленной на предупреждение уголовно-процессуальных правонарушений (позитивная форма), на восстановление нарушенного правопорядка и наказание виновных (негативная форма).

Среди охранительных правовых институтов следует выделить меры уголовно-процессуального принуждения и уголовно-процессуальную ответственность.

Наличие различных охранительных институтов в рамках одной отрасли уголовно-процессуального права подтверждает, например, ст. 263 УПК РСФСР. Она гласит: «В случае нарушения подсудимым порядка во время судебного заседания, а также при неподчинении распоряжениям председательствующего председательствующий предупреждает подсудимого о том, что при повторении означенных действий он будет удален из зала судебного заседания. При повторном нарушении порядка подсудимый по определению суда может быть удален из зала заседаний, и разбирательство дела продолжается в его отсутствие». Удаление подсудимого из зала судебного заседания является мерой уголовно-процессуального принуждения, а лишение его при этом процессуальных прав лично осуществлять свою защиту – уголовно-процессуальной ответственностью. Более четко эту мысль законодатель выражает в ч. 4 ст. 263 УПК РСФСР, в которой сказано: «Остальные лица, присутствующие в зале судебного заседания, в подобных случаях могут быть удалены по распоряжению председательствующего. Кроме того, на них может быть судом наложен штраф в размере от десяти до тридцати рублей» (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. – «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1983, № 32, ст. 1153). Согласно ч. 3 ст. 263 УПК РСФСР в случае нарушения потерпевшим порядка в судебном заседании или неподчинения распоряжениям председательствующего он может быть удален из зала заседания по определению суда. Применение к нему уголовно-процессуальной ответственности в виде штрафа недопустимо. В УПК Украинской ССР (ст. 272) и Казахской ССР (ст. 237) установлено, что если потерпевший не подчиняется распоряжениям председательствующего, то он может быть или удален из зала суда (мера государственного принуждения), или подвергнут определением суда штрафу (процессуальная ответственность). При этом в УПК Украинский ССР право суда оштрафовать потерпевшего стоит на первом месте. В ст. 254 УПК Армянской ССР и ст. 225 УПК Эстонской ССР предусмотрена возможность одновременного применения к потерпевшему меры принуждения и ответственности – удаления потерпевшего из зала суда и наложения на него судом штрафа. В УПК Туркменской ССР (ст. ст. 68, 69), помимо права суда подвергнуть потерпевшего такой мере принуждения, как привод, предусмотрено и право наложить на него штраф.

Назначение процессуальной ответственности заключается в охране специфическим способом не только норм соответствующих регулятивных правоотношений. Институт ответственности гарантирует, укрепляет действие охранительного института – мер процессуального принуждения. Например, личное поручительство как мера пресечения является процессуальным принуждением. Ответственность личных поручителей в случае совершения подозреваемым или обвиняемым действий, для предупреждения которых была применена эта мера пресечения, является процессуальной ответственностью (ст. ст. 94 и 323 УПК РСФСР).

Таким образом, среди охранительных правовых институтов процессуальная ответственность занимает особое место. Ее социальное назначение состоит в том, чтобы иско-

ренить определенные негативные явления, обеспечить нормальные условия для развития общественных отношений в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальное право призвано обслуживать потребности реализации норм уголовного права через правоприменительную деятельность уполномоченных на то субъектов уголовного судопроизводства. Функциональное назначение процессуальных норм – способствовать достижению результата, предусмотренного нормой уголовного права. Это обусловливает специфическую особенность уголовно-процессуальной ответственности, ее функциональную направленность. Процессуальная ответственность в качестве своего основания имеет процессуальное правонарушение, которое причиняет вред правоприменительному процессу и влияет на результат реализации нормы уголовного права в том смысле, что он не будет столь эффективным, как это могло быть в случае неукоснительного соблюдения процессуальных норм.

Таким образом, назначение процессуальной ответственности в механизме правового регулирования определяет две функциональные особенности: 1) охранять от нарушений нормы уголовно-процессуального права – общеобязательные правила поведения субъектов уголовного судопроизводства; 2) способствовать достижению эффективного результата при реализации норм уголовного и других отраслей права в сфере уголовного судопроизводства. В этом довольно четко обнаруживается основной смысл социального назначения процессуальной ответственности.

В процессуальной науке охранительная функция не была подвергнута серьезному исследованию, хотя упоминается в системах процессуальных функций в виде прокурорского надзора за исполнением законности[172] или в виде надзора вышестоящих судебных органов за судебной деятельностью нижестоящих судов[173].

Прежде чем продолжить характеристику предмета исследования, возникает необходимость выяснить значение термина «функция». Семантика этого слова указывает на один из существенных его признаков – деятельность. Функционировать – значит, действовать, так как функция – проявление жизнедеятельности любого объекта; она является отражением всеобщего движения в природе как способ существования материи[174]. Функции уголовно-процессуального права как системы норм, направленной на регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, неразрывно связаны с деятельностью участников судопроизводства по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел и выражают ее. Вместе с тем сказанное не дает нам права отождествлять функции всей системы права и ее деятельности как элемента этой системы. Функциональное выражение деятельности состоит в том, что она осуществляется всегда во имя достижения определенной цели, которая не только обозначает то, что произойдет в будущем, но и указывает, какие средства нужно употребить, чтобы желаемое будущее стало реальностью. Функция предполагает также установление процессуальных отношений, их существование невозможно без реальных субъектов, между которыми и возникает функциональная зависимость. Целенаправленный характер функций как связи между участниками судопроизводства обусловливает возможность применения к ним количественных и качественных характеристик. Это говорит о том, что функция означает не всю деятельность субъекта, а только часть ее, следовательно, она охватывает какую-то сферу, вид, сторону деятельности. Разумеется, и само понятие «функция» весьма многозначное, не может сводиться к деятельности и отождествляется с ней. Функции уголовно-процессуального права носят объективный характер, т.е. они возникают на основе объективных закономерностей развития общества, когда цели и задачи судопроизводства можно выполнить только путем осуществления именно данной функции. Отсюда служебная роль функций в раскрытии социального назначения всей системы уголовно-процессуального права, правового регулирования.

Исходя из того, что правовое регулирование нераздельно включает в себя организацию и охрану общественных отношений, в теории уголовного права различают две функции права: функцию организации общественных отношений и функцию охраны общественных отношений[175]. Функция организации общественных отношений в сфере уголовно-процес-

суального регулирования, т.е. в сфере уголовного судопроизводства, во-первых, отражает те специфические особенности предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, совокупность которых определила обособление комплекса процессуальных норм в самостоятельную отрасль уголовно-процессуального права; во-вторых, направлена на упорядочение и приведение в систему огромного комплекса общественных отношений возникающих и развивающихся в связи с возбуждением, расследованием и разрешением дел о преступлениях. Установить содержание и объем государственно-властных полномочий органов дознания, следствия и суда, необходимых для предупреждения и пресечения преступлений, быстрого и полного их раскрытия, изобличении виновных и реабилитации невиновных, правильного применения уголовного закона, определить порядок реализации этих полномочий, регламентировать субъективные права других участников процесса, их гарантии и порядок осуществления и т.д. – это конкретные проявления организаторской функции уголовно-процессуального права.

Поэтому представляется более правильным определять функцию в уголовно-процессуальном праве не как направление деятельности[176], назначение и роль участников процесса[177], основную процессуальную обязанность[178], а как назначение уголовно-процессуального права, регулирующего определенный вид деятельности. Таких видов деятельности, составляющих содержание функции организации общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, три: обвинения, защиты, правосудия (рассмотрения и разрешения уголовного дела)[179]. Все остальные виды деятельности, выделяемые процессуалистами в самостоятельные функции уголовного процесса, – установление, проверка данных относительно преступлений, их расследование, вспомогательная функция, включающая в себя действия свидетелей, экспертов и других лиц и т.д.[180], представляются конкретным проявлением способов осуществления указанных трех функций (обвинения, защиты, правосудия) – компонентов функции организации общественных отношений в сфере уголовно-процессуального регулирования.

Надзор прокурора за исполнением законности в уголовном судопроизводстве и надзор вышестоящих судебных органов за судебной деятельностью нижестоящих судов, которые В.Н. Шпилев и В.В. Шимановский включают в свои системы в качестве самостоятельных функций уголовного процесса, являются не функциями, а формой осуществления функции охраны уголовно-процессуальных отношений.

Функция охраны уголовно-процессуальных отношений выражается в правовой защите от возможных и реальных нарушений процессуальных норм путем установления юридических способов их обеспечения и восстановления, а также наказания виновных. Все нормы, которые предусматривают эту функцию, образуют нормативную основу охранительного механизма правовой системы.

Таким образом, в системе уголовно-процессуального права существуют и действуют специальные защитные (охранительные) механизмы, назначения которых обеспечить реализацию и охрану регулятивных правовых норм и соответствующих им правовых отношений. Функция охраны носит вспомогательный (но не менее важный по своему значению) характер, призвана создать максимально благоприятные условия для осуществления организаторской (регулятивной) функции по обеспечению выполнения задач уголовного судопроизводства.

Выполнение охранительной функции обеспечивается, как ранее указывалось, надзорной деятельностью прокурора, народного суда, вышестоящих судов, Министерства юстиции СССР. Сущность всякого надзора заключается в наблюдении за тем, чтобы должностные лица соответствующих органов и другие участники судопроизводства неукоснительно, в полном соответствии с законом выполняли возложенные на них обязанности, соблюдали установленный законом порядок отправления этих обязанностей и чтобы в случае нарушения этого порядка были приняты меры к восстановлению законности и привлечению виновных к ответственности. В таком широком смысле надзор есть функция охраны, обеспечивающая нормальную деятельность всех участников уголовного судопроизводства.

Основным и непосредственным носителем этой функции выступает прокуратура. Для правильного понимания роли и места надзорной деятельности прокуратуры в выполнении указанной функции чрезвычайно важное значение имеют предписания ст. 20 Основ уголовного судопроизводства. Здесь важны три момента: 1) прокурор обязан реагировать на нарушения закона, от кого бы эти нарушения ни исходили; 2) вид и характер таких нарушений заранее не определены, поэтому употребление в законе выражения «всякие нарушения» означает, что прокурор обязан реагировать на нарушения в любой их форме; 3) если закон был нарушен, прокурор обязан принимать соответствующие меры во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если в процессе надзорной деятельности в стадии предварительного расследования прокурор установит, что постановление следователя или органа дознания не соответствует закону или не обосновано материалами дела, он принимает решение о его отмене (п. «д» ч. 2 ст. 211 УПК РСФСР). Такая отмена незаконного решения в процессуальной литературе именуется уголовно-процессуальной санкцией правовосстановительного характера[181]. Прокурор может отменить любое постановление следователя или органа дознания, если признает его незаконным. Осуществляя надзор за расследованием, прокурор вправе отстранить следователя или лицо, производящее дознание, от дальнейшего ведения следствия или дознания, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела (п. «е» ч. 2 ст. 211 УПК РСФСР). В зависимости от характера нарушения к этим лицам могут быть применены различные меры взыскания, вплоть до уголовного наказания. Но даже если уголовного, дисциплинарного и так далее наказания не последует, сам факт отстранения от ведения расследования представляет собой уголовно-процессуальную ответственность[182].

Охрана и обеспечение законности в судебном разбирательстве возлагается прежде всего на суд, рассматривающий дело (ст. ст. 243, 262 и 263 УПК РСФСР). Однако прокурорский надзор является эффективным средством своевременного предотвращения любых правонарушений самим судом и другими участниками судебного разбирательства. Прокурор приносит протест не только по поводу неправильного оправдания подсудимого или осуждения невиновного, назначения ему незаслуженного мягкого или чрезмерно сурового наказания и т.д., но и в связи с нарушением прав и законных интересов любой из участвующих в деле сторон.

В процессуальной литературе широкое распространение получила концепция двух равнозначных процессуальных функций, выполняемых прокурором в суде: обвинение и надзора за исполнением законов[183]. Эта попытка расчленить единую законоохранительную деятельность на две самостоятельные части неизбежно ведет к обеднению каждой из них, к противопоставлению их друг другу. В. М. Савицкий, обоснованно критикуя данную концепцию, пишет: «Вольно или невольно поборники такой концепции наталкивают на мысль, что поддержание государственного обвинения определяется не необходимостью пресечь наиболее опасное нарушение закона, каким является преступление, а какими-то иными соображениями, не вытекающими из задачи прокуратуры охранять законность»[184].

Принося протест в кассационную инстанцию и в порядке надзора, выступая с заключением в обеих инстанциях, прокурор действует исключительно как представитель органа, надзирающего за законностью и обоснованностью судебных решений.

В стадии исполнения приговора функция правоохраны проявляется в надзоре прокурора за правильностью установления судом обстоятельств, диктующих необходимость фактического изменения судьбы осужденного. Участие прокурора в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам имеет своей целью добиться отмены вступившего в законную силу приговора, основанного на подложных доказательствах или постановленного в результате преступного злоупотребления судей или лиц, производивших расследование по делу, или неправильного в свете каких-либо иных вновь открывшихся обстоятельств (ст. 384 УПК РСФСР).

На всех стадиях процесса функция правоохраны материализуется в правомочной деятельности прокурора. Реализация правомочий прокурора является важнейшим средством пресечения нарушений процессуального закона.

В то же время дальнейшее повышение действенности прокурорского надзора требует, с одной стороны, своевременного, правильного и эффективного использования имеющихся у прокуроров правомочий по пресечению правонарушений и привлечению к ответственности виновников этих нарушений, а с другой – регламентации в процессуальных нормах новых правовых форм прокурорского реагирования на допущенные нарушения в целях быстрого восстановления нарушенной законности. В этой связи заслуживает внимания опыт социалистических европейских государств. Так, в ст. 59 Закона о прокуратуре Народной Республики Болгарии сказано: «Тот, кто не выполняет указаний прокурора, сделанных на основании настоящего Закона, наказывается прокурором штрафом в размере до 200 лев».

Советский уголовный процесс построен по принципу саморегулирующейся системы, создающей объективные предпосылки для исключения следственно-судебных ошибок и всяких нарушений закона. Ошибка, допущенная при расследовании уголовного дела, должна быть исправлена народным судом в стадии предания суду или в судебном разбирательстве. Ошибка, не замеченная или допущенная судом первой инстанции, должна быть исправлена кассационным судом, наделенным для этого всеми процессуальными средствами. Деятельность суда второй инстанции не может полностью исключить вступление в силу неправосудных судебных решений, так как приговоры Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик вступают в силу немедленно после их вынесения, а часть приговоров минует проверку кассационной инстанции за отсутствием кассационной жалобы либо протеста прокурора. Поэтому законодатель учредил дополнительную гарантию надзора – проверку судебных решений путем пересмотра их в порядке судебного надзора и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Суд первой инстанции, осуществляя правосудие в пределах своей компетенции, выполняет также правоохранительную функцию. Рассматривая и разрешая уголовные дела, решая вопросы о досрочном, условно-досрочном и условном освобождении от наказания и т.д., суд реагирует на правонарушения, допущенные органами прокуратуры, следствия, оперативно-розыскного аппарата, пенитенциарных учреждений путем вынесения частных (особых) определений, возвращения дел для доследования, оправдания невиновных или изменения обвинения в благоприятную для них сторону, прекращения дел по реабилитирующим или иным основаниям, своевременно неустановленным следователем и прокурором, возбуждения уголовных дел по новому обвинению или против новых лиц, отказа удовлетворить ходатайство об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду и прочее. В процессе рассмотрения дела суд следит за законностью действий всех участников процесса и пресекает не отвечающее требованиям закона поведение любого из них.

Вместе с тем еще более удачно, по нашему мнению, этот вопрос решен в ст. 265 УПК НРБ, согласно которой указания председательствующего «являются обязательными для всех, кто находится в судебном заседании», но «распоряжения председателя могут быть отменены составом суда. Отмена незаконных или необоснованных действий председательствующего возможна в той же судебной инстанции, в которой они были допущены, а не в вышестоящей. Это законодательное установление подчеркивает подконтрольность действий председательствующего, его ответственность перед составом суда и создает возможность восстановления законности в максимально короткие сроки.

В процессуальной литературе высказано суждение о том, что функция «…правосудия имеет много общего с функцией надзора за законностью, возложенной на советскую прокуратуру. Суд ведь тоже обеспечивает соблюдение законов. Разница между судебной и прокурорской функцией в общем виде состоит в следующем. Прокурор следит за исполнением законов и, обнаружив нарушение закона, ставит вопрос об его устранении перед компетентным органом. Суд, в отличие от прокуратуры, сам разрешает поставленный перед ним вопрос о нарушении закона, восстанавливает нарушенное право, наказывает виновных»[185]. Это по существу правильное суждение нуждается, однако, в определенном уточнении. Речь идет не о двух раздельных функциях – функции прокурора и функции суда,

а о единой функции охраны уголовно-процессуальных отношений, носителями которой являются прокуратура и суд. Определенные различия, на которые указывает И. Л. Петрухин, связаны не с разным содержанием надзорной деятельности прокуратуры и суда и не с формами этой деятельности. Прокурор так же, как и суд, наделен властными, распорядительными полномочиями, с помощью которых он не только наблюдает за исполнением закона, но и сам непосредственно устраняет обнаруженные нарушения, восстанавливает нарушенное право, наказывает виновных. Таковы, в частности, правомочия прокурора в области надзора за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Что же касается надзорной деятельности прокурора в судебных стадиях, то там он действительно не имеет таких широких полномочий, а вправе лишь обращать внимание суда на допущенные нарушения закона, от кого бы они ни исходили, т.е. и со стороны суда (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства), и ставить вопрос об их устранении. В то же время суд вправе вынести частное (особое) определение в отношении прокурора, допустившего нарушение процессуального закона (ст. 263 УПК РСФСР).

По указанным соображениям оба вида надзорной деятельности по выполнению единой функции правоохраны необходимо оценивать равнозначно[186]. Именно такой подход отражает реальное положение вещей, ибо задачи правосудия, как они определены ст. 2 Основ законодательства о судоустройстве – «обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР», – ничем принципиально не отличаются от задач прокурорского надзора, указанных в ст. 163 Конституции СССР и Закона СССР о Прокуратуре СССР (ст. 2).

Вышестоящие судебные инстанции при осуществлении правосудия также выполняют правоохранительную функцию. Статья 153 Конституции СССР прямо указывает: «Верховный Суд СССР является высшим судебным органом СССР и осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в пределах, установленных законом». Статья 1 Закона СССР о Верховном Суде СССР устанавливает: «В соответствии с Конституцией СССР Верховный Суд СССР является высшим судебным органом Союза Советских Социалистических Республик и осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в пределах, установленных настоящим Законом».

Проверяя законность и обоснованность приговора, кассационная инстанция должна надлежащим образом отреагировать на любое нарушение материального и процессуального закона, независимо от того, было ли оно упомянуто в жалобе или протесте. Выявив допущенное по делу существенное нарушение процессуального закона, суд второй инстанции отменяет приговор в отношении всех осужденных, в том числе и тех, которые жалоб не подавали. Надзорная деятельность вышестоящих судов является гарантией исправления не только судебных ошибок нижестоящих судов (как принято считать в процессуальной литературе), но и органов дознания и предварительного следствия. Это значит, что, проверяя законность и обоснованность приговора, кассационная и надзорная инстанция обязаны отреагировать на любое нарушение, допущенное как нижестоящим судом, так и органами предварительного расследования.

Особый интерес представляет анализ соотношения надзорной деятельности прокуратуры и суда и процессуальной ответственности в плане их функциональной связи и направленности на обеспечение охраны уголовно-процессуальных норм от нарушений.

В. И. Ленин указывал, что исполнение законов обеспечивается: «…Во-1-х, надзором за исполнением закона. Во-2-х наказанием за неисполнение закона»[187]. Следовательно, процессуальная ответственность за неисполнение процессуальных норм не является органически составной частью самого надзора, который в чистом виде сводится к наблюдению за исполнением законов. Это два самостоятельных компонента системы обеспечения исполнения законов, их охраны и восстановления в случае нарушения. Эти компоненты относительно автономны, между ними нет жесткой связи, так как осуществление надзора не всегда сопряжено с установлением правонарушения и процессуальной ответственно-

стью. В результате надзорной деятельности можно прийти к выводу, что все материальные и процессуальные нормы органами расследования и судом соблюдены, а стоящие перед ними задачи разрешены точно и безошибочно. Следовательно, судебно-прокурорский надзор может констатировать нормальное функционирование регулятивных отношений. Его функциональное назначение много шире, чем функциональное назначение процессуальной ответственности. Судебно-прокурорский надзор обязан обеспечить в уголовном судопроизводстве такое положение, чтобы каждое уголовное дело было правильно расследовано и разрешено, чтобы по нему достоверно и полно были установлены фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания; на основе норм уголовного права правильно квалифицировано деяние обвиняемого и правильно применены нормы гражданского права, если судом принимается решение о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением; назначено справедливое наказание либо обоснованно отказано в применении наказания к подсудимому. Судебно-прокурорский надзор обязан обеспечить также строгое соблюдение требований социалистической законности при расследовании дела органами дознания и предварительного следствия, при производстве в суде, защиту интересов общества, прав и свобод граждан.

Функциональное назначение процессуальной ответственности несколько уже. Она преследует цель предотвращения процессуальных нарушений лицами, производящими дознание, следователями, прокурорами, судьями в своей собственной деятельности, предотвращения нарушений закона иными участниками судопроизводства (в позитивной форме). Задача ее также состоит в восстановлении нарушенных требований процессуального закона и наказания виновных (в негативной форме). Обе формы процессуальной ответственности обеспечивают охрану законных интересов участников судопроизводства и усиливают его воспитательный эффект.

Таким образом, судебно-прокурорский надзор и процессуальная ответственность – понятие не тождественные; это самостоятельные компоненты регулятивной и правоохранительной функций, стимулирующие и активизирующие правомерное поведение участников уголовного судопроизводства. В то же время они тесно связаны между собой, так как основания процессуальной ответственности чаще всего устанавливаются в результате надзорной деятельности органов прокуратуры и суда. Вместе они образуют двигательный механизм уголовно-процессуального права, систему охраны от нарушений законности, прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве и обеспечения эффективности уголовно-процессуальных норм.

§ 2. Процессуальная ответственность в системе гарантий социалистической законности

Система гарантий как средств обеспечения социалистической законности в широком смысле включает в себя экономические, политические и идеологические факторы, содействующие проведению в жизнь режима законности. Экономические и политические гарантии имеют при этом решающее значение, так как по мере создания материально-технической базы коммунизма и улучшения благосостояния народа повышается сознательность трудящихся, в том числе и их социалистическое правосознание, укрепляется основная предпосылка законности и правопорядка в стране. Охрана социалистической законности в СССР обеспечивается его общественным и государственным строем, системой социалистических общественных отношений, демократизмом организации и деятельности государства, руководящей и направляющей ролью Коммунистической партии.

Особой разновидностью гарантий социалистической законности является система закрепленных в законодательстве правовых средств, которые направлены на осуществление всех требований законности, на предотвращение, ликвидацию нарушений законности, обеспечение неотвратимости ответственности и восстановление нарушенного права, устранения причин, порождающих правонарушения, перевоспитание

и исправление правонарушителей[188]. Представляется возможным выделить четыре группы гарантий, обеспечивающих принцип социалистической законности в уголовном судопроизводстве: 1) организационные, 2) процедурные, 3) правообеспечительные, 4) правоохранительные.

Организационные средства закреплены в нормах уголовно-процессуального права, определяющих права и обязанности участников процесса, пределы их осуществления, степень связанности правом деятельности участников процесса в сфере судопроизводства, условия и принцип этой деятельности и др. Процедурные средства обеспечения законности связаны с процессуальной формой (процессуальным порядком), которая создает детально урегулированный, строго обязательный правовой режим производства по уголовным делам[189]. Правообеспечительные средства находят свое выражение в реализации субъективных прав и обязанностей, стабильности и организованности в работе правоприменительных органов, позитивном отношении к решению стоящих перед уголовным судопроизводством задач. Правоохранительные средства призваны обеспечить законность и обоснованность применения права, его принудительность (меры процессуального принуждения), предотвращение его нарушителя (позитивная ответственность), восстановление в случае нарушения, неотвратимость наказания правонарушителя (негативная ответственность). Предлагаемая классификация средств обеспечения законности в уголовном судопроизводстве конкретизирует значение уголовно-процессуальной ответственности, обусловливает ее неразрывную связь с общими требованиями законности, «вмешательство» в правореализационные процессы и постоянный их контроль.

Неотвратимость ответственности за нарушение закона – необходимое условие социалистической законности, воспитания граждан, должностных лиц в духе подлинного уважения к закону.

Таким образом, социальное назначение ответственности состоит в том, что она выполняет охранительную функцию, являясь мерой восстановления нарушенной законности. Освещение ответственности через категорию «социалистическая законность» помогает уяснить социальное назначение ответственности как средства достижения задач социалистического правосудия. Вне охраны социалистической законности ответственность в уголовном судопроизводстве не обладает самостоятельным значением, так как элементы кары в процессуальной ответственности имеют своей непосредственной целью не столько наказание, сколько устранение обстоятельств, препятствующих решению задач уголовного судопроизводства. На эту взаимосвязь указывал еще В. И. Ленин. В его письме ЦК РКП (4 мая 1918 г.) говорится: «Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу (2.V.1918) о взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на 1/2 года тюрьмы.

Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и *исключать из партии*....»[190].

Социальное и юридическое назначение процессуальной ответственности – в обеспечении высокой организованности социалистического правосудия, осуществлении его на твердых основах законности, исключающих судебно-следственные ошибки. В гарантировании социалистической законности нет иных средств, которые с равноценной силой стимулировали бы поведение участников процесса в тех случаях, когда влияние правового «автоматизма», духовных и иных фактов оказывается недостаточным. При помощи ответственности как раз и возможно все более утверждать и развивать моральные начала поведения участников процесса, а также привычку соблюдать социалистическую законность. Известное положение В. И. Ленина о том, что со временем люди привыкнут к соблюдению элементарных правил поведения, касается в первую очередь сферы запретов определенного вида поведения. Поэтому сохранение ответственности за нарушение установленных законом запретов является условием для постепенного возрастания силы привычки, моральных факторов и их роли в обеспечении социалистической законности.

Укрепление социалистической законности в деятельности следственных и судебных органов неразрывно связано с повышением требований к строжайшему соблюдению этими органами всех предписаний уголовно-процессуального закона, с непримиримостью к малейшим отступлениям от его требований и с возможностью наступления ответственности за грубые нарушения закона. На недопустимость каких-либо нарушений закона настойчиво указывал Верховный Суд СССР в своих решениях. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» говорится: «Никакие нарушения законности не могут быть оправдываемы ссылками на то, что это необходимо якобы в целях усиления борьбы с преступностью. Каждое уголовное дело, независимо от характера и тяжести совершенного преступления, служебного и общественного положения обвиняемого, должно разрешаться в точном соответствии с требованиями норм уголовного и процессуального права»[191].

Уголовно-процессуальные нормы предписывают участникам уголовного процесса совершение определенных действий или воздержание от них, они наделяют участников конкретными правами и налагают на них определенные обязанности, они устанавливают гарантии прав и ответственность за неисполнение обязанностей. Таким образом, закон сам указывает, как следует охранять законность, обеспечивать соблюдение и исполнение законов, пресекать их нарушение и какие меры следует применять для восстановления законности.

Рассмотрение ответственности в качестве необходимого, социально полезного средства укрепления законности, по сути дела, является исходной основой для характеристики ее социальной ценности. Об этом же свидетельствует тенденция выработки такой системы ответственности, которая в максимальной мере отвечала бы интересам повышения эффективности правовых норм и всего механизма правового регулирования общественных отношений.

Положение о социальной ценности ответственности в уголовном судопроизводстве означает, что ее нужно рассматривать как средство, способное принести значительную пользу в решении задач уголовного судопроизводства, в укреплении законности. А отсюда и саму проблему значения ответственности следует рассматривать не только как необходимость, неизбежность в регулировании общественных отношений, но и как социальное благо, способное в силу своих свойств дать положительный результат в укреплении и расширении правовых гарантий социалистической законности. Это полностью соответствует Конституции СССР, в Преамбуле которой указывается, что политическая система развитого социалистического общества обеспечивает «сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом».

Значение ответственности как стимулятора развития и укрепления социалистической законности имеет сравнительно постоянную величину. Это наглядно можно проследить во взаимосвязи их развития.

В целях содействия полному и быстрому проведению в жизнь постановления VI Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов» Декрет СНК от 30 декабря 1919 г. «Об устранении волокиты» предписал «привлекать к законной ответственности и карать по приговору народных судов всех лиц, виновных как в несоблюдении постановления 6-го Съезда, так и в отговорке незнания его»[192]. В. И. Ленин придавал большое значение Декрету «Об устранении волокиты, разработанному по его предложению, и считал необходимым переиздание этого Декрета исполкомами Советов на местах. Надо «разъяснить, что будем карать и за *незнание* и за *неприменение* этого закона»[193], – писал В. И. Ленин Д.И. Курскому.

Одиннадцатая Всероссийская конференция РКП (б) 19–22 декабря 1921 г. подчеркнула, что укрепление законности немыслимо без строгой ответственности органов государства, должностных лиц и граждан за нарушение созданных Советской властью законов защищаемого ею порядка[194]. Во всех случаях обнаружения нарушений законности В. И. Ленин лично давал распоряжения о немедленном их устранении и привлечении виновных к ответственности[195]. И при жизни В.И. Ленина, и в последующие годы не состоялось ни одного съезда партии, партийной конференции, на которых не затрагивались бы вопросы

укрепления социалистической законности и усиления ответственности. Особое внимание этому вопросу было уделено историческим XX съездом КПСС, в резолюции которого говорится: «Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка»[196]. Курс КПСС и Советского государства на укрепление законности и правопорядка, борьбу с правонарушениями является принципиальной линией, отражающей потребности общества на всех этапах его развития. В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усиления борьбы с правонарушениями»[197] отмечается необходимостью улучшить работу органов, ведущих борьбу с преступностью, по раскрытию и расследованию преступлений, охране общественного порядка. А это значит, что необходимо повысить качество расследования и рассмотрения уголовных дел, усилить надзор за законностью в сфере уголовного судопроизводства, реагировать на каждое правонарушение, допущенное участниками процесса, создать обстановку восстановления нарушенной законности и неотвратимости наказания за совершенное правонарушение. Необходимость указанных в партийном решении мероприятий обусловлена тем, как отмечалось в правовой литературе, что среди неправильных приговоров, исправляемых кассационными инстанциями (их оказывается примерно 4 %), около 40 % порождается ошибками предварительного следствия, которые не выявили суды первой инстанции[198]; органы прокуратуры опротестовывают примерно 25 % незаконных и необоснованных судебных приговоров из 75–90 % приговоров, оказавшихся объектом прокурорского надзора[199], основная же часть таких приговоров отменяется по жалобам осужденных и их адвокатов[200]; кассационные инстанции отменяют 60 % (а в отдельных республиках – 35–40 %) незаконных и необоснованных приговоров, остальные отменяются в надзорном порядке[201]; по ряду преступлений органам, ведущим борьбу с преступностью, удается обнаружить и привлечь к ответственности в среднем лишь 20–25 % правонарушителей[202].

В современных условиях Коммунистическая партия считает нетерпимым тот факт, что «…есть еще отдельные люди, которые не воспитали в себе такого необходимого качества, как сознательное и неукоснительное соблюдение советских законов, правил социалистического общежития. С таким положением партия мириться не может и не станет»[203]. XXVI съезд КПСС указал, что все министерства, ведомства, объединения, предприятия и их руководители должны повысить ответственность за порученное дело и результаты работы, добиться значительного улучшения трудовой дисциплины, порядка и организованности на производстве[204]. Это указание можно отнести к любому производству, в том числе и судопроизводству. На съезде также отмечено, что «в современных условиях многократно возрастает значение дисциплины, значение личной ответственности. Особенно – ответственности хозяйственных, советских и партийных руководителей»[205]. XXVI съезд КПСС выдвинул требование улучшить стиль и метод руководства, дал четкие указания о подборе кадров, решениях и их исполнении, контроле исполнения, стиле работы и др.[206] В работе правоохранительных органов проблема кадров также является ключевой, ибо от уровня политических, деловых, организаторских качеств, уровня юридической подготовки правоприменителей, их отношения к порученному делу в решающей степени зависят результаты применения правовых норм, состояние законности в отдельных отраслях права и в нашей стране в целом.

Ленинские идеи об ответственности как необходимом социально полезном инструменте укрепления законности в том и состоит, что использование ответственности помогает проведению начал социалистической законности. Ответственность служит задаче укрепления законности, а укрепление законности в социалистическом обществе служит задачам построения коммунизма. В этом высшая социальная ценность юридической ответственности. Объективные законы развития социалистического общества таковы, что применение ответственности приводит к укреплению законности. М. С. Строгович пра-

вильно пишет, что «в условиях социализма и строящегося коммунизма законность всегда сильнее беззакония, законность всегда победит беззаконие, а нарушители законности всегда будут разоблачены и на самих себе испытают силу и непобедимость законности»[207]. Необходимость неуклонного и постоянного укрепления законности, расширения правовых начал во всех областях жизни требует совершенствования правовых гарантий законности, устранения любых препятствий на пути полнейшего осуществления законности, поднятия уровня юридической защищенности закона.

Исходя из понимания социалистической законности как строгого и неуклонного соблюдения и исполнения советских законов всеми органами государства, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами[208], любое противоправное действие или бездействие, любое поведение, противоречащее закону, есть нарушение социалистической законности и оно недопустимо, какой бы характер не имело и по каким бы мотивам не было совершено. Именно недопустимость любого нарушения закона и обязанность реагирования на нарушение является необходимым условием укрепления законности. Спор о том, можно ли считать нарушением законности незаконное действие должностного лица – представителя органа государства или невыполнение процессуальных обязанностей гражданином, участвующим в уголовном процессе, представляется беспредметным[209], так как любое нарушение закона, от кого бы оно не исходило, есть нарушение законности. Для того чтобы уголовное судопроизводство могло выполнить свои задачи, необходимо, чтобы законы соблюдались и исполнялись всеми его участниками неукоснительно, чтобы все предписания и требования уголовно-процессуальных норм поручили реализацию, чтобы не допускались отступления от законов.

Нарушение законности участниками уголовного судопроизводства выражается в невыполнении лицом, участвующим в процессе, своих обязанностей или в нарушении установленных законом запретов (нарушать порядок судебного заседания и т.д.). Эти процессуальные нарушения устраняются следователем, прокурором, судом в ходе расследования или судебного разбирательства. За нарушение закона несет ответственность лицо, непосредственно его совершившее (в виде штрафа, общественного воздействия, отторжения залоговой массы в доход государства и т.д.).

Невыполнение и неправильное выполнение полномочий органами государства и должностными лицами представляет исключительную опасность для государства и граждан. Поэтому совершенно справедливо к грубейшим и опаснейшим нарушениям законности относятся: преступные злоупотребления судей, прокуроров, следователей, направленные на привлечение к уголовной ответственности невиновных или освобождение от уголовной ответственности заведомо виновных; применение запрещенных законом методов следствия и судебного разбирательства; преднамеренное нарушение прав граждан, вызванное личными интересами должностных лиц; фальсификация доказательств и др. Особая опасность состоит в том, что незаконные акты об аресте, о привлечении в качестве обвиняемого, незаконные постановления о прекращении дела и обвинительные заключения подкрепляются ссылками на закон. Неправосудный приговор не только подкрепляется ссылками на уголовный и уголовно-процессуальный законы, но и выносится от имени государства, тем самым подрывая его престиж. В. И. Ленин предостерегал от формального понимания закона, которое не способно распознать его жизненность и закономерность с точки зрения исторической перспективы. В своей речи на I съезде землевладельческих коммун 4 декабря 1919 г. В. И. Ленин говорил: «…всякий закон можно обойти, даже под видом его исполнения. И закон …при недобросовестном его применении, может превратиться в совершеннейшую игрушку и достичь совсем противоположных результатов»[210].

С точки зрения социалистической законности недопустимо любое нарушение закона, кем бы оно ни было совершено – должностным лицом государственного аппарата, наделенным властными полномочиями, или другим участником процесса. В социалистическом государстве все одинаково подчинены требованиям соблюдения законов, и повышенная ответственность должностных лиц за соблюдение и исполнение законов обусловлена именно возложенными на них властными полномочиями по охране законности в государ-

стве. В этом плане приобретает особое значение ст. 4 Конституции СССР, устанавливающая, что все государственные органы и должностные лица, все общественные организации обязаны строго соблюдать Конституцию СССР и другие советские законы, оберегать права и законные интересы граждан. Такая же обязанность возлагается и на всех советских граждан (ст. 59 Конституции СССР). Статья 65 Конституции возлагает на граждан обязанность всемерно содействовать охране общественного порядка. В приведенных нормах призвано и закреплено научно обоснованное положение о том, что Советское государство является государством строжайшей социалистической законности. Указанные положения Основного Закона призваны укрепить юридическую обеспеченность социалистической законности, способствовать дальнейшему развитию всей системы правовых гарантий законности в действующем законодательстве, улучшить практику их применения. Ожидаемый результат искоренения всяких правонарушений в сфере уголовного судопроизводства в сфере уголовного судопроизводства ставит задачу познания и учета тех социально-правовых явлений, которые детерминируют процесс и результаты деятельности правоприменительных органов. Совершенствование деятельности правоприменительных органов как необходимое условие укрепления режима социалистической законности в основном сводится к проблеме о причинах и условиях совершения правоприменительных ошибок и их искоренении из практики судебно-следственных органов. В литературе этот вопрос получил определенное освещение[211]. Так, И. Л. Петрухин выделяет три группы причин судебных ошибок и соответственно три ступени их познания: 1) причины ошибок, связанные с нарушением требований материального и процессуального права на уровне принципов и конкретных норм; 2) причины ошибок, заключающиеся в общих условиях осуществления правосудия на уровне подготовки судей, особенностей их правосознания и нравственных качеств, условий жизни и трудовой деятельности, организации судебной системы и т.д.; 3) причины, коренящиеся в состоянии общих видов гарантий законности: экономических, идеологических, политических, юридических[212]. Н. Н. Вопленко вносит модернизацию в эту систему, более четко разделяя причины, которые вызывают ошибки (внутренние), и обстоятельства, благоприятствующие их возникновению (внешние причины ошибок правоприменения). Суммарно он дает следующий их перечень: 1) неясность, противоречивость законодательства; 2) отсутствие стабильной юридической практики; 3) недостаточность юридических знаний правоприменителя; 4) противодействие заинтересованных лиц; 5) неблагоприятные условия деятельности; 6) недостатки в подборе и расстановке кадров; 7) односторонность и неполнота доказательств; 8) сложность процессуальных требований к совершению отдельных юридических действий; 9) большая служебная загруженность; 10) отсутствие специализации в работе[213].

Даже чисто умозрительный анализ изложенных систем приводит нас к выводу, что существуют всего две причины судебно-следственных ошибок: 1) определенное несовершенство уголовно-процессуального законодательства и 2) безответственное отношение к своим правовым обязанностям правоприменителей. Представляется, что именно в этих двух направлениях (правосозидательном и правоприменительном) следует искать пути устранения судебно-следственных ошибок и правонарушений в уголовном судопроизводстве. Уместно привести мнение лауреата Нобелевской премии выдающегося английского ученого С. Хиншелвуда, высказанное в другой области науки, но подходящее и для данной ситуации: «Защитой ложного количественного подхода не может служить и тот факт, что мы часто не знаем лучшего решения проблемы… Замена трудных качественных суждений неадекватными механическими данными не является рационализацией или проявлением эффективности или же беспристрастностью и объективностью, а просто представляет собой весьма печальное отсутствие ответственности»[214].

Правосозидательная работа по приведению законодательства в соответствие с Конституцией СССР ведется успешно. Верховный Совет СССР принял Законы о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и Адвокатуре в СССР, законы об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 13 августа 1981 г., «О возмещении ущер-

ба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» от 18 мая 1981 г.; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1983, № 32, ст. 1153). Нормы Конституции СССР, как и принятые в ее развитие общесоюзные и республиканские законы, закрепляют ответственность в смысле долга, ответственного поведения и фиксируют возможность применения мер воздействия в случае процессуального нарушения. Оценивая всю систему мер, охраняющих законность в уголовном судопроизводстве, следует отметить ее несомненные положительные свойства, но нельзя не видеть и ее недостатков. Развитие и совершенствование республиканского законодательства должно идти также по пути четкого закрепления ответственности в ее позитивном содержании. Путей такого закрепления много, среди них наибольшее значение могли бы иметь: увеличение количества запретов, новая редакция отдельных статей, например: «Производство по уголовным делам осуществляется в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, оно не должно быть связано с использованием научно несостоятельных методов и средств доказывания либо влечь за собой нарушение норм коммунистической морали. При производстве по уголовным делам недопустимо применение насилия, угроз, унижения чести и достоинства участвующих в них лиц и окружающих, а также создание опасности для их жизни и здоровья.

Результаты следственных действий, при производстве которых были нарушены требования, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не имеют доказательственного значения. Лица, виновные в указанных нарушениях, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке»[215].

Представляется необходимым и установление новых, ранее неизвестных судопроизводству, мер ответственности негативного содержания в виде обсуждения, письменного порицания действий (кроме представлений прокурора, частных определений суда) определенных участников процесса; штрафов, налагаемых на следователей, судей в разумных пределах и т.д.

По нашему мнению, в УПК должна быть статья, формулирующая как принцип уголовного процесса положение: «Каждый участник уголовного судопроизводства, в действиях (бездействии) которого установлены признаки нарушения требований уголовно-процессуального закона, подлежит ответственности». При построении системы мер процессуальной ответственности за правонарушения следует учитывать, что каждая такая мера должна быть сопряжена с тем или иным принудительным элементом воздействия на личность правонарушителя, ее права, имущественные или иные интересы. Совершенствование системы мер борьбы с процессуальными правонарушениями приведет к совершенствованию деятельности правоприменительных органов – необходимому условию дальнейшего укрепления режима социалистической законности в уголовном судопроизводстве.

Взаимосвязь законности и ответственности определяет целевое назначение ответственности, которое можно расчленить на три вида: 1) предупреждение нарушений закона; 2) воздействие на лиц, допустивших нарушение уголовно-процессуального закона; 3) восстановление нарушенной законности.

Целям предупреждения нарушений закона служит позитивная ответственность, лежащая в основе всех установленных уголовно-процессуальным законом запретов. Например, запрета допускать привлечение к уголовной ответственности, применять меры принуждения, предавать суду, признавать гражданина виновным в совершении преступления не иначе, как при наличии установленных законом для каждого из таких решений оснований и с соблюдением порядка, определенного в законе. Этому же служит запрет, относящийся к участникам уголовного процесса, допускать поведение, противоречащее интересам социалистического правосудия.

Ответственность способствует более интенсивному внедрению добровольности в соблюдении предписаний закона и тем самым подготавливает постепенную замену норм права правилами коммунистического общежития. О прочности внедрения идеи социали-

стической законности в сознание субъекта во многом свидетельствуют мотивы соблюдения велений закона, так сама добровольность их исполнения может быть двоякого рода. В одном случае добровольное исполнение имеет место потому, что нормативное предписание соответствует сознанию и воле субъекта. В другом – выбор действий субъекта определяется тем, что на соответствующее поведение его толкает наличие правовой ответственности. Если вместо боязни негативных последствий как результата невыполнения закона поведение личности вызывается сознательным отношением к законности, внутренней потребностью уважать закон и установленный им порядок судопроизводства, то это свидетельствует о глубоком укоренении позитивной ответственности в правосознании.

К средствам, обеспечивающим воздействие на участников процесса, допустивших нарушение закона относятся штрафы (ст. ст. 94, 263, 323 УПК РСФСР), отторжение залоговой массы (ст. 99 УПК РСФСР), лишение прав при нарушении порядка судебного заседания (ст. 263 УПК РСФСР). К средствам воздействия на должностных лиц, допустивших нарушения процессуального закона, относятся: право прокурора изъять дело у следователя, отстранить следователя от дальнейшего ведения следствия; право суда возвратить дело для дополнительного расследования; право суда вынести частное определение в связи с допущенными нарушениями закона при предварительном расследовании дела либо в суде.

Для достижения цели восстановления нарушенной законности служит обязанность прокурора отменять незаконные и необоснованные постановления органов дознания и предварительного следствия, приносить протесты на незаконные и необоснованные приговоры, решения, определения, постановления судебных органов; обязанность вышестоящих судов изменять и отменять незаконные и необоснованные решения нижестоящих судебных инстанций и т.д.

Обязанность судов реагировать на случаи нарушения законов в ходе дознания и предварительного следствия неоднократно подчеркивал Пленум Верховного Суда СССР[216]. При этом судебная практика ориентирует суды не только на восстановление нарушенной законности, но и на их обязанность ставить вопрос об ответственности виновных в этом лиц[217].

Анализ уголовно-процессуального права приводит к выводу, что оно содержит средства, соответствующие целям укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. И этими средствами являются не только меры уголовной, гражданской, административной и т.д. ответственности, но и меры собственной уголовно-процессуальной ответственности.

§ 3. Процессуальная ответственность как необходимое условие эффективности применения уголовно-процессуальных норм

Устанавливая определенные правовые средства регулирования поведения участников судопроизводства, законодатель преследует и определенную общественно полезную цель – получить максимально положительные результаты в регулируемой области общественных отношений. Для этого он снабжает правовую норму возможностями обеспечить достижение намеченной цели. Прогнозирование возможностей принимаемых законов – это одно из важнейших требований законодательной деятельности и такими возможностями должна обладать всякая правовая норма. Отсюда эффективность правового установления есть внутренняя сила, качественный компонент самой нормы, закладываемый в нее еще в процессе разработки закона[218].

В литературе существует ряд точек зрения относительно понятия эффективности правовых явлений. В одних работах под эффективностью подразумевается обоснованность, целесообразность норм права, в других – степень реализованности необходимой правовой возможности, в третьих – отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой были приняты эти нормы права, в четвертых – практическая осуществимость целей правовых норм, в пятых – максимальное использование всех закрепленных в праве средств и способов для полного достижения правовых целей в юридической практике[219].

Объединяет эти взгляды определение эффективности через результаты, через изменения общественных отношений, вызванные реализацией правовых норм. Таким образом, эффективность права фактически подменяется другим понятием – эффективностью правоприменения.

Возражая против смешения эффективности права с эффективностью правоприменительной деятельности, Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин правильно замечают, что «сами по себе эффективные нормы могут применяться неэффективно»[220]. Например, УПК союзных республик обязывают прокурора, следователя, органы дознания и судью принимать заявления и сообщения о любом совершенном или подготовляемом преступлении, независимо от того, кому подследственно или подсудно уголовное дело об этом преступлении. Закон предусматривает ограниченный срок для принятия решения по заявлению или сообщению о преступлении и устанавливает правовую форму выражения этого решения. Вместе с тем все большую озабоченность вызывают случаи сокрытия преступлений от учета, непринятия заявлений о преступлениях, несвоевременное возбуждение уголовных дел и т.п. нарушения процессуальных норм, причем лицами, достаточно ясно понимающими их требования[221]. Недостаточная эффективность деятельности компетентных органов по раскрытию преступлений вряд ли существенно зависит от каких-либо дефектов процессуальных норм, регулирующих именно порядок возбуждения дел. Закон ближайшим образом связан с социальной деятельностью и как результат правотворчества, и как программа правоприменения. Поэтому есть все основания считать, что наряду с эффективностью правоприменения существует и эффективность закона, правовой нормы.

Рассматривая вопрос об эффективности уголовно-процессуального права, А. Д. Бойков правильно пишет: «К условиям эффективности уголовно-процессуального права относятся: соответствие норм целям судопроизводства и принципам уголовного процесса, отражающим как правовую идеологию, так и нравственные представления общества; обеспеченность норм гарантиями их реального исполнения; реальная исполнимость правовых предписаний; непротиворечивость отдельных норм и всей системы процессуального законодательства»[222]. Эти правильные суждения требуют, однако, уточнения. Соответствие принципам и целям права и нравственности, гарантированность и исполнимость, непротиворечивость – это неотъемлемые свойства права, без которых эффективность права не может существовать. Однако потенциальные возможности правовых норм органически связаны со способностями лица, применяющего эти нормы, поскольку они без человеческих усилий, сами по себе не могут обеспечить желаемого результата. Причем даже самые эффективные нормы не способны компенсировать дефекты, допускаемые правоприменителем, как это видно из приведенного выше примера.

Юридическая защищенность процессуального закона является одним из показателей его эффективности. Поэтому, не возражая против высказанных в литературе предложений об изменении критериев оценки деятельности органов внутренних дел, следственного аппарата прокуратуры, о совершенствовании ведомственных правил учета преступлений и т.д., мы полагаем, что большего результата в устранении грубейших нарушений законов в уголовном судопроизводстве можно достичь повышением уровня защищенности самого института возбуждения уголовных дел, т.е. установлением уголовно-процессуальной ответственности для должностных лиц, которые занимаются сокрытием преступлений, а преступники в связи с этим избегают уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальная ответственность представляет собой самостоятельное правовое образование, отдельный институт в системе советского уголовно-процессуального права. И как часть целого понятие его эффективности должно отражать прежде всего то, что содержится в общем. «Часть должна сообразовываться с целым, а не наоборот», – указывал В. И. Ленин[223]. «Отдельное не существует, – писал он, – иначе как в той связи, которая ведет к общему… Всякое отдельное есть (так или иначе) общее…»[224]. Это ленинское методологическое правило свидетельствует о необходимости раскрытия понятия эффективности уголовно-процессуальной ответственности исходя из общего понятия эффективности правовых явлений.

Проблема эффективности правовых установлений при любом подходе предполагает соотнесение их целей и результатов действия. В уголовно-процессуальной теории различаются цели общие, конечные, более отдаленные и ближайшие, локальные, непосредственные[225]. Не вдаваясь в детали этого вопроса, укажем лишь, что объектом нашего изучения являются непосредственные цели уголовно-процессуальной ответственности, к которым, как ранее указывалось, относится: 1) предупреждение нарушений закона; 2) воздействие на лиц, допустивших нарушение уголовно-процессуального закона; 3) восстановление нарушенной законности. Правильное определение целей процессуальной ответственности, размежевание их с целями других институтов уголовно-процессуального права – важное условие установления и обеспечения эффективности действия данного правового образования. Вполне справедливо в литературе делается вывод о том, что «для изучения эффективности процессуальных норм необходимо вычленить непосредственные цели, на достижение которых они ориентированы»[226]. Неверное определение содержания этих целей не позволяет с достаточной честностью определить возможности данного института, так как снимает с него часть той нагрузки, которую он несет в силу прямого указания закона или необоснованно усиливает ее.

Более широкие (общие), перспективные цели процессуальной ответственности выражаются в содействии успешному выполнению задач уголовного судопроизводства. Но этим целям служит не только процессуальная ответственность, а весь уголовный процесс, все его институты и нормы. Каждый из них несет определенную, присущую только ему нагрузку. Иными словами, в осуществлении социалистического правосудия и обеспечения эффективности всего уголовно-процессуального права участвуют множество правовых образований, обладающих автономностью функционирования. В силу этого, в зависимости от реализации своих непосредственных целей, а через их достижение – и общих целей уголовного судопроизводства, эффективность уголовно-процессуальной ответственности необходимо понимать двояко: 1) как эффективность норм уголовно-процессуального права, предусматривающих эту ответственность и ее применение, и 2) как средство обеспечения эффективности уголовно-процессуальных норм (иных правовых образований).

Эффективность процессуальной нормы зависит не только от ее собственного содержания и внутренней структуры, но и от того, каков уровень ее защищенности от нарушений процессуальными средствами, т.е. мерами ответственности. Уголовно-процессуальная ответственность служит повышению эффективности закона. Связь этих понятий выражается в прямой зависимости: с повышением уровня защищенности уголовно-процессуального закона средствами процессуальной ответственности растет эффективность системы закона.

Каждая норма как элемент системы права представляет относительно обособленную конструкцию с собственной целью и собственным назначением. От формы и содержания отдельных норм, от их места в структуре правового института зависит эффективность данного института и отрасли права в целом[227].

Таким образом, уголовно-процессуальная ответственность содержит вполне определенный круг целей, которые обладают свойством стимулировать и направлять практическую деятельность в сфере судопроизводства. Эти цели имеют существенное значение как для правоприменительных органов, обеспечивающих беспрепятственное функционирование уголовного судопроизводства, так и для лиц, которые подвергаются процессуальной ответственности. С одной стороны, в них выражен тот образ поведения, с которым должен сообразовывать свое поведение участник судопроизводства; с другой – дается установка правоприменительным органам, в каких пределах и направлениях они должны действовать, чтобы обеспечить соответствующее интересам правосудия поведение субъекта. Иными словами, цель не только ориентирует на конкретные результаты, но и указывает путь своего перехода в реальность и определяет, с помощью каких средств результаты должны достигаться. Цели становятся реальностью благодаря своим средствам. Многообразие средств – надежная гарантия того, что цели реально осуществимы. Говоря словами В.И. Ленина, «разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели…»[228].

Взаимосвязь целей и результатов деятельности обусловливает тесную связь эффективности правовых норм с проблемой правового регулирования общественных отношений, их элементов: 1) лиц, признаваемых субъектами права; 2) правил поведения (права и обязанности); 3) характера ответственности за их нарушения; 4) юридических фактов, влекущих процессуальные последствия. В рассматриваемой зависимости эффективности правовых норм от правового регулирования на первый план выступает конкретное содержание уголовно-процессуальных норм – указание на должное, запрещенное или дозволенное поведение и средства регулирования персонифицированного субъекта: 1) предоставления права самостоятельного выбора поведения, соответствующего социалистического правосудия (т.е. государственным и общественным интересам); 2) предоставление права требовать определенного варианта поведения от участников процесса; 3) возложение обязанности совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения определенного рода действий; 4) принудительное обеспечение нормативных требований. Сочетание прав, обязанностей, запретов и процессуальных средств их обеспечения образуют механизм уголовно-процессуального регулирования тех общественных отношений, которые складываются в процессе возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Основным из них является предоставление права самостоятельного выбора поведения участников процесса, соответствующего интересам правосудия. Предоставление права – это установленная законом мера возможного поведения, сердцевиной которого являются субъективные права личности[229], с возможностью осуществления которых связано субъективное свойство ответственности, осознание и правильное понимание субъектов возложенных на него законом обязанностей, добровольное и добросовестное их исполнение.

Предоставленная субъекту возможность выбора варианта поведения выражается в процессуальном законе в словах «может», «вправе», и в перечислении условий, при которых этот вариант имеет место. Возможность выбора определяется тем, что условия принятия решения в гипотезе правовой нормы не указаны в точных признаках или исчерпывающих перечнях, а выражены в формуле «в случаях необходимости», «по усмотрению». Действовать и принимать решения в зависимости от конкретных обстоятельств или сложившейся ситуации понимается как специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которой заключается в предоставлении права суду, прокурору, следователю лицу, производящему дознание, самостоятельно находить наиболее оптимальное решение вопроса, исходя из задач, целей, принципов процесса, конкретных обстоятельств дела и норм нравственности[230].

Предоставление права выбора действия (решения) после оценки ситуации усматривается из контекста норм, регулирующих применение мер пресечения (ст. 89 УПК РСФСР), производство обыска, выемки (ст. ст. 167, 168 УПК РСФСР), задержания (ст. 122 УПК РСФСР), применение мер в отношении нарушителей порядка судебного заседания (ст. 263 УПК РСФСР), помещение обвиняемого или подозреваемого в медицинское учреждение (ст. 188 УПК РСФСР), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК РСФСР), применение мер в случаях неявки прокурора, общественного обвинителя, защитника, общественного защитника в судебное заседание (ст. 251 УПК РСФСР) и многие другие. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность выбора варианта поведения не только должностных лиц, представителей государственных органов, осуществляющих властные полномочия, но и других участников судопроизводства. Например, лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, вправе предъявить к обвиняемому или к лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого, гражданский иск. Решение вопроса о предъявлении иска предоставлено потерпевшему (гражданскому истцу). Однако, решив предъявить гражданский иск, указанное лицо обязано действовать в рамках предписанного законом поведения, методами и средствами, точно регламентированными нормами уголовно-процессуального права.

Второе средство регулирования поведения участников уголовного судопроизводства – предоставление права требовать определенного варианта поведения – связано с правовой активностью участников процесса, которая выражается в таких формах, как исполнение

возложенных юридических обязанностей, использование предоставленных прав. Правовую активность участников судопроизводства можно рассматривать как сознательное осуществление предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей в соответствии с целями правового регулирования.

Активная, обязательная сторона уголовно-процессуальных отношений выражена законодателем в правовых нормах, имеющих общий, принципиальный характер (ст. ст. 2, 3, 4, 20, 21, 22 и др. УПК РСФСР). Другие нормы устанавливают право требовать выполнения определенных действий и меру власти должностных лиц между собой и по отношению к иным участникам судопроизводства. Примером может служить ст. 211 УПК РСФСР, предусматривающая право прокурора самому действовать и требовать определенного поведения от следователей и лиц, производящих дознание, а ч. 2 ст. 211 УПК определяет пределы вмешательства и власти прокурора по отношению к указанным должностным лицам. Показательна в этом смысле ст. 50 УПК РСФСР, часть вторая которой устанавливает, что отказ от защитника в случаях, предусмотренных пунктами 2, 3, 4 и 5 УПК, не обязателен для суда и соответственно для следователя и прокурора. Удовлетворение ходатайства об отказе от защитника в указанных случаях является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и согласно ст.345 УПК приведет к отмене приговора.

Анализ ст. 50 УПК РСФСР показывает, что в ней заключена модель ответственного поведения должностных лиц, поскольку содержится указание на то, как нужно поступить в определенной ситуации, а в ст. 345 УПК имеется указание на отрицательные последствия, если требования ст. 50 УПК будут нарушены. Заключенная в ст. 345 УПК угроза отрицательными последствиями за несоблюдение требований ст. 50 УПК имеет самостоятельное значение для воспитания позитивной ответственности у судей, прокурора, следователей. Ее реальное осуществление в виде отмены приговора, содержит своей целью восстановление требований ст. 50 УПК, исправление ущербного правосознания должностных лиц и способствование последовательному проявлению их позитивной ответственности. В представленной схеме прослеживается механизм влияния правовых средств, заключенных в правовых нормах на уголовно-процессуальные отношения и поведение участников процесса при активном функционировании процессуальной ответственности.

Третьим элементом механизма уголовно-процессуального регулирования выступает юридическая обязанность, наиболее острой частью которой является запрет.

Обязанность – понятие широкое, включающее в себя и добровольное принятие, исполнение предписаний закона и принудительное его обеспечение. Характерной чертой этого средства правового воздействия является то, что оно не оставляет адресату возможности выбора поведения, а возлагает на него определенные обязанности. Во избежание наступления неблагоприятных последствий обязанность должна быть выполнена независимо от воли и желания субъекта, которому она адресована.

При трактовке этого положения, однако, неправильно было бы отождествлять принудительность с обязательностью. Обеспеченность принуждением – это не само принуждение, которое вступает в действие в определенных случаях, если обязанности добровольно не выполняются и тем самым нарушаются нормы уголовно-процессуального права. Обвиняемый или свидетель, например, могут быть подвергнуты приводу только в случае, если они не являются по вызову соответствующих органов добровольно, удаление подсудимого из зала судебного заседания, если, несмотря на сделанное предупреждение, он продолжает нарушать порядок судебного заседания и т.д.

Движущей силой в правовой основе уголовного судопроизводства выступает обязанность суда, прокурора, следователя и органа дознания укреплять социалистическую законность и правопорядок в стране. Указанная обязанность определяет правовой статус государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, вводит их в ответственное состояние и исходные юридические позиции, из которых вытекает: обязанность суда, прокурора, следователя и органа дознания своевременно возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принять все предусмотренные законом меры к достижению целей социалистического

правосудия (ст. 3 УПК РСФСР), не допускать привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом (ст. 4 УПК РСФСР), обязанностей прокурора немедленно освободить незаконно лишенного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором (ст. 11 УПК РСФСР), и т.д. Одним из основных оценочных показателей эффективности здесь выступает отсутствие или количественный уровень допускаемых нарушений уголовно-процессуального законодательства. «…Преступления, взятые в большом масштабе, – подчеркивал К. Маркс, – обнаруживают, по своему числу и по своей классификации, такую же закономерность, как явления природы…»[231]. Эту мысль можно распространить и на правонарушения в сфере уголовного судопроизводства, причины которых еще мало изучены, и поэтому указанная закономерность только нащупывается. В силу низкого уровня знаний о причинах допускаемых нарушений нужно трезво оценивать степень достоверности прогнозов и объективности в оценке эффективности уголовно-процессуальных норм.

Использование запретов в уголовно-процессуальном регулировании усиливает воздействие определенного рода процессуальных норм. Так, при наличии ст. ст. 143 и 144 УПК РСФСР, определяющих основания и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, уголовно-процессуальное законодательство содержит нормы, запрещающие: привлекать в качестве обвиняемого иначе как на основании и в порядке, установленных в законе (ст. 4 УПК), подвергать уголовному наказанию иначе как по приговору суда (ст. 13 УПК), перелагать обязанность доказывания на обвиняемого, домогаться его показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20 УПК) и др. Подобного рода запреты акцентируют внимание на ценностях, находящихся под особой защитой государства.

Однако уголовно-процессуальное законодательство адресует запреты не только органам и должностным лицам, осуществляющим властные полномочия, но и иным участникам судопроизводства. Закон запрещает обвиняемому (подозреваемому) препятствовать установлению истины по делу, скрываться от следственно-судебных органов, заниматься преступной деятельностью и уклоняться от исполнения приговора (ст. 89 УПК), от явки к следователю без уважительных причин (ст. 147 УПК), свидетелю и потерпевшему – уклоняться от явки по вызовам, отказываться от дачи показаний и давать ложные показания (ст. ст. 158, 73, 75 УПК) и многие другие.

Нарушение указанных запретов, неисполнение возложенных процессуальным законом обязанностей вызывает ответную реакцию, применение принудительного обеспечения требований норм права в виде процессуального принуждения, процессуальной ответственности и процессуальных санкций.

Таким образом, цели, обладая двигательной силой, сами собой не реализуются, а воплощаются в жизнь благодаря активной деятельности субъектов. В обслуживании целей участвуют средства, формы, способы и условия их осуществления. Именно с их помощью цели соединяются с намеченным результатом. Следовательно, эффективность уголовно-процессуальной ответственности нужно понимать не просто как ее способность обеспечить достижение собственных непосредственных целей, а как способность комплекса элементов, входящих в ее систему, содействовать достижению целей всей отрасли уголовно-процессуального права. Каков же вклад уголовно-процессуальной ответственности в эффективность отрасли уголовно-процессуального права и каковы возможности повышения этого вклада?

В нормах уголовно-процессуального права регламентировано поведение участников уголовного судопроизводства. Но одно лишь существование уголовно-процессуальных норм еще не означает достижения необходимого результата. Издание закона – лишь начало дела, главное – деловое практическое его осуществление, как считал В. И. Ленин[232]. Подчеркивая эту мысль, Л. И. Брежнев говорил: «…Мало выработать хороший закон, мало его принять. Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»[233]. Стало быть, для претворения в жизнь идей законодателя нужна эффективная, хорошо организованная деятельность правоприменителя, необходимо добровольное и добросовестное соблюдение требований закона. Если пользоваться установившейся методикой определения эффектив-

ности, то единственное средство повысить ее – усилить ответственность лиц, нарушающих запрет. Но одна эта мера не позволит решить проблему повышения действенности уголовно-процессуального законодательства, так как она направлена на борьбу с негативным конечным результатом и не устраняет причину его возникновения. Поэтому более перспективным представляется создание системы позитивного стимулирования как поощрения за определенную заслугу, т.е. поступок, превосходящий обычные требования и выражающий ответственное отношение к своему долгу. О возможности и необходимости вынесения поощрительных частных определений писали в юридической литературе[234]; об этом же имеется указание Пленума Верховного Суда СССР[235]. В литературе высказано и сожаление по поводу того, что на практике понятие частного определения «необоснованно расширяют подчас путем включения положительной деятельности лиц…»[236]. Вынесение поощрительных частных определений судом никак нельзя назвать необоснованной деятельностью, ибо ст. 57 Основ в новой редакции позволяет суду реагировать частным определением не только на нарушения закона, но «и в других случаях, если [суд] признает это необходимым». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1983, № 32, ст. 1153) УПК РСФСР дополнен ст. 21^2 следующего содержания: «Суд может частным определением (постановлением) довести до сведения соответствующего предприятия, учреждения или организации о проявленных гражданином высокой сознательности, мужестве при выполнении общественного долга, содействовавших пресечению или раскрытию преступления» (ч. 5).

Потребности общественного развития в усилении именно позитивной ответственности во всех сферах жизни нашего общества вызывают необходимость не только вынесения поощрительных частных определений, но и установления и иных мер поощрения в уголовном судопроизводстве.

В теории управления существует общий закон, заключающийся в том, что мощность положительных стимулов должна превышать мощность антистимулов[237]. При нарушении данного закона желаемый результат практически недостижим. В связи с этим несомненный интерес для теории правового (в том числе уголовно-процессуального) реагирования представляет изучение методов повышения мощности положительных стимулов, если под ними понимать правовые нормы, устанавливающие различные льготы, преимущества, поощрения.

Позитивный способ достижения эффективности действия уголовно-процессуальной нормы тесно связан с уровнем правосознания, развитостью навыков правового поведения, повышением правовой и общей культуры должностных лиц и граждан, реализующих правовые предписания; организационным и материально-техническим обеспечением права. По этому поводу на страницах журнала «Коммунист» приводились следующие статистические показатели: при изучении причин нарушений законодательства, допускаемых народными судьями, выяснилось, что количество этих нарушений прямо связано с объемом служебной нагрузки судей. Если в группе судей, рассматривающих 7–10 дел в месяц, на одного судью приходилось в среднем 1,04 отмененных и 1,74 измененных приговоров в год, то при нагрузке в 20 и более дел эти цифры возрастали соответственно до 2,31 и 12,96[238]. Эти цифры показывают, что многие из недостатков в правоприменительной деятельности можно предупредить и тем самым повысить уровень эффективности правовой нормы посредством улучшения организации труда, рационального использования рабочего времени, усиления материальной и моральной заинтересованности в работе.

В правоохранительной деятельности эталон эффективности определяется решениями партии и правительства. Так, XXVI съезд КПСС предъявил к работникам органов прокуратуры, следствия, дознания, суда высокие требования в плане повышения их профессиональной подготовки и личных качеств. «Профессиональные знания работников этих органов должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью. Только такие люди могут достойно выполнять возложенные на них серьезные обязанности. Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное

наказание»[239]. Установленные этими документами показатели эффективности должны непременно учитываться в правоприменительной деятельности, чтобы изжить факты как необоснованного осуждения граждан, так и оправдания лиц, совершивших преступления[240], недостаточно квалифицированного и своевременного проведения следственных действий, низкого качества расследования и т.д.[241]

Эффективность негативной уголовно-процессуальной ответственности в системе правового регулирования определяется тем вкладом, который она вносит, обеспечивая восстановление нарушенных прав, устранение последствий правонарушений и исправляя ущербность правосознания субъектов уголовного судопроизводства, допустивших указанные правонарушения. Однако для внесения этого вклада в механизм уголовного-процессуального регулирования сама ответственность как самостоятельное правовое образование должна быть достаточно эффективной, т.е. она должна обладать нормативной определенностью, обеспечиваться высоким уровнем правоприменительной деятельности, предусматривать многообразие мер (средств), гарантирующих ее целевое назначение, и т.д.

Под углом зрения выяснения эффективности уголовно-процессуальной ответственности нужно анализировать все нормы, составляющие в своей совокупности институт процессуальной ответственности, и все элементы, образующие процесс ее применения. Эффективность каждого из них есть способность выполнять свои функции внутри системы. Синтезируясь для достижения целей, способности частей дают эффективность всей системе уголовно-процессуальной ответственности. И если при этом в свойстве какого-то звена имеется недостаток, другие звенья не могут его возместить, наоборот, он отрицательно влияет на них и это сказывается на эффективности всей системы. «До тех пор пока все части системы не будут согласованы, – отмечает С. Янг, – общие результаты окажутся неполноценными, даже если отдельные части системы управления эффективны»[242].

По общему правилу нормы права имеют ступенчатые цели, которые сами формируются в виде приближения к какому-то отдаленному результату (сокращение преступности, ее ликвидации и т.д.). В этих условиях эффективность действия правовых норм приобретает самые различные степени (уровни)[243]. Эффективными следует признать все те нормы, которые в любой, даже самой незначительной степени, обеспечивают приближение хотя бы одной социальной цели. Это, разумеется, вовсе не означает, что мы должны мириться с низкой степенью эффективности правовых норм. Повышение степени эффективности должно осуществляться в процессе совершенствования законодательства и практики его применения.

Исходя из изложенного, следует признать, что уголовно-процессуальная ответственность (позитивная и негативная) эффективна, поскольку: а) она соответствует потребностям уголовно-процессуального регулирования; б) обеспечивает наряду с другими средствами эффективность уголовно-процессуального законодательства и практики его применения; в) обеспечивает регулятивное и охранительное воздействие на общественные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем если сравнить уровень правоприменительной деятельности с высокими требованиями, которые закреплены в Конституции СССР и действующем на ее основе законодательстве, то надо признать, что практика применения законов пока что от них отстает. Еще немало случаев вынесения неправильных решений, нарушающих действующее законодательство[244]. В действующем законодательстве, регулирующем институт уголовно-процессуальной ответственности, существуют пробелы, преодоление которых возможно и целесообразно. Например, в законе нет указаний на средства, принудительно обеспечивающие освидетельствование и отобрание образцов для сравнительного исследования при невыполнении свидетелем этих процессуальных обязанностей. В связи с этим в литературе высказано предложение предусмотреть в законе «меры процессуальной ответственности, которые должны применяться к свидетелю при неисполнении им процессуальных обязанностей. Такой мерой может быть, например, штраф»[245]. Или другой пример. Руководители предприятий, учреждений и организаций в соответствии со ст. 321 УПК РСФСР обязаны сообщить суду о принятых по частному определению мерах без каких-либо напоминаний. Однако данная обязанность

должностных лиц не обеспечена какими-либо гарантиями. Поэтому бывают случаи, когда частные определения остаются без ответа и без всякой реакции на них адресатов. В этой связи Л. Миронов справедливо отмечает, что «суд, не получивший ответа на свое частное определение, вместо контролирующего органа, применяющего санкции за неисполнение закона, вынужден превратиться в «жалующуюся организацию», так как единственное, что суд может делать – это писать жалобы в вышестоящие партийные и административные инстанции на должностных лиц, не реагирующих на частные определения суда»[246].

Согласно ст. 331 УПК РСФСР частное определение обжалованию не подлежит, но может быть опротестовано прокурором. Практика показывает, что некоторые суды порой выносят необоснованные частные определения, а прокуроры не всегда их опротестовывают. В правовой литературе по этому поводу высказано предложение о предоставлении заинтересованным лицам права на обжалование частных определений. Решение этого вопроса законодательным путем обеспечит быстрое исправление возможной ошибки и повышение эффективности частных определений.

Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» по-новому ставит вопрос о возможности применения процессуальной ответственности в виде частных определений. В отличие от ранее действовавшего закона, ст. 57 Основ в новой редакции устанавливает возможность для суда вынесения частного определения (постановления) в случае любого нарушения закона и норм нравственности в сфере уголовного судопроизводства, допущенного любым участникам процесса. «Суд при наличии к тому оснований выносит частное определение (постановление), которым обращает внимание государственных органов, общественных организаций или должностных лиц на установленные по делу факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер.

Частное определение (постановление) может быть также вынесено при обнаружении судом нарушений прав граждан и других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела нижестоящим судом. Суд по материалам судебного разбирательства вправе вынести частное определение (постановление) и в других случаях, если признает это необходимым» (ч. 1 и ч. 2 ст. 57 Основ).

Важным новшеством является установленная ч. 3 ст. 57 Основ обязанность не позднее чем в месячный срок принять необходимые меры по частному определению (постановлению) и о результатах сообщить суду, вынесшему его. По ранее действовавшему закону это требование касалось лишь частных определений по поводу причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Принятие новой редакции закона о процессуальной ответственности участников судопроизводства соответствует более высокому уровню социально-правового развития, достигнутому нашим обществом, букве и духу Конституции СССР; способствует выработке стереотипа поведения, в большей степени обеспечивающего реальное исполнение обязанностей всех участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем все еще не решен законодательным путем вопрос о возможности вынесения судом частных определений в стадии исполнения приговора. УПК РСФСР предусматривает возможность вынесения частных определений только в двух стадиях уголовного судопроизводства – судебного разбирательства (ст. 321) и кассационного производства (ст. 355). Закон СССР о Верховном Суде СССР расширил компетенцию судебных органов, предоставив возможность Пленуму Верховного Суда СССР в необходимых случаях частным постановлением обращать внимание руководителей министерств, ведомств, предприятий, учреждений, организаций и других должностных лиц на установленные по делу факты нарушения закона (ст. 22). Такими же правилами наделены судебные коллегии Верховного Суда СССР, которые в необходимых случаях, одновременно с принятием решения, вынесением приговора, определения по делу могут выносить частные определения (ст. 33). Однако в законе не содержится указаний о праве судов выносить частные определения в

стадии исполнения приговора, хотя Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 8 постановления от 19 марта 1975 г. «О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в исправительно-трудовые колонии-поселения и уголовных дел о побегах из этих колоний» разъяснял, что судам следует уделять больше внимания выявлению причин и условий, способствующих совершению побегов, злостных нарушений режима и принимать предусмотренные законом меры к устранению вскрытых недостатков»[247].

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 13 декабря 1977 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике по применению ст. 24I и ст. 53I УК РСФСР», обращено внимание судов на необходимость выявления причин и условий, способствовавших совершению осужденными нарушений (упущения в деятельности органов, ведающих исполнением приговора администрации в проведении организационной и воспитательной работы и т.п.)[248]. Этот же вопрос нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 ноября 1978 г.[249] В процессуальной литературе неоднократно указывалось на недостатки в деятельности исправительно-трудовых учреждений по исполнению приговора, препятствующих успешному осуществлению процесса исправления и перевоспитания преступников[250]. Сказанное свидетельствует о настоящей необходимости законодательного закрепления права судов выносить частные определения в адрес ИТУ в стадии исполнения приговора, изменив ст. 321 УПК РСФСР[251] или дополнив стадию исполнения приговора нормой, обязывающей прокурора и суд при решении вопросов об освобождении от наказания и его индивидуализации устанавливать причины и условия, препятствующие успешному исправлению и перевоспитанию осужденных, т.е. неполному решению задач уголовного судопроизводства[252].

Перечень вопросов, неурегулированных в действующем законе и касающихся уголовно-процессуальной ответственности, можно было бы продолжить, но и без того ясно, что данный институт и регулирующие его нормы нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Представляется, что повышение эффективности уголовно-процессуальной ответственности можно осуществить различными путями, а именно: 1) выявлением круга общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании; 2) определением целей нового закона; 3) установлением методов и средств правового регулирования, с помощью которых эта цель, должна быть достигнута. Такими средствами могут быть: а) дополнительные меры поощрения, стимулирующие поведение субъектов уголовного судопроизводства; б) усиление их ответственности за процессуальные нарушения или введение различных неблагоприятных последствий правомерного, но ненадлежащего поведения; в) введение дополнительных правовых требований и предписаний, направленных на устранение пробелов и неясностей в действующем законе.

Развитие свойств уголовно-процессуальной ответственности и тем самым повышение ее эффективности имеет не только научное, но и сугубо практическое значение, так как через посредство собственной эффективности она активно содействует повышению эффективности всей системы уголовно-процессуального права.

Применением мер принудительного исполнения обязанности достигается результат, который был предусмотрен нормой права. Поэтому именно такие меры признаются наиболее эффективными с точки зрения достижения заложенных в праве целей. Однако все средства правового регулирования – и те, в которых заложена основа позитивно-перспективной ответственности, и те, которые содержат в себе негативно-ретроспективную ответственность, – являются не разрозненными компонентами, а единым сплавом, нацеленным на то, чтобы уважение к праву, закону стало личным убеждением каждого участника уголовного судопроизводства.

§ 4. Роль ответственности в обеспечении прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве

С самого начала следует оговорить, что в данном случае исследованию подвергается не правовой статус личности, в содержание и структуру которого включают правовые

нормы, праводееспособность, общие для всех права и обязанности, их гарантии и единство, гражданство, юридическую ответственность, правовые принципы, правоотношения и охраняемые законом интересы[253], не соотношение общего правового, специального или отраслевого и индивидуального статуса конкретных лиц как соотношение общего, особенного и единичного[254] и даже не вопрос о правомерности различия между понятиями правового статуса и правового положения лица[255]. Мы ставим перед собой узкую задачу: исследуя назначение процессуальной ответственности, рассмотреть ее роль как гаранта беспечения участвующим в деле лицам права на защиту их законных интересов, связывая ее с положением ст. 39 Конституции СССР: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан».

Не отрицая того, что ответственность входит компонентом в правовой статус личности, ибо она ставит личность в определенное положение по отношению к государству, обществу, другим гражданам, заставляет воздержаться от совершения определенных действий (позитивная) или отвечать за их совершение (негативная), мы тем не менее основное внимание уделяем не внутреннему содержанию правового статуса, а внешнему воздействию на него, когда этот правовой статус нарушается должностными лицами органов государства или другими участниками уголовного судопроизводства, и тому месту в системе гарантий, которое отводится ответственности как мере профилактики от таких нарушений, как мере восстановления нарушенного правового статуса и наказания за эти действия, т.е. как подсистеме целостного объекта системы правового статуса, обладающей единством функций и свойств и имеющей целью защиту прав и свобод от нарушений[256].

Второй момент, который нужно заранее оговорить, – это вопрос о количественном составе участников судопроизводства, чьи интересы могут быть нарушены. В сферу уголовно-процессуальных отношений помимо обвиняемого вовлекаются многие другие лица – подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, свидетель, специалист, переводчик, эксперт, понятой и т.д. Положение каждого из них в процессе различно, но все они обладают правами, обеспечивающими защиту их законных интересов. Не выявляя специфику правового положения каждого из них, так как не эти вопросы являются предметом данного исследования, мы ограничиваем свои рассуждения в основном на примере правового положения обвиняемого.

После этих замечаний частного порядка переходим к вопросу исследования.

Широкие права и свободы, закрепленные Конституцией СССР за гражданами, гарантируются прежде всего материальными условиями существования социалистического общества, социалистическими общественными отношениями. Материальные гарантии служат прочной базой правовых гарантий прав граждан. Правовые гарантии прав – это установленные законом средства, при помощи которых граждане получают реальную возможность использовать свои права и защищать свои законные интересы, а также установленные законом положения, которые обязывают государственные органы и должностных лиц разъяснять гражданам их права, создавать условия для их осуществления и оберегать от посягательств[257].

Охрана прав советских граждан осуществляется всеми органами Советского государства, а также самими гражданами, которым предоставлены широкие возможности защищать свои права перед следственно-судебными органами, обжаловать действия должностных лиц, нарушающих эти права, требовать у соответствующих государственных органов привлечения ответственности нарушителей прав. Возможность привлечения к ответственности нарушителей прав и законных интересов граждан является одним из средств правовых гарантий, способствующих тому, чтобы в деятельности органов дознания, следствия и суда не допускалось необоснованное привлечение к ответственности и осуждение лиц, вина которых не установлена, чтобы не ущемлялись права участников уголовного процесса, чтобы обвиняемому всегда была обеспечена реальная возможность использовать право на защиту, чтобы к участникам процесса не применялись без достаточных оснований меры процессуального принуждения.

Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик подняли на качественно новый уровень систему юридических гарантий охраны прав и свобод граждан

СССР, вменив охрану прав и свобод личности в обязанность всем государственным органам, общественным организациям и должностным лицам (ч. 1 ст. 57 Конституции СССР). Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры согласно ст. 164 Конституции СССР охраняют права и свободы граждан, осуществляя высший надзор за точным и единообразным исполнением законов. Всякое лицо может обратиться к любому прокурору с жалобой на нарушение закона, на ущемление его конституционных и отраслевых прав, свобод и законных интересов.

Качественно новые положения закреплены в Конституции СССР и в отношении судебной защиты прав и законных интересов граждан СССР. В ст. 57 Конституции СССР сказано: «Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество». Это высшая юридическая гарантия защиты прав личности, она выражается в восстановлении нарушенного права и в применении судом мер ответственности к тем, кто совершает посягательства на права граждан, на их законные интересы. В ч. 1 ст. 58 Конституции СССР указано: «Граждане СССР имеют право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом». До конституционного провозглашения эта гарантия прав граждан была закреплена в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»[258]. Включение ее в Конституцию означает признание права жалобы конституционным правом советского гражданина, которому соответствует конституционная обязанность должностных лиц рассмотреть жалобу и устранить нарушение права гражданина, если оно было допущено. Важную правовую гарантию для личности устанавливает и ч. 2 ст. 58 Конституции: «Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд». Это положение является реализацией мысли В. И. Ленина о праве обращения в суд для отмены решения государственного органа и должностного лица, высказанной в проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии: «…предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству»[259] и в статье «К деревенской бедноте»: «…чтобы каждый имел право подать жалобу прямо в суд на каждого чиновника»[260]. Введение этого положения в Конституцию свидетельствует о расширении прав и свобод граждан и об укреплении гарантий этих прав и свобод. Повышение роли жалобы на неправильные действия должностных лиц должно привести к усилению их ответственности как действенной юридической гарантии защиты конституционных и отраслевых прав личности.

Граждане СССР согласно ч. 3 ст. 58 Конституции СССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. На основании этого предписания Конституции СССР приняты законодательные акты, предусматривающие ответственность за вред, причиненный гражданам неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Предусмотренные Конституцией СССР гарантии охраны прав обеспечивают возможность каждому человеку обратиться в государственные и другие организации с целью надлежащим образом реализовать свои права, найти им необходимую защиту и восстановить их в случае нарушения.

Реализация норм уголовно-процессуального права является и реализацией конкретизируемого ими конституционного права или свободы. Поэтому нарушение норм уголовно-процессуального права есть одновременно нарушение и конституционного права. На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту», указав, что нарушение норм уголовно-процессуального законодательства есть нарушение конституционного принципа обеспечения обвиняемому права на защиту[261].

Законодатель не только устанавливает новые права и свободы, существенно меняет их природу, повышает их значение, но и совершенствует порядок осуществления конституционных прав, усиливает их связи со средствами охраны, при помощи которых обеспечивается их непосредственная правомерная реализация.

К средствам реализации прав в юридической литературе относят закрепленные правовыми нормами пределы прав, средства конкретизации, определение обязанностей; юридические факты, с которыми связывается реализация прав; процессуальные формы их осуществления; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной их реализации[262]; меры надзора и контроля для выявления случаев правонарушений; меры правовой защиты; меры юридической ответственности; меры пресечения и другие правоохранительные меры; процессуальные формы охраны прав (включая формы применения правоохранительных мер); меры профилактики и предупреждения правонарушений[263].

В качестве процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в правовой литературе рассматриваются: 1) принципы правосудия; 2) процессуальная форма правосудия; 3) деятельность участников судопроизводства и закрепленные в законе их права и обязанности; 4) система проверки законности и обоснованности процессуальных действий и решений[264]. Кроме указанных, к процессуальным гарантиям прав и законных интересов личности следует отнести установленные законом средства, которыми пресекаются нарушения, восстанавливаются нарушенные права и оказывается воздействие на лиц, допустивших нарушение прав и законных интересов личности. Такой гарантией в уголовном судопроизводстве является юридическая ответственность. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 февраля 1978 г. «Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности» указывал судам на необходимость при рассмотрении конкретных дел соблюдать положения, содержащиеся в статьях Конституции СССР об основных правах, свободах и обязанностях советских граждан. В случае выявления в судебном заседании фактов нарушений указанных положений Конституции СССР суды обязаны принимать меры к их устранению и ставить вопрос о привлечении виновных лиц к установленной законом ответственности[265].

Очень важной гарантией для защиты прав и законных интересов личности является уголовная ответственность лица, производящего расследование, прокурора, судей в случаях привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности; вынесения заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления; заведомо незаконного ареста или задержания; принуждение к даче показаний (ст. ст. 176–179 УК РСФСР). Имущественные интересы личности в уголовном судопроизводстве охраняются гражданским законодательством. Так, согласно ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик «за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом». В соответствии со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Право на возмещение ущерба возникает при условии постановления оправдательного приговора; прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления[266].

На основании положения «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», утвержденного Указом Президиума Верховного Суда СССР от 18 мая 1981 г., возме-

щению подлежат заработок и другие трудовые доходы, пенсия или пособие, имущество, конфискованное или обращенное в доход государства судом либо изъятое органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен арест; штрафы, взысканные во исполнение приговора суда, судебные издержки, суммы, выплаченные гражданином юридической консультации за оказание помощи, и иные суммы, выплаченные им в связи с незаконными действиями (п. 2)[267].

Важным фактором обеспечения прав и законных интересов является система процессуальных мер реагирования на случаи нарушения прав личности в уголовном судопроизводстве. Эти меры реагирования (ответственности) направлены на предупреждение и пресечение возможных нарушений прав граждан (удовлетворение отвода, отстранение лица от дальнейшего ведения расследования – п. «е» ст. 211 УПК РСФСР); на восстановление нарушенных прав (возращение дела для дополнительного расследования или нового судебного разбирательства; отмена незаконного и необоснованного постановления, определения, приговора – ст. 232, 342–349 УПК РСФСР), а также на оказание воздействия на лиц, допустивших нарушение прав и законных интересов личности (предупреждение, сообщение вышестоящим должностным лицам государственных органов – ст. 263 УПК; вынесение частных определений в порядке ст. 321 УПК РСФСР).

Если процессуальную ответственность рассматривать в качестве средства охраны прав и законных интересов личности, то представляется необходимым разобраться в способах связи ее с субъективным правом и законным интересом личности, постигнуть специфичность воздействия ответственности на другие элементы этой связи.

Марксистско-ленинская социология из множества факторов поведения человека выделила основной, являющийся главной побудительной силой поведения, – его потребности. «Никто, – писали Маркс и Энгельс, – не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-нибудь из своих потребностей…»[268]. Человек – существо сознательное, его поступки приобретают осознанный характер, а осознанная потребность превращается в сознательную цель, непосредственно направляющую поведение человека. Таким образом, потребности являются внутренней основой побудительных мотивов его поступков, направляющих деятельность социальных субъектов[269]. Но указанную функцию потребности способны выполнить лишь при условии, что они проявляются, конкретизируются в интересах, способных удовлетворять их. Отражение данных интересов в человеческом сознании выступает как условие образования установки на определенный вид деятельности. Интересы выступают, таким образом, главным рычагом, посредством которого осуществляется воздействие на деятельность человека со стороны общества, государства. Воздействуя на интересы, регулируя их, государство регулирует тем самым социально полезное поведение субъекта.

Интерес – это не абстрактное понятие, а совершенно определенная предметная категория, содержанием которой является объект, представляющий ценность в материальном, моральном, политическом или ином отношении (интересы в творческом труде, в общественной работе, в повышении образования и т.д.). Если человек в своей жизнедеятельности попадает в сферу, регулируемую правом, у него появляется правовой интерес. А так как интерес выступает основным движущим фактором не только правомерного, социально полезного, но и противоправного поведения, то его нужно разделять на «законный», охраняемый правом, и «незаконный». Законность интересов обвиняемого, совпадающих с задачами судопроизводства, несомненна. Критерием законности интересов, расходящихся с этими задачами, является возможность удовлетворить их не в ущерб общественным. Например, дача обвиняемым ложных показаний, отказ от дачи показаний согласно презумпции невиновности и бремени доказывания, не лежащем на нем, – есть удовлетворяемый государством интерес, а попытки использовать правосудие для осуждения заведомо невиновного лица, совершить побег из-под стражи, фальсификация доказательств и т.д. – это неудовлетворяемый[270], противоречащий задачам правосудия, незаконный интерес. Средства удовлетворения незаконного интереса также противозаконны и влекут за собой ответные меры – юридическую ответственность.

Для защиты законного интереса система социалистического права предусматривает субъективные права личности, одновременно устанавливая и гарантии их осуществления. Субъективное право личности – это свобода поведения, поступков в пределах, установленных нормой права[271], полномочие совершать определенные действия и требовать их совершения от других лиц[272].

Различие между законным интересом и субъективным правом в том и заключается, что интерес, представляющий потребность человека (для обвиняемого, например, потребность в защите), выражает объективную необходимость в деятельности личности, а субъективное право – способы, средства, реализация которых ведет к удовлетворению интереса и тем самым к реализации данной потребности. Законный интерес всегда выражает социально-правовую необходимость, а субъективное право – отношение, в пределах которого удовлетворяется интерес. Именно в субъективном праве выражается объективно существующее отношение между системой права и законным интересом личности. Поэтому законный интерес нельзя ни включить в понятие субъективного права, как это делают некоторые авторы[273], ни отождествлять с ним.

Субъективное право выражено в законе, в норме права и немыслимо вне правоотношений. Оно реализуется в уголовно-процессуальных отношениях, которые возникают, развиваются и прекращаются между всеми участниками уголовного процесса – органами дознания, следствия, прокуратуры, суда и лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве. Уголовно-процессуальные нормы устанавливают правила поведения, предписывают участникам процесса совершение определенных действий или воздержание от них, наделяют их конкретными правами и налагают на них определенные обязанности, они устанавливают гарантии прав и ответственности за неисполнение обязанностей. Следует согласиться с высказанным в правовой литературе суждением, что субъективное право по своему содержанию нередко выходит за пределы того, что находится внутри правоотношения и закреплено нормой права[274], однако с некоторым уточнением.

Процессуальное право призвано регламентировать поведение участников судопроизводства. Поскольку этот процесс может быть опосредован, уголовно-процессуальные нормы нередко моделируют не поведение участников судопроизводства, а другие элементы общественных отношений: указывают субъекты правоотношений, статус государственных учреждений, условия защиты прав, гарантии исполнения обязанностей и т.д. В то же время поведение участников судопроизводства регулируется не только нормами права, но и принципами морали, правилами социалистического общежития и другими социальными регуляторами. Например, в судебной практике последовательно применяется правило, согласно которому все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу обвиняемого. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, закрепляющей это положение, однако на нем основываются многие оправдательные приговоры и определения судов.

Следовательно, указанное правило представляет собой реально действующую норму поведения судей, закрепленную правом и не получившую государственной поддержки, хотя она необходима. Толкование сомнений в пользу обвиняемого следователями и судьями стало типичным, общественно полезным видом их поведения, фактической общепринятой нормой или имеющей тенденцию стать таковой в силу усиления процессуальных гарантий охраны прав и законных интересов граждан. В этом примере общественные отношения сложились до возникновения нормы права и являются ее социальным источником. В то же время необходимо обратить внимание на то, что в данном случае речь идет не столько о расширении содержания субъективного права, сколько о расширении содержания законного интереса обвиняемого не быть привлеченным в качестве обвиняемого и осужденным без достаточных к тому оснований.

Законными интересами в сфере уголовного судопроизводства могут быть признаны такие устремления его участников, которые служат удовлетворению их социальных потребностей и необходимость обеспечения которых признана уголовно-процессуальным правом. Удовлетворение законных интересов участников процесса обеспечивается по-

средством реализации их субъективных прав, гарантированных законом и охраняемых мерами юридической ответственности. Ответственность в уголовном судопроизводстве является оградительным механизмом, способным наряду с другими гарантиями обеспечить наиболее полное осуществление субъективных прав, оградить их от нарушений и тем самым способствовать наиболее полному удовлетворению законных интересов и социальных потребностей участников уголовного судопроизводства. В этом социальная и юридическая ценность ответственности в уголовном процессе безотносительно к ее отраслевой принадлежности.

В предложенной схеме: социальная потребность – законный интерес – субъективное право – юридическая ответственность, наиболее близко друг с другом соотносятся законный интерес, субъективное право и ответственность. Поэтому дальнейшему анализу мы будем подвергать именно эту связь. Законный интерес обвиняемого, закрепленный в ст. 4 УПК РСФСР, состоит в том, чтобы не быть признанным виновным и не подвергаться мерам уголовного наказания иначе как на основании и в порядке, установленных законом. Этот законный интерес обвиняемого обеспечивается в судопроизводстве следующими его правами: быть оправданным по приговору суда или прекращением дела по реабилитирующим основаниям (ст. ст. 309, 208, 5 УПК РСФСР); быть освобожденным от уголовной ответственности или наказания при наличии оснований, предусмотренных законом (ст. ст. 319, 362, 362[1] УПК РСФСР), быть условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания при наличии к тому оснований (ст. 363 УПК РСФСР); не быть признанным виновным в совершении преступления иначе как при бесспорной доказанности виновности и в пределах, соответствующих действительности (ст. ст. 143, 254 УПК РСФСР); не быть подвергнутым мерам процессуального принуждения иначе как при наличии оснований и в порядке, установленном законом (ст. ст. 122, 89, 153, 196, 188, 263 и др. ст. УПК РСФСР); не нести гражданско-правовой ответственности иначе как в пределах, соответствующих действительности, и в порядке, установленном законом (ст. 310 УПК РСФСР).

Эти основные права обвиняемого, определяющие свободу его поведения в уголовном процессе, обеспечиваются его полномочиями совершать определенные действия и требовать их совершения от других участников процесса. Обеспечению исполнения следователем, прокурором, судом их обязанностей, гарантирующих права и законные интересы обвиняемого, служит наличие у обвиняемого, его законного представителя, защитника значительных прав, активно стимулирующих исполнение указанными должностными лицами своих обязанностей по обеспечению прав обвиняемого. Из совокупности этих прав выделим право требовать прекращения уголовного преследования в случаях, предусмотренных ст. ст. 5–9, 208 УПК РСФСР, вынесения оправдательного или обвинительного приговора с освобождением от уголовного наказания (ст. 5 УПК) или без назначения наказания (ст. ст. 6 и 309 УПК); ходатайствовать об истребовании доказательств своей невиновности; заявлять отводы следователю, прокурору, суду, эксперту, специалисту, переводчику, понятому, секретарю судебного заседания; приносить жалобы на следственные и судебные действия, нарушающие его права (ст. ст. 46, 22, 51 УПК), требовать освобождения от мер процессуального принуждения в случаях их незаконного и необоснованного применения, требовать отмены приговора, определения, постановления (ст. ст. 211, 339, 378 УПК).

Уголовно-процессуальный закон устанавливает правило, согласно которому суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и охрану его личных и имущественных прав (ст. 19 УПК РСФСР). В связи с этим закон предоставляет право прокурору возвращать уголовные дела органам дознания и предварительного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования; изъять любое дело от органа дознания и передать его органу предварительного следствия, а также передать дело от одного органа предварительного следствия другому в целях обеспечения наиболее полного и объективного расследования (ст. 29 Закона СССР о Прокуратуре; ст. 211 УПК РСФСР); приносить в порядке, установленном законом, протесты на незаконные и необоснованные приговоры, решения, опреде-

ления и постановления судебных органов (ст. 32 Закона СССР о Прокуратуре СССР; ст. 325 УПК РСФСР), Генеральный прокурор СССР и все подчиненные ему прокуроры имеют права, в пределах своей компетенции, требовать любое уголовное дело из судебных органов для проверки в порядке надзора (ст. ст. 34, 35 Закона СССР о Прокуратуре СССР). Генеральный прокурор СССР вправе вносить на рассмотрение Пленума Верховного Суда СССР представления о даче руководящих указаний судебным органам по вопросам судебной практики (ст. ст. 39–41 Закона СССР о Прокуратуре СССР).

Для обеспечения прав обвиняемого, связанных с неприкосновенностью его личности, закон обязывает прокурора немедленно освободить из-под стражи всякого, кто незаконно подвергнут аресту и незаконно содержится под стражей в местах лишения свободы (ст. 28 Закона СССР о Прокуратуре СССР; ст. 211 УПК РСФСР), а в целях проверки соблюдения законом порядка в любое время посещать места лишения свободы с беспрепятственным доступом во все помещения; знакомиться с документами, на основании которых лица подвергнуты лишению свободы; производить личный опрос заключенных; проверять соответствие закону приказов и распоряжений администрации мест лишения свободы, определяющих условия и режим содержания заключенных; требовать личных объяснений представителей администрации по поводу нарушений законности содержания заключенных (ст. 43 Закона СССР о Прокуратуре СССР).

Средством, обеспечивающим исполнение перечисленных обязанностей во имя охраны прав личности в уголовном судопроизводстве (и замыкающим схему: законный интерес – субъективное право – ответственность), является применение мер не только уголовной и гражданской, но и уголовно-процессуальной ответственности. Такими мерами воздействия, которые могут быть применены при неисполнении лицом, производящим дознание, следователем, судом обязанностей по обеспечению прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого и других лиц, являются:

– отмена прокурором незаконных и необоснованных постановлений органов дознания, предварительного следствия (ст. 29 Закона СССР о Прокуратуре СССР; ст. 211 УПК РСФСР);

– отстранение следователя или лица, производящего дознание по делу, от дальнейшего ведения следствия или дознания, если этими лицами допущено нарушение закона при расследовании дела (ст. 29 Закона СССР о Прокуратуре СССР; ст. 211 УПК РСФСР);

– предупреждение председательствующего в случае неподчинения его распоряжениям обвинителя и защитника с последующим сообщением об этом вышестоящему прокурору, президиуму коллегии адвокатов или общественной организации (ст. 263 ч. 2 УПК РСФСР);

– частное определение суда в отношении лиц, допустивших нарушение закона при производстве дознания или предварительного следствия (ст. 321 ч. 3 УПК РСФСР);

– возвращение дела для дополнительного расследования или нового судебного разбирательства при существенном нарушении прав личности (п.2 ст. 214, ст. ст. 232, 258, 339, п. 2 ст. 378 УПК РСФСР);

– отмена незаконного и необоснованного постановления, определения, приговора (п. «д» ст. 211, ст. ст. 339, 378 УПК РСФСР);

– частное определение вышестоящих судебных инстанций в отношении лиц, допустивших нарушения при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении дела судом (ст. 355 УПК РСФСР; ст. 33 Закона СССР о Верховном Суде СССР);

– представление Председателя Верховного Суда СССР об отзыве или досрочном освобождении заместителей Председателя Верховного Суда СССР, членов и народных заседателей Верховного Суда СССР;

– представление Председателя Верховного Суда РСФСР, председателя краевого, областного, городского суда, суда автономной области или автономного округа в государственные органы, общественные организации и должностным лицам об устранении нарушений закона (ст. ст. 65 и 37 Закона о судоустройстве РСФСР 1981 г.).

Эта система мер процессуальной ответственности – одна из важных гарантий обеспечения субъективных прав и законных интересов личности, предупреждающих возможность произвола со стороны органов и должностных лиц, деятельность которых в уголовном судопроизводстве носит характер властно-принудительный. Процессуальная ответственность способствует утверждению прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе, усиливает уголовно-процессуальные гарантии их осуществления. Эти свойства ответственности предопределяют ее реальную ценность.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1

[1] См.: *Рудковский Э. И.* Свобода и ответственность. Минск, 1979, с. 27–28.

[2] См.: *Грядунова Л. И*. Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма. Киев, 1979, с. 29; *Ореховский А. И.* Ответственность и ее социальная природа. Томск, 1978, с. 176–177.

[3] См.: *Панов А. Т., Шабалин В. А*. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе. Саратов, 1976, с. 20 и след.; *Плахотный А.Ф.* Свобода и ответственность. Социологический аспект проблемы. Харьков, 1972, с. 128.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф*. Из ранних произведений. М., 1956, с. 590.

[5] См.: *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу. – В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 272.

[6] См.: *Левченко Е. В.* К вопросу о категории социальная ответственность. – В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980, с. 112–114.

[7] *Ленин В. И*. Полн. собр соч., т. 36, с. 156.

[8] Коммунист, 1982, № 17, с. 15.

[9] См.: *Ленин В. И*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 153.

[10] Там же, т. 37, с. 365.

[11] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 86.

[12] Там же, с. 85.

[13] См.: *Панов А.Т*. Расширение свободы и повышение ответственности личности в условиях развитого социализма. – В кн.: Некоторые философские проблемы государства и права. Саратов, 1979, вып. 3, с. 83–84.

[14] См.: *Рубцов Н.И*. Свобода и ответственность личности в условиях развитого социализма. – Научный коммунизм, 1978, № 6, с. 45 ; *Одуев С.Ф*. Свобода, необходимость и ответственность в социалистическом обществе и их реализации в Конституции СССР. – В кн.: Реальный социализм. М., 1979, с. 146.

[15] См.: *Шевченко Я.Н*. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976, с. 27.

[16] См.: *Лейст О.Э*. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 47, 85–86, 93–94, и др.; *Антимонов Б.С*. Основание договорной ответственности социалистических организаций. М., 1962, с. 17; *Самощенко И.С.* К вопросу о причинности в области юридической ответственности. – В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 346; *Жицинский Ю.С*. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968, с. 22; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976, с. 4; *Иваненко О.Ф.* Некоторые проблемы теории юридической ответственности. – В кн.: Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград, 1974, вып. 9, с. 6; *Сыроватская Л.А.* Ответственность по советскому трудовому праву. М., 1974, с. 11.

[17] См.: *Брайнин Я.М*. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963, с. 24–25; *Оанча И*. Некоторые замечания по вопросу уголовного правоотношения. – В кн.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963, с. 204; *Курляндский В.И*. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1956, с. 20; *Пионтковский А.А*. О понятии уголовной ответственности. – Сов. государство и право, 1967, № 12, с. 40 и сл.; *Лейкина А.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968, с. 25; *Тархов В.А*. Понятие юридической ответственности. – Правоведение, 1973, № 2, с. 36; *Горбуза А.Д.* Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности. – В кн.: Юридическая ответственность в советском обществе, с. 58; и др.

[18] См.: *Галаган И.А*. К вопросу о понятии ответственности по советскому праву. – Учен. зап. Новгородского пед. ин-та, 1958, т. 4, с. 225; *Его же.* Административная ответственность в СССР.

Воронеж, 1970, с. 39; *Алексеев С. С*. Проблемы теории права. Свердловск, 1972, т. 1, с. 371; *Горшенев В.М*. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 103; *Яковлев В.Ф.* Отраслевой метод регулирования и особенности гражданско-правовой ответственности. – Сб. ученых трудов. Свердловск, 1973, вып. 27, с. 17–18; *Кожевников С.Н*. Социальное назначение, структура и формы государственного принуждения. – Там же, вып. 22, с. 137; *Петелин А.И*. Некоторые вопросы общего понятия юридической ответственности. – Там же, с. 140–141; *Рудинский Ф.М*. Права, свободы и ответственность граждан в условиях развитого социализма. – Сов. государство и право, 1977, №5, с. 28, и др.

[19] См.: *Братусь С.Н*. Указ. соч., с. 4, 85, 95, 103 и сл.

[20] См.: *Лейст О.Э*. Указ. соч., с. 10, 11 и сл.; *Шебанов А.Ф.* Нормативные акты Советского государства. М., 1956, и др.

[21] См.: *Недбайло П.Н*. Применение советских правовых норм. М., 1970, с. 63; *Пиголкин А.С*. Нормы советского социалистического права и их структура. – В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 185; *Жицинский Ю.С.* Указ. соч., с. 22; *Тархов В.А*. Указ. соч., с. 37; *Травкин А.А*. К вопросу о понятии и основании гражданско-правовой ответственности. – В кн.: Юридическая ответственность в советском обществе, с. 112–113; *Сыроватская Л.А*. Указ. соч., с. 10.

[22] См.: *Лейст О.Э*. Указ. соч., с. 26–27.

[23] Там же, с. 28.

[24] См.: Там же, с. 29.

[25] См.: *Ямпольская Ц.А*. Об убеждении принуждения в советском административном праве. – Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952, с. 178.

[26] См.: *Сыроватская Л.А*. Указ. соч., с. 8–9.

[27] См.: *Садиков О.Н*. Имущественные санкции в хозяйственных договорах. – Сов. государство и право, 1957, № 4, с. 51.

[28] *Сыроватская Л.А.* Указ. соч., с. 10.

[29] См.: *Курылев С.В*. Санкции как элемент правовой нормы. – Сов. государство и право, 1964, №8, с. 47.

[30] См.: *Сыроватская Л.А*. Указ. соч., с. 11; *Коврига З.Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975, с. 31.

[31] *Брайнин Я.М.* Указ. соч., с. 24.

[32] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, с. 62, 63.

[33] См.: *Мельникова Ю.Б*. О понятии и сущности уголовно-правовых отношений. – Сов. государство и право, 1970, № 6, с. 90.

[34] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х*. Ответственность по советскому законодательству, с. 67.

[35] См.: *Элькинд П.С*. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, с. 54; *Каминская В.И*. Теория советского уголовно-процессуального закона. Автореф. докт. дис. М., 1967, с. 21–22; *Карнеева Л.М*. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971, с. 9–11.

[36] См., например, определение юридической ответственности, данное М. Д. Шаргородским (Вопросы теории права. М., 1961, с. 314).

[37] См.: *Кленов Е.А., Малов В.Г.* Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., 1968, с. 8.

[38] См.: *Тищенков И.А*. Правовое регулирование материальной ответственности рабочих и служащих. Автореф. канд. дис. М., 1964, с. 5.

[39] См.: *Малеин Н.С.* Проблемы имущественной ответственности хозорганов. Автореф. докт. дис. М., 1969, с. 6.

[40] См.: *Сыроватская Л.А*. Указ. соч., с. 20–21.

[41] Подробно о классификации санкций см.: *Лейст О.Э*. Санкции в советском праве. М., 1962.

[42] См.: Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966, с. 421.

[43] См.: *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм. – Правоведение, 1971, № 3, с. 50–52; *Черных Е.В.* Некоторые вопросы юридической ответственности. – В кн.: Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971, с. 182–183; *Строгович М.С.* Вопросы теории прав личности. – В кн.: Философия и современность. М., 1976, с. 34–35 и др.

[44] См.: *Недбайло П.Е.* Указ. соч., с. 51–52; *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1979, № 5, с. 73,74.

[45] См.: *Астемиров З.А*. Понятие юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 62; *Базылев Б.Т.* Сущность позитивной юридической ответственности. – Правоведение, 1979, № 4, с. 41.

[46] *Кудрявцев В.Н*. Право и поведение. М., 1978, с. 110.

[47] См.: *Радько Т.Н*. Юридическая ответственность как юридическая форма реализации социальных функций права. – В кн.: Юридическая ответственность в советском праве. Волгоград, 1974, с. 18; *Масленников В.А.* Юридические обязанности и ответственность личности. – В кн.: Права личности в социалистическом обществе. М., 1981, с. 132.

[48] См.: *Шевченко Я.Н*. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976, 1976, с. 26-28; *Халфина Р.О*. Общие учения о правоотношении. М., 1974, с. 316, 317; *Кучинский В.А*. Юридические аспекты ответственности личности. – В кн.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 194, 195.

[49] См.: *Алексеев С.С*. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961, с. 61–71.

[50] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, с. 187; *Базылев Б.Т.* Об институте юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1975, № 1, с. 112.

[51] *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч., с. 43.

[52] *Шевченко Я.Н*. Указ. соч., с. 27.

[53] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 192–193.

[54] Там же, т. 23, с. 189.

[55] Там же, т. 21, с. 82.

[56] Ряд ученых-юристов отказывается признать реальность существования общих правоотношений, считая искусственными попытки их конструирования. См.: *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976, с. 205-210. Обоснованную критику этих взглядов см.: *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972, с. 180–186; *Базылев Б.Т*. Указ. соч., с. 43–45.

[57] Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 966.

[58] См.: *Шпилев В.Н*. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974, с. 31.

[59] *Шевченко Я.Н*. Указ. соч., с. 26–27.

[60] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

[61] *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 34. Ранее это мнение было высказано: *Кечекьян С.Ф*. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 16–19; *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования общественных отношений. М., 1961, с. 109–110.

[62] См.: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 62–68.

[63] См.: Справочник партийного работника. М., 1971, вып. 11, с. 321; см. также: Положение о Министерстве юстиции СССР. – СП СССР, 1972, № 6, ст. 32.

[64] См.: *Рахунов Р.Д*. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с. 202; Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966, с. 384; *Каминская В.И*. Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. М.С. Строговича. М., 1965, с. 113–114.

[65] См.: *Столмаков А.И*. Понятие и классификация санкций норм уголовно-процессуального права. – Правоведение, 1977, № 3, с. 40–46.

[66] См.: *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 88.

[67] *Алексеева Л.Б.* Системные свойства уголовно-процессуального закона. – В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с. 114–115.

[68] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 8, с. 123.

[69] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 1, с. 124.

[70] См.: *Галкин Б.А*. Советский уголовно-процессуальный закон. Автореф. докт. дис. М., 1962, с. 12.

[71] См.: *Томашевский Н.П*. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. – В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 194; *Якубович Н.А.* Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971, с. 136; Советский уголовный процесс. Общая часть. М., 1979.

[72] *Алексеева Л.Б*. Указ. соч., с. 116.

[73] *Элькинд П.С*. Указ. соч., с. 89.

[74] *Зусь Л.Б.* Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1976, с. 18.

[75] См.: *Столмаков А.И*. Санкции норм уголовно-процессуального права. – Правоведение, 1977, № 3, с. 44.

[76] См.: *Столмаков А.И*. Правовосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве. – Сов. государство и право, 1982, № 5, с. 110–111.

[77] *Строгович М.С*. Признание обвиняемым своей вины в качестве судебного доказательства. – Сов. государство и право, 1982, № 4, с. 74.

[78] См.: *Цыпкин А.Л*. Защита прав личности в уголовном судопроизводстве. – В кн.: Права граждан и их охрана в период развернутого строительства коммунизма. Саратов, 1961, с. 96; *Мотовиловкер Я.О*. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966, с. 116–119; *Лукашевич В.З*. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям. – Правоведение, 1968, №4, с. 57–58; *Пашкевич П.Ф*. Актуальные вопросы развития советского законодательства о правосудии в свете ленинских идей. – Учен. зап. ВНИИСЗ, вып. 21, с. 107–108; *Савицкий В.М*. Актуальные проблемы правосудия в развитом социалистическом обществе. – В кн.: Тезисы докладов на Всесоюзной конференции и задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР, Конституций союзных и автономных республик. М., 1978, с. 44; *Строгович М.С.* Теоретические вопросы советской законности. – Сов. государство и право, 1956, № 4, с. 25; *Его же*. О проекте Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Сов. государство и право, 1958; № 7, с. 89; *Рахунов Р.Д.* Существенные вопросы уголовного судопроизводства. – Соц. законность, 1958, № 7, с. 15; *Добровольская Т.Н*. К вопросу о возмещении вреда, причиненного необоснованным привлечением к уголовной ответственности и осуждением. – Учен. зап. Всесоюзн. ин-та юр. наук, 1959, вып. 10, с. 193–204; и др.

[79] Убедительную аргументацию того, что возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами, не является разновидностью ни трудового, ни финансового, либо исправительно-трудового права, которые частично разрешают связанные с ним вопросы, ни разновидностью гражданского права, к которому «причисляется ошибочно, в силу инерции мышления, имеющей источником тот факт, что большинство имущественных правоотношений относится к юрисдикции данной отрасли права», дал Б.Т. Безлепкин (см.: *Безлепкин Б.Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами. М., 1979, с. 123–132).

[80] *Мотовиловкер Я.О*. Об институте «привлечение к уголовной ответственности» и содержании уголовно-процессуальной деятельности. – В кн.: Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев, 1979, с. 76–77.

[81] *Элькинд П.С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве, с. 96.

[82] *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978, с. 10.

[83] Там же.

[84] *Ковалев В.М*. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности. – В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979, с. 138.

[85] Там же, с. 138–139.

[86] *Безлепкин Б.Т.* Указ. соч., с. 129. Аналогичное мнение было ранее высказано А.А. Собчак: «Восстановительная (компенсационная) направленность гражданской ответственности не дает оснований считать, что в ней всегда проявляется государственное осуждение поведения правонарушителя» (См.: *Собчак А.А*. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности. – Правоведение, 1968, № 1, с. 50–51).

[87] *Безлепкин Б.Т.* Указ. соч., с. 134.

[88] *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. – Собр. соч. в 8 т. М., 1967, т. 4, с. 39.

[89] *Безлепкин Б.Т.* Указ. соч., с. 110.

[90] См.: *Строгович М.С*. Сущность юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1979, № 5, с. 74; *Ветрова Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность. Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 6.

[91] *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности. С. 72–73.

[92] См.: Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979, с. 84.

[93] *Ветрова Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность, с. 6, 8.

[94] См.: *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности, с. 74.

[95] См.: *Астемирова З.А.* Понятие юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 62.

[96] См.: *Матузов Н.И.* Указ. соч., с. 84.

[97] Словарь русского языка. М., 1959, т. 3, с. 287.

[98] Там же. М., 1958, т. 2, с. 915.

[99] *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972, с. 264.

[100] *Ветрова Г.Н.* Уголовно-процессуальная ответственность, с. 8.

[101] См.: *Курляндский В.И.* Указ. соч., с. 20; *Лейкина Н.С.* Указ. соч., с. 31; Курс советского уголовного права. М., 1970, т. 3, с. 8; *Багрий-Шахматов Л.В.* Указ. соч., с. 73; *Чугаев А.П.* Индивидуализация ответственности за преступление и ее особенности по делам несовершеннолетних. Краснодар, 1979, с. 32.

[102] См.: Теория государства и права. М., 1977, с. 432–433.

[103] Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741.

[104] *Ковалев В.М.* Указ. соч., с. 140.

[105] См.: *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм. – Правоведение, 1971, № 3, с. 50.

[106] *Стучка П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с. 94.

[107] Об этом см.: *Матузов Н.И.* Правовой статус личности: понятие и структура. – В кн.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 1980, с. 58–67.

[108] *Гегель.* Соч. М., 1975, т. 1, с. 234.

[109] См.: *Явич Л.С.* Общая теория права. Л., 1976, с. 270; *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, с. 161–167; *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.,1971, с. 187; *Денисов Ю.А.* Об определении понятия правонарушения в общей теории права. – Вестн. Ленингр. ун-та, вып. 4. Сер. Экономика, философия, право, 1976, № 23, с. 122.

[110] См.: *Анашкин Г.З., Петрухин И.Л.* Эффективность правосудия и судебные ошибки. – Сов. государство и право, 1968, № 8, с. 59.

[111] *Строгович М.С.* Основные вопросы социалистической законности. М., 1966, с. 194–195.

[112] См.: БСЭ. М., 1975, т. 19, с. 53; т. 20, с. 93.

[113] *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, с. 164.

[114] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права, вып. 2, с. 201; *Его же*. Проблемы теории права. Курс лекций в 2 т. Свердловск, 1972, т. 1, с. 394.

[115] См.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч., с. 121.

[116] *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве, с. 98.

[117] *Столмаков А.И.* Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву. – Правоведение, 1980, № 1, с. 72.

[118] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 4, с. 9.

[119] *Элькинд П.С.* Указ. соч., с. 98.

[120] Там же.

[121] См.: *Флейшиц Е.А.* Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. – Сов. государство и право, 1962, № 9, с. 36; *Яичков К.К.* Система обязательств из причинения вреда в советском праве. – В кн.: Вопросы гражданского права. М., 1957, с. 170; *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч., с. 72–73; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976, с. 163–197.

[122] *Флейшиц Е.А.* Указ. соч., с. 36.

[123] *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч., с. 73.

[124] *Братусь С.Н.* Указ. соч., с. 165.

[125] *Строгович М.С.* Основные вопросы социалистической законности, с. 194–195.

[126] Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 29 (1843), ст. 427.

[127] Советское финансовое право. М., 1974, с. 51–52.

[128] *Ветрова Г.Н.* Указ. соч., с. 13; *Ее же*. Ответственность в сфере уголовно-процессуальных отношений. – Сов. государство и право, 1982, № 2, с. 129.

[129] См.: *Строгович М.С*. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951, с. 26; *Его же*. Вопросы теории правоотношений. – Сов. государство и право, 1964, № 6, с. 59–60; *Его же*. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 31–32; *Рахунов Р.Д*. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961, с. 61; *Галкин Б.А.* Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 73–91; *Элькинд П.С*. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с. 8–10; *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 68–80; *Кокорев Л.Д*. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971, с. 36–40; и др.

[130] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 33; *Кокорев Л.Д*. Указ. соч., с. 40.

[131] *Элькинд П.С*. Указ. соч., с. 14–15; Об этом же см.: *Коврига З.Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975, с. 18.

[132] *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 93.

[133] *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия (теоретические проблемы субъективного права). Саратов, 1972, с. 176.

[134] *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 228.

[135] Сборник постановлений Пленума, определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1942–1962 гг. М., 1963, с. 16; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 6, с. 43–45; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 6, с. 12–13.

[136] *Алексеев С.С*. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 181–182.

[137] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 340.

[138] *Элькинд П.С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве, с. 101.

[139] *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность, санкции правовых норм и государственное принуждение. – В кн.: Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск, 1966, с. 6; *Его же*. Понятие юридической ответственности. – Учен. зап. Томск. гос. ун-та, 1967, №66, с. 20.

[140] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х*. Указ. соч., с. 64–66. О недопустимости отождествления правовой ответственности с охранительными правоотношениями см. также: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск, 1965, вып. 2, с. 189–191; *Карнеева Л.М*. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971, с. 7.

[141] *Базылев Б.Т*. Указ. соч., с. 6.

[142] *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе, с. 143.

[143] См.: *Мотовиловкер Я.О*. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974, с. 29–31. Ранее аналогичное суждение высказал Ф.Н. Фаткуллин (см.: *Фаткуллин Ф.Н*. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965, с. 14).

[144] Обоснованную критику указанных суждений см.: *Элькинд П.С*. Указ. соч., с. 102–105.

[145] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 31–32; *Его же*. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 88–98; *Рахунов Р.Д*. Указ. соч., с. 61; *Галкин Б.А*. Указ. соч., с. 73–98; *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 68–100; *Божьев В.П.* Уголовно- процессуальные отношения. М., 1975.

[146] Теория государства и права/ под ред. А.И. Денисова. М., 1967, с. 361.

[147] О правоотношении как форме процессуальной ответственности см.: *Элькинд П.С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве, с. 101–105. О правоотношении как форме выражения мер уголовно-процессуального принуждения см.: *Коврига З.Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение, с. 18–20.

[148] См.: *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 77; *Божьев В.П.* Указ.соч., с. 153.

[149] См.: *Рахунов Р.Д*. Указ. соч., с. 64–65; *Кокорев Л.Д*. Участники правосудия по уголовным делам, с. 36–40; *Элькинд П.С*. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 31–33; *Строгович М.С*. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 95-97.

[150] См.: *Базылев Б.Т*. Об институте юридической ответственности. – Сов. государство и право, 1975, №1, с. 114–115.

[151] *Кожевников С.Н.* Правоотношения, возникающие в связи с применением мер государственного принуждения. – В кн.: Применение советского права. Свердловск, 1974, вып. 30, с. 101.

[152] См.: Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963, с. 439.

[153] См.: Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3.

[154] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 13, с. 497–498.

[155] *Строгович М.С*. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 33.

[156] *Элькинд П.С*. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 14–15.

[157] См.: *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 93.

[158] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 1, с. 14.

[159] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии. М., 1950, с. 193.

[160] См.: *Полянский Н.Н*. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, гл. VI; Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1967, гл. VIII; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т.1, с. 51–56.

[161] *Строгович М.С.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 17–18.

[162] См.: *Лейст О.Э*. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 65–67.

[163] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964, вып. 2, с. 57.

[164] *Элькинд П.С.* Цели и средства в советском уголовно-процессуальном праве, с. 96.

[165] *Ковалев В.М*. Указ. соч., с. 139; такого же мнения придерживается и В.М. Корнуков (см. *Корнуков В.М*. Указ. соч., с. 11–12; *Его же*. Правовые средства, обеспечивающие выполнение обязанностей участниками уголовного процесса. – В кн.: Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1977, с. 49).

[166] *Ковалев В.М*. Указ. соч., с. 136.

[167] См.: *Мицкевич А.В*. О гарантиях прав и свобод советских граждан и общенародном социалистическом государстве. – Сов. государство и право. 1963, № 8, с. 99–101.

[168] См.: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958, с. 129–130.

[169] См.: *Строгович М.С*. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 89–90.

[170] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 1, с. 137.

[171] См.: *Коврига З.Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975, с. 34.

К главе 2

[172] См.: *Познанский В.А., Цыпкин А.Л*. и др. Советский уголовный процесс. Часть Общая. Саратов, 1968, с. 19–24; *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с. 59–66; Уголовный процесс / Отв. ред. Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, П.С. Элькинд. М., 1972, с. 12–15; *Шпилев В.Н*. Указ. соч., с. 67–68.

[173] См.: *Чельцов М.А*. Уголовный процесс. М., 1969, с. 11–12; *Шимановский В.В.* К вопросу о процессуальных функциях следователя в советском уголовном процессе. – Правоведение, 1965, № 2, с. 178.

[174] *Худяков В.Л*. «Социальное» и его проявление в системе общественных отношений. – Вест. Ленингр. ун-та, 1968, вып. 1, № 5, с. 82.

[175] См.: *Смирнов В.Г*. Функции советского уголовного права. Л., 1965, с. 9–15.

[176] См.: *Стремовский В.А*. Содержание предварительного следствия в советском уголовном процессе. Краснодар, 1971, с. 96.

[177] См.: *Элькинд П.С.* Указ. соч., с. 54–55.

[178] См.: *Шимановский В.В.* Указ. соч., с. 175.

[179] См.: *Стремовский В.А*. Указ. соч., с. 97.

[180] См.: *Элькинд П.С*. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 39–66; *Шимановский В.В*. Указ. соч., с. 178; *Познанский В.А., Цыпкин А.Л*. и др. Указ. соч., с. 20; *Даев В.Г*. К понятию обвинения в советском уголовном процессе. – Правоведение, 1970, № 1, с. 71–72; *Мотовиловкер Я.О*. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974, с. 67–70.

[181] См.: *Галкин Б.А*. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1968, с. 68; *Каминская В.И*. Уголовно-процессуальный закон. – В кн.: Демократические основы социалистического правосудия / Под ред. М.С. Строговича, с. 111–120; *Элькинд П.С*. Толкование и применение норм

уголовно-процессуального права. М., 1967, с. 22–31; *Добровольская Т.Н*. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971, с. 58–65.

[182] В.М. Савицкий называет ее «специфической уголовно-процессуальной санкцией карательного свойства» (см.: *Савицкий В.М*. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975, с. 186).

[183] См.: *Полянский Н.Н*. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, с. 102; *Якуб М.Л.* Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960, с. 95–96; *Галкин Б.А*. Указ. соч., с. 187; *Иванов В.А*. Прокурорский надзор в борьбе с преступностью. Л., 1964, с. 43; Народный суд / Под ред. Л.Д. Кокорева. Воронеж, 1970, с. 127; и др.

[184] *Савицкий В.М*. Указ. соч., с. 66.

[185] *Петрухин И.Л.* Социальная природа правосудия и его цели. – В кн.: Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979, с. 21.

[186] Приоритет прокурорского надзора над иными видами надзорной деятельности отстаивают: *Чеканов В.Я.* Сущность прокурорского надзора и его соотношение с другими формами государственной деятельности. – В кн.: Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973, с. 9; и др.

[187] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 2, с. 293.

[188] См.: подробнее: *Чхиквадзе В.М.* Государство. Демократия. Законность. М., 1967, с. 404–453.

[189] См.: *Якуб М.Л*. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981, с. 7–40.

[190] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 282.

[191] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977 гг. М., 1978, ч. 2, с. 20.

[192] СУ РСФСР, 1920, № 1–2, ст. 7.

[193] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 95.

[194] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954, ч.1, с. 597.

[195] См.: *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 50, с. 285; т. 52, с. 146; т. 53, с. 130–131.

[196] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1956, т. 2, с. 423.

[197] Правда, 1979, 11 сент.

[198] *Петрухин И.Л*. Системный подход к изучению эффективности правосудия. – Сов. государство и право, 1976, № 1, с. 80.

[199] См.: *Маляров М.П*. Поддержание государственного обвинения перед судом – важнейшая обязанность прокурора. – В кн.: Сборник материалов Всесоюзной научно-практической конференции по вопросам государственного обвинения. М., 1972, с. 9; *Басков В.* На судебной трибуне – государственный обвинитель. – В кн.: Советская прокуратура. М., 1977, с. 159.

[200] См.: *Звирбуль В.К*. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. – В кн.: Совершенствование прокурорского надзора в СССР, с. 223.

[201] См.: *Анашкин Г.З., Петрухин И.Л*. Эффективность правосудия и судебные ошибки. – Сов. государство и право, 1968, № 8, с. 67; Организация судебной деятельности. М., 1977, с. 99.

[202] См.: *Кузнецова Н.Ф*. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью. – Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право», 1974, № 4, с. 13–14, 18. См. также: Сов. государство и право, 1975, № 3, с. 126; Проблемы эффективности прокурорского надзора. М., 1977, с. 28.

[203] *Брежнев Л.И*. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1972, т. 3, с. 49.

[204] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 70.

[205] См.: Там же, с. 50.

[206] См.: Там же, с. 203.

[207] *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 72.

[208] См.: Там же, с. 11.

[209] См.: *Радьков В.П.* Социалистическая законность в советском уголовном процессе. М., 1959, с. 41–42.

[210] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 378.

[211] См.: *Анашкин Г.З., Петрухин И.Л*. Эффективность правосудия и судебные ошибки. – Сов. государство и право, 1968, № 8, с. 59–67; *Горский Г.Ф*. Научные основы организации и деятель-

ности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970, с. 208; *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Моршакова Т.Г*. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979, с. 392; и др.

[212] См.: *Петрухин И.Л*. Причины судебных ошибок. – Сов. государство и право, 1970, № 5, с. 100–101.

[213] См.: *Вопленко Н.Н.* Причины ошибок в правоприменении. – Сов. государство и право, 1982, № 4, с. 103–104.

[214] *Хиншелвуд С*. Качественное и количественное. – В кн.: Философские проблемы современной химии. М., 1971, с. 29.

[215] *Якушин С.Ю*. К вопросу о развитии советского уголовно-процессуального законодательства в свете Конституции СССР. – В кн.: Актуальные вопросы общественных наук. Казань, 1981, с. 54.

[216] См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977 гг. М., 1978, ч. 2, с. 344 (п.1); с. 21 (п.4); и др.

[217] См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1964, № 7, с. 12–13.

[218] См.: *Шикин Е.А*. Факторы, определяющие эффективность норм права. – Сов. государство и право, 1973, № 5, с. 104; *Юсунов В.А*. Право и советское государственное управление. Казань, 1976, с. 234–240.

[219] См. соответственно: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, с. 32; *Керимов Д.А*. Категории действительности и возможности в праве. – Сов. государство и право. 1968, № 8, с. 15; *Самощенко И.С., Никитинский В.И.* О понятии эффективности правовых норм. – Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 9. М., 1968, с. 19; *Тоболкин П.С.* Понятие эффективности норм советского уголовного права. – В кн.: Проблемы эффективности уголовного закона: Сборник ученых трудов. Свердловск, 1975, вып. 37, с. 37; *Якимов П.П*. Изучение эффективности уголовно-процессуальных норм. – Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства: Сборник ученых трудов. Свердловск, 1974, вып. 29, с. 130.

[220] Право и социология. Наука. М., 1973, с. 270.

[221] См.: *Иванов Ю*. Исследование неотвратимости наказания. – Соц. законность, 1975, № 11, с. 85; *Кобликов А.С*. Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979, с. 84–85.

[222] *Бойков А.Д*. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. – В кн.: Эффективность применения закона. М., 1973, с. 177.

[223] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 15, с. 362.

[224] Там же, т. 29, с. 318.

[225] *Элькинд П.С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве, с. 7–59; *Алексеева Л.Б, Михайловская И.Б*. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976, вып. 24, с. 43–44.

[226] *Чулюкин Л.Д*. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 11.

[227] См.: *Ларин А.М*. Эффективность уголовно-процессуального закона. – В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с. 180.

[228] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 204.

[229] См.: *Строгович М.С*. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 168–170.

[230] См.: *Лупинская П.А*. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976, с. 120–128; *Боннер А.Т*. Применение закона к судебному усмотрению. – Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 34–38.

[231] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 8, с. 532.

[232] См.: *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 182.

[233] *Брежнев Л.И*. Ленинским курсом, т. 3, с. 49.

[234] См.: *Рахунов Р.Д*. Выявление и устранение судом причин и условий, способствующих совершению преступлений. – В кн.: Выявление причин преступления и принятия предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967, с. 112; *Басков В.И*. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, с. 155; *Строгович М.С*. Курс советского уголовного процесса. М., 1970, т. 2, с. 355–356; *Соломаха Г.И.* Профилактическое значение частных определений по делам несовершеннолетних. – В кн.: Изучение и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. М., 1970,

с. 140; *Теплов В.А*. Определение суда первой инстанции по уголовному делу. Саратов, 1977, с. 98–99.

[235] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14 октября 1964 г. «О практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам». – Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 6, с. 9–10.

[236] *Ширинский С.Ф*. Законность и обоснованность частного определения. – Сов. государство и право, 1981, № 1, с. 82.

[237] См.: *Ланге О.* Введение в экономическую кибернетику. М., 1968, с. 112, 123.

[238] См.: *Кудрявцев В*. Правовая система и укрепление социалистического общества. – Коммунист, 1981, № 9, с. 77.

[239] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.

[240] См.: *Смирнов Л*. Закон о Верховном Суде СССР и задачи дальнейшего совершенствования правосудия. – Соц. законность, 1980, № 2, с. 15.

[241] См.: Задачи прокуратуры, вытекающие из решений ноябрьского (1978) Пленума ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» и Закона о Прокуратуре СССР. – Соц. законность, 1980, № 3, с. 3.

[242] *Янг С.* Системное управление организаций. М., 1972, с. 29.

[243] См.: *Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д*. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977, с. 32.

[244] См.: Кудрявцев В. Указ. соч., с. 75.

[245] *Ветрова Г.* Ответственность свидетеля в уголовном процессе. – Соц. законность, 1980, № 8, с. 56.

[246] *Миронов Л.* Частное определение должно быть действенным орудием в борьбе с преступностью. – Сов. юстиция, 1965, № 3, с. 13.

[247] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961–1977 гг. М., 1978, с. 270.

[248] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1978, № 3, с. 8.

[249] Постановление № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 24 ноября 1978 г. «О судебной практике по применению условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». – Сов. юстиция, 1979, № 2.

[250] См.: *Патриков Ю*. Прокурорский надзор за законностью в местах лишения свободы. – Соц. законность, 1963, № 8, с. 63; Прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы – на уровень современных задач. Редакционная статья. – Соц. законность, 1965, № 2, с. 5; *Мудров Т., Рейтборт А.* Недостатки в решении вопросов об условно-досрочном освобождении. – Сов. юстиция, 1965, № 13, с. 5.

[251] Это предложение высказано Е. И. Карасевым (см.: *Карасев Е.И.* Уголовно-процессуальный закон о частных определениях нуждается в совершенствовании. – В кн.: Актуальные вопросы государства и права. Томск, 1972, с. 282).

[252] Данное предложение высказано Г.Я. Борисовичем (см.: *Борисович Г.Я*. Частное определение суда в стадии исполнения приговора. – В кн.: Гарантии конституционных прав личности при осуществлении правосудия. – Пермь, 1980, с. 91).

[253] См.: *Воеводин Л.Д*. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972, с. 7; *Витрук Н.В*. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979, с. 147. Авторы упрощенного понимания структуры правового статуса включают в ее научную модель: юридические обязанности, субъективные права, юридические свободы и юридическую ответственность (*Горшенев В.М*. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года. – В кн.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 1980, с. 55).

[254] См.: *Матузов Н.И*. Правовой статус личности: понятие и структура. – В кн.: Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. Саратов, 1980, с. 67.

[255] См.: Там же, с. 66.

[256] См.: *Воеводин Л.Д., Краснов М.А., Федотов М.А*. Конституционные права, свободы и обязанности советских граждан как объект системного анализа. – Правоведение, 1982, № 2, с. 22.

[257] Подробнее о содержании видов юридических гарантий прав личности см.: *Мицкевич А.В*. О гарантиях прав и свобод советских граждан в общенародном социалистическом государстве. – Сов. государство и право, 1963, № 8; *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий примене-

ния советских правовых норм. – Правоведение, 1971, № 3; *Строгович М.С.* Социалистическая законность и укрепление гарантий прав личности в условиях развитого социализма. – В кн.: Революция, демократия, право. М., 1978; *Витрук Н.В*. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979, с. 203–217.

[258] Ведомости Верховного Совета СССР, 1968, № 17, ст. 144.

[259] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч., т. 6, с. 206.

[260] Там же, т. 7, с. 168.

[261] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979, № 2, с. 34–42.

[262] См.: *Витрук Н.В*. Указ. соч., с. 204–216.

[263] См.: *Витрук Н.В*. Гарантии прав личности. – В кн.: Права личности в социалистическом обществе. М., 1981, с. 178.

[264] См. об этом: *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 178–188; *Куцова Э.Ф*. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 123–196.

[265] См.: Социалистическая законность, 1978, № 4, с. 83–86.

[266] Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 21, ст. 741.

[267] Там же.

[268] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч., т. 3, с. 245.

[269] См. об этом подробнее: *Кикнадзе Д.А*. Потребность, поведение, воспитание. М., 1968, с. 53, 75–76; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, с. 113, 117; *Леонтьев А.Н*. Деятельность, сознание, личность. М., 1975, с. 87.

[270] В литературе интересы обвиняемого подразделяют: по сфере проявления – материальные и процессуальные, по значимости – основные и второстепенные, по предмету регулирования – правовые и неправовые, по носителю – личные и общественные, по цели – совпадающие и несовпадающие с задачами правосудия, по возможности разрешения возникающих с государством противоречий – удовлетворяемые и неудовлетворяемые (см.: *Кокорев Л.Д*. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. – Правоведение, 1977, № 4, с. 76–83; *Адаменко В.Д*. Интересы обвиняемого в уголовном деле. – Правоведение, 1982, № 2, с. 83–86; и др.).

[271] См.: *Братусь С.Н*. Субъекты гражданского права. М., 1950, с. 9–23.

[272] См.: *Строгович М.С.* Указ. соч., с. 168.

[273] См.: *Куцова Э.Ф*. Указ. соч., с. 8; *Кокорев Л.Д*. Указ. соч., с. 8.

[274] См.: *Алексеев С.С*. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 148.

УДК 343.1

Т. Ю. Вилкова, С. Б. Россинский

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Анализируется вся система правовых актов, определяющих сущность, основания, правовые условия и порядок задержания лиц по подозрению в совершении преступлений, начиная с международно-правовых стандартов обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность и заканчивая положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ и иными нормами национального законодательства. Исследуются соответствующие позиции Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека.
Ключевые слова: задержание подозреваемого, право на свободу и личную неприкосновенность, подозрение в совершении преступления, подозреваемый, меры уголовно-процессуального принуждения.

THE LEGAL BASIS FOR THE DETENTION OF A SUSPECT IN COMMITTING A CRIME: FROM INTERNATIONAL LAW TO NATIONAL LEGISLATION

This article examines the system of normative legal acts determining the nature, Foundation, legal conditions and procedure for detention of persons suspected of committing crimes, starting with international legal standards of the right to freedom and personal inviolability and to the provisions of the Criminal procedure code of the Russian Federation and other norms of the national legislation. In the same paper also discusses the respective positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of human rights.
Key words: the detention of the suspect, the right to freedom and personal inviolability, suspicion of committing a crime, suspect, measures of criminal procedure compulsion.

Поступила в редакцию 5 февраля 2016 г.

Механизмы предварительного расследования по уголовному делу уже невозможно представить без предусмотренной главой 12 УПК РФ процедуры задержания подозреваемого в совершении преступления. Вопросы теории, нормативного регулирования и практики применения этой меры уголовно-процессуального принуждения всегда привлекали внимание ученых; в последнее время эти проблемы получили новый импульс для своего развития в связи с признанием Российской Федерацией приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и имплантацией в национальную систему уголовно-процессуального права ряда позиций Европейского суда по правам человека. Следовательно, в современных условиях особую актуальность представляют вопросы, связанные с правовыми основами задержания подозреваемого, восходящими к нормам международного права и детализированными в положениях национального законодательства.

© Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б., 2016

Являясь мерой уголовно-процессуального принуждения, задержание подозреваемого затрагивает одну из важнейших правовых ценностей – право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому его применение требует от государственных органов и должностных лиц строжайшего соблюдения законности, о чем уже неоднократно отмечалось в юридической литературе[1]. Требование законности задержания находит отражение в его правовых основах, имеющих трехуровневый характер: а) международно-правовой уровень; б) конституционный уровень; в) законодательный уровень.

На международном уровне правовая регламентация задержания подозреваемого выражается в общем контексте обеспечения права человека на свободу и личную неприкосновенность. Соответствующие нормы содержатся в целом ряде международно-правовых документов, имеющих высшую юридическую силу. Так, Всеобщая декларация прав человека[2] провозглашает, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 3) и что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию (ст. 9). Аналогичная норма представлена в ч. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах[3]. Часть 4 ст. 9 этого документа определяет право каждого задержанного на безотлагательное разбирательство его дела в суде в целях определения законности его задержания и решения вопроса об его возможном освобождении. Статья 5 (п. «с» ч. 1) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[4] устанавливает, что право лица на свободу и личную неприкосновенность (в контексте целей задержания подозреваемого) может быть ограничено с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения. Этой же статьей установлены и другие международно-правовые гарантии в части ограничения права на свободу, а именно: право на разъяснение лицу на понятном языке причин его ареста и любого предъявленного ему обвинения (ч. 2); право на незамедлительное доставление задержанного к судье (к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью) и на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда (ч. 3); право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным (ч. 4); право на компенсацию в случае незаконного ареста или заключения под стражу (ч. 5).

В связи с этим необходимо обратить внимание на высказанные по данному поводу позиции Европейского суда по правам человека, который исходит из того, что возможность законного посягательства на свободу и личную неприкосновенность

---

[1] См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 139 ; *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И. Б. Михайловская. М., 1989. С. 9 ; *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 35 ; *Панокин А. М.* Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве //Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4 (29). С. 483–490 ; и др.

[2] Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Здесь и далее правовые акты приведены из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.

[4] Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. с послед. изм. и доп. Протоколами к ней.

человека должна предполагать соразмерность ограничения этого права, выраженную в балансе между общественными интересами, требующими предварительного заключения под стражу, и важностью права на свободу личности – с учетом презумпции невиновности. Причем при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов[5]. Практика, которая складывается в связи с законодательным пробелом и в соответствии с которой лицо заключается под стражу на неопределенный срок, противоречит одному из фундаментальных принципов правосудия – принципу правовой обеспеченности[6].

Кроме того, Европейский суд по правам человека выражает весьма интересные правовые позиции в толковании ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно понятия «лишение физической свободы». В ряде его решений отмечается, что такое лишение может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению. В связи с этим предлагается оценивать лишение физической свободы не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. Вообще, по мнению Европейского суда по правам человека, ограничение свободы и лишение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью[7]. При этом ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит именно о свободе физической; ее цель – гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишен свободы по смыслу данной статьи[8]. Европейский суд по правам человека исходит из того, что лишение свободы не обязательно является нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но перечень исключений из права на свободу является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений соответствует цели данного положения, а именно обеспечению того, чтобы никто не был лишен свободы произвольно[9].

Обосновывая этот подход, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что при определении того, был ли кто-то «лишен свободы» согласно ст. 5, точкой отсчета должна быть его конкретная ситуация. При этом следует учитывать весь спектр критериев, таких как вид, длительность, последствия и способ применения

---

[5] Постановления Европейского суда по правам человека : от 26 июня 1991 г. по делу «Лателлье против Франции» (жалоба № 12369/86) ; от 6 апреля 2000 г. по делу «Лабита против Италии» (жалоба № 26772/95) ; от 29 января 2008 г. по делу «Саади против Соединенного Королевства» (жалоба № 13229/03).

[6] Постановление Европейского суда по правам человека от 28 марта 2000 г. по делу «Барановски против Польши» (жалоба № 28385/95).

[7] Постановления Европейского суда по правам человека : от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76) ; от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) ; от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, № 14992/89).

[8] Постановление Европейского суда по правам человека от 25 июля 1996 г. по делу «Амюур против Франции» (жалоба № 12598/94).

[9] Постановления Европейского суда по правам человека : от 25 сентября 2003 г. по делу «Василева против Дании» (жалоба № 52792/99) ; от 9 марта 2006 г. по делу «Менешева против Российской Федерации» (жалоба № 59261/00) ; по делу «Шимоволос против Российской Федерации» (жалоба № 30194/09) ; по делу «Александра Дмитриева против Российской Федерации (жалоба № 9390/05).

рассматриваемой меры; различие между лишением и ограничением свободы состоит, тем не менее, лишь в степени суровости, а не в природе или сущности[10].

Правовые стандарты задержания подозреваемого в общем контексте ограничения права на свободу и личную неприкосновенность находят свое отражение еще в целом ряде международных документов, в частности в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными[11], в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах)[12], в Основных принципах обращения с заключенными[13], в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме[14], в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы[15], и целом ряде других международно-правовых актов[16].

Говоря о международных стандартах в области задержания подозреваемого и обращения с задержанными, следует обратить внимание, что они вовсе не являются некой правовой догмой и, тем более, не направлены на построение в определенном государстве, например в Российской Федерации, идеальной системы уголовно-процессуальных и пенитенциарных норм, регламентирующих основания, порядок и условия применения данной меры принуждения. Как справедливо отмечает В. Н. Григорьев, с учетом разнообразия юридических, социальных, экономических, географических условий вполне очевидно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно[17]. Представляется, что цель международных стандартов в сфере задержания лица по подозрению в совершении преступления заключается в создании правового вектора, позволяющего определить направление для формирования и развития национальной системы законодательных норм, регламентирующих применение данной меры уголовно-процессуального принуждения.

На конституционном уровне правовая регламентация задержания подозреваемого находит отражение в ряде положений главы 2 Конституции РФ[18], определяющей права и свободы человека и гражданина. Так, согласно ст. 22 Конституции РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответствен-

---

[10] Постановление Европейского суда по правам человека от 12 января 2010 г. по делу «Гиллен и Кинтон» против Соединенного Королевства (жалоба № 4158/05).

[11] Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными приняты Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в г. Женеве 30 августа 1955 г.

[12] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.

[13] Основные принципы обращения с заключенными : приняты Резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г.

[14] Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме : принят Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г.

[15] Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы : приняты Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г.

[16] Подробнее от этом см.: *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого... С. 29–32.

[17] См.: Там же. С. 33.

[18] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с послед. изм. и доп.

но задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Наконец, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Указанные конституционные положения подлежат развитию в целом ряде позиций Конституционного Суда РФ по вопросам применения федерального законодательства. В частности, отмечается, что публично-правовые интересы государства могут оправдывать ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей[19]. Выявляя конституционно-правовой смысл понятия «лишение свободы», Конституционный Суд РФ установил, что оно имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте ст. 22 Конституции РФ и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы. Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы[20]. Помимо этого, Конституционным Судом РФ сформулирована правовая позиция, согласно которой всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в процессе судопроизводства либо в виде уголовного или административного наказания, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, исходя из его законодательно установленных пределов[21]. И, наконец, Конституционным Судом РФ высказано мнение относительно прямого действия ст. 53 Конституции РФ при задержании подозреваемого. Отмечается, что вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, должен возмещаться государством в полном объеме независимо от вины соответствующих должностных лиц не только в прямо перечисленных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ случаях, но и тогда, когда вред причиняется в результате незаконного применения в отношении гражданина такой меры процессуального принуждения, как задержание[22].

На законодательном уровне правовая регламентация задержания подозреваемого находит отражение в ряде положений Уголовно-процессуального кодекса РФ[23] и Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»[24]. Полномочия отдельных правоохранительных

---

[19] Постановления Конституционного Суда РФ : от 27 апреля 2001 г. № 7-П; от 30 октября 2003 г. № 15-П ; от 22 марта 2005 г. № 4-П ; от 14 июля 2005 г. № 9-П ; от 16 июня 2009 г. № 9-П и др.

[20] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П.

[21] Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П.

[22] Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 440-О.

[23] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с послед. изм. и доп.

[24] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ с послед. изм. и доп.

органов в части фактического задержания подозреваемых определены в ст. 14 Федерального закона «О полиции»[25], ст. 13, 14, 14.1, 14.3–14.6 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»[26], ст. 19–20 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»[27] и некоторых других законодательных актах. Кроме того, ст. 26 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[28] предусматривает право задержанных на получение медицинской помощи.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, являясь основным законодательным актом, регламентирующим порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел, определяет принципиальное положение о неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве (ст. 10 УПК РФ), правовую дефиницию задержания подозреваемого (п. 11 ст. 5 УПК РФ), правовые основания и порядок задержания и освобождения подозреваемого (гл. 12 УПК РФ), а также иные правоотношения, возникающие в связи с применением данной меры принуждения: допрос подозреваемого (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), личный обыск задержанного (ст. 93, 184 УПК РФ), особенности задержания отдельных категорий лиц (ст. 423, 449 УПК РФ) и др.

Вместе с тем уголовно-процессуальная регламентация задержания подозреваемого, несмотря на свою долгую историю и достаточно фундаментальную научную разработанность, не лишена целого ряда пробелов и недочетов, весьма негативно сказывающихся на следственной практике. Так, в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ не определены цели задержания подозреваемого[29], что, в свою очередь, обусловливает методологические ошибки, допущенные законодателем при формулировании оснований и мотивов для данной меры принуждения[30]. Кроме того, законодатель не уделяет должного внимания моменту фактического задержания подозреваемого, хотя связывает с ним возникновение большинства правоотношений, характеризующих данную меру принуждения, о чем уже неоднократно отмечалось в специальной литературе[31]. Существуют и другие пробелы в нормативно-правовой регламентации задержания подозреваемого, имеющие место в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ[32].

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» устанавливает специальный правовой режим, действующий в изоляторах временного содержания, а также основные гарантии прав

---

[25] О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ с послед. изм. и доп.

[26] О Федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ с послед. изм. и доп.

[27] О таможенном регулировании в Российской Федерации : федер. закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ с послед. изм. и доп.

[28] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ с послед. изм. и доп.

[29] При этом необходимо отметить, что ранее цели задержания подозреваемого были прямо сформулированы в ст. 1 специального нормативного правового акта – Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденного Указом Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX.

[30] Данный тезис предполагает необходимость аргументированного обоснования, требующего проведения отдельного исследования. Ввиду ограниченного объема настоящей статьи эти проблемы будут рассмотрены в других наших публикациях.

[31] Например: *Зайцев О. А., Смирнов П. А.* Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 142 ; Досудебное производство в уголовном процессе / Б. Я. Гаврилов [и др.]. М., 2015. С. 47 ; и др.

[32] Подробнее об этом см.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. С. 418–434.

и законных интересов лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления. В связи с этим Конституционный Суд РФ отметил, что данный закон не только направлен на выполнение задач, предусмотренных УПК РФ, но и преследует цель обеспечения личной безопасности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей[33]. Указанным законом, в частности, установлены правовые условия и механизмы обеспечения личной безопасности подозреваемых, определены правила обеспечения изоляции, направленные на выполнение задач данной меры принуждения, а также ответственность за их нарушение, установлены основания и правовые условия общения с внешним миром: свидания с защитниками, близкими родственниками, иными лицами, получение корреспонденции, передач и т.д.

Рассматриваемый закон предопределяет существование подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих внутренний распорядок в изоляторах временного содержания, в частности Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел[34] и Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов[35].

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации выстроена достаточно действенная правовая система, обеспечивающая возможность применения задержания лица по подозрению в совершении преступления и в целом обеспечивающая возможность реализации при этом основополагающих прав и свобод личности. Вместе с тем существующие пробелы в нормативно-правовой регламентации задержания подозреваемого обусловливают необходимость проведения дальнейших научных исследований, направленных на развитие и совершенствование положений национального законодательства, определяющих условия и порядок применения данной меры уголовно-процессуального принуждения.

---

[33] Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1028-О.

[34] Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел : приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 с послед. изм. и доп.

[35] Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов : приказ ФСБ России от 24 марта 2010 г. № 140.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Вилкова Т. Ю., *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права*

Россинский С. Б., *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права*

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

Vilkova T. Yu., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Procedure Department*
E-mail: tvilkova@yandex.ru

Rossinskiy S. B., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Procedure Department*
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

УДК 343.1

М. В. Галдин

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЯЕМОМУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НА БОЛЕЕ СТРОГУЮ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматривается один из видов уголовно-процессуальной ответственности – изменение меры пресечения на более строгую. Анализируется содержание ст. 110 УПК РФ и предлагается изменение ее действующей редакции.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная ответственность, санкция, обязанность обвиняемого, изменение меры пресечения.

CHANGING TO A MORE STRICTER MEASURE OF RESTRAINT THE ACCUSED AS THE REALIZATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE RESPONSIBILITY

This article discusses one of the types of criminal procedure responsibility – changing the measure of restraint to a more stricter. We analyze the content of the Art. 110 Code of Criminal Procedure and the proposed change in its current edition.
K e y w o r d s: criminal procedural responsibility, sanction, the obligation of the accused, change the measure of restraint.

Поступила в редакцию 1 марта 2016 г.

Изменение меры пресечения на более строгую рассматривается в качестве меры уголовно-процессуальной ответственности с самого начала постановки вопроса о ее существовании в науке уголовно-процессуального права[1]. Такого же мнения придерживаются З. З. Зинатуллин, Л. Б. Зусь, А. И. Столмаков, А. А. Филющенко[2].

Рассматривая санкцию как неотъемлемое свойство ответственности, З. Ф. Коврига относила «избрание более строгой меры пресечения после нарушения первоначально избранной» к числу правовосстановительных санкций[3].

Результаты проведенного в этом направлении исследования позволяют уточнить представления об изменении меры пресечения как о мере уголовно-процессуальной ответственности обвиняемого (подозреваемого) исходя из объективных и субъективных признаков этого правонарушения.

Изменение меры пресечения на более строгую следует рассматривать в качестве санкции уголовно-процессуальной ответственности, когда после ее избрания изменились обстоятельства, свидетельствующие о наличии предусмотренных

[1] См.: *Чечина Н. А., Элькинд П. С.* Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.

[2] См.: *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981. С. 13–15 ; *Зусь Л. Б*. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 112 ; *Столмаков А. И*. Понятие и классификация санкций норм уголовно-процессуального права // Правоведение. 1977. № 3. С. 41 ; *Филющенко А. А*. Об уголовно-процессуальном принуждении // Там же. 1974. № 3. С. 108–109.

[3] *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 44–45.

© Галдин М. В., 2016

ст. 97 УПК РФ оснований. Такими обстоятельствами являются: уклонение обвиняемого от органа расследования или суда, воспрепятствование производству по уголовному делу.

Реально предпринятая заподозренным лицом попытка скрыться (ч. 2 ст. 91 УПК РФ) вряд ли может считаться основанием уголовно-процессуальной ответственности, поскольку такое лицо еще не обладает процессуальным статусом обвиняемого, а значит, оно не несет соответствующих обязанностей. Приведенный мотив задержания охватывается более широкой категорией принуждения в уголовном процессе.

Не относится также к разновидностям уголовно-процессуальной ответственности изменение меры пресечения в связи с совершением нового преступления. По этому поводу И. Л. Петрухин указывает, что изменение меры пресечения на более строгую не будет наказанием за совершение преступления. «Ответственность наступит на основе уголовного закона за оба преступления, а процессуальное средство в виде изменения меры пресечения, хотя и связано с дополнительными ограничениями свободы личности, но карой, мерой наказания не является»[4].

Анализируя ч. 1 ст. 110 УПК РФ, необходимо обратить внимание на несовершенство примененных при ее создании правил законодательной техники. В ней указано, что мера пресечения изменяется тогда, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 и 99 УПК РФ. Во-первых, в рассматриваемой норме обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ) совершенно напрасно именуются основаниями, перечень которых является закрытым и предусмотрен, в частности, ст. 97 УПК РФ.

Во-вторых, изменение оснований и обстоятельств, названных в ст. 97 и 99 УПК РФ, не имеет ничего общего с соблюдением режима избранной меры пресечения, о чем ч. 1 ст. 110 УПК РФ просто умалчивает. На практике при нарушении ранее избранной меры пресечения расширительным образом толкуется предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 108 УПК РФ исключительное основание для избрания заключения под стражу. К тому же основания для обращения к самой суровой мере пресечения имеются далеко не всегда. Такой мерой пресечения может быть домашний арест или залог. Лишь в отношении домашнего ареста законодатель прямо определил, что в случае нарушения условий его исполнения мера пресечения может быть изменена (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). Согласно ч. 4 ст. 104 УПК РФ при совершении действий, для предупреждения которых было избрано наблюдение командования воинской части, необходимо немедленно сообщить в орган, избравший меру пресечения. Надо полагать, что при совершении указанного в ч. ст. 104 УПК РФ деяния (действия, а также бездействия) оказавшаяся неэффективной мера пресечения подлежит изменению на более строгую. В отношении иных мер пресечения закон такой оговорки не содержит.

В-третьих, ст. 110 УПК РФ не предусмотрено возможности изменения условий, запретов и (или) ограничений «внутри» уже избранной меры пресечения, хотя очевидная потребность правоприменителя в том имеется. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ в случае уничтожения или повреждения имущества, внесенного в качестве предмета залога, либо прекращения права собственности или права хозяйственного ведения по установленным законом основаниям, «залогодатель вправе в разумный срок восстановить предмет залога или за-

[4] *Петрухин И. Л.* Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 65.

менить его другим равноценным имуществом (ст. 345 ГК РФ). В противном случае мера пресечения должна быть отменена»[5]. Прежде всего, заметим, что основанием для отмены меры пресечения является отпадение необходимости в ней (ч. 1 ст. 110 УПК РФ). По нашему мнению, в рассмотренных случаях верным решением будет именно изменение залога на иную меру пресечения, но не его отмена. К сожалению, в разъяснениях отсутствуют указания на обязательность, конкретные сроки и порядок изменения условий действующей меры пресечения после восстановления в разумный срок имущества, внесенного в качестве залога, в том числе и при непринятии со стороны обвиняемого или залогодателя действий по его восстановлению. Не разрешены и на законодательном уровне аналогичные вопросы, в частности о применении домашнего ареста, скажем, в случае госпитализации по медицинским показаниям обвиняемого в учреждение здравоохранения. Согласно ч. 11 ст. 107 УПК РФ, установленные запреты и (или) ограничения продолжают действовать на территории соответствующего учреждения здравоохранения до разрешения судом вопроса об изменении либо об отмене меры пресечения. В данном случае обоснованным будет приведение судебного решения об избрании домашнего ареста в соответствие с изменившимися обстоятельствами меры пресечения при продлении его срока. Рассмотренные здесь случаи изменения условий применения залога и домашнего ареста не являются санкциями уголовно-процессуальной ответственности: новой мерой пресечения при ее избрании может явиться и менее суровая по сравнению с ранее избранной; изложенные фактические обстоятельства, сопровождавшие исполнение избранной меры пресечения, не могут быть поставлены в вину обвиняемому.

Одной из целей применения уголовно-процессуальной ответственности является порицание правонарушителя. Порицание означает: 1) выражение неодобрения, осуждения; 2) меру взыскания за какой-либо проступок[6].

В. М. Корнуков видит в изменении меры пресечения на более строгую наказание, кару, что, с его точки зрения, образует уголовно-процессуальную ответственность[7].

Г. Н. Ветрова указывает, что в замене обязательства о явке или подписки о невыезде заключением под стражу уже содержится элемент порицания и кары за нарушение обязанности. Принуждение в данном случае обеспечивает выполнение обязанности при правонарушении, а также выполняет задачи общей и частной превенции, в целом оно направлено на то, чтобы предупредить возможность дезорганизации общественных отношений[8].

Субъективные признаки исследуемого правонарушения целесообразно рассматривать с позиций общеправовой теории. Юридическая ответственность в целом предполагает достижение определенности в вопросе о виновности участника правоотношений в совершении правонарушения. Лишь вслед за его положительным решением возможны предусмотренные законом неблагоприятные последствия правонарушения (взыскание, наказание, санкция).

---

[5] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (п. 44) // Рос. газета. 2013. 27 дек.

[6] См.: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

[7] См.: *Корнуков В. М*. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 10–11.

[8] См.: *Ветрова Г. Н*. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1986. С. 60.

П. С. Элькинд по этому поводу отмечает, что в сфере уголовного судопроизводства находит свое отчетливое отражение «…суждение об ответственности как осуждении лишь за деяние виновное»[9].

Более конкретно об этом пишет Г. Н. Ветрова, которая считает процессуальным нарушением отлучку с места жительства подозреваемого или обвиняемого, давшего подписку о невыезде, вне зависимости от разъяснения ему возможной санкции в виде применения более строгой меры пресечения. Обвиняемый знает о процессуальной обязанности не покидать место жительства или место временного пребывания без соответствующего на то разрешения и сознательно допускает наступление вредных последствий для хода уголовного судопроизводства. Реализацию восстановительных санкций при отсутствии вины в невыполнении предписаний уголовно-процессуальных норм Г. Н. Ветрова не признает ответственностью, поскольку отсутствует определяющий ее признак – осуждение нарушения закона от имени государства[10].

По нашему мнению, основанием для реализации уголовно-процессуальной ответственности в виде изменения меры пресечения на более строгую меру является вина в форме умысла обвиняемого (прямого либо косвенного), направленного на нарушение возложенных на него в связи с ее избранием обязанностей (их невыполнение либо ненадлежащее выполнение). Например, основанием для изменения подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу может служить отсутствие уважительной причины неявки обвиняемого по вызову, что находит свое подтверждение в судебной практике. Так, отменяя постановление Томского областного суда, которым уголовное дело в отношении К. приостановлено, а она объявлена в розыск с изменением меры пресечения на содержание под стражей, судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что К. не явилась в судебное заседание по той причине, что в это время участвовала в рассмотрении гражданского дела в Кировском районном суде г. Томска. В подтверждение своих доводов она представила копию апелляционного определения суда[11]. Как видно, умысел на совершение правонарушения у К. отсутствовал.

Применение меры пресечения на практике часто сопряжено с возложением на обвиняемого обязанностей, прямо не предусмотренных специальной нормой. Причем их нарушение рассматривается как юридическое основание для изменения меры пресечения. Так, в соответствии с определением Верховного Суда РФ основанием для изменения меры пресечения Макарову с залога на домашний арест явились нарушение запрета о распространении в средствах массовой информации сведений об обстоятельствах рассмотрения дела и воздействии со стороны подсудимого на свидетелей. Постановлением Томского областного суда от 14 апреля 2010 г. мера пресечения Макарову изменена с залога в сумме 4 миллиона рублей на домашний арест сроком на три месяца[12].

В судебной практике не является редкостью и возложение на обвиняемого при избрании меры пресечения в виде залога обязанностей не покидать место жительства или место постоянного пребывания. Например, в соответствии с исследован-

---

[9] *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 98.

[10] См.: *Ветрова Г. Н*. Указ. соч. С. 69, 111.

[11] Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 января 2004 г. № 88-о03-55. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[12] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2009 г. № 88-О09-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ными кассационной инстанцией Верховного Суда РФ обстоятельствами мера пресечения в виде содержания под стражей была изменена на залог с возложением на подсудимого обязанностей в течение срока действия залога не покидать место постоянного проживания без уведомления об этом следователя и суда, в назначенный срок являться по их вызову и не препятствовать производству по делу[13].

Из анализа касающихся этой меры пресечения кассационных определений видно, что поименованные в ч. 1 ст. 106 УПК РФ цели (основания) избрания залога не являются исчерпывающими и подлежат толкованию и применению в системном единстве с предписаниями ст. 97 УПК РФ. Ранее мы уже обращали внимание, что действующая редакция ч. 1 ст. 106 УПК РФ не ограничивает действий следователя, дознавателя, суда по изменению меры пресечения и обращению предмета залога в доход государства и в случае, когда обвиняемый препятствует каким-либо образом производству по делу[14].

Мерой уголовно-процессуальной ответственности не являются и случаи изменения меры пресечения на более строгую, когда следователь исправляет свою ошибку (не учел ряд значимых обстоятельств) либо когда квалификация преступления изменяется на более тяжкую[15].

Проверяя законность решения следователя об избрании меры пресечения в досудебном производстве, указать на его ошибки вправе руководитель следственного органа, прокурор и суд. Установленные основания для избрания меры пресечения иначе интерпретировать правомочен суд, который после поступления к нему уголовного дела, в ходе подготовки к судебному заседанию обязан выяснить вопрос о том, подлежит ли избранию, отмене или изменению мера пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 228 УПК РФ). В дальнейшем разбирательстве суд также может изменить меру пресечения при наличии к тому законных оснований (ч. 1 ст. 255 УПК РФ).

Применительно к изменению квалификации содеянного на более тяжкую меру следует заметить, что ст. 96 УПК РСФСР предусматривала такое самостоятельное основание для избрания меры пресечения, как тяжесть совершенного преступления. В настоящее время тяжесть является не основанием, а лишь обстоятельством, учитываемом при ее избрании. При этом ни одно из предусмотренных ст. 99 УПК РФ обстоятельств не может обосновать избрание меры пресечения. Так, в соответствии с одним из «пилотных» постановлений Европейского суда по правам человека опасность того, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, должна оцениваться «не только в свете тяжести наказания, но и исходя из всех сопутствующих обстоятельств, могущих либо подтвердить наличие этой опасности, либо свести ее до такого минимума, что предварительное заключение окажется неоправданным...»[16].

Таким образом изменение меры пресечения на более строгую может расцениваться в качестве меры уголовно-процессуальной ответственности при совершении обвиняемым хотя бы одного из следующих правонарушений:

а) уклонение от участия в производстве по уголовному делу (неявка в назначенный срок по вызову дознавателя, следователя или суда; оставление постоянного или временного места жительства без их разрешения и т.п.);

---

[13] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. № 91-О12-10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] См.: *Галдин М. В*. О применении меры пресечения в виде залога // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Право. 2013. Т. 9, вып. 1. С. 82.

[15] См.: *Петрухин И. Л*. Указ. соч.

[16] Лателлье (Letellier) против Франции : решение Европейского суда по правам человека от 26 июня 1991 г. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

б) воспрепятствование обвиняемым (либо иными лицами из его окружения) производству по уголовному делу;

в) нарушение иных обязанностей, возложенных в связи с избранием меры пресечения.

В силу наличия явных недостатков в содержании ч. 1 ст. 110 УПК РФ предлагаем изменить следующую ее редакцию: «Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость. Мера пресечения изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьей 97 настоящего кодекса, и (или) обстоятельства, предусмотренные статьей 99 настоящего кодекса. Мера пресечения изменяется на более строгую, когда обвиняемым нарушена избранная мера пресечения».

Реализация предложенных новаций позволит повысить эффективность применения предписаний УПК РФ об изменении мер пресечения при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Институт повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»

Галдин М. В., *доцент кафедры уголовного процесса третьего факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Новосибирске), соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского*

Institute of Advanced FGKOU VO «Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation»

Galdin M. V., *Associate Professor of the Criminal Process of the third Faculty Training (with a Dislocation in Novosibirsk-city), Competitor of Chair Criminal Procedure and Criminalistics of the Omsk State University*

E-mail: galdin_m_v@mail.ru

Tel.: 8-913-789-97-89

УДК 343.1

А. С. Гамбарян, Ш. Ю. Исраелян

ОГРАНИЧЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ограничение права как мера уголовно-процессуальной ответственности находится в стадии становления. В качестве самостоятельной уголовно-правовой санкции она предусмотрена в проекте нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения.
Ключевые слова: ответственность, санкция, ограничение права, уголовный процесс

LIMITATION OF THE LAW AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURAL JUSTICE

Limitation of the right as a measure of responsibility in criminal proceedings is in its infancy. As an independent criminal sanction, it has been presented in the draft of the new Code of Criminal Procedure of the Republic of Armenia.
Key words: responsibility, authorization, restriction of the right, the criminal procees

Поступила в редакцию 3 марта 2016 г.

Институт юридической ответственности всегда находился в центре внимания ученых, специализирующихся как в области теории права, так и в области отраслевой юриспруденции. В правоведении традиционно выделяются следующие виды юридической ответственности: уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная, а также материальная. Развитие общественных отношений и законодательства приводит к возникновению новых видов юридической ответственности. В настоящее время в теории права получил распространение подход, в соответствии с которым каждая отрасль права должна иметь свои собственные меры юридической ответственности. П. С. Элькинд и Н. А. Чечина еще в 1970-е гг. обосновывали, что наличие специальных мер ответственности формирует признак отрасли права[1].

Так, П. С. Элькинд пишет: «Что касается конкретного вида юридической ответственности и метода правового регулирования, то, выражая его (юридического метода) особенность, юридическая ответственность образует один из необходимых компонентов такого метода. Вместе с остальными компонентами она составляет присущий соответствующей отрасли права правовой признак»[2].

По мнению Р. Л. Хачатурова и Д. А. Липинского, критерием классификации юридической ответственности, скорее дифференциации на виды, служит ее отраслевая принадлежность. Ни одна отрасль права не может нормально функционировать без собственного института юридической ответственности[3].

---

[1] См.: *Чечина Н. А., Элькинд П. С.* Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 34–35.

[2] *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве // Там же. С. 94.

[3] См.: *Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 641–642.

© Гамбарян А. С., Исраелян Ш. Ю., 2016

В настоящее время в науке общепризнанным фактом является наличие уголовно-процессуальной ответственности как самостоятельной разновидности юридической ответственности[4]. Однако на уровне законодательного закрепления институт уголовно-процессуальной ответственности находится в процессе становления.

З. Ф. Коврига анализирует уголовно-процессуальную ответственность в двух аспектах и определяет ее «как необходимость действовать в интересах правосудия, используя права и выполняя обязанности, а также обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения правонарушителя»[5].

В данной статье, в первую очередь, обратимся к рассмотрению этапов становления института уголовно-процессуальной ответственности в Республике Армения, а также представим порядок урегулирования такой меры уголовно-процессуальной ответственности, как ограничение права, предусмотренный в законопроекте Уголовно-процессуального кодекса РА (далее – законопроект).

Развитие правового урегулирования мер уголовно-процессуальной ответственности в уголовном процессе РА условно можно разделить на три этапа.

Этап первый. В Уголовно-процессуальном кодексе РА, принятом в 1998 г., отсутствовало понятие «уголовно-процессуальная ответственность», однако отдельные процессуальные нормы содержали такие меры процессуальной ответственности, как, например, отстранение сотрудника органа дознания, следователя от участия в уголовном производстве по данному делу (п. 10 ч. 2 ст. 53), признание доказательства недопустимым (ст. 105), задержание обвиняемого в случае нарушения им условий примененной к нему меры пресечения (ч. 1 ст. 131), обращение залога в доход государства в случае скрытия обвиняемого от органа, осуществляющего уголовное производство, или его выезда в другую местность без разрешения (ч. 6 ст. 143), замена меры пресечения в виде залога на заключение под стражу в отношении обвиняемого, нарушившего возложенные на него обязательства и предусмотренные ограничения (ч. 8 ст. 143).

Этап второй. 21 февраля 2007 г. с принятием Судебного кодекса РА впервые на законодательном уровне было закреплено понятие «судебная санкция». В соответствии с внесенным в тот же день дополнением к Уголовно-процессуальному кодексу РА в нем были также предусмотрены судебные санкции. Согласно ст. 3141 Уголовно-процессуального кодекса РА в случае злостного уклонения от явки в суд, недобросовестного пользования процессуальными правами или неисполнения без уважительной причины либо ненадлежащего исполнения процессуальных обязанностей, неисполнения законных распоряжений судьи, препятствования нормальному ходу заседания либо проявления неуважительного отношения к суду путем осуществления иных действий, нарушающих порядок заседания, суд вправе применить к участникам уголовного судопроизводства и иным лицам, при-

---

[4] См.: *Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А*. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007 ; *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности. Российская академия правосудия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 137 ; Уголовно-процессуальное право РФ : учеб. для вузов / под ред. И. А. Петрухина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 21 ; *Громов Н. А., Полунин С. А*. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М., 1998 ; *Ветрова Г. Н*. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987 ; Теория государства и права / под ред. А. Гамбаряна и М. Мурадяна. Ереван, 2014 (на армянском языке).

[5] *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1986. С. 59. См. также: *Ее же.* О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность : проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989. С. 111.

сутствующим в судебном заседании, предусмотренные данной статьей санкции (предупреждение, удаление из зала заседания, судебный штраф, обращение соответственно к Генеральному прокурору или в Палату адвокатов с заявлением о привлечении к ответственности).

Армянские юристы критикуют подход законодательного органа РА относительного того, что в Уголовно-процессуальном кодексе РА системно представлены только санкции, применяемые в ходе судебного производства. Остается непонятным, почему в кодексе не была предусмотрена комплексная система санкций, назначаемых в случае злоупотребления частными участниками процессуальными правами во время досудебного этапа процесса. Так, А. Гамбарян отмечает, что положение о недопустимости злоупотребления правом на досудебной стадии процесса на практике нарушается со стороны защитника. Защитники нередко осуществляют такие действия, которые не вытекают из требований закона, например: умышленно затягивают процесс ознакомления с материалами дела или отказываются ознакомиться с указанными материалами; не являются на осуществление процессуальных действий несмотря на должное оповещение; воздействуют на свидетелей и потерпевших противозаконными способами; злоупотребляют правом видеться с обвиняемым и др.[6]

Этап третий. В законопроекте впервые нашло отражение понятие «процессуальные санкции», которому посвящена отдельная глава. Процессуальные санкции применяются как на стадии досудебного, так и судебного процесса. Однако отдельные виды санкций, такие как принудительное доставление в суд и судебные штрафы, могут быть назначены только судом.

Статья 141 законопроекта регламентирует основы применения и виды процессуальных санкций. Согласно ч. 2 указанной статьи к числу процессуальных санкций относятся следующие:

1) предупреждение;
2) ограничение осуществления права;
3) удаление из зала судебного заседания;
4) кратковременный арест;
5) принудительное доставление в суд;
6) судебный штраф;
7) устранение от участия в производстве.

Системное исследование процессуальных санкций свидетельствует о том, что во время досудебной стадии процесса предусмотренные вышеотмеченной нормой процессуальные санкции могут быть применены в отношении частных участников процесса, лиц, содействующих производству, иных осуществляющих следственные действия участников процесса (например, психолога). В течение же судебного этапа производства процессуальные санкции могут быть применены в отношении лиц, которые не обладают процессуальным статусом. К их числу можно причислить предупреждение, удаление из зала заседания иных лиц, присутствующих на слушании дела.

Отдельно рассмотрим предусмотренную законопроектом такую процессуальную санкцию, как ограничение осуществления права.

В соответствии с ч. 4 ст. 143 законопроекта ограничение осуществления права представляет собой временное или количественное ограничение соответству-

[6] См.: *Гамбарян А.* Реформирование досудебного процесса в уголовном судопроизводстве РА : учеб.-практ. пособие. Ереван, 2010. С. 92 (на армянском языке).

ющим решением условий осуществления предусмотренных настоящим законом определенных прав в случае периодического злоупотребления ими.

В случае ограничения осуществления права, компетентный орган принимает обоснованное решение, в котором указывает временные или количественные условия ограничения осуществления права. Вне временных и количественных ограничений фактическое осуществление прав не приводит к наступлению правовых последствий: орган, осуществляющий производство, не обязан обеспечивать их осуществление, а лицо не пользуется их правовой защитой. К примеру, если предметом процессуальной санкции явилось количественное ограничение права заявлять отвод, то заявленный отвод не подлежит рассмотрению. В этом случае лицо вправе обжаловать не отказ в рассмотрении вышеуказанного ходатайства, а правомерность решения об ограничении осуществления права.

Часть 2 ст. 143 законопроекта гласит: «Ограничивающая осуществление права процессуальная санкция может быть применена только в случае периодического злоупотребления следующими правами:

1) заявление ходатайств;

2) заявление об отводе;

3) представление доказательств для их приобщения к материалам дела и исследования;

4) ознакомление с материалами производства и выписки из них любых сведений;

5) выступление с вступительным словом, заключительной речью или заключительным заявлением;

6) отказ от услуг защитника».

Ограничение осуществления права применяется исключительно в случаях злоупотребления процессуальным правом и будет считаться правомерным, если злоупотребление носило периодический характер. Сказанное означает, что участник производства два или более двух раз осуществлял свои права с целью нарушения законных интересов иных лиц или нормального хода производства. Для обеспечения предсказуемости и адекватного характера ограничения осуществления права желательно, чтобы злоупотребившему правом лицу было сделано предупреждение и разъяснена возможность ограничения права в случае продолжения его злоупотреблением.

В толкуемой статье законопроекта в исчерпывающем порядке представлен перечень подлежащих ограничению прав, которое не может быть осуществлено относительно не предусмотренных перечнем прав.

Заявление ходатайства или заявление об отводе. Злоупотребление правом может быть признано периодическое заявление ходатайств схожего содержания или подача заявления об отводе с аналогичным обоснованием одному и тому же лицу на определенной стадии судопроизводства. Такая ситуация может возникнуть, когда обвиняемый пользуется услугами нескольких защитников, каждый из которых в отдельности представляет публичному обвинителю или судье ходатайства идентичного содержания. В подобных случаях защитникам необходимо сделать предупреждение и объяснить, что при заявлении аналогичных по содержанию отводов или ходатайств их соответствующее право будет ограничено.

Представление доказательств для их приобщения к материалам дела и исследования. Следователь обязан приобщать к материалам дела предметы и документы, представленные частными участниками процесса (ст. 240 законопроекта).

Будет считаться злоупотребление правом представление доказательств для их приобщения к материалам дела или исследования, если лицо, будучи осведомленным о вышеуказанной обязанности следователя, каждый раз представляет копии уже представленных документов, обязывая следователя изучать их или принимать решения относительно их причастности к делу.

Ознакомление с материалами производства и выписки из них любых сведений. Участники процесса обязаны ознакомиться с уголовным делом в разумный срок. В случае необходимости следователь может установить для данного участника процесса определенный срок ознакомления с уголовным делом (ч. 6 ст. 202 законопроекта). Если следователем изначально был установлен срок ознакомления с материалами дела, то он не считается процессуальной санкцией. Однако если участник процесса периодически не является для ознакомления с материалами дела в установленный срок, то подобное бездействие надо рассматривать как злоупотребление правом и ограничить право ознакомления с материалами дела.

Выступление с вступительным словом, заключительной речью или заключительным заявлением. В своих выступлениях стороны не имеют права ссылаться на такие доказательства, которые не были исследованы до начала заключительных выступлений либо были признаны недопустимыми. Председательствующий вправе прервать выступающего, когда излагаемые последним обстоятельства не имеют отношения к делу или относятся к неисследованным или признанным недопустимыми до начала заключительного выступления доказательствам (ч. 4 и 5 ст. 343 законопроекта). Обвиняемый выступает с заключительным заявлением. Председательствующий может прервать обвиняемого, если он затрагивает обстоятельства, которые явно не относятся к рассматриваемому делу (ч. 1 и 2 ст. 345 законопроекта). Злоупотребление правом будут признаны случаи, когда несмотря на то, что председательствующий остановил выступающего, однако последний продолжает ссылаться на неисследованные или признанные недопустимыми доказательства либо на очевидно не относящиеся к обвинению вопросы. В указанном случае ограничению подлежит право заключительного выступления путем определения конкретного отрезка времени, в течение которого выступающий должен завершить анализ исследованных доказательств.

Отказ от услуг защитника. Для осуществляющего производство органа не является обязательным волеизъявление обвиняемого относительно отказа от нового защитника, если обвиняемый явно злоупотребляет соответствующим правом. В этом случае осуществляющий производство орган принимает решение о том, что отказ от защитника не принимается (ч. 4 ст. 47 законопроекта). Рассматриваемое право будет считаться злоупотребленным, если лицо периодически отказывается от услуг нового защитника, имея целью нарушить нормальный ход процесса. При периодическом отказе от услуг защитника осуществляющий производство орган, руководствуясь толкуемой статьей, а также ч. 4 ст. 47 законопроекта, принимает решение не принимать отказ от услуг защитника и ограничить соответствующее право.

Право явки с несколькими защитниками, полномочными представителями или адвокатами. В соответствии с ч. 3 ст. 143 законопроекта ограничение осуществления права может также иметь место в случаях присутствия во время совершения процессуального действия нескольких защитников, полномочных представителей или адвокатов одного и того же лица. Ограничение этого права выражается в предоставлении возможности участия в процессуальном действии не всем за-

щитникам, полномочным представителям или адвокатам. Осуществляющий производство орган устанавливает количество лиц, которые могут присутствовать при осуществлении процессуального действия, принимая также во внимание условия места его совершения. Для того чтобы был установлен факт злоупотребления рассматриваемым правом, его нарушение не должно носить периодичный характер, поскольку если осуществляющий производство орган будет вынужден предоставить возможность участия в процессуальном действии всем защитникам, полномочным представителям или адвокатам, то это будет умалять смысл обсуждаемого вида ограничения осуществления права.

Таким образом, в законопроекте проделана попытка наиболее полно упорядочить такую меру уголовно-процессуальной ответственности, как ограничение осуществления права и условия правомерности ее применения.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Гамбарян А. С., *заместитель Председателя Следственного комитета Республики Армения, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права*

Исраелян Ш. Ю., *соискатель, прокурор управления по надзору за законностью дознания и предварительного следствия Генеральной прокуратуры Республики Армения*

Russian-Armenian (Slavonic) University

Gambaryan A. S., *Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Republic of Armenia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department*
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Israelyan S. Yu., *Post-graduate Student, Prosecutor of the General Prosecutor's Office of the Republic of Armenia*
E-mail: shushisr@mail.ru

УДК 343.1

А. В. Гриненко

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «УБЕЖДЕНИЕ», «ПРИНУЖДЕНИЕ» И «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ : РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ЗОИ ФИЛИППОВНЫ КОВРИГИ «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ» (ВОРОНЕЖ : ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1975. – 175 С.)

Статья посвящена исследованию ряда понятий, применяемых в уголовно-процессуальной науке и действующем законодательстве. Проведен анализ выводов, изложенных в книге профессора З. Ф. Ковриги, на предмет их соответствия современным положениям теории и практики уголовного судопроизводства. Обоснован вывод о том, что содержащиеся в книге выводы во многом обусловили тенденции развития отечественного уголовно-процессуального законодательства.
Ключевые слова: уголовное дело, предварительное расследование, следователь, прокурор, суд, убеждение, принуждение, ответственность.

THE CORRELATION OF THE CONCEPTS «BELIEF», «COERCION» AND «RESPONSIBILITY» IN CRIMINAL PROCEEDINGS: REFLECTIONS ON THE BOOK BY Z. KOVRIGA «CRIMINAL PROCEDURAL COMPULSION» (VORONEZH: PUBLISHING HOUSE OF VORONEZH STATE UNIVERSITY, 1975. – 175 P.)

This article is devoted to the study of a number of concepts used in the criminal procedure science and legislation. On this basis, the paper presents analysis of the findings Chapter in the book of the Professor Z. F. Kovrigo, in compliance with the provisions of the modern theory and practice of criminal justice. The conclusion is that contained in the book conclusions are largely responsible for trends in the development of the domestic criminal procedure legislation.
Key words: criminal case, preliminary investigation, investigator, Procurator, court, conviction, compulsion, responsibility.

Поступила в редакцию 25 февраля 2016 г.

Уголовное судопроизводство представляет собой социально значимую деятельность, которая осуществляется уполномоченными органами (должностными лицами) и основным содержанием которой является обнаружение события преступления, его проверка, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, судебное рассмотрение и разрешение. В настоящее время общепризнанным является тот факт, что данная деятельность носит ярко выраженный правозащитный характер. Не случайно в развитие положений, содержащихся в Конституции РФ (ст. 2), непосредственно в ч. 1 ст. 6 УПК РФ закреплено, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

© Гриненко А. В., 2016

Назначение уголовного судопроизводства является двуединой категорией, поскольку недопустима как защита потерпевших в ущерб соблюдению прав и законных интересов обвиняемых, так и, наоборот, всемерное обеспеспечение прав личности, в отношении которой осуществляется уголовное преследование, но при нарушении прав потерпевшего.

Поэтому можно сделать вывод, что в любом случае меры процессуального принуждения носят правообеспечительный характер. Обусловлено это двумя обстоятельствами. Во-первых, исходя из положений принципа состязательности, в результате применения процессуального принуждения в отношении лиц, вовлеченных в уголовный процесс на стороне защиты (подозреваемого, обвиняемого), обеспечиваются права лиц, которые пострадали от преступлений, и их представителей. Во-вторых, детальная регламентация в законе вида мер процессуального принуждения, а также оснований и порядка их применения обеспечивает защиту лиц от незаконного и необоснованного вмешательства.

Примечательно, что эти и многие другие правоохранительные аспекты были предметом глубокого научного исследования, проведенного профессором Зоей Филипповной Ковригой еще в 1975 г., в период действия УПК РСФСР и в иных социально-правовых реалиях. Несмотря на это, в своем фундаментальном труде затронуты многие вопросы, которые имеют актуальное значение и в настоящее время. Представляется весьма важным соотнесение выводов, содержащихся в указанной книге, с современными правовыми реалиями, что позволяет сформировать на этой основе предложения как теоретического, так и правоприменительного плана. Наряду с этим некоторые моменты работы могут быть подвергнуты и критической оценке, поскольку новый взгляд на них, как представляется, также способен принести пользу уголовно-процессуальной науке.

Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что в книге детально исследованы вопросы соотношения убеждения и принуждения в уголовном судопроизводстве. По мнению З. Ф. Ковриги, которое следует поддержать, убеждение является наиболее естественным способом воздействия на человека, который «...состоит в том, что путем раскрытия явлений общественной жизни, разъяснения действующих норм права оказывает активное воздействие на сознание людей, формирующее у них убежденность в необходимости добровольного и точного соблюдения установленного в обществе правопорядка»[1]. Данное правило действительно имеет весьма существенное значение для формирования позитивно настроенного правосознания как каждого отдельного индивида, так и всех членов общества.

Наряду с этим дополним, что убеждение как деятельность и убежденность как результат должны основываться не только на позитивном воздействии, но и на сообщении лицу о возможных негативных последствиях несоблюдения требований закона.

З. Ф. Коврига определяет также большую значимость демонстрации «силы закона», однако указывает, что принуждение «имеет форму либо государственного, либо общественного воздействия и свою мотивационную функцию выполняет посредством угрозы или фактического применения, когда ни убеждение, ни угроза принуждением не оказали достаточного воздействия, и нормы права были нарушены»[2]. В полной мере разделяя мнение относительно функционального на-

[1] *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 3.

[2] Там же. С. 4.

значения мер процессуального принуждения, все же заметим, что, на наш взгляд, следует ввести в оборот еще один аспект данной деятельности.

Процессуальное принуждение представляет собой динамический, длящийся процесс, который видоизменяется в зависимости от того, на каком этапе развития он находится. Вначале можно говорить о «перспективном», «будущем» принуждении, которое столь тесно примыкает к убеждению, что невозможно однозначно установить, где заканчивается убедительное воздействие и где начинается то же убеждение, но на «негативных примерах», т.е. сообщение лицу о возможности применения к нему мер процессуального воздействия. Затем, когда уголовно-процессуальное принуждение уже было применено, воздействие на лицо состоялось, то, что на данном этапе можно также воздействовать на лицо путем угрозы принуждения, верно, однако это возможно лишь в тех случаях, когда лицо предупреждается о возможности применения иных, более строгих мер принудительного характера. Например, в ст. 93 УПК РСФСР было прямо установлено, что в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым данной им подписки о невыезде ему объявлялось, что к нему может быть применена более строгая мера пресечения[3]. Хотя в УПК РФ аналогичной нормы нет (что следует признать недостатком), общий механизм «предупреждение — применение» остался практически без изменений.

На такое взаимное проникновение указывает и З. Ф Коврига, верно полагающая, что «...убеждение в той или иной мере входит в содержание любого вида правоохранительной деятельности, в том числе и принуждения, осуществляемого в сфере уголовного судопроизводства»[4].

Наряду с этим наблюдается определенная «дань эпохе», которая выражается в том, что в книге приводится пример приближения убеждения к нормативным правилам по своим последствиям. Так, указано, что убеждение обеспечивается своего рода «моральными санкциями», к которым предложено отнести: 1) чувство стыда, угрызения совести лица, допустившего противоправные отношения; 2) общественное осуждение противоправного поведения со стороны коллективов трудящихся в виде отрицательно сложившегося мнения о лице и его действиях либо общественного бойкота[5]. Ничего не имея против сформулированных последствий, дополним, что многие из них (прежде всего содержащиеся во втором пункте перечня) могут наступать не только в случаях, когда лицо «не поддалось» убеждению, но и (тем более) в ситуациях, когда в отношении лица меры процессуального принуждения уже были применены, но не достигли желаемой цели.

К несомненным достоинствам книги следует отнести то, что в ней сформулирован обширный перечень признаков, которым уголовно-процессуальное принуждение должно соответствовать. К ним предложено причислять то, что меры уголовно-процессуального принуждения применяются только в сфере уголовного судопроизводства, которое осуществляют компетентные государственные органы (или их представители); принуждение выступает в форме правоотношений; носит характер личного, имущественного и организационного ограничения субъективных прав; выражается во внешнем моральном, психическом и физическом воздействии на субъектов; лица, к которым уголовно-процессуальное принужде-

---

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федер. закон от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[4] *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 5.

[5] См.: Там же. С. 8.

ние применяется, основания, условия, пределы и порядок его применения точно регламентированы уголовно-процессуальным законом; ему внутренне присуща специфическая целенаправленность; законность и обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения обеспечиваются системой процессуальных гарантий прав личности и прокурорским надзором[6].

К данным признакам можно сделать лишь некоторые дополнения. Так, по нашему мнению, то, что меры уголовно-процессуального принуждения применяются только в сфере уголовного судопроизводства, становится ясным уже из самогó их наименования. Другое дело, что данные меры должны применяться лишь в рамках производства по конкретному уголовному делу, поскольку, как правильно указано, они осуществляются в форме правоотношений. Далее, весьма тонкая грань отделяет моральное воздействие от психического, ведь и та и другая форма воздействия относится к эмоционально-волевой сфере деятельности личности. Хотелось бы также добавить, что, на наш взгляд, следует отразить и такой признак, как целесообразность экономии мер процессуального принуждения. Например, если процесс протекает без применения какой-либо меры, то ее применение нецелесообразно, даже если внешне это выглядело бы и законным, и обоснованным.

Определяя правоотношения как форму реализации мер уголовно-процессуального принуждения, З. Ф. Коврига совершенно справедливо указывает, что содержание таких отношений составляют «действия их участников, совершаемые в пределах регламентированных законом субъективных прав и обязанностей»[7]. Вместе с тем в перечне примеров автор упоминает и правоотношения, возникающие в связи с розыском скрывшегося лица[8]. По нашему мнению, розыск, хотя и является для разыскиваемого лица весьма неприятным фактом, все же нельзя отнести к мерам уголовно-процессуального принуждения, поскольку лицо находится на удалении от органа или должностного лица, осуществляющего розыск, и не вступает с ним в правоотношения. Таковые возникают лишь в случае обнаружения лица и выражаются в его задержании, а впоследствии – в избрании меры пресечения (обычно – в виде заключения под стражу).

Необходимо поддержать позицию З. Ф. Ковриги, которая указала, что к собственно мерам процессуального принуждения не следует относить следственные действия и процессуальные решения, которые, хотя и создают для вовлеченных в процесс лиц определенные «неудобства», все же имеют иное предназначение. К ним автор, в частности, относит возбуждение уголовного дела, производство следственных действий (особенно связанных с ограничением прав личности), предъявление обвинения и др.[9] Определяя сущность именно мер уголовно-процессуального принуждения, З. Ф. Коврига справедливо указывает: «Будучи методом государственного воздействия, уголовно-процессуальное принуждение проявляется в таком виде уголовно-процессуальной деятельности, которая направлена на преодоление препятствий, возникающих в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела, или обеспечение принудительным порядком условий для успешного расследования и рассмотрения уголовного дела»[10].

---

[6] См.: *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 17.

[7] Там же. С. 20.

[8] См.: Там же. Более детально розыск как проявление уголовно-процессуального принуждения исследуется в § 3 главы III ее научного труда.

[9] См.: Там же. С. 28.

[10] Там же. С. 29.

Примечательно, что именно такой подход, обоснованный З. Ф. Ковригой еще в 1975 г., был положен в основу дифференциации мер уголовно-процессуального принуждения, следственных действий и процессуальных решений в УПК РФ 2001 г.

В своем фундаментальном труде З. Ф. Коврига подвергла глубокому исследованию вопросы, связанные с понятием «уголовно-процессуальная ответственность». Анализируя соотношение понятий, автор справедливо указывает, что и процессуальное принуждение, и процессуальная ответственность «...всегда выражаются в форме правоотношений — урегулированного нормами уголовно-процессуального права общественного отношения между лицом, нарушившим требование закона и поэтому подвергаемым принуждению или ответственности, и компетентным органом государства, применяющим принуждение или возлагающим на него ответственность»[11]. Далее делается вывод, что «уголовно-процессуальное принуждение шире процессуальной ответственности, но ответственность всегда есть принуждение»[12].

Свои глубокие выводы автор подтверждает конкретными примерами наступления уголовно-процессуальной ответственности. В том числе указывается, что проявлением такого рода ответственности является и ответственность дожностных лиц уголовного судопроизводства, допустивших принятие незаконных или необоснованных процессуальных решений (отмена таких решений, отстранение от дальнейшего ведения расследования и др.)[13]. Действительно, если уголовно-процессуальное принуждение реализуется в форме правоотношений, то естественно, что обязанности возложены на каждую из сторон, в том числе и на должностных лиц уголовного судопроизводства. Соответственно за нарушение процессуальных обязанностей наступает и процессуальная ответственность, прежде всего выражающаяся в отмене ранее вынесенных процессуальных решений.

По нашему мнению, юридическая ответственность, в том числе уголовно-процессуальная, это – всегда конкретная категория, поскольку она наступает лишь в случае нарушения норм соответствующей отрасли права. В этом плане ее следует отличать от термина «ответственность», применяемого в морально-нравственном плане, когда имеется в виду взвешенная позиция лица, предвосхищение им возможных негативных последствий, если его поведение будет неправомерным. Но такую ответственность нельзя признать ни юридической, ни даже моральной, поскольку это — внутренний мир лица, не имеющий внешнего выражения ни в юридических, ни в иных социально значимых отношениях.

Другое дело, что можно вести речь о «перспективной юридической ответственности», указание на которую прямо или косвенно содержится в уголовно-процессуальных правоположениях и, по сути, является санкцией той либо иной нормы.

До настоящего времени вопрос, касающийся уголовно-процессуальных санкций, является весьма дискуссионым. Как правильно утверждает З. Ф. Коврига, «...будучи структурным элементом правовой нормы, санкция, как и вся норма в целом, обеспечивается принудительной силой, и в этом смысле говорить о процессуальной санкции как мере государственного принуждения представляется правильным. Но именовать санкциями отдельные меры процессуального принуждения (задержание, привод, меры пресечения) представляется неправильным отождествлением двух различных категорий»[14]. Дополним, что санкцию как часть

[11] *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 33.

[12] Там же. С. 34.

[13] См.: Там же. С. 32.

[14] Там же. С. 36–37.

уголовно-процессуальной нормы следует, по нашему мнению, отличать от самого процесса нормативного регулирования правоотношений, поэтому в данном случае санкцией является *возможность* применения со стороны государства мер, направленных на обеспечение позитивной реализации норм, а вышеуказанные негативные последствия представляют собой *практическое воплощение* санкции, ее приложение к конкретному случаю.

Специфика ответственности, наступающей за нарушение уголовно-процессуальных норм, в том числе регламентирующих порядок применения мер процессуального принуждения, как указывает З. Ф. Коврига, состоит в том, что они могут обеспечиваться санкциями не только уголовно-процессуального, но и иных отраслей права (например, уголовного, административного, гражданского). Ярким примером тому служит детально регламентированная главой 18 УПК РФ процедура реабилитации, когда порядок выплат и принятия иных мер по восстановлению причиненного вреда регламентированы нормами не уголовно-процессуального, а иных отраслей права (гражданского, трудового и др.).

Таким образом, можно констатировать, что Зоя Филипповна Коврига не только разработала учение об уголовно-процессуальном принуждении, которое дало ответы на многие насущные вопросы того времени, но и во многом предвосхитила дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки и практики. Ее выводы и предложения были востребованы при принятии нового уголовно-процессуального законодательства, а также широко используются в настоящее время для его усовершенствования.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Гриненко А. В., *доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики*

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Grinenko A. V., *Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics Department*
E-mail: avgrinenko2@mail.ru

УДК 343.1

А. В. Гулевский

ПОЗИТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Исследуется сущность позитивного аспекта уголовно-процессуальной ответственности и ее место в уголовном процессе, а также соотношение с ответственностью негативной. Приводятся аргументы в пользу существования позитивной ответственности.
Ключевые слова: позитивная ответственность, уголовный процесс, уголовно-процессуальная ответственность, юридическая ответственность.

POSITIVE LEGAL LIABILITY IN THE CRIMINAL TRIAL: PROBLEMS OF THE LEGAL AWARENESS

This work is dedicated to research of the nature of the positive aspect of the legal responsibility in the criminal trial, as well as its correlation with negative responsibility. Also, the arguments presented in favor of the existence of positive responsibility.
Key words: positive liability, criminal trial, criminal procedural responsibility, legal responsibility.

Поступила в редакцию 6 мая 2016 г.

До настоящего времени в отечественной правовой науке сохраняется ряд проблем, по которым научная дискуссия не выработала единой позиции. Это так называемые дискуссионные вопросы, по которым ученые спорят уже много лет. К примеру, к таковым относится проблема уголовно-процессуальной ответственности. В разное время ее изучением занимались З. Ф. Коврига, Я. О. Мотовиловкер, Г. Н. Ветрова и др. Одним из самых интересных моментов в этой области традиционно считается выделение в уголовно-процессуальной ответственности двух аспектов: позитивного и негативного. Однако мнения юристов на этот счет сильно разнятся.

Под позитивной ответственностью в уголовном процессе принято понимать отношение участника уголовного судопроизводства к существующему правовому порядку. Первой, кто разрабатывал это понятие, была профессор юридического факультета Воронежского государственного университета Зоя Филипповна Коврига. Она впервые выделила данный термин в своей монографии 1984 г. «Уголовно-процессуальная ответственность»: «…процессуальная ответственность в позитивной форме – это предусмотренная конституционными положениями и уголовно-процессуальным законодательством зависимость участников судопроизводства от государства, выражающаяся в правоотношении общего характера»[1]. М. С. Кельман и А. Г. Мурашин считают, что «в положительном смысле юридическая ответственность является абсолютным отношением, которое представляет собой добросовестное выполнение человеком своих обязанностей перед обществом, правовым государством, коллективом людей и отдельным человеком»[2].

[1] *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 38.

[2] *Кельман М. С., Мурашин А. Г.* Общая теория государства и права : учебник. Киев, 2006.

© Гулевский А. В., 2016

Другими словами – это ответственное отношение человека к выполнению долга. По мнению Б. Т. Базылева, положительная юридическая ответственность – «это предусмотренная правовыми нормами социальная связь личности и общества, юридическое выражение объективной зависимости личности и общества, гражданина от государства»[3]. А. С. Бондарев указывает, что «в основе позитивной юридической ответственности лежит социальная необходимость в правовом регулировании тех или иных видов положительных общественных отношений, выраженная законодателем в виде соответствующих этим потребностям регулятивных правовых норм, указывающих субъектам права образцы не только возможного, но и должного их поведения»[4]. Однако не все коллеги З. Ф. Ковриги согласны с ее позицией. Многие ученые настаивают на существовании исключительно негативного аспекта ответственности. Так, И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин считали, что «ни научные соображения, ни, тем более, интересы практики не дают основания для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствия правонарушения»[5]. В том же ключе выступала и Я. Н. Шевченко. Она считала, что ответственность – исключительно объективное явление по своей природе, и его нужно отличать от субъективного чувства ответственности субъекта права[6]. В свою очередь, Н. А. Чечина и П. С. Элькинд отмечают, что фактическим основанием процессуальной ответственности является только правонарушение[7]. Критика данного термина связывается также с тем, что для характеристики ответственности часто привлекаются явления, находящиеся вне права: осознание долга, необходимость исполнения обязанностей, психическое отношение личности к исполнению обязанностей, трудовых функций, моральный долг, моральная обязанность, понимание индивидом последствий своих действий[8]. Тем не менее представляются основания полагать, что явление позитивной ответственности в уголовном процессе имеет свое законное место.

Так, ни у кого не вызывает сомнений, что уголовно-процессуальная ответственность является разновидностью юридической ответственности. Как известно, видовое понятие обладает всеми признаками родового. Соответственно уголовно-процессуальная ответственность непременно должна подразделяться на позитивную и негативную, поскольку подавляющее большинство ученых, занимающихся проблемами теории государства и права, выделяют эти два аспекта в понимании юридической ответственности. Например, Н. И. Матузов считает, что «не только противоправные действия порождают ответственность. Напротив, как раз их отсутствие – свидетельство высокой сознательности и ответственности личности»[9], т.е. субъективное отношение лица к установленным правилам поведения – тоже разновидность ответственности.

---

[3] *Базылев Б. Т.* Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 71.

[4] *Бондарев А. С.* Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133.

[5] *Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43.

[6] См.: *Шевченко Я. Н.* Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 27.

[7] См.: *Чечина Н. А., Элькинд П. С.* Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 39–40.

[8] См.: *Цишковский Е. А.* Юридическая ответственность в правомерном поведении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 4.

[9] *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 195.

Полагаем, что не существует единого основания процессуальной ответственности. Оно может различаться и должно определяться ее видом. Если в случае негативной ответственности таковым является совершение виновным лицом противоправного деяния, создающего препятствие для производства по делу, то для позитивной ответственности основанием является общественная потребность в предупреждении указанных деяний.

Стоит также отметить, что многие ученые отрицают существование позитивной уголовно-процессуальной ответственности на том основании, что уголовно-процессуальные нормы в ряде случаев реализуются вне процессуальных отношений, например нормы запрета, соблюдение которых, по мнению ряда авторов, является простым воздержанием от действия. Однако это не значит, что поведение субъекта не обусловлено уголовно-процессуальной нормой, хотя он и не вступает в конкретные правоотношения. В данном случае он является участником общих отношений позитивной ответственности, без которых конкретные правоотношения ретроспективной ответственности возникнуть не могут, как не может дом быть построен без фундамента[10].

Сторонников выделения позитивной ответственности в уголовном процессе часто критикуют за то, что эта ответственность не предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Впрочем, личное стремление человека к соблюдению процессуального порядка хотя и не имеет своего нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законе, однако оно предполагаемо в правовом обществе[11], поэтому не должно отрицаться.

Еще одним аргументом в пользу существования позитивной ответственности является наличие у нее конкретной цели в виде недопущения совершения участниками процесса противоправных деяний. Если же она не достигается, в силу вступает уже негативная ответственность, и это доказывает, что она основывается на общих правоотношениях ответственности позитивной. Впрочем, это не означает, что позитивная ответственность является первичной по отношению к негативной, и наоборот. Эти категории являются равноправными. Но если ответственность в позитивном аспекте имеет постоянный характер (ее воздействие не прекращается после реализации негативной ответственности), то в негативном – временный (она действует на протяжении строго определенного периода). Воздействие позитивной ответственности на уголовно-процессуальную деятельность участников уголовного судопроизводства есть непрерывный процесс, необходимый для нормального функционирования всей правовой системы. Эффективность такого воздействия зависит от уровня правовой сознательности и желания участника осуществлять правомерное поведение в рамках уголовного процесса[12].

Более того, в качестве формы позитивной уголовно-процессуальной ответственности можно рассматривать пересмотр судебных решений. З. Ф. Коврига выделяла в содержании уголовно-процессуальной ответственности в позитивной форме такой элемент, как оценка выполнения обязанностей и добросовестности при исполнении прав, которая производится путем проверки приговоров в кассационном порядке и пересмотра в надзорном порядке[13]. Необходимость его вы-

---

[10] См.: *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 36.

[11] См.: *Зеленина О. А.* Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве : содержание и реализация // Журнал рос. права. 2012. № 5. С. 67–75.

[12] См.: Там же.

[13] См.: *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 33.

звана тем, что вынесенные приговоры часто не отвечают требованиям законности и обоснованности, хотя и согласуются с санкцией применяемой нормы. Особенно это касается приговоров, вынесенных судом на основании разрешенного законодателем усмотрения.

Таким образом, существует потребность в выделении двух видов уголовно-процессуальной ответственности: негативной (ретроспективной) и позитивной (перспективной). Если первая традиционно заключается в претерпевании правонарушителем неблагоприятных последствий, то вторая – в субъективном чувстве ответственности лица, находящегося под воздействием норм уголовно-процессуального закона. Эти виды ответственности взаимосвязаны, поскольку оба зависят от природно-социального характера человека и имеют общую цель — обеспечение правопорядка[14]. Следует отметить, что такой подход свойствен исключительно отечественной научной мысли.

---

[14] См.: *Соломчак К. Б.* Позитивная правовая ответственность человека : анализ философско-правовых подходов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24.

Воронежский государственный университет

Гулевский А. В., *студент юридического факультета*

Voronezh State University

Gulevsky A. B., *Student of the Faculty of Law*
E-mail: Antoniguli739@gmail.com

УДК 343.1

Д. В. Завьялова

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Рассматриваются проблемные вопросы применения отдельных разновидностей мер принуждения в условиях исключительной следственной ситуации. Делается вывод о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части определения оснований, допускающих принуждение в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, исключительные следственные ситуации, меры пресечения, заключение под стражу, задержание, обыск.

APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL COMPULSION MEASURES IN EXCEPTIONAL INVESTIGATIVE SITUATIONS

The article considers the problem questions of the usage of certain types of coercive measures in exceptional circumstances during investigation process. The conclusion about the need of improvement of the criminal-procedural legislation regarding the definition of the grounds permitting the abuse of suspects and accused persons is made.

Key words: criminal procedural compulsion, exceptional investigative situations, preventive measures, detention, arrest, search.

Поступила в редакцию 31 марта 2016 г.

Достижение целей уголовного судопроизводства невозможно без применения, а в определенных случаях – принуждения к соответствующим лицам. Очевидно, что применение различных мер принуждения (физического, психологического, морального) способствует соблюдению прав потерпевших от преступления, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства от возможного посягательства на них со стороны подозреваемых и обвиняемых, обеспечению возмещения ущерба, причиненного физическим и юридическим лицам, а в целом – рационализации всего производства по уголовным делам.

Однако в настоящее время участились случаи применения принуждения, когда это неоправданно, более того, незаконно. Причем необходимость такого принуждения обосновывается лишь фактом совершения преступления. Невозможно не согласиться с мнением З. Ф. Ковриги, отмечавшей, что речь должна идти о фактических данных, свидетельствующих о поведении субъекта не в прошлом, а в настоящем, в период расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. По ее мнению, это является фактическим обоснованием уголовно-процессуального принуждения[1].

В связи с этим особую актуальность проблема применения средств процессуального принуждения и границы их допустимости приобретает, когда решения о том применяются в так называемых исключительных следственных ситуациях, которые предполагают возможность неких отступлений от общих правил производства следственных и процессуальных действий.

[1] См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 56.

© Завьялова Д. В., 2016

В данной статье речь пойдет о применении мер пресечения, производстве обыска, а также получении экспериментальных образцов при отсутствии согласия лица на добровольное их предоставление как наиболее серьезных мерах принуждения, в той или иной степени ограничивающих права граждан. Рассмотрим данные меры более подробно.

Согласно уголовно-процессуальному закону меры пресечения по общему правилу применяются в отношении лица, которому в установленном порядке было предъявлено обвинение. Однако им же предусматривается возможность возникновения исключительной ситуации, при которой мера пресечения может быть применена к подозреваемому в совершении преступления лицу. Вместе с тем отсутствие в законе какого-либо разъяснения относительно сущности исключительных случаев позволяет применять меры пресечения к подозреваемым лицам даже при отсутствии каких-либо оснований для этого.

Следует согласиться с итальянским юристом Ч. Беккариа, по мнению которого, «существует довольно распространенное заблуждение, которое заключается в том, что решение вопросов тюремного заключения граждан... следует оставлять на усмотрение судьи, который является лишь исполнителем законов. Это противоречит самой цели общества – обеспечивать личную безопасность. Основания должны быть зафиксированы в законе, а не определяться судьями, решения которых всегда ущемляют гражданские свободы, за исключением случаев, когда они прямо вытекают из принципов действующего законодательства»[2].

Несмотря на прошедшее с тех пор время, в регулировании данного вопроса существенных изменений не произошло. Это привело к возникновению дискуссии о том, какие же случаи следует признавать исключительными?

Так, В. А. Михайлов предлагает выделять следующие случаи, допускающие отступление от общих правил применения мер принуждения:

1) лицо подозревается в особо тяжком, тяжком или ином преступлении, при доказанности совершения которого допустимо применение меры пресечения;

2) высока вероятность совершения преступления данным лицом;

3) срочное, немедленное избрание меры пресечения является единственным эффективным способом обеспечения безопасности участников процесса и успешного расследования уголовного дела;

4) предъявление обвинения не может быть произведено безотлагательно, так как для этого необходимо выяснить ряд обстоятельств дела, в том числе путем допроса подозреваемого с постановкой ему вопросов изобличающего характера, уточнить уголовно-правовую квалификацию деяния, совершенного подозреваемым, и т.п.[3]

Примечательно, что три первых условия закреплены ст. 97 и 99 УПК РФ как основания для избрания меры пресечения, а также обстоятельства, учитываемые при назначении меры пресечения. Думается, в таком случае происходит необоснованная подмена понятий, которая может негативным образом отразиться на правоприменительной практике. Поскольку отождествление исключительных случаев с основаниями для избрания меры пресечения и обстоятельствами, учитываемыми при назначении меры пресечения, позволяет не только применять ч. 1 ст. 100 УПК РФ в неограниченных пределах, но и ставит знак равенства между условиями применения меры пресечения в отношении обвиняемого и подозреваемого.

---

[2] *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 180–181.

[3] См.: *Михайлов В. А.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 226–227.

Мы разделяем мнение В. А. Михайлова относительно последнего критерия, поскольку именно он, верно, на наш взгляд, отражает сущность исключительных случаев, требующих отступления от общих требований закона.

Х. Г. Дациева в свою очередь считает, что «исключительность состоит в том, что вопреки обыкновению мера пресечения избирается в отношении лица при отсутствии предварительно выдвинутого против него обвинения, в связи с чем устанавливается необходимость предъявить таковое в 10-суточный срок (иначе мера пресечения немедленно отменяется)»[4]. Далее автор добавляет, что в ч. 1 ст. 100 УПК РФ целесообразнее использовать апробированную ч. 5 ст. 165 УПК РФ формулировку «не терпящих отлагательства случаев»[5].

На наш взгляд, в этом случае необоснованно смещен акцент с неких обстоятельств, не позволяющих предъявить лицу обвинение и, соответственно, рассматриваемых в качестве исключительных, на фигуру подозреваемого. Предположение о том, что исключительность ситуации обусловлена применением меры пресечения в отношении подозреваемого, в корне неверно, так как допускает возможность повсеместного применения мер пресечения к данным лицам в силу отсутствия указания на неординарность обстоятельств. Думается, что мера пресечения, применяющаяся к подозреваемому лицу, является результатом, а не причиной возникновения исключительного случая.

Спорным выглядит предложение Х. Г. Дациевой относительно замены термина «исключительный случай» на «случай, не терпящий отлагательства». Оба термина в законодательстве не определены, дискуссии, что собой представляют эти случаи, не прекращаются до настоящего времени. Сомнительно, что замена одного неопределенного термина на другой решит имеющуюся проблему.

По нашему мнению, исключительность может иметь место в случаях возникновения обстоятельств, существенно затрудняющих в организационном плане работу следователя. Подобные обстоятельства не позволяют следователю произвести все требуемые по закону действия, а поэтому рассматриваются как исключительные; их можно разделить на несколько групп.

В первую группу входят обстоятельства, обусловливающие необходимость производства значительного числа неотложных следственных действий либо производства следственных действий в отношении большого круга лиц. Сложные, многоэпизодные дела с участием нескольких подозреваемых требуют производства множества следственных и иных процессуальных действий. Очевидно, что в данном случае у следователя отсутствует реальная возможность произвести все необходимые действия ввиду недостатка времени. Вместе с тем не исключено, что подозреваемые в этот период могут скрыться, продолжить занятие преступной деятельностью, воздействовать на свидетелей и потерпевших (противодействовать расследованию иными способами). То есть совершать те действия, которые обусловливают необходимость применения к лицу меры пресечения.

Во вторую группу входят обстоятельства, связанные с неясностью уголовно-правовой оценки совершенного деяния. Нередкими являются ситуации, при которых к моменту избрания меры пресечения следователь не может определиться с уголовно-правовой оценкой совершенного деяния для предъявления лицу обоснованного обвинения. Это не исключает возможности противодействия

[4] *Дациева Х. Г.* Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого : проблемы теории и практики. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: Там же.

расследованию с его стороны. В случаях, когда очевидно, что лицо не совершило тяжкого или особо тяжкого преступления, применение к нему строгих мер пресечения, например заключения под стражу, невозможно.

При этом анализ судебной практики показывает, что следователи, а нередко и суд считают применение меры пресечения необходимым атрибутом предварительного следствия, т.е. действием, без которого расследование в принципе невозможно. Однако назначение меры пресечения является правом, а не обязанностью правоприменителей.

В связи с этим представляется обоснованным высказываемое в литературе предложение о закреплении в законе соответствующих случаев, рассматриваемых в качестве исключительных и позволяющих применить меру пресечения к подозреваемому лицу.

В свою очередь, задержание лица как одна из разновидностей мер пресечения не лишена недостатков. Так, ст. 91 УПК РФ закрепляет основания задержания подозреваемого, к которым помимо прочего относится наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Возникает вопрос: что подразумевается законом под формулировкой «наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо»? Думается, по смыслу закона, в качестве таких данных могут рассматриваться любые сведения, что (и это очевидно) не может не отразиться на возможности правоприменителей злоупотреблять своим положением и рассматривать различные сведения как дающие основания подозревать лицо в совершении преступления.

Кроме того, возникает парадоксальная ситуация, при которой лицо подлежит задержанию, однако в отношении его направлено ходатайство о заключении данного лица под стражу. Представляется обоснованным мнение О. И. Андреевой, считающей, что в данной ситуации необходимо наличие оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу[6].

В то же время проблема определения перечня случаев, рассматриваемых как экстраординарные, характерна не только для мер пресечения. Как известно, одной из гарантий соблюдения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, является наличие обязанности получить судебное разрешение на производства ряда следственных действий. Однако ч. 5 ст. 165 УПК РФ допускает возможность при возникновении исключительного / безотлагательного случая произвести осмотр жилища, обыск и выемки в жилище, личный обыск и другие действия без получения предварительного судебного разрешения.

Вместе с тем, как и в случае с применением меры пресечения к подозреваемому лицу, законодатель не определяет, возникновение каких обстоятельств позволяет отступить от общего правила – получения судебного разрешения на производство указанных следственных действий. Оставление данного вопроса на усмотрение правоприменителя приводит к возможности злоупотребления следователями своим должностным положением и признания случаев исключительными / безотлагательными независимо от того, имеются ли для этого основания или нет.

---

[6] См.: *Андреева О. И.* Проблемы применения мер принуждения по УПК РФ // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 279. С. 77.

Анализ судебной практики, юридической литературы показывает, что, когда речь идет о возможном производстве следственного действия без санкции суда, имеет место одна из следующих ситуаций:

– наличие информации о возможной утрате следов преступления как в силу действия объективных причин (например, плохие погодные условия), так и субъективных (вероятность попыток заинтересованных лиц сокрыть, уничтожить, продать третьим лицам искомые объекты);

– наличие информации или обоснованного подозрения, что причастное к преступлению лицо скроется и его поиск в таком случае будет существенно затруднен[7].

Несколько иначе обстоит дело с получением образцов для сравнительного исследования, когда лица, от которых они должны быть получены, отказываются от добровольного их предоставления. Как известно, образцы для сравнительного исследования обеспечивают возможность производства различных идентификационных исследований, поэтому отказ от их предоставления ставит под сомнение не только проведение соответствующих исследований, но и достижение задач уголовного судопроизводства в целом.

Если образцы голоса, почерка и другие получить принудительно невозможно в силу их специфичности, то иначе обстоит дело с получением образцов биологического характера. Думается, что в исключительных случаях при отказе лица добровольно предоставить требуемые следователем образцы, последний вправе применить принуждение, с соблюдением некоторых требований. В частности, в данном случае речь идет о необходимости получения предварительного судебного разрешения, которое, как известно, требуется лишь в ситуациях, при которых существенно ограничиваются права граждан.

Безусловно, применение принуждения посредством соответствующего воздействия на лицо позволяет обеспечить реализацию закрепленных уголовно-процессуальным законом задач. Однако подобное воздействие на участников уголовного процесса должно быть обоснованным, с соблюдением гарантий прав личности, что в настоящее время происходит не всегда. Наиболее остро данная проблема стоит при применении принуждения в условиях исключительной следственной ситуации, поскольку закон не разъясняет, что понимать под исключительными /безотлагательными случаями. Это, в свою очередь, допускает возможность применения принуждения даже при отсутствии необходимых оснований, что негативным образом отражается на соблюдении прав личности. Поэтому очевидно, что уголовно-процессуальный закон нуждается в изменениях, закрепляющих случаи, допускающие применение мер принуждения с отступлением от общего порядка их назначения.

---

[7] Ввиду многообразия жизненных ситуаций мы не исключаем возможности возникновения и иных исключительных ситуаций.

Воронежский государственный университет

Завьялова Д. В., *аспирант кафедры криминалистики*

Voronezh State University

Zavyalova D. V., *Post-graduate Student of the Criminalistics Department*

E-mail: dasha-zavyalova@bk.ru

УДК 343.1

Д. А. Иванов

СУЩНОСТЬ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Рассматриваются уголовно-процессуальные и организационные вопросы наложения ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения, применяемой следователем, дознавателем в ходе досудебного производства по уголовным делам в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, мера уголовно-процессуального принуждения, следователь, дознаватель, подозреваемый (обвиняемый), возмещение вреда, причиненного преступлением.

THE ESSENCE OF THE SEIZURE OF THE PROPERTY AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

The article considers the criminal procedural and organizational matters seizure of property as a measure of criminal procedure compulsion applied by the investigator, the inquirer during pre-trial proceedings in criminal cases in order to ensure compensation for damage caused by the crime.

Key words: seizure of property, the measure of criminal procedure compulsion, the investigator, the investigator, the suspect (the accused), compensation for harm caused by the crime.

Поступила в редакцию 21 марта 2016 г.

В деятельности следователя, дознавателя при производстве предварительного расследования по уголовным делам одним из приоритетных направлений является обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, посредством организации работы по охране и защите законных интересов потерпевших и восстановления нарушенных прав.

Актуальным здесь видится и суть «парадигмы восстановления», предложенной английским ученым Э. Эшуортом, который утверждал, что «основной задачей уголовной юстиции должно быть не наказание виновного, а восстановление прав и интересов лица, пострадавшего от преступления»[1].

Под восстановлением прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, по нашему мнению, в первую очередь следует понимать обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, а также совокупность процессуальных решений, предпринимаемых должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование, и возникающих при их производстве уголовно-процессуальных отношений. Принимаемые процессуальные решения могут носить исключительно процессуальный характер, но при этом должны быть дополнены комплексом мероприятий оперативно-розыскного и исполнительно-распорядительного содержания[2].

---

[1] *Эшуорт Э.* Обязанности, права и восстановительное правосудие // Британский журнал криминологии. 2002. № 42. С. 579.

[2] См. подробнее об этом: *Иванов Д. А.* Роль участников уголовного судопроизводства в реализации механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном произ-

© Иванов Д. А., 2016

В связи с этим отметим, что, как небезосновательно утверждает В. К. Булдакова, «...возрастает значимость работы органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда, так как именно на стадии предварительного расследования могут быть реализованы меры, направленные на обнаружение похищенного имущества, принятие и обеспечение исковых требований о возмещении причиненного преступлением вреда, закладывается основа для последующего реального восстановления нарушенных преступлением имущественных прав потерпевшего»[3].

Дополним приведенное мнение доводами о том, что работа по возмещению вреда, причиненного преступлением, проводится следователем, дознавателем не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела, при проверке сообщения о совершенном преступлении.

В ходе досудебного производства по уголовным делам уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность защиты нарушенных имущественных прав в форме возврата потерпевшему предметов, признанных вещественными доказательствами, а также путем принятия мер обеспечения предъявленного или возможного в будущем гражданского иска. Говоря об обеспечении гражданского иска, отметим, что действенным инструментом здесь является такая мера уголовно-процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

Таким образом, мы подошли к одному из важнейших процессуальных институтов, направленных на создание условий для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Отметим, что среди уголовно-процессуальных средств возмещения вреда, причиненного преступлением, наиболее эффективным и действенным инструментом служит применение именно такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115, 116 УПК РФ).

Рассматриваемая мера процессуального принуждения в соответствии со ст. 115 УПК РФ применяется в следующих случаях.

Во-первых, для обеспечения исполнения приговора в части заявленного гражданского иска. Здесь закон связывает применение данной меры принуждения с наличием гражданского иска, аналогичный подход прослеживается в прокурорской практике и позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Во-вторых, наложение ареста на имущество является эффективным инструментом для обеспечения исполнения других имущественных взысканий, в частности для возмещения процессуальных издержек либо исполнения наказания в виде штрафа. В ходе предварительного расследования наложение ареста применяют для исполнения приговора в части наказания в виде штрафа, назначенного в качестве как дополнительного, так и основного наказания.

В-третьих, наложение ареста на имущество применяется в целях обеспечения возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Анализируя мнения различных ученых относительно сущности и назначения наложения ареста на имущество, приходим к различной интерпретации процессуальной природы его применения в досудебном производстве. В частности, можно согласиться с мнением Р. Г. Хасаншиной, что «наложение ареста на имущество яв-

водстве по уголовным делам // Вестник Моск. ун-та имени С. Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2015. № 1 (6). С. 33–34.

[3] *Булдакова В. К.* Роль следователя (дознавателя) в обеспечении возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Тюмен. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 79.

ляется традиционным институтом в уголовном судопроизводстве»[4]. Заметим, что при всей традиционности и устойчивом функционировании института наложения ареста на имущество в теории и практике его применения, а именно в интересующих нас вопросах возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, существуют определенные пробелы, нуждающиеся в детальном юридическом толковании.

Видится двояким мнение О. В. Корягиной о том, что «...несмотря на достаточно подробную регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве процедуры наложения ареста на имущество, тем не менее, при реализации процессуальных действий, направленных на ограничение прав и на имущество или его изъятие, правоприменители сталкиваются с рядом сложностей»[5]. С одной стороны, автор права, говоря о том, что существует ряд процессуальных и организационных сложностей в применении следователем, дознавателем наложения ареста на имущество. Однако следует возразить относительно однозначности данного вывода и отметить, что нельзя забывать о наличии указанных проблем именно ввиду недостаточного правового регулирования применения данной меры уголовно-процессуального принуждения.

Некоторые авторы (П. В. Вдовцев, Ю. С. Каркошко) полагают, что «...законодатель в достаточной мере регламентировал процедуру применения следователем меры процессуального принуждения – арест на имущество (ст. 115 УПК РФ) и обозначил ее цели»[6].

Однако, вопреки сказанному, докажем обратное на примере положений уголовно-процессуальных законов ряда иностранных государств.

Так, если провести сравнительный анализ норм, регулирующих наложение ареста на имущество, в отечественном уголовно-процессуальном законе с уголовно-процессуальным законодательством, например Азербайджанской Республики, то становится очевидно, насколько более детально законодатель подошел там к изложению данных норм, разработав отдельную главу XXXII. В данной главе описываются сущность процесса наложения ареста на имущество, его основания, определение стоимости имущества, порядок наложения ареста на имущество, содержание протокола ареста, процедура обжалования ошибочного ареста имущества и порядок его снятия[7].

Приведем пример уголовно-процессуального закона одного из развитых европейских государств. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ содержится § 111[8], который весьма подробно раскрывает сущность и процессуальную природу наложения ареста на имущество[9].

---

[4] *Хасаншина Р. Г.* Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 73.

[5] *Корягина О. В.* Наложение ареста на имущество : вопросы оптимизации уголовно-процессуального законодательства // Гуманитарные, социально-экономические науки. 2015. № 10-1. С. 192.

[6] *Вдовцев П. В., Каркошко Ю. С.* Наложение ареста на имущество по уголовным делам в свете позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 69–70.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики 14 июля 2000 г. № 907-IГ. Баку, 2001.

[8] Следует отметить, что по своему объему и наполнению норм параграф УПК ФРГ аналогичен главе УПК РФ.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия : науч.-практ. комментарий и перевод текста закона / под ред. П. Головненкова, Н. Спица, У. Хелльмана. 2-е изд. М., 2012. С. 181–193.

В действующем же уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации мере процессуального принуждения выделено место лишь в нескольких статьях, что явно недостаточно для его эффективного применения соответствующего порядка на практике.

Возвращаясь к потребностям наложения ареста на имущество с точки зрения правоприменительной практики, приведем в пример мнение сотрудников органов предварительного расследования.

В частности, как утверждают следователи, дознаватели, наложение ареста на имущество применяется ими в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, гораздо чаще, чем иные меры уголовно-процессуального принуждения (так указали 78,9 % опрошенных респондентов).

В то же время такие меры процессуального принуждения, как наложение ареста на ценные бумаги, привод и отстранение от занимаемой должности, в совокупности применяли в ходе производства предварительного расследования всего 21,1 % опрошенных сотрудников.

О сущности, целях и задачах, а также процессуальной природе данной меры уголовно-процессуального принуждения достаточно часто рассуждали и продолжают дискутировать многие ученые-процессуалисты[10]. Не вдаваясь в предмет научных дискуссий относительно теоретической важности и практического характера наложения ареста на имущество, рассмотрим назначение данной меры процессуального принуждения в деятельности следователя, дознавателя для создания условий по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением.

Первоначально следует сказать, что наложение ареста на имущество в рамках предварительного расследования по уголовному делу – это мера процессуального принуждения, которая может применяться как в публично-правовых целях для обеспечения возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу, так и в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления[11].

---

[10] См., например: *Аршба Г. В., Гирько С. И., Николюк В. В.* Наложение ареста на имущество : учеб.-практ. пособие. М., 2004 ; Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / *О. Я. Баев* [и др.] ; науч. ред. Л. Д. Кокорев. Воронеж, 1984 ; *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М., 2007 ; *Ионов В. А.* Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010 ; *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение / науч. ред. Н. Е. Лютиков. Воронеж, 1975 ; *Корягина О. В.* Указ. соч. ; *Тутынин И. Б.* Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005 ; *Пустовая И. Н.* Наложение ареста на имущество как средство обеспечения гражданского иска // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 72–76 ; *Юткина С. М., Ростовщикова О. В.* О наложении ареста на имущество как мере уголовно-процессуального принуждения : история, теория, практика // Вестник Волгоград. акад. МВД России. 2012. № 4 (23). С. 144–156 ; и др.

[11] По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П // Правовой портал www.garant.ru. Раздел ПРАЙМ (дата обращения: 13.03.2016).

Так, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого) или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

Основанием для наложения ареста на имущество является наличие достаточных доказательств, позволяющих обоснованно полагать, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыть или подвергнуть отчуждению, уничтожению подлежащее аресту имущество. Это предположение должно подтверждаться конкретными обстоятельствами, установленными в ходе расследования уголовного дела.

В целях обеспечения гражданского иска налагается арест на имущество обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем.

Отметим, что к лицам, несущим по закону материальную ответственность за действия подозреваемого (обвиняемого), относятся родители несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), а также лица, их заменяющие – опекуны, попечители. Принадлежащее им на праве собственности имущество может быть также арестовано.

При этом наложение в порядке обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска ареста на имущество лица, несущего по закону материальную ответственность перед гражданским истцом, предполагает привлечение данного лица в качестве гражданского ответчика по уголовному делу в порядке ст. 54 УПК РФ. Не допускается наложение ареста на имущество такого лица в случае, если в силу договора или закона оно должно нести материальную ответственность за неисполнение подозреваемым (обвиняемым) своих обязательств, вытекающих из иного, чем причинение вреда, основания.

Еще в период действия УПК РСФСР говорилось о необходимости предупреждения действий подозреваемого (обвиняемого), которые направлены на сокрытие, растрату или уничтожение имущества и других ценностей, подлежащих аресту в обеспечение выполнения задачи органов дознания и предварительного следствия по возмещению вреда, причиненного преступлением, а также исполнения приговора в части конфискации имущества.

Мнение С. Р. Алехиной, что «наложение ареста на имущество применяется следователем в случае, если подозреваемый обвиняемый не принимает мер по добровольному возмещению вреда»[12], небесспорно, так как основанием наложения ареста на имущество является наличие достаточных доказательств, позволяющих полагать, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыть или подвергнуть отчуждению, уничтожению подлежащее аресту имущество. При этом важно, чтобы данное предположение подтверждалось конкретными обстоятельствами, установленными в ходе производства предварительного расследования. Такими подтверждающими фактами могут быть сведения о попытке подозреваемого (обвиняемого) спрятать вещи или переоформить принадлежащую ему недвижи-

[12] *Алехина С. Р.* Наложение ареста на имущество как мера возмещения вреда, причиненного налоговыми и иными преступлениями в сфере экономики // Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конф. (16 ноября 2012 г.). Хабаровск, 2013. С. 258.

мость; отказ или уклонение от добровольного возмещения вреда по заявленному гражданскому иску; воспрепятствование производству по делу и другие аналогичные действия, направленные на сокрытие или отчуждение имущества, на которое может быть наложен арест.

Итак, относительно назначения и содержания ареста на имущество как меры уголовно-процессуального принуждения следует сказать, что только знание процессуальных условий ее применения, а также грамотный, профессиональный подход при непосредственном наложении ареста на имущество создаст необходимые предпосылки для обеспечения возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Иванов Д. А., *кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры предварительного расследования*

Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V. Ja. Kikot

Ivanov D. A., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Preliminary Investigation Department*
E-mail: ida_2008_79@mail.ru

УДК 343.1

С. И. Кривошеев

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СВЯЗИ С ПЕРЕСМОТРОМ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Рассматриваются актуальные проблемы позитивной уголовно-процессуальной ответственности судей при вынесении ими итоговых уголовно-процессуальных решений в суде первой инстанции. Рассмотрены свойства, которым должны соответствовать такие судебные акты.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная ответственность, позитивная ответственность, итоговые решения, свойства судебных решений.

CRIMINAL PROCEDURAL RESPONSIBILITY IN CONNECTION WITH THE REVISION OF THE OUTCOME OF THE COURT OF FIRST INSTANCE

The article reviews actual problems of positive criminal procedure liability of judges when making the first instance court's outcome decisions. Examines the characteristics of the above-mentioned judgments must be in accordance with.
K e y w o r d s: criminal procedure liability, positive liability, outcome decisions, characteristics of judgments.

Поступила в редакцию 5 февраля 2016 г.

Исследование проблем уголовно-процессуальной ответственности явилось новым уровнем разработок в уголовно-процессуальной науке. Данные вопросы в той или иной степени рассматривались в истории юриспруденции преимущественно с позиции нравственности. Лишь определенный уровень развития теории права, в частности учение о позитивной ответственности, позволил рассмотреть проблему с другой стороны – в контексте уголовно-процессуальных отношений.

В связи с этим трудно переоценить вклад З. Ф. Ковриги в разработку теории уголовно-процессуальной ответственности. Такого рода ответственность она определяет в двух аспектах как необходимость действовать в интересах правосудия, используя права и выполняя обязанности, в том числе меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения правонарушителя[1]. Иными словами, речь идет о позитивной и негативной ответственности. Первая предполагает перспективную ответственность, т.е. обязанность лица действовать в соответствии с нормами, правилами. Негативная ответственность наступает в случае совершения лицом правонарушения и связана с применением различных по своей природе юридических мер воздействия на нарушителя, возложения на него каких-либо обязанностей (административное наказание, дисциплинарное взыскание и др.).

Некоторые ученые считают недопустимым рассмотрение юридической ответственности в двух аспектах. Так, В. М. Сырых полагает, что юридическая ответственность является частью социальной ответственности, правовое опосредова-

[1] См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 59.

© Кривошеев С. И., 2016

ние придает ей такую специфику, при которой ее можно толковать исключительно в ретроспективном плане[2].

Представляется, что позитивную ответственность можно рассматривать в качестве юридической, а следовательно, уголовно-процессуальной. Особенно ярко это можно проиллюстрировать в случае отмены или изменения итоговых решений суда первой инстанции судом апелляционной инстанции. Следует отметить, что в данном случае позитивная уголовно-процессуальная ответственность тесно связана с негативной дисциплинарной ответственностью.

Особую актуальность вопрос уголовно-процессуальной ответственности приобретает при анализе требований, предъявляемых к приговору как итоговому судебному решению и влияющих на его правосудность.

Непосредственно оценивая материалы уголовного дела по результатам судебного разбирательства, судья определяет перспективу возможности вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения.

В данном случае правосознание судьи определяет его уровень позитивной ответственности. Правосознание судьи основывается главным образом на действующем уголовно-процессуальном законодательстве. УПК РФ устанавливает требования законности, обоснованности и справедливости к приговору. Вместе с тем ч. 2 ст. 297 УПК РФ, согласно которой приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона, нельзя признать удачной. В таком случае законностью приговора охватываются его обоснованность и справедливость, что недопустимо, так как это самостоятельные свойства приговора. УПК РФ устанавливает требования к вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частям приговора, однако и там требования изложены ненадлежаще. Так, в ч. 1 ст. 305 УПК РФ установлено, что в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагаются: 1) сущность предъявленного обвинения; 2) обстоятельства уголовного дела, установленные судом; 3) основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие; 4) мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения; 5) мотивы решения в отношении гражданского иска. Если исходя из данных формулировок непонятно, какие из требований относятся к обоснованности, мотивированности, то размыты и критерии пересмотра приговора.

Не раскрывает указанных требований и Верховный Суд РФ. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» отмечается, что приговор является важнейшим актом правосудия и указывается на необходимость неукоснительного соблюдения требований законодательства, предъявляемых к нему. Особое внимание уделяется соблюдению формы приговора, его обоснованности и мотивированности, а также некоторых вопросов соблюдения законности в рамках судебного заседания. Кроме того, в постановлении упоминается и про недопущение в своей деятельности несправедливых приговоров вследствие как мягкости, так и суровости[3]. Данное постановление несколько сумбурно касается различных критериев правосудности приговора, не раскрывает их и затрагивает лишь небольшую часть вопросов, возникающих при вынесении приговора, что

---

[2] См.: Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 463.

[3] См.: О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. от 16.04.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вряд ли можно признать приемлемым. Имеются также и иные постановления Пленума Верховного Суда РФ, где раскрываются отдельные вопросы, касающиеся итоговых судебных решений, однако и в них свойства таких решений не раскрываются. Это приводит к тому, что у правоприменителя отсутствует четкое представление о том, каким требованиям должен отвечать приговор или иной судебный акт, выносимый при разрешении дела по существу.

Такая ситуация является нонсенсом, особенно, если учесть, что Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» раскрыл понятия законности и обоснованности судебного решения. Представляется, что в постановлении «О судебном приговоре» также необходимо раскрыть как указанные понятия, так и понятие требования справедливости, поскольку оно предъявляется УПК РФ.

Законодатель предусмотрел следующие основания, по которым итоговое судебное решение подлежит изменению либо отмене: 1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции; 2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 3) неправильное применение уголовного закона; 4) несправедливость приговора; 5) выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 настоящего Кодекса.

При первом же взгляде на перечень данных оснований можно заметить, что они не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к приговору. Законодатель тем самым создает предпосылки к тому, чтобы у судьи не было четкого представления, какими именно свойствами должен обладать итоговый судебный акт.

Кроме того, в законе отсутствуют требования к итоговым постановлениям суда. Статья 7 УПК РФ закрепляет лишь то, что такие постановления должны быть законными, обоснованными и мотивированными, не раскрывая сути данных требований.

При расмотренном положении сложно обеспечить высокий уровень позитивной уголовно-процессуальной ответственности судей по принятию правосудных итоговых решений.

В связи с этим необходимо законодательно установить четкие требования к итоговым судебным актам. При таких обстоятельствах значительно повысятся качество итоговых решений и уровень уголовно-процессуальной позитивной ответственности судей по их вынесению.

Так, одним из критериев правосудности итогового судебного решения является его законность. Рассматривая законность в узком смысле, необходимо отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ выделены два общих апелляционных (кассационных, надзорных) основания, влекущих отмену или изменение приговора как незаконного: существенное нарушение уголовно-процессуального закона (п. 2 ст. 389.15 УПК РФ) и неправильное применение уголовного закона (п. 3 ст. 389.13 УПК РФ). Законодательную регламентацию оснований отмены или изменения судебных решений нельзя признать удовлетворительной. Так, приговор может соответствовать УПК РФ и УК РФ, но при этом противоречить Гражданскому кодексу РФ.

Президиум Московского городского суда, отменяя решения нижестоящих судов, вынесенные по делу Ф., отметил, что, разрешая исковые требования о взыскании компенсации морального вреда, суд не привлек страховщика к участию

в деле. Таким образом, суд незаконно удовлетворил исковые требования в отношении подсудимого, вследствие чего и приговор является незаконным[4]. В связи с этим следует отметить, что законность итоговых решений в уголовном процессе не ограничивается только лишь соблюдением норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а требует соблюдения требований и иных отраслей права.

Кроме того, законность итоговых решений по уголовному делу – это соответствие решения не только нормам УПК РФ, УК РФ и иным подлежащим применению нормам закона в ходе уголовного судопроизводства и при вынесении итогового решения, но и нормам международного права (ч. 3 ст. 1).

В литературе имеется множество различных определений законности судебных решений. Так, М. С. Строгович считал, что приговор должен быть вынесен с точным соблюдением закона и на основании закона[5]. Данное определение представляется нечетким, из него сложно сделать вывод о том, какому закону должно соответствовать судебное решение.

А. С. Кобликов полагал, что законность приговора – это его строгое соответствие требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а в случае если в деле имеется гражданский иск – то и требованиям гражданского права[6]. П. А. Лупинская считает, что законность выносимых в процессе решений определяется в целом следующим: решение должно быть вынесено компетентным лицом или органом своевременно; вынесению решения должны предшествовать проведенные в соответствии с законом процессуальные действия, с помощью которых установлены обстоятельства, определяющие принятие решения; при квалификации деяния, назначении наказания, разрешении гражданского иска должен быть правильно применен соответствующий закон; решение должно быть облечено в установленную законом процессуальную форму, содержать необходимые реквизиты этого правового акта[7]. Вместе с тем данные определения делают акцент на соблюдении формы приговора, законности приговора как процессуального акта. Представляется, однако, что законность должна иметь место в любой стадии уголовного процесса, а не только при вынесении приговора и иных итоговых решений. Так, если постановление о возбуждении уголовного дела вынесено незаконно, то вся последующая деятельность, в том числе в ходе судебного разбирательства, и сам приговор будут незаконными.

Особое место в характеристике законности занимают разъяснения законодательства, которые содержатся в решениях Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ. В науке уголовного процесса существуют разнополярные мнения. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ имеют нормативный и прецедентный характер[8]. Такая точка зрения представляется верной ввиду того, что разъяснения

---

[4] Постановление президиума Московского городского суда от 1 сентября 2011 г. по делу № 4у-5865/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. С. 24.

[6] См.: *Кобликов А. С.* Судебный приговор. М., 1966. С. 7–8.

[7] См.: *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство, практика. М., 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] См.: *Марченко М. Н.* Судебное правотворчество и судейское право. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Зорькин В. Д*. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2004. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

высших судов действительно есть правотворчество. Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29[9] разъяснил, что в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст. 161, 162 УК РФ. Спустя чуть более 12 лет, позиция несколько изменилась и дополнилась следующим содержанием: если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками[10]. Таким образом, несмотря на то что норма уголовного права не изменялась, судебная практика, опираясь на указанное разъяснение, существенно изменилась. Фактически в данном случае Пленум Верховного Суда РФ создал новое правило, ужесточающее положение соучастников указанных преступлений.

Таким образом, несмотря на непризнание в качестве источника права судебного прецедента, в действительности происходит активное внедрение новых правовых норм в различные отрасли права. Смешение институтов, характерных как для англосаксонской, так и для континентальной систем права, происходит не только в Российской Федерации, но и в европейских странах. В связи с этим представляется логичным в Конституции РФ, а соответственно и в УПК РФ закрепить положение о том, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ являются обязательными для применения. Кроме того, необходимо произвести систематизацию постановлений и определений высших судов, для того чтобы облегчить их применение.

Таким образом, под таким критерием правосудности, как законность итоговых судебных решений, следует понимать соблюдение уголовно-процессуального, уголовного и иных отраслей права нормам международного права, а также решениям Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ как при производстве по делу, так и при вынесении итогового решения. Несоблюдение указанных требований является основанием для отмены либо изменения итогового судебного акта.

Не менее важным критерием правосудности итоговых судебных решений является его мотивированность. Следует отметить, что требование мотивированности распространяется практически на все решения, принимаемые в ходе уголовного судопроизводства. Однако в настоящее время в УПК РФ отсутствует такое понятие, как мотивированность.

В науке уголовного процесса под мотивированностью приговора понимают совокупность основанных на законе и правосознании судьи аргументов относительно принятых им выводов, приводимых в обоснование принимаемого решения по существу рассматриваемого уголовного дела[11].

---

[9] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] См.: *Остапенко И. А.* Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 7.

М. С. Строгович, говоря о мотивированности приговора, отмечал, что, излагая в приговоре установленные судом факты и делая из них выводы, суд должен указывать те основания, в силу которых он делает из этих фактов именно эти выводы[12]. Вместе с тем автор не выделял свойство мотивированности как самостоятельное и считал его условием обоснованности приговора. Представляется, что мотивировка приговора имеет самостоятельное значение, суд не только указывает основания принятия того или иного решения, например приводя в аргумент какое-либо доказательство, но и подвергает анализу содержание доказательств, приводит аргументы по которым данное доказательство является допустимым, если это необходимо, сопоставляет доказательства между собой.

В. А. Пономаренко полагает, что мотивированность решения – это система суждений (мотивов), приводимых судом в обоснование принимаемого им решения по существу разрешаемого дела, выражающая убеждение суда в его законности и обоснованности. При этом автор отмечает, что эффективной мотивировка будет лишь в том случае, если она соответствует требованиям полноты, доказанности и убедительности[13]. Такая точка зрения вызывает поддержку, так как мотивированность, безусловно, связана с внутренними мотивами судьи; ее функцией является, прежде всего, выражение вовне обоснования тех выводов, к которым пришел судья, разрешая те или иные вопросы.

М. А. Чайковская систематизирует требования к мотивировке приговора, содержащиеся в УПК РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Автор понимает под мотивированностью аргументированность выводов суда в отношении доказанности обвинения, содержания (объема) обвинения, квалификации преступления, назначенной судом меры наказания, а также вопросов гражданского иска[14]. Нельзя не согласиться и с тем, что действительно мотивировке подлежат не все, а лишь отдельные группы вопросов, разрешаемых при рассмотрении уголовных дел по существу. Представляется, что необходимость систематизации групп вопросов, подлежащих мотивировке, существует не только в отношении приговора, но и других итоговых решений суда первой инстанции по уголовным делам.

Следует отметить, что мотивировка представляет собой, по сути, логическое построение, производимое судьей в итоговом решении. Построение системы доказательств и конструирование выводов судьей осуществляются через его внутреннее убеждение и субъективную трактовку обстоятельств дела, в основе которых лежат только установленные, проверенные и оцененные доказательства по делу.

Мотивировка приговора позволяет понять, почему судья: 1) счел обстоятельства, подлежащие установлению, доказанными; 2) квалифицировал совершенное обвиняемым деяние в соответствии с той или иной статьей Уголовного кодекса РФ; 3) назначил наказание определенного вида и размера.

Следует отметить, что требование мотивированности установлено законодателем как обязательное для всех постановлений, выносимых должностными органами и должностными лицами в уголовном процессе (ст. 7 УПК РФ). Вместе с тем оно должно быть наполнено конкретным содержанием применительно к итоговым решениям судов по уголовным делам. Таким образом, следует закре-

---

[12] См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. С. 327.

[13] См.: *Пономаренко В. А.* Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 103.

[14] См.: *Чайковская М. А.* Свойства приговора. М., 2013. С. 140.

пить определение мотивированности не только применительно к приговору, но и к иным итоговым решениям суда.

Обратимся к такому понятию, как обоснованность. В теории уголовного процесса под обоснованностью приговора понимают соответствие изложенных в нем выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, достоверность которых подтверждена совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств[15]. Некоторые ученые отождествляли обоснованность приговора с его истинностью[16]. По мнению Т. О. Кошаевой, обоснованность приговора заключается в том, что суд основывает приговор только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании и получены с соблюдением законов[17].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ не только приговор должен быть основан на исследованных в суде доказательствах, но и доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности[18]. Схожа и позиция пленума Верховного Суда РФ, который разъяснил, что судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу и исследованных в судебном заседании доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора[19]. В случае, если исследованные в судебном заседании доказательства вызывают сомнения в виновности подсудимого, они трактуются в его пользу, а приговор не может строиться на их основании.

Одним из самых сложных для понимания свойств итоговых судебных актов является справедливость. Понятие «справедливость» можно рассматривать с философского, нравственного (этического) и правового аспектов.

В юридической литературе встречаются различные подходы к понятию справедливости в уголовном процессе.

Так, В. М. Бозров отрицает требование справедливости приговора, полагая его утопичным и недостижимым в рамках современного уголовного процесса. При этом автор предлагает критерий справедливости оценивать с точки зрения его законности[20].

Полагаем, что такая позиция вряд ли может быть поддержана. Автор рассматривает справедливость как этическую категорию, однако в уголовном процессе

---

[15] См.: *Остапенко И. А.* Указ. соч. С. 7 ; *Хахалева Е. В.* Обоснованность решения суда общей юрисдикции : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8.

[16] См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 325–326 ; *Кобликов А. С.* Указ. соч. С. 8.

[17] См.: *Кошаева Т. О.* Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта // Журнал рос. права. 2007. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воинова Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 307, 308 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2008 г. № 872-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подъячева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 122, 235 и частью первой статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 г. № 1342-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. от 16.04.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См.: *Бозров В. М.* О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 2005. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этические нормы должны преломляться через нормы юридические. Критерий же справедливости в праве – необходимый элемент. Само содержание норм уголовного права (относительно-определенный характер санкций, различные виды наказаний, вариативность в применении наказаний, возможность условного осуждения, назначения наказания ниже низшего предела) уже ориентирует правоприменителя на необходимость учета индивидуальности каждой конкретной ситуации совершения преступления.

Н. А. Подольный и Д. А. Урявин говорят о том, что понятие справедливости невозможно закрепить в законе ввиду изменчивости термина в зависимости от эпохи, политической ситуации и иных критериев. Вместе с тем ученые полагают, что если правоприменитель придерживается нравственных начал, этики при принятии любого уголовно-процессуального решения, то и решение будет справедливым[21].

М. А. Чайковская полагает, что справедливость применительно к приговору необходимо рассматривать только в связи с соразмерностью назначенного судом наказания[22].

Е. А. Артамонова выделяет широкий и узкий подходы к требованию справедливости в УПК РФ. В узком смысле под справедливостью приговора автор понимает соразмерность наказания обстоятельствам совершения преступления, личности виновного. В широком смысле справедливость приговора, по мнению Е. А. Артамоновой, основывается на его законности и обоснованности и отражает правильное по существу и по форме разрешение дела, отвечающее не только правовым, но и социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию, с учетом влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи[23]. Данная позиция заслуживает внимания по тем основаниям, что только законный и обоснованный судебный акт может быть справедливым в юридическом аспекте.

Законодатель предписывает считать несправедливым приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что наказание по приговору должно быть основано на правильном применении уголовного закона. Вместе с тем вариативность правил назначения наказания предопределяет дискреционные полномочия суда по определению окончательного вида и размера, либо срока наказания. При этом такое наказание должно соответствовать общественной опасности преступления, личности осужденного. Вышестоящая судебная инстанция может изменить приговор вследствие чрезмерно мягкого или сурового наказания.

Таким образом, правосудность итогового решения определяется как результат ответственного выполнения судьей всех обязанностей, необходимых с точки

---

[21] См.: *Подольный Н. А., Урявин Д. А.* Справедливость – критерий правосудности // Рос. судья. 2011. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] См.: *Чайковская М. А.* Указ. соч. С. 159.

[23] См.: *Артамонова Е. А.* О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиции справедливости // Рос. судья. 2011. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зрения критериев такого решения. Установив и раскрыв требования законности, обоснованности, мотивированности и справедливости итоговых судебных решений, законодатель обеспечит повышение позитивной уголовно-процессуальной ответственности судей. Это будет способствовать и эффективности правосудия в Российской Федерации.

Кривошеев С. И., *помощник прокурора Хохольского района Воронежской области*

Krivosheev S. I., *Assistant Attorney Khol District of Voronezh Region*
E-mail: yanis00@yandex.ru
Tel.: 8-919-238-14-88

УДК 343.1

Г. Н. Куракина

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Расширение российской системы мер пресечения за счет введения в нее домашнего ареста свидетельствует о гуманизации российской уголовно-процессуальной политики. Эффективность применения этой меры пресечения зависит от обеспечения качественного правового регулирования порядка избрания и применения домашнего ареста, в том числе осуществление контроля за соблюдением ограничений, наложенных судом.
К л ю ч е в ы е с л о в а: мера пресечения, ответственность, домашний арест, судебный контроль.

PROBLEMS OF REALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW IN THE APPLICATION OF HOUSE ARREST

The expansion of the Russian system of preventive measures through the introduction of her house arrest shows the humanization of the Russian criminal procedure policy. The effectiveness of this measure depends on the provision of quality legal regulation of the election procedure and the use of house arrest, including monitoring compliance with the restrictions imposed by the court.
K e y w o r d s: measure of restraint, responsibility, house arrest, judicial review.

Поступила в редакцию 8 декабря 2015 г.

Чрезмерное применение заключения под стражу признано структурной проблемой российского уголовного судопроизводства в пилотном постановлении Европейского суда по правам человека от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России»[1]. В связи с тем что Российская Федерация является членом Совета Европы, решение Европейского суда по правам человека актуализирует проблему применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения, одной из которых выступает домашний арест.

Наиболее детальное изложение механизма применения данной меры пресечения появилось после принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[2], предложившего новую редакцию статьи[3]. Однако домашний арест избирается в крайне редких случаях по сравнению с заключением под стражу (рисунок)[4].

В соответствии со ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания под стражей, но с

[1] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

[3] См.: *Малышева О. А.* Совершенствования правового регулирования домашнего ареста – условие оптимизации сферы уголовно-процессуального принуждения // Человек : преступление и наказание. 2014. № 2. С. 50–55.

[4] На рисунке приведены сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010–2014 гг. (см.: URL: http://www.cdep.ru).

© Куракина Г. Н., 2016

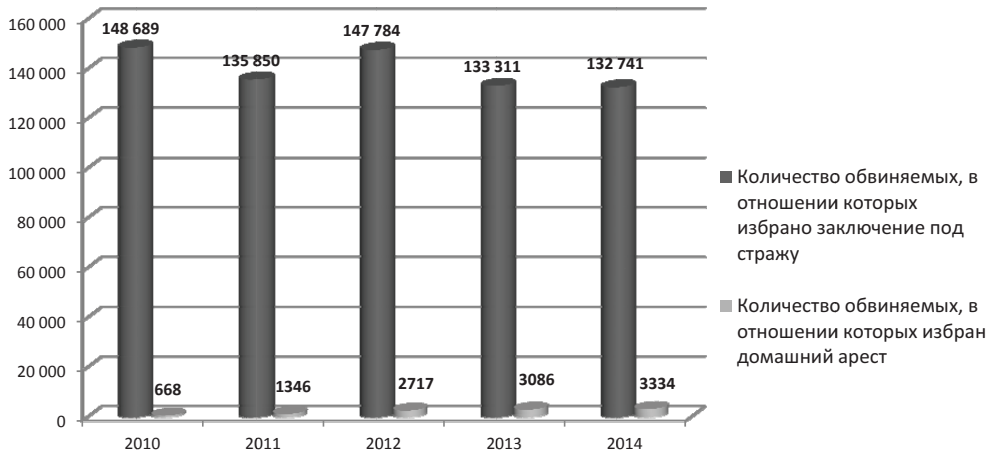

Рисунок. Тенденция избрания мер пресечения

применением ограничений и запретов, установленных в УПК РФ. Сущность данной меры пресечения состоит в непосредственном ограничении личной свободы и неприкосновенности обвиняемого, защищенной ст. 22 Конституции РФ, путем помещения его в условия полной или частичной изоляции по месту жительства либо, с учетом состояния здоровья, в лечебное учреждение. По смыслу п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41[5] жилое помещение может представлять как индивидуальный жилой дом, так и квартиру либо иное помещение, входящее в жилищный фонд и использующееся для временного или постоянного проживания либо не входящее в жилищный фонд, но используемое в этих целях.

Однако при исполнении домашнего ареста возникают проблемы в отношении подозреваемых, обвиняемых, не имеющих постоянного (временного) места регистрации на территории Российской Федерации. Правовая позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что отсутствие у подозреваемого или обвиняемого регистрации на территории Российской Федерации не должно отождествляться с отсутствием у него постоянного места жительства[6].

В ч. 7 ст. 107 УПК РФ законодатель сформулировал запретительные и ограничительные меры в отношении лица, подвергнутого домашнему аресту. К таким мерам относятся запрет и ограничения на выход за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый и обвиняемый проживает; общение с определенными лицами; отправка и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Пленум Верховного Суда РФ в указанном постановлении рекомендует перечислять случаи, когда обвиняемый или подозреваемый может покидать жилое помещение, детализировать запреты, установленные в ч. 4 ст. 107 УПК РФ, однако ясности в порядок и условия применения возможных ограничений Верховный Суд РФ не внес[7]. В большинстве случаев суды общей юрисдикции используют обобщенную

[5] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под сражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 г. № 41 // Рос. газета 2013. 27 дек.

[6] См.: *Малышева О. А*. Домашний арест : процессуальные и организационно-правовые проблемы : науч.-практ. пособие. Саарбрюкен (Saarbrucken), 2014. С. 7.

[7] См.: *Колесников М. В*. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 243.

формулировку и не конкретизируют порядок избрания ограничений и запретов, изложенных в законе.

Статья 107 УПК РФ устанавливает срок меры пресечения в виде домашнего ареста в два месяца, исчисление срока – с момента вынесения судом соответствующего решения, продление срока указанной меры по решению суда в случаях и порядке, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Анализ правоприменительной практики в сфере исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста позволяет сделать вывод о необходимости зачета срока применения домашнего ареста в срок уголовного наказания. Согласно ч. 10 ст. 109 УПК РФ время домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей. Следовательно, время домашнего ареста должно быть засчитано и в срок уголовного наказания в виде лишения свободы. Однако в ст. 72 УК РФ это правило прямо не предусмотрено. В связи с этим необходимо ст. 72 УК РФ дополнить указанием о зачете домашнего ареста в срок отбывания наказания в виде лишения свободы.

В соответствии с ч. 10 ст. 107 УПК РФ контроль за исполнением ограничений и запретов, установленных судом в отношении подследственного, возлагается на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) уголовно-исполнительной системы. Постановлением Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций»[8] уточнено, что контроль как за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, так и за соблюдением ими наложенных судом запретов и ограничений, а также внесением в суд представлений об изменении меры пресечения возложен на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России. Для обеспечения эффективного контроля в рассматриваемой части Правительством РФ было принято постановление от 18 февраля 2013 г. «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением наложенных судом запретов и (или) ограничений»[9], конкретизирующее порядок применения указанных технических средств. Применение аудиовизуальных, электронных и технических средств контроля при исполнении домашнего ареста осложнено наличием ряда таких негативных обстоятельств, как:

1) невозможность установления некоторых видов средств контроля по месту исполнения домашнего ареста из-за технической и иной характеристики помещения;

2) недостаточная компетенция сотрудников УИИ в вопросах установки и эксплуатации электронных средств контроля;

3) недостаточное количество электронных средств слежения;

4) высокая стоимость электронных средств контроля и недостаточное финансирование учреждений ФСИН России, ограничивающих возможности применения указанных средств[10].

Существуют сложности, связанные и с контролем за исполнением домашнего ареста, в частности запретом вести переговоры с использованием любых средств связи. Отчасти гарантировать соблюдение запрета на пользование электронными устройствами и средствами связи позволит установление сотрудниками УИИ

[8] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 18. Ст. 2224.

[9] Там же. 2013. № 8. Ст. 838.

[10] См.: *Малышева О. А.* Домашний арест. С. 35–48.

видеонаблюдения за жилым помещением согласно п. 2 Правил[11] либо проведение профилактических проверок по месту жительства, направленных на выявление таких устройств.

Решая вопрос о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, следует учитывать реальную возможность ее исполнения. Нередко лица, совместно проживающие с подозреваемым, обвиняемым, в отношении которого избран домашний арест, высказываются против установки технических средств слежения, мотивируя тем, что установка технических средств контроля влечет нарушение конституционных прав личности на неприкосновенность личной жизни, жилища. Если местом содержания под домашним арестом определено лечебное учреждение, то оснащение палаты техническими и электронными средствами слежения может также затронуть интересы других лиц, находящихся в этом лечебном учреждении и привести к нарушению лечебно-оздоровительного режима. Полагаем, для более эффективного применения меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо принять нормативный правовой акт, регламентирующий, в каких случаях следует применять электронные средства контроля в уголовном судопроизводстве.

Расширение российской системы мер пресечения за счет введения в нее домашнего ареста свидетельствует о гуманизации российской уголовно-процессуальной политики. Предлагаемые новации в действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство РФ, а также обеспечение качественного правового регулирования порядка избрания и применения домашнего ареста, в том числе осуществление контроля за соблюдением ограничений, наложенных судом, позволят эффективно применять меру пресечения в виде домашнего ареста.

---

[11] Правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля : утв. постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8. Ст. 838.

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Куракина Г. Н., *студентка*

Academy FSIN of Russia

Kurakina G. N., *Student*

E-mail: moa_0510@mail.ru

УДК 343.152;34.05

Р. Г. Лятифов

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ВЫДАЧИ ЛИЦА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Различие правовых систем государств обусловливает различные подходы к определению условий, оснований и порядку избрания мер пресечения в отношении лица, подлежащего выдаче. Источниками применения указанных мер могут выступать как международные договоры, так и национальное законодательство, анализ которого приведен в статье.

К л ю ч е в ы е с л о в а: выдача, экстрадиция, меры пресечения, уголовный процесс.

FOREIGN EXPERIENCE OF A PREVENTIVE MEASURES TO EXTRADITION

The difference between the legal systems of the causes are different approaches to determining the conditions, grounds and procedure for the election of a preventive punishment in respect to be extradited person. The sources of the application of these measures can act as international treaties and national legislation, the analysis of which is given in the article.

K e y w o r d s: extradition, extradition, preventive measures, criminal process.

Поступила в редакцию 15 ноября 2015 г.

В настоящее время институт выдачи лица играет важную роль в укреплении и развитии международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Среди правовых средств, обеспечивающих осуществление выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, меры пресечения занимают особое место. Их применение создает необходимые условия для разрешения вопроса о выдаче лица. Вместе с тем разным странам присуща своя определенная специфика избрания мер пресечения.

Прежде чем приступить к изучению вопросов избрания мер пресечения в целях выдачи лица необходимо рассмотреть соотношение таких терминов, как «выдача» и «экстрадиция». Мнение ученых по данному поводу не единогласно. С точки зрения одних, данные понятия тождественны. Например, А. И. Джигирь отмечает, что «на доктринальном уровне синонимичность терминов «экстрадиция» и «выдача» является бесспорной, а следовательно, их использование в научной литературе допустимо в равной степени»[1]. Другие не отождествляют данные понятия. Например, А. С. Гришин считает, что понятие «экстрадиция» шире по объему, чем понятие «выдача». Помимо выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в него входит передача лиц международным судебным органам для осуществления уголовного преследования[2]. Употребление термина «экстрадиция» распространено в различных международно-правовых документах. В российском законодательстве используется термин «выдача».

[1] *Джигирь А. И.* Экстрадиция : терминологический аспект // Закон и право. 2008. № 6. С. 108.

[2] См.: *Гришин А. С.* Научный журнал по юриспруденции // Вопросы российского и международного права. 2014. № 1/2. С. 34.

© Лятифов Р. Г., 2016

На наш взгляд, более распространенной является точка зрения о тождественности данных понятий. Более того, международные договоры рассматривают термин «экстрадиция» как синоним «выдачи».

Основу нормативного регулирования применения мер пресечения в целях выдачи лица в большинстве стран составляют международные и национальные правовые акты. Преимущественно формами международного права являются многосторонние и двусторонние договоры (конвенции, протоколы, соглашения). Важнейшими среди них являются Европейская конвенция о выдаче 1957 г. и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. При отсутствии международных обязательств государства могут взаимодействовать в соответствии с принципами взаимности.

Национальные законы об экстрадиции действуют в Австралии, Азербайджане, Бельгии, Великобритании, Германии, Индии, Исландии, Италии, Испании, Канаде, Коста-Рике, Франции, Швеции и других странах[3].

Нормативно-правовой базой избрания мер пресечения, в частности принуждения, заключения лица под стражу для его выдачи, в Азербайджанской Республике выступают: Конституция АР 1995 г., Уголовный кодекс АР 1999 г., Уголовно-процессуальный кодекс АР 2000 г., Закон АР о выдаче лиц, совершивших преступление (экстрадиции) 2001 г. и ведомственные нормативные акты. УПК Азербайджанской Республики (57 глава «Производство по оказанию правовой помощи по уголовным делам») включил норму, посвященную международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, в том числе ст. 495, которая определяет основания (условия) и порядок заключения лица под стражу для его выдачи. Так, возможны задержание и заключение под стражу лица до принятия постановления о выдаче на основании «просьбы о выдаче» с приложением копии постановления о заключении. В необходимых случаях орган уголовного преследования Азербайджанской Республики, в который подан запрос, имеет право в порядке оказания правовой помощи по ходатайству запрашивающего компетентного органа власти иностранного государства задержать также лицо, в отношении которого не поступало официального обращения с просьбой о выдаче, с соблюдением положений УПК Азербайджанской Республики. Предусмотрена возможность обжалования указанных решений.

В Германии избрание и применения мер пресечения в целях выдачи лица осуществляются в рамках Европейской конвенции о выдаче 1957 г., Протоколов к ней, двусторонних договоров и национального Закона о международной правовой помощи по уголовным делам 1982 г. Раздел 2 данного закона «Выдача в другие государства» включает следующие меры процессуального принуждения: арест, временный арест и предварительное задержание. На основании параграфа 16 Закона о международной правовой помощи по уголовным делам 1982 г. без официального запроса иностранного государства об экстрадиции лицо может быть арестовано на два месяца. Необходимо отметить, что если страна дислоцируется не в пределах Европейского союза, то данный срок может быть увеличен до трех месяцев. В случае непредоставления официального запроса в установленный законом срок лицо освобождается из-под стражи.

В Италии порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ареста) регламентирует УПК 1988 г. Ст. 714, 715, 716 указанного закона закрепля-

[3] См.: *Ткачевский Ю. М.* Национальное законодательство об экстрадиции (сравнительный анализ) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2003. № 5. С. 41.

ет основание применения указанной меры пресечения до получения запроса о выдаче, а также на иных этапах экстрадиционного процесса. Срок заключения под стражу лица составляет 40 суток, дальнейшее содержание возможно после предоставления официального запроса. Существует также возможность обжалования указанного решения.

В Испании действует закон о пассивной экстрадиции 1985 г., который в преамбуле закрепляет арест запрашиваемого лица на срок до 40 суток. Данные положения аналогичны ч. 4 ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. В течение указанного срока запрашивающее государство должно направить запрос с целью оправдания примененной меры пресечения в отношении лица. В случае непоступления запроса лицо освобождается. После подачи формального запроса срок может быть продлен еще на 40 суток. Ограничения по срокам связаны с действием презумпции невиновности и основополагающего права на свободу в национальном законодательстве государства.

В Бельгии, Нидерландах и Люксембурге вопросы применения мер пресечения в целях экстрадиции регулируются многосторонними, двусторонними договорами и национальным законодательством, предусматривающими арест запрашиваемого лица с целью последующей выдачи.

Во Франции действует национальный закон о выдаче иностранцев 1927 г. Его применение возможно при отсутствии соответствующих международных договоров. В течение 24 часов с момента ареста лицо, запрошенное к выдаче, допрашивается прокурором. Нахождение под предварительным арестом производится до момента выдачи; данный срок составляет 40 суток. Если за это время запрос не поступил, лицо освобождается[4].

Несколько иная система действует в Греции, где запрашиваемое лицо предварительно арестовывается и при непоступлении запроса в сроки, предусмотренные договором, освобождается.

В Великобритании существует закон об экстрадиции 1989 г., предусматривающий возможность избрания предварительного ареста в отношении лица, подлежащего выдаче. Данная мера не является исключительной. В связи с этим до получения официального запроса иностранного государства лицо может быть освобождено из-под ареста под залог. Возможность внесения залога не предусмотрена больше ни одним государством. Практика избрания данной меры пресечения довольно широка. Одним из примеров является дело Евгения Чичваркина, освобожденного 7 сентября 2015 г. под залог в 100 тыс. фунтов стерлингов на период до начала слушаний по делу о его экстрадиции в Россию[5].

Великобритания руководствуется 18-дневневным сроком временного задержания, предусмотренного ч. 4 ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., после чего в случае непредоставления просьбы о выдаче в письменном виде, а также документов, указанных в ст. 12 вышеуказанного закона, решение о временном задержании может быть отменено. Указанный срок может быть продлен до 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми для предотвращения побега разыскиваемого лица. Освобождение не препятствует повторному задержа-

[4] Выдача лица для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение / под ред. Г. В. Дашкова. М., 1998. С. 63.

[5] URL: http://pravo.ru/interpravo/news/view/17124/

нию и выдаче, если впоследствии получена просьба о выдаче иностранного государства[6].

В настоящее время отмечается процесс гуманизации российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим актуальным представляется опыт Великобритании в плане применения меры пресечения в виде залога в качестве обеспечительной для возможной выдачи лица. Заключение под стражу в России является жесткой мерой, направленной на пресечение возможного уклонения лица от органов следствия, дознания и суда. Схожие задачи преследуются при применении домашнего ареста. Однако лицо может не иметь намерения скрываться от компетентных органов, осуществляющих процедуру экстрадиции. Альтернативных заключению под стражу и домашнему аресту мер пресечения при осуществлении экстрадиции российским законодательством не предусмотрено. Следственные изоляторы перегружены, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, направленные в Европейский суд по правам человека, связанные с несоблюдением минимальной санитарной нормы площади на одного подозреваемого, обвиняемого либо осужденного и иных требований. Поэтому считаем целесообразным избрание залога в отношении лиц, подлежащих выдаче из России.

Таким образом, различие правовых систем государств обусловливает различные подходы к определению условий, оснований и порядку избрания мер пресечения в отношении лица, подлежащего выдаче. Источниками применения указанных мер могут выступать как международные договоры, так и национальное законодательство. При этом положительным направлением в условиях глобализации и расширения транснациональной преступности считаем закрепление положений о выдаче, в том числе и применении мер пресечения с целью выдачи лица, в национальном законодательстве стран.

---

[6] Европейская конвенция о выдаче ETS № 024 (Париж, 13 декабря 1957 г.). URL: http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059/

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Лятифов Р. Г., *адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров*

Academy FSIN of Russia

Latifov R. G., *adjunct*

E-mail: moa_0510@mail.ru

УДК 343.1

Е. В. Рябцева

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Проводится анализ применения мер уголовно-процессуального принуждения. Показан неоценимый вклад З. Ф. Ковриги в разработку теоретических основ уголовно-процессуального принуждения. Обращено внимание на то, что требуется комплексный подход для оптимизации применения рассматриваемых мер.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальное принуждение, судебная практика, институционно-отраслевая модель, комплексный подход

CRIMINAL PROCEDURAL COMPULSION: THEORY AND PRACTICE

The paper analyzes the application of criminal procedural coercive measures. Showed an invaluable contribution Kovriga Z.F. the development of the theoretical foundations of criminal procedure compulsion. Attention is drawn to the fact that a comprehensive approach is required to optimize the use of the measures in question. Emphasizing that Kovriga Z.F. I have always sought the truth. It was a wise teacher, this teacher for all of us.
K e y w o r d s: criminal procedure enforcement, judicial practice, institutionally-industry model, a comprehensive approach.

Поступила в редакцию 18 марта 2016 г.

Одним из актуальных вопросов уголовно-процессуальной науки и практики является применение мер уголовно-процессуального принуждения.

В настоящее время в нашей стране предпринимаются значительные усилия политического, законодательного, организационного и практического характера, направленные на оптимизацию применения мер пресечения, значительное расширение сферы действия мер, не связанных с изоляцией от общества[1].

Нормы, регламентирующие меры уголовно-процессуального пресечения, являются наиболее часто изменяющимися.

Практика применения мер пресечения, особенно в виде заключения под стражу, находится под постоянным вниманием Верховного Суда РФ, его Пленума и Президиума. До недавнего времени действовало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»[2]. Документ утратил силу в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41[3]. За время, прошедшее с момента его принятия, внесены существенные изменения в положения УПК РФ, регулирующие порядок применения мер пресечения.

Конституционное положение о том, что заключение под стражу, домашний арест, залог как меры пресечения допускается только по судебному решению, яв-

[1] См.: *Червоткин А. С.* Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста и залога // Уголовный процесс. 2014. № 2.

[2] Бюллетень ВС РФ. 2010. № 1.

[3] Рос. газета. 2013. 27 дек.

© Рябцева Е. В., 2016

ляется основой для применения заключения под стражу. В международно-правовых документах до настоящего времени справедливо отмечаются продолжающиеся нарушения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с чрезмерно длительным, незаконным или необоснованным применением меры пресечения в виде заключения под стражу[4].

Например, в постановлении Европейского суда по правам человека по жалобе № 3243/06 по делу «Лосевский и другие против России» Европейский суд установил нарушение российскими властями п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих доводов применения названной меры пресечения. 27 апреля 2005 г. районный суд вынес постановление о заключении заявителей под стражу. Заявителям были предъявлены обвинения в мошенничестве и легализации денежных средств, совершенных организованной группой. 14 марта 2007 г. районный суд признал заявителей виновными. Предварительное содержание заявителей под стражей не имело надлежащих и достаточных оснований. Тяжесть обвинений была указана в качестве основной причины их заключения под стражу. Продления сроков содержания под стражей были утверждены без проверки соблюдения требования о надлежащей осмотрительности: не было указано, что было сделано в период, истекший с последнего продления, и что надлежит сделать в течение периода нового продления. Районный суд выносил также коллективные постановления о заключении под стражу в отношении соответчиков без индивидуального анализа обстоятельств по каждому из них. Рассматриваемый период длился один год, десять месяцев и семнадцать дней.

Европейский суд пришел к выводу о нарушении п. 3 ст. 5 Конвенции в связи с тем, что «...не представив конкретных фактов и вынося постановления о заключении под стражу в отношении нескольких обвиняемых по одному делу... [суды] продлили срок содержания заявителей под стражей на основаниях, которые, хотя и являются «соответствующими», не могут рассматриваться как «достаточные» (п. 15, 16 постановления)[5].

Анализ иных мер процессуального принуждения также показывает, что они содержат ряд противоречивых, сложно воспринимаемых и, как следствие, труднореализуемых положений. Многие из них неоднократно подвергались корректировке федеральными законами, что свидетельствует об их незавершенности, недостаточном урегулировании в законодательстве[6].

Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование на теоретическом уровне и на практике применения мер уголовно-процессуального принуждения. Однако приемы, способы «совершенствования» отдельных мер процессуального принуждения не безграничны. «Лучшее – враг хорошего», к сожалению, может оказаться итогом оптимизации института уголовно-процессуального принуждения.

В этих условиях необходим комплексный подход, учитывающий, что применение мер процессуального принуждения – это не только уголовно-процессуальная деятельность следователя, дознавателя, суда, других участников уголовно-процессуальных отношений, но и организационная, обеспечительная, а также иные виды деятельности.

---

[4] См.: *Червоткин А. С.* Указ. соч.

[5] Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

[6] См.: *Баландюк О. В.* Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2015.

Для обеспечения эффективного применения рассматриваемых мер принуждения необходим организующий контроль, постоянный мониторинг обоснованности избранной меры принуждения применительно к текущему моменту и принимаемому по делу промежуточному или окончательному на той или иной стадии решению.

Исполнение мер процессуального принуждения носит комплексный характер с элементами процессуально-правовой, административно-служебной (полицейской), психолого-воспитательной и других сопутствующих видов деятельности.

Уголовно-процессуальной аспект исполнения избранной меры принуждения, состоящий в установлении дополнительных или снятии определенных ограничений, продлении сроков действия и т.п., обусловлен правовым характером принятого решения, таким его свойством, как общеобязательность. Это относится ко всем решениям, но в большей степени к судебному решению, которое должно исполняться в тех параметрах, которые в нем определены, либо (в случае несоответствия возникшей в ходе производства по делу ситуации) подлежит изменению в установленном законом порядке[7].

Необходимо учитывать также непроцессуальный механизм исполнения решений об избрании мер уголовно-процессуального принуждения, основу которого составляют нормы различных отраслей права и подзаконные нормативные правовые акты.

Все изложенное позволяет говорить о необходимости исследования уголовно-процессуальных мер принуждения в рамках современной правовой модели, детального проведения анализа условий, факторов и этапов их реализации на стадиях правотворчества и правоприменения.

В этом ракурсе исследования З. Ф. Ковриги заложили основу современной институционно-правовой модели в уголовном судопроизводстве. Они внесли весомый вклад в разработку проблем уголовно-процессуального принуждения. В науке уголовно-процессуального права З. Ф. Коврига стала основоположником институционно-правовой модели уголовно-процессуальной ответственности[8]. Ее работы свидетельствуют не просто об отражении явлений и процессов с помощью правовых средств, а о модельном отражении правовой действительности. В них обстоятельно обоснованы понятие и основные признаки уголовно-процессуального принуждения, основания их применения, показаны проблемы развития и законодательного закрепления.

З. Ф. Коврига, будучи хорошим теоретиком, провела фундаментальное исследование общей теории принуждения в уголовном судопроизводстве, осветив значение и содержание принуждения, его соотношение с убеждением, мерами процессуальной ответственности и санкциями, предпосылки, основания и цели применения, отличие от принуждения в других отраслях права.

Она исследовала многие вопросы, связанные с законодательным регулированием применения мер уголовно-процессуального принуждения. Сделанные ею выводы остаются актуальными и в настоящее время. Большой теоретический и практический интерес представляют указанные в работе требования, которым должно отвечать ненадлежащее поведение участников уголовного процесса в качестве основания для применения мер уголовно-процессуального принуждения: запрещение законом определенной формы ненадлежащего поведения как уго-

[7] См.: *Баландюк О. В*. Указ. соч.

[8] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984.

ловно-процессуальной обязанности лица; связь этого поведения с расследуемым преступлением; придание ему характера именно уголовно-процессуального, а не какого-либо иного[9].

Зоя Филипповна Коврига – не просто ученый, который внес неоценимый вклад в развитие науки уголовно-процессуального права, а еще и мудрый Учитель. В науке и образовании должны сохраняться непосредственные личностные отношения между Учителем и Учеником. Иными словами, личность должна воспитывать другую личность и воспитываться ею. Зоя Филипповна не просто учила, а общалась с учениками, стремясь постичь истину и помогая друг другу сделать это. Именно такие отношения способны обеспечить не только преемственность в познании, но и связь поколений, которой так не хватает сейчас.

---

[9] См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975.

Российский государственный университет правосудия

Рябцева Е. В., *кандидат юридических наук,*
доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности

Russian State University of Justice

Ryabtseva E. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of*
the Judicial and Law-Enforcement Activity Arrangement Department
E-mail: rev020680@mail.ru

УДК 340.131

В. В. Серегина

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Показана тенденция становления и развития представлений о государственном принуждении в общетеоретической и отраслевой литературе, критически оценены и позитивно обобщены научные достижения в этой области.
Ключевые слова: государственное принуждение, вид принуждения, классификация государственного принуждения.

THE PROBLEM OF STATE COERCION STRUCTURE RESEARCH IN THE DOMESTIC LEGAL SCIENCE

The article shows the trend of the formation and development of ideas about state compulsion in general theoretical and industry literature, critically evaluated and summarized positive scientific advances in this field.
Key words: government coercion, kind of coercion, classification of state coercion.

Поступила в редакцию 15 марта 2016 г.

В общетеоретической литературе проблема структуры государственного принуждения, его видовых различий до сих пор не получила достаточного разрешения; отсутствуют общепризнанные теоретические обоснования наличия отдельных его видов. Разрозненность, несовершенство законодательства в сфере применения различных мер государственного принуждения также не способствуют их теоретическому осмыслению, укреплению законности и правопорядка.

Проблема государственного принуждения и его форм, затрагивающая многие стороны социально-политической жизни общества и прав личности, не получила обстоятельной разработки по многим причинам. Важнейшая из них состоит в общем заторможенном развитии и недооценке теоретической мысли в прошлом. Эта проблема, как и многие иные важные общетеоретические проблемы, не была объектом глубоких научных исследований.

В советский период истории отечественной государственности развитие учения о государственном принуждении было, несомненно, запретной темой и протекало в сложных условиях.

Долгое время приоритет отдавался принуждению в ущерб убеждению и воспитанию трудящихся масс, допускалась переоценка роли принуждения в деятельности Советского государства, утверждалась уверенность в том, как писал И. С. Самощенко, что «с помощью власти, принуждения можно сделать всё…»[1]. Преувеличение роли принуждения нашло отражение и в правоведении, в частности в господствовавшем на протяжении долгих лет определении права как сово-

[1] *Самощенко И. С.* Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве // Сов. государство и право. 1967. № 2. С. 11.

© Серегина В. В., 2016

купности норм, обеспечиваемых принудительной силой социалистического государства[2].

В то же время многие проблемы принуждения и убеждения в общетеоретическом плане и в отраслях советского права долгое время почти не исследовались.

Обращаясь к этому вопросу, И. С. Самощенко писал в 1967 г.: «Парадоксально, но факт: лишь в последнее десятилетие у нас появились специальные общетеоретические исследования, посвященные государственному принуждению к исполнению требований советского права. Что же касается убеждения как средства обеспечения неуклонного исполнения правовых требований, то его содержание, практические средства и формы осуществления, условия социальной эффективности и т.д. не изучены сколько-нибудь основательно до сих пор»[3]. Более чем за 40 лет, прошедшие со времени, когда И. С. Самощенко были написаны эти строки, много сделано в плане изучения проблем принуждения. Особенно большие успехи достигнуты в исследовании административного и уголовно-процессуального принуждения.

Характерно, что разработке учения о государственном принуждении во многом способствовало развитие учения о санкциях норм советского права. Особенно значительна в этом отношении роль О. Э. Лейста, Т. С. Гуревича, ***Ю. С. Жицинского***[4]***,*** И. И. Веремеенко и др.[5]

Причиной, сдерживающей развитие исследований государственного принуждения в советский период, явилось и состояние законодательства в отраслях советского права, которое во многом было не упорядочено даже в смысле исчерпывающей регламентации таких наиболее жестких форм государственного принуждения, как юридическая ответственность. Только институты уголовной и административной ответственности были кодифицированы.

Разрозненность, несовершенство законодательства в сфере применения различных мер государственного принуждения не могли способствовать их теоретическому осмыслению, укреплению законности и правопорядка.

Имелись причины и сугубо «субъективного» плана, зависящие от позиции авторов, рассматривающих вопросы принуждения.

На этой стороне проблемы важно остановиться подробнее, показав в историческом плане, как развивались представления о сущности государственного принуждения, а также вклад отдельных ученых в этот процесс.

Характерно, что многими авторами категория принуждения и само принуждение фактически расценивались как синоним юридической ответственности, так как считалось, что основанием его применения является правонарушение либо наличие (что то же самое) противоправности в деяниях лица.

Продолжительное время в научной литературе существовало мнение, что принуждение в СССР применяется только к правонарушителям. Традиционно было

---

[2] См.: *Самощенко И. С.* Указ. соч.

[3] Там же. С. 13. Следует заметить, что на сегодняшний день по проблемам правового убеждения нет монографических исследований. Защищены только две диссертации – Л. А. Аскеровой «Правовые убеждения : теоретико-правовой анализ» (2012) и А. А. Косых «Убеждение в праве : теория, практика, техника» (2015).

[4] Выделены фамилии ученых юридического факультета ВГУ.

[5] См.: *Лейст О. Э*. Санкции в советском праве. М., 1962 ; *Его же*. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981 ; *Гуревич Т. С*. Санкции за нарушение планово-договорных обязательств в народном хозяйстве М., 1976 ; *Жицинский Ю. С.* Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968 ; *Веремеенко И. И*. Административно-правовые санкции. М., 1975.

связывать наличие принуждения с правонарушениями, с целями их устранения из жизни советского общества.

Так, по мнению С. Н. Кожевникова, основанием применения принуждения является совершение противоправных действий[6]. В. М. Чхиквадзе, обращаясь к проблеме принуждения, пишет: «Принуждение… применяется в точном соответствии с законом и в отношении лишь тех лиц, которые нарушают требования социалистической законности и правопорядка»[7].

Развернутое обоснование такого же взгляда содержится в работах Д. А. Керимова. Говоря об особенностях принуждения, он пишет: «Во-первых, оно применяется в отношении лишь отдельных членов общества, не исполняющих или нарушающих требования советского права; …во-вторых, оно используется только на основе и в строгих пределах закона; в-третьих, оно прежде всего и главным образом преследует цель не подавления, кары или возмездия, а обеспечения образцового правопорядка и перевоспитание нарушителей закона»[8]. Л.С. Явич также писал, что «государственно-правовое принуждение осуществляется в СССР по отношению к отдельным лицам, злостно нарушающим правопорядок»[9].

Перечень подобных высказываний, в которых государственное принуждение по основаниям своего применения фактически отождествляется с наказанием, юридической ответственностью, можно продолжить. Для такого рода высказываний имелись и имеются свои причины. Наличие государственного принуждения в основном и обусловливается потребностями борьбы с правонарушениями, с преступностью. Для решения этих задач принуждение функционирует и существует.

Однако назначение принуждения состоит не только в борьбе с правонарушениями, но и в обеспечении охраны общества, государства и личности, их прав и интересов и в ситуациях, не связанных с уже совершенными правонарушениями.

Назначение принуждения в сугубо правовом смысле значительно шире задач борьбы с правонарушениями. Такое представление о назначении принуждения в СССР имеет свою давнюю историю. Впервые в научной литературе неоднородность государственного принуждения в сфере административно-правового регулирования еще в довоенный период была подмечена советскими учеными-административистами И. И. Евтихиевым, В. А. Власовым, С. С. Студеникиным. В послевоенный период эта идея плодотворно разрабатывалась Т. И. Петровым, А. Е. Луневым, М. И. Еропкиным, В. М. Манохиным, Д. Н. Бахрахом, Ц. А. Ямпольской и многими другими авторами.

Суть идеи о неоднородности административного принуждения в том, что оно включает не только административные взыскания, применяемые к правонарушителям, но и другие виды мер, применяемые по иным основаниям. Некоторые из них используются даже тогда, когда правонарушений еще нет, в целях их предупреждения, профилактики и т.д.

Учеными-административистами в принципе была решена и проблема научных критериев классификации мер административного принуждения на отдельные виды. Еще в 1956 г. М. И. Еропкин обосновал такой критерий классификации

---

[6] См.: *Кожевников С. Н*. Государственное принуждение : особенности и содержание // Сов. государство и право. 1978. № 5. С. 49–51.

[7] *Чхиквадзе В. М*. Социалистический гуманизм и права человека. М., 1978. С. 131.

[8] *Керимов Д. А*. Философские проблемы права. М., 1972. С. 186.

[9] *Явич Л. С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 45.

мер административного принуждения, как способ обеспечения общественного порядка, определяемый, в свою очередь, характером охраняемых отношений[10].

Этот критерий широко использовался для классификации мер принуждения и санкций правовых норм и в иных отраслях права[11], а также в общетеоретической литературе[12].

Проблеме неоднородности административного принуждения и критериям его классификации на отдельные виды много внимания уделял ***И. А. Галаган*.** Он полагал, что при разработке таких критериев необходимо по возможности учитывать все обстоятельства, связанные с правовой регламентацией оснований, условий, порядка и целей применения административно-правовых мер. Отдельные виды административного принуждения он различал по следующим классификационным критериям: 1) способ обеспечения правопорядка; 2) нормативные различия регламентации; 3) цели применения; 4) фактические основания применения; 5) правовые последствия применения; 6) процессуальные особенности осуществления. На основе этих классификационных критериев он подробно проанализировал сущность таких видов административного принуждения, как меры административного пресечения, административно-предупредительные, административные взыскания, реализация которых влечет за собой административную ответственность[13].

Большой вклад в разработку вопроса о разновидностях государственного и отраслевого принуждения был внесен Д. Н. Бахрахом. Хотя ученый и полагал, что любые меры административного принуждения применяются к правонарушителям (за что и подвергся критике со стороны многих административистов), он детально рассмотрел сущность различных видов административного принуждения.

По критерию, разработанному М. И. Еропкиным (способ обеспечения правопорядка), а также по функциональному значению различных мер Д. Н. Бахрах классифицирует принуждение на три следующих вида: 1) пресечение; 2) восстановление; 3) наказание.

Д. Н. Бахрах, пожалуй, впервые в научной литературе выделил основные виды принуждения – материальные и несамостоятельные, обеспечительные принудительные средства (меры уголовно-процессуального, административно-процессуального, гражданско-процессуального принуждения), которые применяются как вспомогательные постольку, поскольку имеется необходимость привести в действие самостоятельные меры принуждения. Он сделал вывод, что меры процессуального принуждения, точно так же, как и материально-правового, чрезвычайно разнообразны. Соответственно Д. Н. Бахрахом введено понятие «вид принуждения», под которым он понимает отраслевые виды принуждения – уголовное, административное, служебно-дисциплинарное, гражданско-правовое и самостоятельное процессуальное принуждение[14]. Им высказано положение о наличии процессуальных санкций норм права.

Положения Д. Н. Бахраха о том, что основанием применения мер принуждения является только правонарушение, а также что предупредительные меры

---

[10] См.: *Еропкин М. И*. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965. С. 120.

[11] См., например: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 44.

[12] См., например: *Лейст О. Э*. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 106.

[13] См.: *Галаган И. А*. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970. С. 92.

[14] См.: *Бахрах Д. Н.* Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 26–30.

нельзя относить к принуждению, были подвергнуты критике многими авторами, в частности ***И. А. Галаганом***[15]. Однако выводы Д. Н. Бахраха о неоднородности принуждения, что создает возможность для отличий одного вида принуждения от другого, а также его положения о критериях классификации имеют важное теоретическое значение.

Представление о неоднородном характере государственного принуждения широко распространено в научной литературе по советскому гражданскому праву и хозяйственному законодательству. Учеными, разрабатывающими проблему принуждения в этих отраслях, детально проанализированы основания, цели применения различных видов принуждения, осуществляемого в сфере регулирования хозяйственной деятельности, и т.д. Характерно, что при этом многие авторы предлагают различать юридическую ответственность и иные виды принуждения. Как полагает Г. Я. Стоякин, меры юридической ответственности и меры защиты – это не совпадающие категории[16]. Такова же позиция О. А. Красавчикова[17] и Н. С. Малеина.

Н. С. Малеин настойчиво проводит мысль, что в системе принуждения необходимо различать меры юридической ответственности и меры защиты. Последнюю группу мер, как он считает, нельзя правильно понять путем перенесения на них понятий института ответственности; меры защиты находятся в иной, чем наказательные меры, правоохранительной плоскости[18].

Представление о неоднородности государственного принуждения успешно разрабатывается и в советской уголовно-процессуальной науке. Исследованию сущности, назначению уголовно-процессуального принуждения посвятили свои работы З. Ф. Коврига, З. З. Зинатуллин, Ф. М. Кудин, И. Л. Петрухин и др.[19]

Так, исходя из назначения процессуального принуждения, его специфики и возникающих при этом правоотношений, все меры уголовно-процессуального принуждения ***З. Ф. Коврига*** подразделяет на две основные группы: 1) средства пресечения и 2) средства обеспечения. Средство пресечения как самостоятельный принудительный акт служит устранению неправомерных действий, представляющих угрозу интересам правосудия, и связано с поведением субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Его назначение состоит в том, чтобы восстановить нормальные правовые связи и отношения путем понуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной обязанности. Назначение процессуальных средств обеспечения состоит в создании принудительным порядком условий для успешного осуществления задач правосудия[20].

---

[15] См.: *Галаган И. А*. Указ. соч. С. 84.

[16] См.: *Стоякин Г. Я*. Правовосстановительные санкции как меры защиты субъективных гражданских прав // Гражданское право и способы его защиты : сб. науч. трудов. Свердловск, 1974. Вып. 33. С. 100.

[17] См.: *Красавчиков О. А*. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав : сб. науч. трудов. Свердловск, 1973. Вып. 27. С. 11.

[18] См.: *Малеин Н. С*. Правонарушение : понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 149–151.

[19] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975 ; *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное принуждение. Казань, 1981 ; *Кудин Ф. М*. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985 ; *Петрухин И. Л*. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 67–103.

[20] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальное принуждение. С. 29.

Таким образом, во многих отраслях советского права прослеживается тенденция подразделять виды принуждения на отдельные группы, производить их внутриотраслевую группировку и классификацию.

Естественно, не осталась в стороне и общая теория права. В общетеоретической литературе также высказывалось мнение о неоднородности государственного принуждения, которое применяется и вне связи с правонарушениями. «Было бы неверно полагать, что государственное принуждение, – писал Б. Т. Базылев, – применяется только к правонарушителям и в связи с правонарушениями». Он показал, что принуждение возможно и вне совершения правонарушения, иллюстрируя это на примере принудительного медицинского освидетельствования, которое «поэтому и называется принудительным, что оно проводится вопреки воле лица, к которому применяется, лишая его свободы проявления собственной воли и вынуждая тем самым к требуемому поведению»[21]. Много внимания проблеме государственного принуждения и его классификации на отдельные виды уделено С. Н. Кожевниковым. По его мнению, в зависимости от целевой направленности правоохранительные средства (средства принуждения) следует классифицировать «на меры принудительного воздействия, меры пресечения правонарушений, меры защиты субъективных прав и обязанностей, меры юридической ответственности»[22]. Меры защиты субъективных прав и обязанностей он отождествляет с правовосстановительными мерами[23]. Не обошел вниманием проблему неоднородности государственного принуждения и С. С. Алексеев, рассматривая ее в неразрывной связи с юридической ответственностью как одним из видов государственного принуждения по советскому праву.

Таким образом, можно считать, что классификация государственного принуждения на отдельные виды вполне подготовлена всем ходом развития научных представлений по этому вопросу. Единственная трудность состояла в том, что не все виды принуждения ученые относят к санкциям правовых норм, которые являются юридической нормативной базой принуждения, поскольку именно в них как структурном элементе норм права формируются меры принудительного воздействия.

Представляется, что меры принуждения, если считать их нормативно обусловленными, должны всегда соответствовать структурным элементам нормы права. По этой проблеме в научной литературе до сих пор не было и нет единства мнений. Многие авторы, рассматривая данный вопрос, меняли свои первоначальные позиции, затрудняя его решение.

Показательна в этом отношении позиция С. С. Алексеева. Ранее он считал, что любые принудительные меры охватываются объемом санкций норм права. «Санкции, – писал он, – это широкая категория, характеризующая всю систему средств правового принуждения»[24]. С. С. Алексеев различал принуждение в зависимости от характера санкций. Он считал, что помимо юридической ответственности существуют и другие способы правового государственного принуждения. К их числу относятся: превентивные принудительные средства, в том числе предупредитель-

---

[21] *Базылев Б. Т.* Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 34.

[22] *Кожевников С. Н.* Меры защиты в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 9.

[23] См.: *Кожевников С. Н.* Государственное принуждение : особенности и содержание // Сов. государство и право. 1978. № 5. С. 47–53.

[24] *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 378.

но-обеспечительные меры (обыски, выемка, наложение ареста), а также меры, выражающие предупреждение возможности причинения обществу необратимого вреда, и меры защиты (восстановления), включая специфические для административного права меры пресечения[25].

Таким образом, С. С. Алексеев исходил из предположения, что: а) объем государственного принуждения обусловлен санкциями норм права; б) санкциями норм охватываются любые разновидности принуждения; в) в объем принуждения входят предусмотренные санкциями норм права такие виды принуждения, как юридическая ответственность, предупредительные (превентивные) меры, меры защиты (восстановления), включая и меры пресечения (для административного права), т.е. четыре названные группы мер.

В более поздней своей работе С. С. Алексеев отошел от этой позиции, причем не мотивируя это какими-либо соображениями. Он уже подразделяет меры принуждения только на две группы: а) юридические санкции (основная группа), т.е. государственно-принудительные меры, являющиеся реакцией государства в отношении конкретного лица на факт противоправного поведения; б) государственно-необходимые, профилактические и превентивные меры правового принуждения.

Юридические санкции С. С. Алексеев подразделяет затем на две группы: меры защиты и меры юридической ответственности. Таким же образом – на правовосстановительные и штрафные – он классифицирует и санкции правовых норм. Ученый полагает, что основанием применения юридических санкций (мер защиты и юридической ответственности) является неправомерное поведение. «Принуждение в праве, – пишет он, – здесь нацелено на то, чтобы устранять возникающие в правовой системе аномалии, приводить ее в случаях неправомерной ситуации в нормальное состояние, воздействовать на лиц, нарушающих правопорядок»[26].

Наряду с этими разновидностями правового принуждения С. С. Алексеев допускает в ограниченном числе случаев меры правового принуждения, применяемые «для решения государственных задач, сопряженных с экстремальными социальными условиями – военной обстановкой, стихийными бедствиями (например, реквизиция имущества)»[27]. К ним он относит также различного рода принудительные меры медицинского характера, досмотры багажа и личный досмотр, проверку документов, а также процессуально-обеспечительные действия (обыск, выемка, наложение ареста), меры профилактико-предупредительного воздействия (изъятие огнестрельного оружия у лиц, страдающих алкоголизмом, и др.). Все эти меры, по мнению С. С. Алексеева, «принципиально по …своему назначению отличаются от санкций, выступающих в качестве последствия для данного лица в связи с фактом его противоправного поведения, и потому образуют особую группу мер правового принуждения входящих в содержание регулятивных государственно-властных отношений»[28].

Аналогичная точка зрения предлагается В. Н. Кудрявцевым: «В целом меры государственного принуждения применяются шире, чем санкции. Эти меры в некоторых случаях выходят за рамки не только санкции, но и вообще юридических

[25] См.: Там же.

[26] *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 269.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 270.

последствий поведения»[29]. В качестве примера такого рода мер В. Н. Кудрявцев указывает на реквизицию, на меры, принимаемые в случае стихийного бедствия, и др.

В. Н. Кудрявцев считает также, что не может рассматриваться как юридическое последствие правонарушения и так называемое процессуальное принуждение (например, меры пресечения, назначаемые в отношении обвиняемого по уголовному делу). К подобным принудительным мерам следует отнести также принудительные освидетельствования, принудительное лечение, меры обеспечения имущества, досмотр багажа и личный досмотр. Объем санкций правовых норм В. Н. Кудрявцев ограничивает лишь правовосстановительными и штрафными (карательными) санкциями и соответственно им мерами правовосстановления и ретроспективной юридической ответственности[30].

Таким образом, С. С. Алексеев и В. Н. Кудрявцев исключают различного рода превентивные (предупредительные) меры принуждения, а также и меры процессуального обеспечения (пресечения) из перечня мер, предусмотренных правовыми санкциями. Это означает, что названные меры принуждения, оставаясь правовыми, к санкциям не относятся. К каким же структурным элементам нормы права их надо относить? И на каком основании их можно относить к правовым мерам принуждения? Только на том, что в законе предусматривается право соответствующих органов (и должностных лиц) на их применение? По этим и другим вопросам природы названных групп мер (за исключением мер процессуального обеспечения) в юридической науке отсутствуют убедительные суждения.

О возможности отнесения рассматриваемых групп мер к санкциям мы уже высказывались в монографии «Государственное принуждение по советскому праву»[31].

По нашему мнению, при анализе государственно-необходимых, профилактических и превентивных мер правового принуждения необходимо учитывать следующее: их применение точно так же, как и применение юридических санкций (по терминологии С. С. Алексеева), соответствующими государственными органами составляет объем их компетенции и предусматривается той структурной частью правовых норм, которая является диспозицией.

Государственно-необходимые, профилактические и превентивные меры правового принуждения могут приобретать характер санкций в том случае, если они применяются к обязанным субъектам помимо их воли. В основу для отнесения этих мер к санкциям норм права должен быть положен именно интеллектуально-волевой признак. Например, обычный таможенный досмотр или досмотр личных вещей гражданина в аэропортах может расцениваться как специфическая санкция со всеми вытекающими отсюда последствиями, если он осуществляется вопреки воле и желанию этого гражданина. И наоборот, такого рода досмотр утрачивает характер санкции, если он соответствует, что мало вероятно, его воле.

Точно так же типичные алиментные обязательства на первый взгляд являются обычным правилом поведения обязанного лица, т.е. составляют объем диспозиции. Однако алиментные обязанности согласно ст. 80 Семейного кодекса РФ могут расцениваться и как санкции в случае принудительного применения данной нормы к соответствующему субъекту.

---

[29] *Кудрявцев В. Н*. Право и поведение. М., 1978. С. 136–137.

[30] См.: *Кудрявцев В. Н*. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 295–297.

[31] См.: *Серегина В. В*. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 23–29, 66–70.

Между обычными санкциями и названными мерами много общего: и те и другие содержат дополнительные правоограничения принудительного характера; составляют для государства и его органов элемент специфической компетенции, осуществляемой в необходимых случаях; применяются в целях обеспечения правопорядка и законности в регулируемых общественных отношениях, т.е. их сфера ограничена рамками правоохранительной деятельности государства и правоохранительными отношениями.

В то же время между этими «группами» принудительных мер следует усматривать и специфические особенности. Те принудительные меры, которые С. С. Алексеев относит к юридическим санкциям, всегда применяются к виновным в правонарушениях, вина которых доказана в результате правоприменительного процесса и на основе принятого о том соответствующего правоприменительного акта. Нормативно эти меры приобретают характер так называемых абсолютно-определенных, относительно-определенных, альтернативных и других санкций правовых норм, т.е. они в норме права, как правило, структурно обособлены и четко выражены.

Что же касается государственно-необходимых профилактических и превентивных мер, то они могут применяться и при отсутствии правонарушений, в целях их превенции (предупреждения) и в других государственно-необходимых случаях. В то же время они могут применяться и при отклонении поведения субъекта от требований закона, а также в качестве дополнительных мер к мерам юридической ответственности.

Правовая природа государственно-необходимых, профилактических и превентивных мер правового принуждения представляется значительно сложнее правовой природы тех мер, которые С. С. Алексеев относит к обычным юридическим санкциям: их не следует рассматривать в качестве юридических санкций лишь в тех случаях, когда правоограничения, предусматриваемые этими мерами, выполняются и соблюдаются добровольно. Когда же эти меры приводятся в жизнь соответствующими правоприменительными органами вопреки воле обязанных субъектов, т.е. в полном смысле принудительно, их можно расценивать как санкции норм права с абсолютно-определенным содержанием.

В данном случае имеет место перерастание типичной правовой обязанности лица исполнить принудительную меру в санкцию. Такая ситуация складывается тогда, когда эта обязанность исполняется лицом не добровольно, а по принуждению (по решению суда и т.д.). Здесь имеет место трансформация обычной диспозиции – правила поведения (обязанности принудительного содержания) – в типичную санкцию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, в приводимом уже случае обычная алиментная обязанность соответствующего лица в случае ее невыполнения приобретает в соответствии с судебным решением о ее применении характер санкции.

Таким образом, по нашему мнению, выделенную С. С. Алексеевым вторую группу государственно-необходимых, профилактических и превентивных мер, несмотря на сложность и противоречивость их природы, следует рассматривать в тесной связи с категорией санкции нормы права, так как эти меры при их принудительном применении к обязанным лицам утрачивают для последних характер диспозиции и приобретают свойство специфических санкций. В связи с этим такого рода меры в реальной действительности следует в подавляющем большинстве случаев так же рассматривать, как санкции норм права, хотя они не всегда структурно обособлены от диспозиции этих норм и составляют их содержание.

Отнесение указанных норм к санкциям правовых норм имеет принципиальное теоретическое и практическое значение. Это позволяет не только глубоко и всесторонне осмыслить содержание и объем санкций норм права, их сложность, но и более четко представить структуру нормативно предусмотренного принудительного механизма государства. Это поможет осуществить научно обоснованную классификацию принудительных мер с учетом их нормативных основ – санкций норм права, помимо и вне которых правовое принуждение по советскому праву существовать не может.

Включение различного рода принудительных мер в объем санкций, их оценка с этих позиций чрезвычайно важны и для выработки рекомендаций по совершенствованию норм права, их структурных элементов, особенно санкций, которые должны обладать четкостью и определенностью содержания. Это важно и для законодательного закрепления нормативных оснований применения разнообразных принудительных мер по советскому праву. Впрочем, признание либо отрицание того, что так называемые государственно-необходимые, профилактические и предупредительные меры (С. С. Алексеев) включаются или не включаются в объем санкций норм права, нисколько не влияет на факт их существования. Они имеются в правовой системе и регламентируются действующим законодательством. Это такая же правовая реальность, как и иные виды государственного принуждения.

Существуют и широко применяются и различного рода меры процессуального обеспечения, предусматриваемые санкциями правовых процессуальных норм. Их наличие в различных отраслях права убедительно доказано исследованиями многих ученых.

Обобщая выводы многих ученых, можно заключить, что действующей правовой системе свойственны следующие основные виды государственного принуждения: а) меры пресечения (процессуального обеспечения); б) меры превентивные, предупредительные; в) меры правовосстановительные (защиты субъективных прав и обязанностей); г) юридическая ответственность. Это основные виды принуждения, в рамках которых реализуются возможные государственно-правовые способы обеспечения правопорядка: пресечение нарушений, предупреждение (профилактика) правонарушений и иных нежелательных последствий, восстановление нарушенных прав и интересов, наказание правонарушителей. Названные виды государственного принуждения приспособлены к осуществлению государственно-властных способов воздействия на общественные отношения.

В общетеоретической и отраслевой литературе существуют классификации или представления о разновидностях принуждения и по другим основаниям – по субъекту воздействия, которым определяется тот или иной способ принуждения. По этому критерию принуждение подразделяется на физическое и психическое.

З. Ф. Коврига полагает, что принуждение может выражаться в форме и психологического, и физического, и морального воздействия, и справедливо считает, что психологическое принуждение – это всегда нормативная или непосредственная угроза реального применения конкретных мер принудительного воздействия, обращенная к сознанию субъекта. Физическая форма принуждения заключается в реальном применении мер воздействия, в реальном его исполнении силами и средствами государственных органов. Моральное принуждение следует понимать как выражение лицу порицания, не связанного с лишением или ограничением его личной свободы или других благ, кроме потери в общественном мнении его авторитета, дискредитации его имени[32].

[32] См.: *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. С. 22.

Проблема государственного принуждения – актуальная проблема и современной российской юридической науки. За последнее время защищено множество кандидатских диссертаций, особенно по проблемам юридической ответственности, ее месте в системе мер государственного принуждения.

Современные российские авторы в исследованиях, посвященных государственному принуждению, либо не затрагивают проблемы исследования структуры государственного принуждения, либо присоединяются к высказанным ранее мнениям советских ученых. Показательны в этом плане позиции А. И. Каплунова, П. В. Глаголева и др.

«Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые выделяют в качестве самостоятельной правовой формы государственного принуждения процессуальное обеспечение»[33].

По объектам воздействия принуждения (насилия) известны такие его основные виды, как физическое и психологическое (угроза наказания, лишений) принуждение (насилие)[34].

П. В. Глаголев «полагает необходимым классифицировать меры государственного принуждения именно по целевому критерию. Среди них можно выделить четыре разновидности классификационных групп мер государственного принуждения: меры предупреждения, меры пресечения, меры защиты, меры юридической ответственности»[35].

Трудно судить о позиции А. П. Рогова, который называет только основания классификации государственного принуждения: по отраслям права, способу принуждения, реализуемым мерам принуждения, процедуре реализации принудительных мер и др.[36]

Полагаем, что анализ государственного принуждения будет более плодотворным с точки зрения философских категорий содержания и форм его проявления в регулировании охранительной деятельности государства. Исследование государственного принуждения с позиции данных категорий послужит более углубленному познанию этого явления, а также решению спорных проблем его классификации на отдельные структурные подразделения в единой системе правоохранительного механизма Российского государства.

---

[33] *Каплунов А. И*. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 8.

[34] См.: *Овсепян Ж. И*. Юридическая ответственность и государственное принуждение (теоретико-правовое исследование). Ростов н/Д., 2005. С. 187.

[35] *Глаголев П. В.* Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9.

[36] См.: *Рогов А. П.* Особенности государственного принуждения в правовом государстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 18.

Воронежский государственный университет

Серегина В. В., *кандидат юридических наук,*
доцент кафедры теории и истории государства и права

Voronezh State University

Seregina V. V., *Candidate of Legal Sciences,*
Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: sudvl@mail.ru

УДК 343.1

Е. А. Титова

О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

Рассматривается понятие уголовно-процессуальной ответственности адвоката-защитника. Анализируются позитивный и негативный (ретроспективный) аспекты такой ответственности в их взаимосвязи. Исследуется механизм реализации негативной (ретроспективной) уголовно-процессуальной ответственности через дисциплинарную ответственность адвоката.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность, позитивная ответственность, негативная (ретроспективная) ответственность, адвокат-защитник, уголовный процесс, дисциплинарная ответственность.

ON THE RELATION OF CRIMINAL PROCEDURAL AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF THE LAWYER-DEFENDER

Considered the concept of criminal procedure responsibility of the defense lawyer. Analyzes the positive and negative (retrospective) aspects of this responsibility in their relationship. Investigate the mechanism of realization of negative (retrospective) criminal procedure liable to disciplinary action by a lawyer.

Key words: criminal procedure responsibility, positive responsibility, negative (retrospective) responsibility, the defense lawyer, criminal process, disciplinary liability.

Поступила в редакцию 15 марта 2016 г.

Разработка и принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации совпали с изменением социального строя, типов власти и экономических отношений. Преобразования, которые переживала страна с приходом нового тысячелетия, обусловили коренное преобразование правовой реальности, поставив задачу выработать правовую политику государства, основанную на признании естественных прав человека в качестве высшей ценности, осознании гуманистической роли права и всей правовой системы.

Защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение доступа к правосудию – задачи, которые были закреплены в Концепции судебной реформы 1991 г. и которые актуальны и сегодня. Практической реализации данных направлений реформы, продолжающейся четверть века, призвана содействовать адвокатура.

Статус адвоката включает в себя права, обязанности, гарантии и ответственность.

Свобода нравственного выбора адвоката всегда предполагает бремя ответственности, но не может быть ограничена той или иной системой нравственных ценностей, если только соответствующие этические нормы прямо не включены в нормы закона или в правила профессии адвокатов.

Кроме контроля со стороны адвокатуры необходимы внешние, прежде всего нормативные, средства воздействия, способные обеспечить законность правоприменительного процесса.

© Титова Е. Н., 2016

В сфере уголовного судопроизводства могут быть реализованы различные виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная. Вместе с тем в теории уголовного процесса выделяют специфический вид ответственности — процессуальный[1]. Научный интерес к такому вопросу объясняется стремлением к более глубокому пониманию уголовно-процессуального права и практической потребностью в эффективном механизме уголовно-процессуальной деятельности. Проблеме уголовно-процессуальной ответственности посвящен ряд научных работ видных ученых-процессуалистов, таких как З. З. Зинатуллин, З. Ф. Коврига, П. С. Элькинд, О. Я. Мотовиловкер, И. Л. Петрухин, В. М. Корнуков.

Расширение прав адвоката в уголовном процессе с принятием УПК РФ 2001 г. стало реальной гарантией надлежащего обеспечения прав личности. Наряду с правами и обязанностями адвокат-защитник как субъект уголовного судопроизводства несет ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

Уголовно-процессуальную ответственность можно рассматривать в позитивном и негативном (ретроспективном) аспектах.

В содержании позитивной ответственности соединяются объективные требования к деятельности субъекта и субъективно определяемые им формы, принципы и способы такой деятельности[2]. Подобная ответственность существует в сознании субъекта, обладающего свободой воли и реализуется путем осознанного выбора субъектом модели правомерного поведения. Основными критериями ответственности адвоката в позитивном ее понимании являются моральный долг и внутреннее осознание своей профессиональной ответственности.

С позитивной ответственностью тесно связано понятие ответственности негативной, или ретроспективной. Рассматривать ответственность с какой-либо одной стороны представляется неправильным, несмотря на то что некоторые ученые придерживались именно такой точки зрения[3]. Ответственность как правовое явление представляет собой единство двух аспектов — позитивного и негативного (ретроспективного).

Ретроспективная ответственность является материализованным видом ответственности, так как наступает только при совершении деяния, нарушающего правовую норму, и допускает применение соответствующих санкций. Для уяснения смысла негативной ответственности необходимо разграничение ее применения по субъектам, а также выяснение пределов распространения данной ответственности на субъекта в зависимости от его уголовно-процессуального статуса.

К субъектам, к которым возможно применение уголовно-процессуальной ответственности, по смыслу норм УПК РФ относятся участники уголовного судопроизводства, а также лица, присутствующие в зале судебного заседания.

Важным является вопрос о пределах распространения негативной уголовно-процессуальной ответственности на адвоката, выполняющего функцию защиты в уголовном процессе. Такая ответственность реализуется через применение опреде-

---

[1] См., например: *Мотовиловкер Я. О*. Об институте «привлечение к уголовной ответственности» и содержании уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев, 1979. С. 76–77 ; *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, С. 96 ; *Корнуков В. М*. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 10.

[2] См.: *Коврига З. Ф*. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 30.

[3] См., например: *Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43.

ленных мер негативного характера к виновному, в качестве которых согласно ст. 258 УПК РФ можно назвать предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании, денежное взыскание, удаление из зала судебного заседания.

Открытой остается проблема – вправе ли суд наложить денежное взыскание на адвоката за нарушение им порядка в судебном заседании?

Статус адвоката предполагает наличие определенного «процессуального иммунитета». Это регламентировано законодательным закреплением в ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» гарантий независимости адвоката при осуществлении им своей профессиональной деятельности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство прямо не предусматривает возможности применения денежного взыскания к адвокату, выполняющему функцию защитника по уголовному делу.

Так, Верховный Суд РФ в определении по делу адвоката В.[4] внес ясность в понимание такого вопроса. Верховным Судом Республики Мордовия адвокат В. был подвергнут денежному взысканию в виде штрафа. В частной жалобе адвокат просил об отмене указанного определения, ссылаясь на то, что адвокат не входит в число субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 258 УПК РФ, на которых может быть наложено денежное взыскание. Кроме того, как указал адвокат, в протоколе судебного заседания не отражено, в чем конкретно выразились нарушения, за которые он подвергнут денежному взысканию. В соответствии с ч.1 ст. 258 УПК РФ денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании налагается на лицо, присутствующее в зале судебного заседания. Судебная коллегия Верховного Суда РФ разъяснила, что на адвоката-защитника по смыслу ст. 258 УПК РФ не распространяется понятие «лицо, присутствующее в зале судебного заседания». В отношении его ч. 2 ст. 258 УПК РФ предусмотрены иные меры воздействия за неподчинение распоряжениям председательствующего. В такой ситуации слушание уголовного дела может быть отложено по определению или постановлению суда, если заменить данное лицо другим не представляется возможным без ущерба для уголовного дела. При этом адвокат может быть удален из зала судебного заседания, суд сообщает об этом в соответствующую Адвокатскую палату. По данным основаниям определение Верховного Суда Республики Мордовия в отношении адвоката В. о наложении на него денежного взыскания было отменено.

Обращение суда (судьи), рассматривающего дело, защитником по которому выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты, согласно ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, признается допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства в отношении адвоката. Это позволяет говорить ***о механизме реализации ретроспективной уголовно-процессуальной ответственности через ответственность дисциплинарную, применимо к адвокату-защитнику в уголовном процессе.***

В правоприменительной практике нередки случаи нарушения адвокатом порядка в судебном заседании и неподчинении его распоряжениям председательствующего. Такие обстоятельства существенно затрудняют слушание уголовного дела, затягивают срок его рассмотрения, что существенно снижает вероятность вынесения справедливого приговора.

Федеральный судья одного из районных судов г. Москвы 24 июля 2014 г. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением, указав в нем, что адвокат, участвуя в качестве защитника в судебном заседании по уголовному делу, несмотря на вывешенное на двери зала судебного заседания предупреждение о необходимости отключения мобильного телефона при входе в зал, телефон не отключила и «более того… продолжала выступление в прениях под сигнал вызова своего мобильного телефона, а после объявления ей заме-

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2013 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 5.

чания и требования отключить мобильный телефон, адвокат стала громко отвечать по мобильному телефону, проявив явное неуважение к суду».

Квалификационная комиссия заключила, что разговор адвоката по телефону во время судебного заседания и, тем более, неподчинение распоряжению председательствующего о прекращении телефонного разговора являются проявлением неуважения к суду и в данном случае нарушают нормы профессиональной этики, установленные ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы адвокату объявлено замечание за нарушение ею норм ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в проявлении неуважения к суду, а именно в разговоре адвоката по телефону во время судебного заседания и неподчинении распоряжению председательствующего о прекращении телефонного разговора[5].

Уголовно-процессуальная ответственность применяется к участникам уголовного судопроизводства как прямо, так и опосредованно. Каким образом будет реализована такая ответственность в ретроспективном ее понимании зависит от субъекта, который нарушил процессуальную норму. Здесь необходимо выделить общий и специальный субъекты уголовно-процессуальной ответственности.

Общим субъектом уголовно-процессуальной ответственности является лицо, присутствующее в зале судебного заседания. Специальный субъект – обвинитель, защитник.

К общему субъекту ретроспективная ответственность применяется непосредственно в ходе судебного процесса и реализуется через вынесение виновному предупреждения о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании, удаление его из зала судебного заседания либо наложение на него денежного взыскания в порядке, предусмотренном ст. 117 и 118 УПК РФ.

К специальному субъекту данная ответственность применяется через применение к нему мер дисциплинарной ответственности. Непосредственное действие мер уголовно-процессуальной ответственности для таких субъектов невозможно в силу их особого процессуального статуса. При неподчинении обвинителя или защитника распоряжениям председательствующего слушание уголовного дела может быть отложено по определению или постановлению суда, если не представляется возможным без ущерба для уголовного дела заменить данное лицо другим. Одновременно суд сообщает об этом соответственно вышестоящему прокурору или в Адвокатскую палату.

Возможность непосредственного применения судом мер ретроспективной уголовно-процессуальной ответственности к стороне обвинения или защиты нарушила бы один из основных принципов уголовного процесса – принцип состязательности сторон. Для успешного осуществления задач уголовного судопроизводства целесообразно дальнейшее совершенствование правовых норм в рамках дисциплинарного метода правового регулирования с учетом особенностей, обусловленных назначением уголовного процесса.

---

[5] Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы: [сб.] / [сост. и отв. ред. Н. М. Кипнис]. М., 2014.

Воронежский государственный университет
Титова Е. А., *студентка*

Voronezh State University
Titova E. A., *Student*
E-mail: tea993@yandex.ru

УДК 343

З. В. Макарова

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ПРОФЕССИИ ЮРИСТА

Обосновывается положение о том, что нравственно-психологические качества юриста являются его профессиональными качествами, поэтому необходимо постоянное нравственное воспитание и самовоспитание юриста. Раскрывается содержание нравственного идеала юриста, его структура, предлагаются конкретные меры по нравственному воспитанию будущих юристов в вузе.

Ключевые слова: нравственное воспитание и самовоспитание, нравственные психологические качества, судья, прокурор, адвокат, следователь, нравственный идеал, применение законов, ведущие нравственные качества судьи, прокурора, адвоката, следователя.

THE MORAL IDEAL OF THE LEGAL PROFESSION

The article substantiates the position that moral psychological qualities of a lawyer are his professional qualities. Therefore it requires a lawyer's constant ethical education and self-education where the moral ideal of the legal profession plays an important role. The article reveals the content of the moral ideal of a lawyer, its structure and proposes specific measures for the ethical education of future lawyers in high school.

Key words: ethical education and self-education, moral psychological qualities, judge, prosecutor, lawyer, investigator, moral ideal, application of laws, leading moral qualities of a judge, prosecutor, lawyer, investigator.

Поступила в редакцию 21 марта 2016 г.

В настоящее время проблема нравственного воспитания выходит на передний план. При всей важности политики и права следует отметить, что они играют положительную роль в жизни общества только тогда, когда выражают и защищают нравственные представления и требования данного общества.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Означает ли это, что частные интересы стали выше общественных? Конечно, нет. Частные и общественные интересы должны находиться в гармонии, должны быть сбалансированными. Человек живет в определенном обществе, поэтому обязан считаться с правилами, нормами, установленными в данном обществе. Баланс частных и общественных интересов выражается в нравственном поведении, нравственных качествах человека. Чтобы это имело место, требуется нравственное воспитание членов общества. Назначение нравственного воспитания заключается в том, чтобы добиться заинтересованности каждого в общественном благе, чтобы нравственная сущность человека полностью проявила себя, чтобы личность стала общественным существом, несущим высокое сознание ответственности не только за свои поступки и действия, но и за всё то, что происходит вокруг нее[1]. Именно так должен быть нравственно воспитан юрист, к которому общество предъявляет высокие нравственные требования, ибо объ-

[1] См.: *Сафаров Н. С.* Проблема моральной ответственности. Баку, 1984. С. 43–44.

© Макарова З. В., 2016

ектом его деятельности является человек, его поступки. Важно не только иметь хорошие законы, но и применять их должны компетентные и честные люди. «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»[2]. Следовательно, чтобы правильно применять законы, необходимо иметь не только профессиональные знания и умения, но и обладать определенными нравственными качествами. Нравственные качества юриста образуют фундамент его нравственной культуры, а также его способность и готовность к профессиональной работе. Вот почему нравственным качествам юриста следует уделять особое внимание. В федеральных законах «О статусе судей в Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «О следственном комитете Российской Федерации», Кодексе чести судьи в Российской Федерации, Кодексе профессиональной этики адвоката установлены нравственные требования к судье, прокурору, адвокату, следователю.

Нравственно-психологические качества юриста – профессиональная основа его деловых качеств. Безнравственный юрист – не юрист. Судье, прокурору, адвокату, следователю необходимо обладать многими нравственными качествами, среди которых имеются также главные, ведущие, обязательные для выполнения конкретной профессиональной деятельности; без таких качеств немыслимо осуществлять определенную работу. Так, для судьи и следователя, по нашему мнению, ведущим нравственно-психологическим качеством является самостоятельность, которая находит свое правовое выражение: для судьи – в конституционном принципе независимости судей и подчинении их только Конституции РФ и федеральному закону; для следователя – в процессуальной самостоятельности при расследовании (п. 3 ч. 2 ст. 34 УПК РФ). Для прокурора ведущим нравственным качеством, полагаем, является обостренное чувство нетерпимости к злу, всякого рода нарушениям закона, правопорядка, от кого бы они ни исходили. Данное нравственное качество лежит в основе функции прокурора – осуществлении надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнении законов, действующих на территории Российской Федерации.

Для адвоката ведущими нравственными качествами являются гуманность, благожелательность. Адвокат призван защищать права, свободы и законные интересы граждан, которые обратились к нему за юридической помощью. Недаром слово «адвокат» произошло от латинского «aduocare» – призывать на помощь. Главная заповедь адвоката – «не навреди», для чего требуется хорошо понимать людей, видеть их внутренний мир, уметь проникнуться их чувствами, настроениями.

В воспитании и самовоспитании нравственных качеств, необходимых для успешного осуществления профессиональных обязанностей, важное значение имеет нравственный идеал профессии. Нравственный идеал профессии юриста – это совокупность воззрений, складывающихся из представлений о нравственных качествах, которые, развиваясь и совершенствуясь, требуют нравственного воспитания и самовоспитания в целях лучшего исполнения своих профессиональных обязанностей. Структура нравственного идеала юриста состоит из двух групп нравственных качеств.

I. Нравственные качества, определяющие нравственный облик судьи, прокурора, адвоката, следователя, дающие общее направление развития личности при

[2] *Кони А. Ф.* Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 34.

осуществлении профессиональной деятельности: справедливость, гуманность, честность, смелость, долг, совесть, ответственность, принципиальность, самостоятельность, объективность, выдержка. В этой группе нравственных качеств юриста главными являются справедливость, гуманность, смелость. Справедливый – действующий по правде, совести, беспристрастно, соответственно истине. Гуманность воспитывает неравнодушие к людям, порождает желание разобраться в них, их поступках, условиях, способствовавших совершению преступления, отреагировать на них в соответствии с законом и тем самым выполнить не только профессиональный, но и гражданский долг.

Судье и следователю смелость требуется для того, чтобы вопреки всем «авторитетам» и «давлениям» быть подлинно независимыми, самостоятельными и поступать только так, как того требует закон, их внутреннее убеждение, совесть. Прокурору смелость необходима, чтобы противостоять местным влияниям и добиваться торжества законности и справедливости; адвокату – чтобы отстаивать свою позицию, опровергать официальную версию совершения преступления, если она незаконна и бездоказательна.

II. Нравственные качества, необходимые судье, следователю, прокурору, адвокату в отношениях друг с другом и иными участниками уголовного процесса: чуткость, достоинство, уважение, вежливость. В открытом судебном разбирательстве, особенно в суде присяжных, в условиях широкой гласности, возрастает роль данных качеств: свое представление о юристах присутствующие в зале судебного заседания или следящие за судебным процессом в режиме онлайн начинают составлять именно по вышеуказанным нравственным качествам. С этого начинается и их знакомство с правосудием, от которого они ожидают справедливости. Очень важно не обмануть этих ожиданий с первых же минут знакомства. Судья, прокурор, адвокат не должны привыкать к душевным страданиям людей, их волнению в зале судебного заседания. Каждое дело для непрофессиональных участников процесса – это чаще всего единственное дело в их жизни. Профессиональная деформация юриста начинается с утраты или притупления таких нравственно-психологических качеств, как гуманность и чуткость. Для судьи и прокурора это приводит к тому, что они все более и более склоняются к обвинительному уклону, не желая видеть факты, которые опровергают обвинение или вызывают сомнение в них. Адвокаты, утратив гуманность и чуткость, не замечают, что они причиняют обвиняемому, потерпевшему или иному участнику процесса ничем не оправданные нравственные страдания, унижают их, не стараются вникнуть в их мысли, чувства, поступки. Таким образом, утрата профессионально необходимых нравственных качеств приводит к нарушениям закона, неустановлению истины, невыполнению профессиональных обязанностей, принятию незаконных, необоснованных и несправедливых решений.

Формирование нравственных качеств начинается с детства, в семье. Воспитанием занимаются (должны заниматься) все учебные заведения, в том числе высшие. Юридические вузы обязаны не только давать знания, но и целенаправленно развивать нравственные качества, необходимые для будущей работы. Нравственное воспитание студентов осуществляется, прежде всего и главным образом, поведением преподавателей, их оценками тех или иных явлений, событий и т.п. Важно не только давать хорошие знания, но и следует воспитывать в студентах определенные нравственные качества. Недостаточные знания, опыт можно пополнить. Недостаточные нравственные чувства, нравственную ответственность перед людьми и обществом пополнить вряд ли возможно.

Представляется, что необходимо ввести обязательное тестирование для всех лиц, желающих учиться на юриста. Нравственно-психологическая характеристика юриста разработана. Дело за психологами и теми, кто принимает решения. Тестирование следует также проводить перед зачислением на специализацию, если она имеет место, и перед окончанием вуза. Такое тестирование дает возможность установить, приобрел ли что в нравственном отношении студент за годы обучения или потерял.

В настоящее время значительно упал уровень высшего юридического образования. Полагаем, что причинами тому стали: 1) двухуровневое юридическое образование – бакалавриат и магистратура; 2) в программу обучения включены дисциплины, которые не формируют будущего профессионала-юриста. Зачем нужна юристу теология? Если человека интересует религиозная культура, он может посещать воскресную школу и даже поступить в духовную семинарию. Вместо риторики следует ввести курс «Ораторское искусство в суде», в который входят общие положения риторики. Дисциплины, связанные с бизнесом, экономикой, должны иметь юридическую направленность.

Думается, что надо вернуться к подготовке юристов по специалитету (5 лет) с введением специализации на 3-м курсе. Программа обучения, конкретные спецкурсы обязательно должны быть обсуждены с практическими работниками.

Юрист должен быть образованным, культурным человеком, постоянно совершенствоваться как в знаниях, умении, так и в нравственном отношении, стремясь к нравственному идеалу юриста. Нравственный идеал дает возможность заниматься постоянным самовоспитанием. Совершенствование самого себя делает юриста лучше и как человека, и как профессионала, соответственно работа судьи, прокурора, адвоката, следователя будет более эффективной, а принимаемые ими решения – справедливыми и гуманными, что повысит авторитет правосудия, профессии юриста, а также доверие и уважение ко всей правоохранительной системе.

Южно-Уральский государственный университет

Макарова З. В., *доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, ведущий эксперт*

South Ural State University

Makarova Z. V., *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Leading Expert*
E-mail: Lia 5565.72 @ mail.ru
Tel.: 8-919-308-59-14

УДК 343.1

Н. К. Панько

СОВЕСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Статья посвящена вопросу совести как необходимого условия для оценки доказательств судьями, присяжными заседателями, прокурорами, следователями и дознавателями при производстве по уголовному делу. Проанализировано этимологическое значение совести, раскрыто ее содержание с религиозной, социологической, психоаналитической точек зрения. Произведен поиск понятия «совесть» в юриспруденции с последующим выводом о возможности руководства совестью в рамках уголовного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, совесть, правосознание.

CONSCIENCE AS A NECESSARY CONDITION FOR THE ASSESSMENT OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

The article is dedicated to conscience as the necessary condition for the evaluation of evidence conducted by judges, jurors, procurators, investigators and questmen. The ethymology of the word «conscience» is being analysed. There have been made attempts to reveal its meaning from the religious, sociological, psychoanalytical point of view. There has been conducted a research upon the word meaning in the context of jurisprudence followed by the conclusion about the possibility or impossibility of the usage of the «conscience» concept within the criminal proceedings.

K e y w o r d s: criminal proceedings, conscience, admissibility of legislative definition of the «conscience» concept.

Поступила в редакцию 12 мая 2016 г.

> Наша совесть – судья непогрешимый, пока мы не убили ее.
>
> *Оноре де Бальзак (1799–1850)*

> Совесть в отличие от законов бесправна в государстве, ведь если человек взывает к своей совести, то у одного может быть одна совесть, а у другого – другая.
>
> *Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831)*

В ч. 1 ст. 17 УПК РФ закреплено, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

С точки зрения законодателя, должностные лица, ведущие уголовный процесс, имеют в своем распоряжении следующие инструменты для принятия законных, обоснованных и справедливых решений по делу: 1) внутреннее убеждение; 2) основа убеждения – совокупность собранных по делу доказательств; 3) закон; 4) совесть. Попробуем дать анализ каждой из составляющих частей.

Убеждение, согласно толковому словарю русского языка, это прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-нибудь, точка зрения[1]. Лица, оце-

[1] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 821.

© Панько Н. К., 2016

нивающие доказательства по уголовному делу, должны быть твердо уверены в том, что то или иное действие или то или иное решение – правильно, т.е. верно, соответствует действительности. Но отсутствие законодательной официальной трактовки внутреннего убеждения, механизмов его образования дают пищу для размышления каждому, кто сталкивается с уголовным процессом на практике и при изучении теоретических вопросов. Правоприменители обязаны считаться со всеми лицами, попавшими в сферу уголовного судопроизводства. Вместе с тем должностные лица, ведущие уголовный процесс, выполняют разные процессуальные функции, перед ними законодатель ставит неодинаковые задачи. В разделе 2 УПК РФ произведена классификация участников уголовного судопроизводства в зависимости от выполняемых ими процессуальных функций. Разделение форм участия в зависимости от основных направлений деятельности обусловлено положениями принципа состязательности сторон, в соответствии с которым функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). У должностных лиц, производящих расследование по делу и поддерживающих обвинение в суде, есть прямое назначение – привлечь виновное в совершении преступления лицо к уголовной ответственности. У суда же совершенно иная задача – внимательно взвесить все представленные доказательства и вынести юридически грамотное итоговое решение по делу. В соответствии с вышесказанным представляется очевидным тезис о разнообразии внутренних убеждений в рамках уголовного судопроизводства.

Положение законодателя о руководстве законом при оценке доказательств по уголовному делу не вызывает никаких сомнений и является бесспорным как с точки зрения законодательной регламентации (ст. 7 УПК РФ), так и с позиций практической деятельности. Ясность в этом вопросе абсолютно не исключает споров между сторонами уголовного судопроизводства по толкованию и применению норм материального и процессуального права. Более того, разница в правовой оценке конкретной жизненной ситуации (обстоятельств и процессуального оформления совершенного преступления) сторон защиты и обвинения и обеспечивает реализацию важнейшего принципа уголовного процесса РФ – состязательности, при осуществлении которой доброкачественные доказательства остаются в уголовном деле, а недоброкачественные исключаются.

Положение законодателя о руководстве должностными лицами, ведущими уголовный процесс совестью, не является таким же ясным и понятным. Законодатель дал определение таким понятиям, которыми мы оперируем в рамках уголовного судопроизводства, как «алиби», «близкие родственники, родственники и близкие лица», «ночное время» и другие, но не определил что такое совесть, на которую *обязаны* опираться должностные лица, оценивающие доказательства и принимающие решения по уголовному делу.

В ст. 28 Конституции РФ закреплено: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»[2]. Упоминание совести встречается в Законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) «О свободе совести и о религиоз-

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. 1993. 25 дек.

ных объединениях», в котором также отсутствует ее законодательное определение. Нельзя не отметить, что совесть, точнее скудное упоминание о ней в законах, идет в тесном религиозном сопровождении. Законодатель рассматривает свободу совести только в качестве права исповедовать любую религию или быть атеистом. Это не проясняет весьма запутанной ситуации с совестью, так как: 1) Российская Федерация является светским государством; 2) исходя из анализа законодательно закрепленных правомочий и требований профессионального поведения должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, они не должны демонстрировать свою религиозную принадлежность (например, ч. 5 ст. 10 Кодекса судейской этики от 19 декабря 2012 г.). Хотя принадлежность лица к определенной конфессии, исповедание избранного религиозного учения уже несет в себе мощную нравственную смысловую нагрузку. Во всех мировых религиях, несмотря на различия, выявляются общие постулаты, такие как удерживаться от зла, не приносить вреда, жить праведной жизнью, относиться к другому человеку как к себе; присутствует понимание того, что исходящее от человека зло и нечестность рано или поздно к нему вернутся. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в обращении к жителям Архангельска от 23 августа 2009 г. сказал: «Богу было угодно так создать человека, что человек может развиваться как личность, и общество может совершенствоваться только в том случае, если законы общества и законы личной жизни человека соответствуют закону нравственности. Человек может не знать Библии, не прочитать ни одной священной книги, но жить по общему нравственному закону, потому что этот закон заявляет о себе голосом нашей совести. Совесть – это удивительное состояние. Ни одна философская концепция не может внятно объяснить происхождение совести. Все материалистические объяснения совести – абсолютно неудовлетворительны. Потому что совесть – это голос Бога. И совесть – есть показатель того, живет по нравственному, Божьему закону или он по нему не живет»[3]. Тем не менее утверждение о том, что все религиозные люди – порядочные, нравственные и совестливые не выдерживает никакой критики. Есть много атеистов и агностиков, которые живут нравственно и в личном плане, и в профессиональной деятельности. Следовательно, опираться на религию в контексте определения понятия совести в сфере уголовного судопроизводства не представляется возможным.

В процессе поиска определения совести в арсенале остаются философские, психологические и социальные учения. Но для юриспруденции эта ситуация является патовой, тупиковой: для того чтобы принять решение по уголовному делу, должностное лицо обязано оценить доказательства с точки зрения совести, но определить, что такое совесть, законодатель не счел нужным или не смог.

Итак, что же такое совесть? Согласно толковому словарю русского языка, это чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом[4]. А что такое нравственность?

Согласно указанному словарю, это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Совесть – это, прежде всего, труд как в глобальном смысле, так и с точки зрения пошаговой инструкции для жизни.

---

[3] Выступление Патриарха Московского и Всея Руси в Архангельске: URL: http://www.regnum.ru/news/1199055.html

[4] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 741.

Существует общее этическое правило, так называемое «Золотое правило нравственности», которое сформулировано: «относись к людям так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «не делайте другим того, чего не хотите себе». Но то, что в каждом конкретном человеке должно контролировать выполнение этого правила, должно ставиться перед совестью. Следовательно, совесть – внутренняя ответственность, контролер мыслей, чувств и действий. Нельзя отрицать того, что в практике принятия решений в рамках уголовного судопроизводства любая декларативность, не подтвержденная четкими, ясными определениями законодателя, открывает доступ к вольному и индивидуальному толкованию, а это, в свою очередь, может являться гарантией фатального развития событий. Возникает ряд «бытовых» вопросов, связанных с понятием совести и ее использованием в уголовном процессе. Допустимо ли указывать в жалобах на промежуточные и итоговые решения должностных лиц на их «бессовестное» поведение или на принятие ими «бессовестных» постановлений, определений и приговоров? Конечно, для среднестатистического жителя Российской Федерации эта формулировка «имеет привкус» средней школы. Другая проблема – наличие совести и желание, а то и возможность действовать в соответствии с ней – это не идентичные понятия, одно автоматически не вытекает из другого. Можем предположить, что совесть является способностью субъекта к нравственному самоконтролю и моральной саморегуляции в соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства и нормами профессиональной этики (судебной, прокурорской и др.). Если рассматривать совесть в действии, в динамике (это представляется более актуальным по сравнению со статическим понятием), то ее наличие выражается в стабильном, неизменном и нравственном стремлении человека соответствовать моральным нормам поведения, которые сформировались в обществе и приобрели вес «аксиомы».

Одной из фундаментальных работ, посвященных совести и ее видам, является работа немецкого социолога, психоаналитика Э. Фромма «Человек для себя. Исследование психологических проблем этики». Он разграничил совесть на «авторитарную» и «гуманистическую»[5]. Согласно этому разделению, авторитарная совесть – голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Интериоризация (от фр. interiorisation – переход извне внутрь, от лат. interior – внутренний) – формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности. Для психоаналитиков – интериоризация – это психический процесс или ряд процессов, посредством которых взаимоотношения с реальными или воображаемыми объектами преобразуются во внутренние представления и структуры[6]. Если отношения людей к авторитетам остаются внешними, не имеющими этической санкции, едва ли можно говорить о совести; такое поведение просто сообразуется с требованием момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение.

Гуманистическая совесть – это не интериоризованный голос авторитета, это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений. Какова природа этого голоса? Почему мы слышим его и почему можем стать глухими к нему? Ответ дает сама природа со-

[5] См.: *Фромм Э.* Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / пер. Л. А. Чернышовой. URL: http://golubinski.ru/socrates/fromm/fromm4/txt09.htm

[6] См.: Популярная психологическая энциклопедия. М., 2005. С. 282.

вести: поскольку ее назначение в том, чтобы быть стражем подлинного личного интереса человека, она действенна в той мере, в какой человек не утратил себя полностью и не стал жертвой своего безразличия и деструктивности по отношению к себе. Совесть, по мнению Э. Фромма, находится во взаимодействии с плодотворностью человека. Чем плодотворнее он живет, тем сильнее его совесть, и тем больше она, в свою очередь, содействует плодотворности. Чем менее плодотворно живет человек, тем слабее его совесть; парадоксальность и трагизм ситуации человека в том, что его совесть слабее всего тогда, когда он более всего в ней нуждается.

Другим ответом на вопрос об относительной неэффективности совести является наше нежелание ее слушать и – что еще важнее – наше незнание *как* слушать. Людьми часто владеет иллюзия, что их совесть будет говорить громким голосом и ее откровение будет ясным и отчетливым; ожидая такого голоса, они не слышат ничего. Но когда голос совести тих, он трудно различим; нужно научиться слушать и понимать то, что он говорит, чтобы действовать в согласии с ним. Гуманистическая совесть – это выражение личного интереса и целостности человека, тогда как авторитарная совесть имеет дело с человеческим послушанием, долгом или «социальной приспособленностью» человека. Гуманистическая совесть – это реакция всей нашей личности на ее правильное функционирование или на нарушение такового. Совесть оценивает исполнение нами человеческого назначения, оценивает качество нашей жизни. Хотя совесть и является знанием, она нечто большее, чем знание в сфере абстрактного мышления. Она обладает эмоциональной силой, поскольку является реакцией всей нашей личности в целом, а не реакцией одного лишь ума. Поступки, мысли, чувства, способствующие надлежащему функционированию и раскрытию всей нашей личности, рождают чувство внутреннего одобрения, подлинности, свойственное «чистой совести». Поступки, мысли и чувства, губительные для нашей личности, вызывают чувство беспокойства, тревоги, дискомфорта, свойственное «виноватой совести». Следовательно, *совесть – это наша реакция на самих себя.*

По мнению Э. Фромма, каждый человек обладает обеими «совестями»; они не разделимы и не взаимоисключаемы. Проблема в том, чтобы распознать силу каждой из них и их взаимоотношение. В качестве примера форм отношений между авторитарной и гуманистической совестью автор приводит исполнение заповедей: не убивать, не ненавидеть, не завидовать, любить ближнего – это нормы как авторитарной, так и гуманистической совести. Их нормы идентичны, но мотивация исполнения – различна. На начальной стадии эволюции совести авторитет предъявляет требования, которые позднее исполняются не из-за покорности авторитету, а из-за ответственности человека перед самим собой.

Возникает вопрос: имеет ли право законодатель в качестве орудия для оценки доказательств по уголовному делу предлагать в императивной форме правоприменителю понятие, суть которого не раскрывает; понятия, определением которого занимаются многие общественные науки, но среди них нет юриспруденции? На наш взгляд, разумнее вернуться к определению *правосознание*, которое было закреплено в ст. 71 УПК РСФСР. Это понятие традиционно раскрывается юридической наукой: определены виды, структура и функции.

Правосознание – сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок

и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях. Определение дано Г. Х. Ефремовой и А. Р. Ратиновым[7].

Обратим внимание на то, что правосознание – это не только индивидуальная сфера сознания, но и групповая и общественная. Следовательно, предполагает в своем внутреннем и внешнем содержании – контроль со стороны общества. Здесь уместно указать роль юридической ответственности: негативной и позитивной, учитывая, что позитивная ответственность возникает у субъекта права уже тогда, когда он приступает к выполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или действует вопреки. Совесть – скорее категория скрытая, являющаяся внутренним регулятором поведения человека. В таких императивных общественных отношениях, как уголовный процесс, совершенно невозможно и опасно отдавать решение вопроса на «растерзание» внутреннего регулятора конкретного должностного лица. В противном случае не будет никаких видимых ориентиров и границ в действиях (бездействиях) должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Без всякого сомнения, в обозримом будущем не перестанет быть актуальной пословица «закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло». Но как общество разумных людей мы обязаны этому горькому и непотребному явлению сопротивляться и противостоять всеми не запрещенными законом средствами и способами.

---

[7] См.: Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 761.

Воронежский государственный университет

Панько Н. К., *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса*

Voronezh State University

Panko N. K., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department*
E-mail: nkpanko@mail.ru

УДК 343.1

Ф. Ф. Зарипов, З. З. Зинатуллин

ДУМЫ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Анализируются существующие трактовки уголовно-процессуальной политики; раскрываются факторы, негативно влияющие на современное ее состояние; выделяются и обеспечиваются основные черты и тенденции развития уголовно-процессуальной политики России сегодняшнего дня; формулируется наиболее полная, насыщенная дефиниция российской уголовно-процессуальной политики.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная политика, состояние, проблемные вопросы.

THOUGHTS ON THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL POLITICS

Analysed existent interpretations of the criminal procedural politics; factors negatively influencing on her modern state open up; basic lines and progress of criminal procedural politics of Russia of today trends are distinguished and provided; the most complete is formulated, saturated definition of the Russian criminal procedural politics.
K e y w o r d s: criminal procedural politics, state, problem questions.

Поступила в редакцию 21 февраля 2016 г.

Одной из «запретных тем» в уголовно-процессуальной науке является та, которая именуется уголовно-процессуальной политикой. При поверхностном взгляде наличия «табу» на ее разработку вроде и не видно, однако исследования в сфере уголовно-процессуальной политики единичны, среди которых следует назвать фундаментальный труд профессора А. И. Александрова «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы», отнесенный академиком РАН В. Н. Кудрявцевым к числу «лучших научно-исследовательских и общественно-публицистических произведений последнего времени»[1]. Спектр исследования, охваченный А. И. Александровым, очень широкий с позиции охвата такого социального явления, как преступность, а также мер противодействия и борьбы с ней, должен был стать благотворной нивой для дальнейшего, насыщенного эмпирическим материалом аксиологического анализа как уголовно-правовой политики в целом, так и отдельных системообразующих его частей, включая и уголовно-процессуальную политику. К сожалению, именно этого мы и не наблюдаем. В изданной через шесть лет работе О. З. Челохсаева[2], содержание уголовно-процессуальной политики государства связывается, по сути, только с уголовно-процессуальными принци-

[1] *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2003. С. 4.

[2] См.: *Челохсаев О. З.* Современная уголовно-процессуальная политика государства. Владикавказ, 2009. С. 4–10.

© Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З., 2016

пами. Дефиниция уголовно-процессуальной политики определяется автором как система «законодательно сформулированных основных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике»[3]. При такой трактовке уголовно-процессуальной политики ее содержание, сущность, социально-ценностная характеристика ставятся в полную зависимость от уголовно-процессуальных принципов, по сути, сводятся к последним, практически отождествляясь, сливаясь с ними. Однако при всей значимости уголовно-процессуальных принципов[4], без которых немыслим уголовный процесс как государственно-правовой инструмент, нацеленный не просто на борьбу с преступностью, а прежде всего на охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, потерпевших от преступлений физических и юридических лиц (ст. 2 Конституции РФ; ст. 6 УПК РФ), сводить только к ним все содержание уголовно-процессуальной политики государства нельзя. Это будет умалять весь спектр других весьма значимых, пусть даже опирающихся на уголовно-процессуальные принципы, находящиеся в тесной связи и даже зависимости от них, уголовно-процессуальных институтов. Конечно же, содержание уголовно-процессуальной политики значительно шире, а следовательно, и более богаче.

До настоящего времени новых глубинных исследований на уровне диссертаций не появилось. В юридической печати встречаются лишь единичные статьи, в которых поднимаются отдельные аспекты уголовно-процессуальной политики или носят просто постановочный характер[5].

Со времени принятия действующих УК РФ и УПК РФ прошло соответственно 20 и 15 лет. Практически непрерывно происходящие в российском социуме политические и социально-экономические процессы вызвали необходимость внесения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство многочисленных изменений и дополнений, которые не могли не повлиять на современное состояние российской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики как подсистем единой уголовной политики государства. При дальнейшем рассмотрении выдвигаемых в статье вопросов мы будем исходить из того, что «процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»[6].

В рамках одной статьи невозможен анализ всех корректировок, внесенных в УК РФ и УПК РФ. Однако обратим внимание на корректировки, оказывающее весьма значимое влияние на состояние современной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики. Применительно к области уголовно-правовой политики имеет место как значительное сокращение числа деяний, отнесенных в соответствии с УК РФ 1996 г. к категории преступлений (декриминализация спекуляции, занятия запрещенным промыслом, обман потребителя и т.д.), и гуманизация уголовного наказания и условий его отбывания вплоть до отмены запрета на возможность применения условно-досрочного освобождения к отдельным категориям лиц, совершившим даже особо тяжкие преступления (особое внимание здесь уделяется предпринимателям), так и введение в УК РФ с учетом усиления угрозы терроризма, распространившимся насилием над личностью, появлением

[3] Там же. С. 48.

[4] См.: *Добровольская Т. Н*. Принципы уголовного судопроизводства. М., 1971. С. 5 ; *Якимович Ю. К*. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 94.

[5] См.: *Малышева О. А.* О некоторых концептуальных положениях современной уголовно-процессуальной политики (досудебное производство) // Рос. следователь. 2008. № 6.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 158.

ранее неизвестных, чуждых человеческой цивилизации составов преступлений, таких как похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда (ст. 125; 127.1; 127.2 и др.), значительное увеличение мер уголовного наказания за изнасилование несовершеннолетних и малолетних, а также за преступления коррупционной направленности, особенно в случаях, когда последние совершаются должностными лицами государства.

Вызывает также тревогу и стремление на законодательном уровне перевода ряда преступлений небольшой тяжести в категорию административных правонарушений. Возможная от этого польза в экономическом отношении вряд ли окажется совместимой с тем вредом, который может претерпевать человек от совершенного в отношении его преступления.

Весьма значительные корректировки, внесенные в УПК РФ, уже сегодня сделали его во многом отличающимся от того, что подписывался Президентом России В.В. Путиным 18 декабря 2001 года. Даже несмотря на очень осторожное отношение к системе уголовно-процессуальных принципов законодатель вынужден был закрепить в УПК РФ принцип, получивший наименование «разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ), согласовав тем самым российскую уголовно-процессуальную политику с закрепленным в ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правом каждого лица, подвергнутого аресту или задержанию, «на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», тем самым усилив гарантии каждого на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ), сделав еще более реальным доступ к правосудию. Последнее должно осуществляться в условиях полной независимости судей, подчиняющихся только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 8.1 УПК РФ). К числу других значимых изменений российской уголовно-процессуальной политики следует отнести увеличение числа дел частнопубличного обвинения, возбуждение уголовных дел по которым возможно «не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя» в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности либо если указанные в ч. 3 ст. 20 УПК РФ преступления «совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или экономической деятельности» и вопросов привлечения к уголовному преследованию только по заявлению коммерческой организации (ст. 23 УПК РФ), а также расширения сферы прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и полного возмещения причиненного в результате совершения преступления в сфере экономической деятельности ущерба бюджетной системе Российской Федерации (ст. 28.1 УПК РФ).

Содержание и характер российской уголовно-процессуальной политики подверглись существенным изменениям в связи с расширением сферы дифференциации уголовно-процессуальных производств, особенно в сторону их упрощения. Речь идет, прежде всего, об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ).

Мы не ставим перед собой задачу анализа оснований применения таких производств и процессуального порядка производства по ним. К тому же оба порядка производств подвергнуты обстоятельному исследованию (особенно первый из

них)[7]. Отметим лишь, что, по официальным данным, применение первого порядка, регламентированного ст. 314–317 УПК РФ, в целом по России достигло уровня почти 70 % рассмотренных судами по первой инстанции уголовных дел, причем тенденция на количественное увеличение их не прекращается. Названные институты в литературе подвергнуты серьезной критике, связанной с некоторым несовершенством правового регулирования, а также ущемлением при их применении процессуальных прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых[8].

Основной недостаток в этих производствах заключается в полном игнорировании незыблемых устоев осуществления правосудия; прежде всего того, что в соответствии с принципом законности любые судебные решения «должны быть законными, обоснованными и мотивированными» (ч. 4 ст. 7 УПК РФ); постановляемый судом приговор (оба вида названных производств предполагают постановление по уголовным делам приговоров. – *авт.*) «должен быть законным, обоснованным и справедливым» (ч. 1 ст. 297 УПК РФ). Слово «обосновать» означает не что иное, как «подкрепить доказательствами»[9]. Любые сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах уголовного дела (ст. 73 УПК РФ) только тогда могут выступать в качестве доказательств, если в процессе их оценки будет установлено, что они относятся к обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела, отвечают требованию допустимости с позиции их получения в установленном законом порядке и из перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ источников и достоверности (являются реально существующими). Установление соответствия сведений об обстоятельствах уголовного дела предъявляемым к доказательствам требованиям возможно лишь в условиях и результате их исследования в проводимом в процессе судебного разбирательства судебном следствии (глава 37 УПК РФ), которое согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ по упрощенным производствам и не проводится. Приговор постановляется практически на одном лишь признании обвиняемого (подсудимого) себя виновным в инкриминируемом преступлении, что противоречит закрепленному в ч. 2 ст. 77 УПК РФ положению о том, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств», а также не согласуется с закрепленной в ч. 2 ст. 17 УПК РФ доминантной установкой о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». Невольно возникает вопрос, не возрождает ли законодатель установку рупора сталинских репрессий в лице прокурора СССР А. Я. Вышинского, утверждавшего в своей работе «Теория доказательств в советском праве» 1950 г. то, что «признание обвиняемым своей вины по делам о контрреволюционных преступных и преступных сообществах является решающим доказательством», дающим установку на отсутствие необходимости поиска по таким делам каких бы то ни было других доказательств.

Необходимо отметить, что статистика об особом порядке принятия судебного решения в соответствии с главами 40 и 40.1 УПК РФ не приводит данных о фактах постановления ошибочных обвинительных приговоров. А ведь даже единичные

---

[7] См.: *Дьяконова В. В*. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве РФ : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005 ; *Пиюк А. В.* Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса в России. Томск, 2011.

[8] См.: *Петрухин И. Л*. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 2. М., 2005. С. 104 ; *Кудрявцев В. Н*. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 91.

[9] *Ожегов С. И*. Словарь русского языка. М., 1978. С. 395.

случаи их постановления не только негативно отражаются на судьбах осужденных, но и наносят непоправимый вред правосудию как государственно-социальному явлению.

Между тем наш законодатель продолжает «творить чудеса».

Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. УПК РФ был дополнен главой 32.1, посвященной правовому регулированию дознания в сокращенной форме (ст. 226.1–226.9 УПК РФ).

Указанная форма дознания практически сразу же после ее введения в УПК РФ была подвергнута резкой критике, в частности профессорами М.О. Баевым и О. Я. Баевым, указавшими что «содержание введенной названным законом главы 32.1 неопровержимо свидетельствует о ликвидации при осуществлении предусмотренного ею дознания в сокращенной форме практически всех принципов уголовного судопроизводства как такового и доказывания по уголовному делу»[10].

Проведенный авторами глубокий анализ основных положений главы 32.1 УПК РФ не позволяет нам усомниться в какой-либо части с приведенным выше утверждением. Добавим только, что правовое регулирование и традиционной формы расследование уголовных дел в форме дознания страдает серьезными недостатками, особенно в плане ущемления права обвиняемого на защиту. Непонятно, что побудило законодателя к введению дознания в сокращенной форме. Полагаем, что причины лежат в основе возможного перевода ряда преступлений небольшой тяжести в категорию административных правонарушений и подготовке материалов о таких правонарушениях к их судебному рассмотрению фактически в протокольной форме их подготовки (от чего почти 20 лет уходили, к этому и возвращаемся).

По действующему УПК РФ много и других нареканий, существенно подрывающих российскую уголовно-процессуальную политику. Для поднятия ее на более качественный уровень настоятельно необходима разработка и принятие нового уголовно-процессуального законодательства, в максимальной степени согласуемого со складывающимися в современном мире и сегодняшней России реалиями.

Несмотря на вносимые нами в этом направлении предложения[11], позволим в данной статье дополнить их либо некоторые из них скорректировать определенным образом. Прежде всего, в УПК РФ надлежит сформулировать отдельную статью, посвященную тем задачам, которые необходимо решать нашему государству посредством уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим не видим серьезных препятствий для использования оправдавших себя положений ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.

В числе уголовно-процессуальных принципов необходимо восстановить требование всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств расследуемого или рассматриваемого в суде уголовного дела. Речь вновь идет об оправдавшем себя принципе, закрепленном в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. Содержание данного принципа должно быть дополнено указанием на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление. Необходимость закрепления такого указания в УПК РФ вытекает, в частности, и из содержания

---

[10] *Баев М. О., Баев О. Я*. Заметки об очередных изменениях УПК РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42.

[11] См.: *Зинатуллин З. З., Шушанова Т. В.* Какой должна стать структура УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2 ; *Зинатуллин З. З*. Избранные труды : в 2 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 366–374.

Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в ст. 3 которого к числу основных принципов противодействия указанному злу отнесена «неотвратимость ответственности за совершенное коррупционное правонарушение».

Давно претендуют на наделение статусом уголовно-процессуальных принципов положения гласности и публичности (официальности) осуществления судопроизводства, наличие которых не станет препятствием на пути независимости судей при осуществлении ими правосудия, а также пропитанное нравственным содержанием требование справедливости при производстве по уголовному делу вообще и принятии уголовно-процессуальных решений в частности. Из состава, закрепленного в ст. 11 УПК РФ принципа «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» надлежит выделить в качестве самостоятельного во многом такой специфический принцип, как «Обеспечение безопасности участников уголовного процесса», расширив при этом содержащиеся в ч. 3 ст. 11 УПК РФ положения.

Часть 3 ст. 15 УПК РФ надлежит изложить следующим образом: «Суд, не являясь органом уголовного преследования и не выступая на стороне обвинения или на стороне защиты и создавая им необходимые условия для реализации ими своих процессуальных прав и обязанностей, активно участвуя в исследовании доказательств, направляет весь ход судебного разбирательства на установление истины по рассматриваемому уголовному делу». Такая формулировка ч. 3 ст. 15 УПК РФ вызовет необходимость изложить ч. 1 ст. 243 УПК РФ в редакции ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР 1960 г.

Из УПК РФ необходимо исключить все виды упрощенных и ускоренных производств (главы 32.1; 40 и 40.1 УПК РФ), а также главу 52, посвященную особенностям производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, ввиду ее несогласованности с конституционным положением о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19 УПК РФ). В демократическом правовом государстве нельзя наделять кого бы то ни было дополнительными общегражданскими превенциями.

В данной статье высказаны суждения лишь по небольшой части входящих в содержание российской уголовно-процессуальной политики положений. Но и их надлежащая реализация, как нам представляется, может стать существенным подспорьем в служении российской уголовно-процессуальной политики в деле охраны и защиты общечеловеческих ценностей.

При формулировке дефиниции уголовно-процессуальной политики считаем, что в ней должны быть отражены не только ее сущностно-содержательные составляющие, но и такие основные черты, как гуманизм уголовно-процессуального законодательства и практики его применения; дальнейшая демократизация уголовно-процессуальной деятельности; строгое соблюдение законности и требований социальной справедливости в правоприменении; укрепление судебной власти и повышение авторитета и роли органов дознания, следствия, прокуратуры в уголовном судопроизводстве; защита общечеловеческих ценностей и использование достижений мировой цивилизации в уголовно-процессуальной деятельности[12].

Таким образом, дефиницию российской уголовно-процессуальной политики можно сформулировать следующим образом: *российская уголовно-процессуальная политика представляет собой пропитанную идеями гуманизма, демокра-*

[12] См.: *Зинатуллин З. З.* Избранные труды. Т. 2. С. 360.

тизма, социальной справедливости и законности, основанную на уголовно-процессуальных принципах уголовно-процессуальную деятельность специальных правоохранительных органов и суда по реализации политики государства в области борьбы с преступностью и защите прав и свобод человека и гражданина посредством применения содержащихся в уголовно-процессуальных нормах предписаний на всех этапах производства по уголовным делам.

Удмуртский государственный университет

Зарипов Ф. Ф., *полковник юстиции, аспирант*

Зинатуллин З. З., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

Udmurt State University
Zaripov F. F., *Colonel of Justice, Post-graduate Student*

Zinatullin Z. Z., *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Law Enforcement Activity Department*
Tel.: 8(3412) 916-007

УДК 343.1

К. М. Баева

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Рассматриваются особенности понимания злоупотребления правом в уголовно-процессуальной науке, анализируются позиции различных авторов по вопросу отнесения феномена злоупотребления правом к правомерным или противоправным деяниям.
Ключевые слова: злоупотребление правом, процессуальное право, уголовное судопроизводство.

ABUSE OF THE RIGHTS AS A CRIMINAL PROCEDURAL CATEGORY

This article considers the peculiarities of interpretation of the abuse of rights in criminal procedure science, analyses the attitude of different scientists to the question of considering the phenomenon of abuse of rights as a lawful or a wrongful act.
Key words: abuse of rights, criminal justice, procedural law.

Поступила в редакцию 3 февраля 2016 г.

Действующее законодательство предоставляет весьма широкие права профессиональным и непрофессиональным участникам уголовного судопроизводства. Разумный баланс этих прав и полномочий, презумпция добросовестности их реализации носителями разных уголовно-процессуальных функций, взаимозависимое и взаимообусловленное соответствие публичным и частным интересам составляют содержательную сущность одного из основных принципов уголовного судопроизводства в правовом цивилизованном обществе – состязательности сторон. Н. П. Кузнецов, не давая понятия состязательности, интерпретировал это положение применительно к уголовному процессу следующим образом: «Рассмотренный принцип, благодаря разделению процессуальных функций и равноправности сторон, стимулирует стороны наиболее активно отстаивать свою позицию, в результате чего возникает полемика, спор, в ходе которых устанавливаются обстоятельства уголовного дела»[1], с чем мы абсолютно согласны.

Правоприменительная практика все чаще сталкивается с проблемой злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства, но, несмотря на это, легальной дефиниции и детальной регламентации данного правового феномена как самостоятельной правовой категории в уголовно-процессуальном законе в настоящее время не существует, что вызывает определенные сложности в оценке правоприменителями действий тех или иных участников процессуальных отношений.

Безусловно, в условиях остроконфликтных ситуаций, в которых осуществляется производство практически по любому уголовному делу, каждая из конфликтующих сторон отстаивает свои личные и (или) профессиональные интересы. На реализацию данных интересов фактически и направлена вся процессуальная и осуществляемая в его рамках тактическая деятельность представителей сторон. Для защиты данные действия являются допустимыми лишь в случае их осуществления

[1] Уголовный процесс России : учеб. пособие / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 46.

© Баева К. М., 2016

в пределах предоставленных каждому из этих лиц прав и полномочий, а также способами и средствами, прямо не запрещенными уголовно-процессуальным законом, в то время как для стороны обвинения действует принцип позитивного дозволения – разрешено то, что прямо закреплено в УПК РФ. Необходимо отметить, что очень часто злоупотребление правом в уголовном процессе обусловлено тактическими соображениями. Именно в связи с этим в каждом конкретном случае сложно отграничить допустимую тактическую деятельность от фактов действительного злоупотребления предоставленными правами и, наоборот, избежать ошибочной оценки фактов злоупотребления правом как допустимого процессуального и тактического поведения участников уголовного судопроизводства.

В теории нет единого мнения по поводу того, является ли данная деятельность законной или же это деятельность незаконная. А. А. Малиновский в результате широкого анализа подходов к определению содержания данного понятия указывает, что ряд авторов считают злоупотребление правом правозначимым лишь тогда, когда оно влечет наступление «негативных последствий, которые указаны в действующем законодательстве как результат осуществления права», другие же, наоборот, считают употребление понятия «злоупотребление правом» в целом юридическим нонсенсом[2].

В. В. Хатуаева придерживается мнения о том, что закон дает возможность сторонам обвинения и защиты самостоятельно распоряжаться процессуальными правами в том объеме и в том содержании, как это в нем прописано, значит, ни о каком злоупотреблении правом речи быть не может[3].

В теории существует также точка зрения, согласно которой злоупотребление правом – это пограничное понятие. Представители данной позиции придерживаются мнения, в соответствии с которым злоупотребление правом является одним из видов правового поведения, которое является социально вредным, но в большинстве случаев не нарушающим правовых норм.

О. Э. Лейст пишет по этому поводу: «Сам термин злоупотребление правом противоречив, поскольку содержит взаимоисключающие понятия. В рамках права не может быть злоупотребления, а злоупотребление противоречит праву»[4]. Поэтому, несмотря на то что ни государство, ни общество не заинтересованы в существовании случаев злоупотребления правом, они в силу существования взаимодействующих и корреспондирующих прав и обязанностей вынуждены мириться с наличием указанного явления, но лишь до тех пор, пока вред от него не приобретет состояния общественной опасности. В этих случаях государство идет на прямое запрещение противоправного поведения.

По нашему мнению, данная точка зрения полностью противоречит классической позитивистской концепции современного понимания права, согласно которой одновременно правомерных и неправомерных действий быть не может. Таким образом, закон точно разделяет все действия на правомерные и неправомерные и не допускает наличия пограничных ситуаций.

Большинство авторов рассматривают злоупотребление правом в качестве правонарушения и убеждены, что несмотря на то что оно не связано с нарушением конкретных специальных уголовно-процессуальных норм, в то же время нарушает

---

[2] См.: *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 69.

[3] См.: *Хатуаева В. В*. Сущность и юридическая природа диспозитивности в уголовном процессе // Рос. следователь. 2005. № 4. С. 13.

[4] *Лейст О. Э*. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 123.

общие правовые нормы, в частности принципы уголовного процесса, а поэтому его нельзя рассматривать как поведение правомерное.

В связи с этим необходимо констатировать, что злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве базируется на общетеоретических понятиях, но, безусловно, содержит особенности, характерные только для данной отрасли. Нельзя согласиться с Е. В. Рябцевой, которая утверждает, что «несмотря на то, что злоупотребление правом относится к тем явлениям, которые характерны не только для уголовно-процессуального права, но и для других отраслей права, нет необходимости выделять концепцию злоупотребления в области уголовного процесса из общей концепции злоупотребления»[5].

Таким образом, злоупотребление правом является особой формой противоправного поведения участника уголовного судопроизводства, при которой виновное осуществление субъективного права причиняет вред или создает условия для причинения вреда другим субъектам права, а также противоречит общим принципам и назначению уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, везде, где существует возможность свободного распоряжения своими правами, существуют также возможность и опасность злоупотребления ими. Правоприменительная практика все чаще сталкивается с проблемой злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства, однако, как верно замечает О. Я. Баев, феномен злоупотребления правами участниками производства по уголовному делу как самостоятельное правовое понятие в уголовно-процессуальном законодательстве не опосредован[6], поэтому представляется необходимым введение в УПК РФ официальной дефиниции «злоупотребление правом» в связи с необходимостью упорядочить и формализовать связанные с ним правоотношения.

Итак, поскольку закон четко разделяет все действия на правомерные и неправомерные, не допускает наличия пограничных ситуаций, злоупотребление правом нельзя рассматривать как правомерное поведение. Настаивая на данной позиции, предлагаем следующую дефиницию понятия «злоупотребление правом»: *злоупотребление правом – это система процессуальных и непроцессуальных действий субъекта уголовного судопроизводства, которая может выражаться как в действии, так и бездействии, не выходящая за пределы его правового функционала, однако нарушающая права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, препятствующая реализации его назначения, защите прав и свобод его участников.*

---

[5] *Рябцева Е. В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 22–23.

[6] См.: *Баев О. Я.* «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2013. №1. С. 337.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., *аспирант кафедры уголовного процесса*

Voronezh State University

Baeva K. M., *Post-graduate Student of the Criminal Process Department*

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

УДК 343.1

Л. И. Малахова

З. Ф. КОВРИГА О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена понятию и структуре уголовно-процессуальной деятельности. Рассматриваются вопросы целей и задач уголовно-процессуальной деятельности, ее результата.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная деятельность, уголовное судопроизводство, результат уголовно-процессуальной деятельности, структура уголовно-процессуальной деятельности.

Z. F. KOVRIGS ABOUT THE CONCEPT AND STRUCTURE OF CRIMINAL PROCEDURAL

The article is devoted to the concept and structure of criminal procedural activity. The questions of aims and tasks of criminal procedural activity, its result are examined.

K e y w o r d s: criminal procedural activity, criminal proceedings, result of criminal procedural activity, structure of criminal procedural activity.

Поступила в редакцию 13 марта 2016 г.

Впервые З. Ф. Ковригу я увидела на студенческой научно-практической конференции, будучи студенткой четвертого курса юридического факультета Воронежского государственного университета. Она поразила меня и моих однокурсников краткостью и обоснованностью изложения теоретических положений уголовно-процессуального права. Ее речь притягивала, заставляла слушать, мыслить и размышлять. З. Ф. Коврига была моим научным руководителем курсовой, а затем и дипломной работы. Под руководством профессора З. Ф. Ковриги я написала и защитила дипломную работу, а затем кандидатскую диссертацию. Она была моим учителем, моим наставником, предоставив мне возможность общаться с одним из виднейших ученых в области современного уголовного процесса. Именно З. Ф. Коврига посоветовала мне тему кандидатской диссертации: «Уголовно-процессуальная деятельность: общие положения», отметив при этом, что данная тема содержит ряд проблем, требующих разрешения.

Научные интересы З. Ф. Ковриги были очень разнообразными: дознание в уголовном процессе, уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, процессуальная деятельность в уголовном судопроизводств, суд и судебная деятельность. Особое место среди проблем уголовного судопроизводства занимает определение понятия и структуры уголовно-процессуальной деятельности.

По своей природе уголовно-процессуальную деятельность следует относить к практической, трудовой деятельности, вызванной необходимостью достижения практически полезного результата.

Когда говорят об уголовно-процессуальной деятельности, то этому термину придается двоякий смысл. С одной стороны, уголовно-процессуальная деятельность является разновидностью социальной деятельности и ей присущи черты,

© Малахова Л. И., 2016

характерные для любого вида деятельности – предметность, планомерность, системность, упорядоченность, целесообразность и др.[1]; с другой стороны, уголовно-процессуальная деятельность по своему содержанию является составной частью деятельности правоохранительной. В юридической литературе под правоохранительной деятельностью понимается деятельность государственных органов и общественных организаций, управомоченных государством на применение права, т.е. на реализацию в необходимых случаях принудительной силы государства, обеспечивающей должное поведение участников правовых отношений[2]. Правоохранительная деятельность – явление системное, собирательное, в ней представлены помимо уголовно-процессуальной и другие ее виды: оперативно-розыскная, административно-правовая, гражданско-правовая и др.[3] Вместе с тем правоохранительная деятельность является также частью другой деятельности – государственной. Но она не сливается с ней, а имеет свои отличительные, существенные признаки. При совершении преступного деяния «включается» не вся система правоохранительной деятельности, а только уголовно-процессуальная. Именно она является «необходимым и единственно возможным средством реализации норм уголовного права»[4].

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве употребляется понятие «уголовное судопроизводство» (п. 56 ст. 5, ст. 6 УПК РФ и др.), а в процессуальной литературе «уголовный процесс». Оба термина, если их понимать в значении «деятельности», т.е. целенаправленной системы основанных на законе и регулируемых законом действий определенных участников, являются равнозначными.

Уголовно-процессуальная деятельность, как верно отмечала З. Ф. Коврига, «сложное, внутренне дифференцированное единство многих составляющих ее компонентов (субъектов и участников, целей и результатов, действий и операций, средств и способов их осуществления), которые не только функционально взаимодействуют, но и органически соединены между собой с помощью процедурно-временных (стадий процесса) и структурных, управленческих, координационных и субординационных связей и отношений»[5].

В теории уголовного процесса до сих пор отсутствует единое мнение о понятии «уголовно-процессуальная деятельность» что обусловлено отсутствием законодательного определения данной категории. М. С. Строгович писал, что уголовно-процессуальная деятельность – это «совокупность совершаемых в установленном процессуальным законом порядке действий участников процесса: суда, прокуратуры, органов следствия и дознания, обвиняемого и его защитника, потерпевшего и его представителя по уголовному делу»[6].

Авторы учебников по уголовному процессу называют уголовно-процессуальную деятельность системой процессуальных действий, совершаемых как

---

[1] См.: *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 74 ; *Демин М. П.* Природа деятельности. М., 1981. С. 18.

[2] См.: Правоохранительные органы : учеб. для вузов / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1995. С. 4.

[3] См.: *Григорьев В. Н., Шишков А. А.* Уголовно-процессуальная деятельность по борьбе с организованной преступностью. М., 2001. С. 7.

[4] Юридическая процессуальная форма : теория и практика. М., 1976. С. 233.

[5] *Коврига З. Ф.* Судебная деятельность и судебная практика : понятие, структура, соотношение // Юридические записки. Вып. 8 : Российское уголовное законодательство : проблемы теории и практики / под ред. К. А. Панько. Воронеж, 1999. С. 126.

[6] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 182.

органами государства, так и всеми другими участвующими в производстве по уголовному делу лицами[7]. Ее рассматривают как урегулированную законом и облеченную в форму правовых отношений деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и других участников процесса, осуществляемую в установленном уголовно-процессуальном порядке, обеспечивающем соблюдение прав и законных интересов граждан, проводимую в целях выявления, предупреждения, пресечения преступлений, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел и направленную на разрешение задач уголовного судопроизводства[8].

На наш взгляд, уголовно-процессуальную деятельность можно рассматривать в широком и узком значении. В широком смысле – это совокупность совершаемых в установленном процессуальным законом порядке действий участников уголовного судопроизводства. Исходя из данного определения, можно понять сущность уголовного процесса. Вопрос о сущности уголовно-процессуальной деятельности всегда связывается с решением вопроса о круге ее субъектов. Прежде всего, здесь следует дать ответ на вопрос: является ли уголовно-процессуальная деятельность прерогативой органов предварительного расследования, дознания, прокуратуры, суда, должностных лиц этих органов, участников уголовного судопроизводства, либо в нее могут быть включены и действия иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. В процессуальной литературе на этот счет были высказаны различные суждения.

Одни авторы понимали под уголовно-процессуальной деятельностью определенную законом процессуальную обязанность должностных лиц и органов[9]. Придерживаясь такого понимания уголовно-процессуальной деятельности, авторы тем самым ограничивают ее компетенцией суда, прокурора, органов дознания.

Другие авторы, расширяя этот круг, относили к нему еще и лиц, «которые выступают в процессе для отстаивания определенного интереса…»[10].

Третьи признавали субъектами уголовно-процессуальной деятельности лиц, от действий которых зависит то или иное направление производства по делу, либо тех, кто вступает в процесс для отстаивания определенного интереса, заявляет претензии или возражает против претензий других лиц[11].

Под уголовно-процессуальной деятельностью понимается прежде всего деятельность государственных органов и их должностных лиц, к компетенции которых относится возбуждение, расследование и рассмотрение уголовных дел, т.е. органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, дознавателя, следователя, прокурора, судьи. Помимо перечисленных лиц, уголовно-процессуальную деятельность осуществляют и другие участники процесса: участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, защитник, гражданский ответчик, представитель гражданского ответчика – глава 7 УПК РФ), а также

---

[7] См.: Уголовный процесс : учеб. для вузов / под ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 6.

[8] См.: Советский уголовный процесс : учеб. для вузов МВД СССР. Общая часть. М., 1973. С. 7 ; Советский уголовный процесс. М., 1980. С. 9 ; *Ефимичев С. П.* Содержание и структура стадий предварительного расследования // Уголовно-процессуальная деятельность и правоотношения в стадии предварительного расследования. Волгоград, 1981. С. 3.

[9] См.: Уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 10–11.

[10] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 205.

[11] См.: *Колбая Г. Н.* Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975. С. 34.

иные участники судопроизводства (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой – глава 8 УПК РФ).

Анализируя УПК РФ, следует отметить, что статус каждого участника уголовно-процессуальной деятельности определен законом, деятельность его различна по содержанию и объему, она является необходимой составной частью того комплекса действий, который называют уголовным судопроизводством. Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой производство по делу. Каждый участник уголовного процесса является участником уголовно-процессуальной деятельности, он вправе или обязан ее осуществлять. «В широком смысле субъектами уголовно-процессуальной деятельности являются и такие ее участники, как свидетели, понятые, переводчики, так как они участвуют в процессе на основании процессуального закона», – отмечал М. С. Строгович[12]. Иной точки зрения придерживался Н. Н. Полянский[13]. Он рассматривал действия обвиняемого и его защитника, гражданского истца и гражданского ответчика как производные от деятельности других участников. Но производными их можно назвать только в том смысле, что они зависят от возбуждения дела. В этом смысле производной является деятельность не только указанных участников процесса, которые названы Н. Н. Полянским, но и всех других участников процесса. Если нет возбужденного уголовного дела, нет и участников процесса. Совершенно точно можно сказать, что все субъекты уголовно-процессуальной деятельности могут появляться в процессе только в связи с производством по делу, ибо процессуальной является только та деятельность, которая предусмотрена и урегулирована уголовно-процессуальным законом.

Таким образом уголовно-процессуальную деятельность составляют действия всех участников процесса, осуществляемые на основании и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, независимо от той конкретной цели, которую ставит перед собой каждый из них. Субъектом уголовно-процессуальной деятельности может быть любое лицо, принимающее то или иное участие в уголовном судопроизводстве, в том числе свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и др.

Средством реализации процессуальных прав и обязанностей субъекта могут быть конкретные процессуальные действия, которые в своей совокупности образуют уголовно-процессуальную деятельность участников судопроизводства и вместе с ней содержание уголовно-процессуальных отношений.

Ограничение некоторыми авторами круга субъектов уголовно-процессуальной деятельности находится в определенном противоречии с их же суждениями о том, что уголовно-процессуальная деятельность является содержанием уголовно-процессуальных отношений. Получается, что уголовно-процессуальные отношения между лицами, не являющимися субъектами процессуальной деятельности, лишены именно этого качества, т.е. своего содержания.

Как ранее указывалось, уголовно-процессуальную деятельность в процессуальной литературе понимают и в узком смысле. Здесь имеется в виду деятельность каждого отдельно взятого участника судопроизводства. Она слагается из процессуальных действий, которые как бы являются ее элементами, составными частями. Деятельность любого участника судопроизводства можно расчленить на

---

[12] См.: *Строгович М. С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 94.

[13] См.: *Полянский Н. Н*. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 46–47.

конкретные процессуальные действия. Понимая уголовно-процессуальную деятельность как определенные действия в процессе, следует иметь в виду, что действия всех участвующих в процессе лиц не разрознены, а взаимосвязаны, они как бы дополняют друг друга и совершаются субъектами деятельности в силу предоставленных законом прав и возложенных обязанностей.

Исходя из изложенного, можно определить *понятие уголовно-процессуальной деятельности как систему целенаправленных действий отдельных участников уголовного судопроизводства, осуществляемую в пределах предоставленных им уголовно-процессуальным законом прав и возложенных обязанностей.* Будучи разновидностью правоохранительной, юридической деятельности, уголовно-процессуальная деятельность характеризуется целостным единством, функциональностью, расчлененностью на отдельные компоненты (следственную, адвокатскую, прокурорскую, судебную деятельность и др.), объединяемые посредством внутренних и внешних связей. Система уголовно-процессуальной деятельности немыслима, с одной стороны, без составляющих ее элементов, с другой стороны, отдельные элементы, рассматриваемые в отрыве от системы, теряют присущие им свойства. Все элементы уголовно-процессуальной деятельности находятся в неразрывной связи, изменение одного из них обусловливает изменение всей системы. Так, совершенствование средств и способов (например, введение суда присяжных ведет к изменению характера и содержания процессуальных действий и операций субъектов – предварительное слушание, отбор присяжных заседателей, формирование коллегии присяжных, напутственное слово председательствующего, вынесение вердикта и т.д.) опосредует их организационные и процессуальные формы[14].

Уголовно-процессуальная деятельность имеет специфические черты (свойства): правовой характер, т.е. точная регламентация нормами уголовно-процессуального права; участниками этой деятельности являются субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей; уголовно-процессуальные действия указанных субъектов представляют собой средства осуществления их процессуальных прав и обязанностей; будучи юридически значимой, подобная деятельность влечет (или может повлечь) возникновение новых, изменение или прекращение ранее возникших уголовно-процессуальных отношений[15].

Юридический характер уголовно-процессуальной деятельности проявляется в том, что порядок уголовного судопроизводства (начиная с проверки наличия оснований для возбуждения уголовного дела и кончая рассмотрением дел в различных судебных инстанциях) детальным образом регламентируется уголовно-процессуальным законом. Наряду с нормами, общими для всего процесса в целом и устанавливающими принципы уголовно-процессуальной деятельности, правила доказывания, реабилитации, уголовно-процессуальное законодательство включает и нормы, регулирующие стадии, отдельные этапы внутри стадии, отдельные процессуальные действия. Закон устанавливает не только определенный порядок уголовно-процессуальной деятельности, но и ее формы, являющиеся составной частью гарантий правосудия. Юридический характер уголовно-процессуальной деятельности проявляется также и в том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство обязывает должностных лиц, осуществляющих эту деятельность, обеспечивать законные права и интересы участвующих в ней граждан

[14] См.: *Коврига З. Ф.* Указ. соч. С. 126.

[15] См.: *Элькинд П. С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 20.

и принимать все зависящие от них меры к немедленному восстановлению нарушенных прав. В свою очередь, предписания закона обязательны не только для должностных лиц, но и для тех участников уголовно-процессуальной деятельности, которые, не имея властных полномочий, лишь исполняют нормы права.

Уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными на то правоохранительными органами, имеет государственно-властный характер. Она опирается на меры уголовно-процессуального принуждения, которые применяются при наличии указанных в законе оснований, когда требования органов государственной власти, ведущих процесс, добровольно не выполняются или имеются предпосылки их невыполнения. Наряду с этим в законе предусмотрены определенные гарантии от необоснованного или чрезмерного увлечения мерами процессуального принуждения, а также социальные меры, направленные на охрану законных интересов и обеспечение прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Правовой характер уголовно-процессуальной деятельности проявляется в том, что в процессе и в результате ее производства принимаются решения, имеющие юридическое значение, и в том, что порядок принятия, оформления и реализации таких решений определен законом.

Уголовно-процессуальная деятельность не является одноактным процессом, а распадается на стадии (этапы), на которых достигаются какие-то промежуточные результаты. Стадии же в свою очередь слагаются из отдельных процессуальных действий, которые являются ее элементами, составными частями. Уголовно-процессуальная деятельность раскрывается через систему взаимосвязанных между собой понятий, прежде всего понятия структуры, содержания и формы деятельности, позволяющие наиболее полно представить ее природу.

Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность представляет собой сложное явление, имеющее внутреннюю и внешнюю стороны. В ходе уголовно-процессуальной деятельности расследуются и разрешаются в рамках конкретных ситуаций уголовные дела, а равно обеспечиваются стабильность и защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в ст. 5 УПК РФ *понятие уголовно-процессуальной деятельности как системы действий отдельных участников уголовного процесса (суда, участников судопроизводства со стороны обвинения, участников судопроизводства со стороны защиты, иных участников уголовного судопроизводства), осуществляемой в пределах предоставленных им настоящим УПК прав и возложенных обязанностей*.

Воронежский государственный университет

Малахова Л. И., *кандидат юридических наук,*
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh State University

Malakhova L. I., *Candidate of Legal Sciences, Associate*
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: malah78@mail.ru
Tel.: 8-920-228-57-07

УДК 343.1

Ф. А. Абашева, О. О. Басова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Анализируются проблемы применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве России (на примере Удмуртской Республики). В качестве главного условия торжества восстановительного правосудия является соблюдение всеми так называемого «золотого правила поведения», в позитивной форме формулируемого так: «поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступили по отношению к тебе»; в негативной форме это правило выражается так: «чего в других не любишь, того не делай сам». Проведен сравнительный анализ зарубежного опыта медиации.
К л ю ч е в ы е с л о в а: конфликт, восстановительное правосудие, медиация, рекомендации Комитета министров Совета Европы.

PROBLEMS OF MEDIATION PROCEDURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIA (THE CASE UDMURT REPUBLIC)

The article analyzes the problems of application of mediation in criminal trial of Russia (on the example of the Udmurt Republic). As the main conditions of the triumph of restorative justice is the observance of all the so-called «golden rule of behavior» in a positive form formulated as follows: «Do unto others as you would like, they did towards you»; in a negative way, this rule is expressed as follows: «what other do not love, do not do it yourself». Today seems to be we do the first (and quite timid) steps on the way to the Russian criminal trial restorative forms of justice in criminal matters. A comparative analysis of foreign experience mediation. We can not say about the restorative justice ancestor H. Zeehr, who noted that there was a pre-state conditions in the life of society, the so-called «community justice» in the first place to put not «punitive paradigm» and «maintaining good relations, reconciliation».
K e y w o r d s: conflict, restorative justice, mediation, recommendations of the Committee of Ministers.

Поступила в редакцию 13 февраля 2016 г.

Последние десятилетия во всем мире активно ведется поиск более гуманных и эффективных способов разрешения возникающих в обществе социальных конфликтов, особенно уголовно-правовых, влекущих за собой более серьезные правовые последствия, связанные с уголовным преследованием. Среди таких способов значительная роль отводится альтернативным официальному уголовному преследованию программам восстановительного правосудия.

В настоящее время существуют различные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, лежащие в основе восстановительного правосудия, такие как программы примирения жертв и правонарушителей (медиация), семейные конференции, круги правосудия, специальные восстановительные программы по особо тяжким преступлениям[1].

[1] См.: *Арутюнян А. А.* Медиация в уголовном процессе. М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Абашева Ф. А., Басова О. О., 2016

Наибольшее распространение среди указанных способов получил институт медиации по уголовным делам. Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (99) 19, посвященной медиации по уголовным делам (принята Комитетом министров 15 сентября 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета), под медиацией понимается любой процесс, в рамках которого пострадавшему и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принимать активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления. При этом в пояснительной записке к Рекомендации отмечается, что медиацию нужно рассматривать как дополнение к традиционному уголовному процессу или в качестве альтернативы к нему. Если основными действующими лицами «традиционного» уголовного судопроизводства выступают государство и правонарушитель, то в рамках медиации на первый план в качестве сторон в уголовном деле выступают пострадавший и правонарушитель. Таким образом, к числу первостепенных задач медиации относится обеспечение сторонам возможности обсуждать собственный конфликт и урегулировать его к взаимному удовлетворению. Благодаря гибкости и вовлеченности сторон медиация предполагает в большей степени, чем не оснащенная ею система уголовной юстиции, возможность комплексного решения возникших из-за преступления проблем. Участие в процессе медиации позволяет пострадавшему получить извинения и объяснения от обидчика, а также выразить свое отношение к происшедшему. В ходе примирительной встречи пострадавший может в более широком контексте обговорить условия заглаживания причиненного правонарушителем вреда, для того чтобы его потребности были полностью удовлетворены. Что касается правонарушителя, предоставление ему возможности встретиться с пострадавшим лицом к лицу, объясниться с ним и принести ему извинения – есть важное средство дать правонарушителю прочувствовать причиненный им вред, а также боль и страдания, которые он навлек на пострадавшего. К тому же посредничество дает правонарушителю возможность непосредственно участвовать в урегулировании конфликта и в обсуждении условий возмещения ущерба (например, денежной компенсации), что затем может помочь ему восстановить связи с местным сообществом. Так, медиация способствует и социальной реабилитации правонарушителя, и возвращению его в общество. Медиация в уголовных делах должна проводиться только при добровольном согласии сторон; процедура проведения медиации конфиденциальна; медиация в уголовных делах должна быть возможна на любой стадии уголовного судопроизводства; службы медиации должны обладать достаточной самостоятельностью в рамках системы уголовной юстиции. Рекомендовано государствам – членам Совета Европы закрепить в законодательстве программы, позволяющие осуществлять медиацию и способствующие ее осуществлению[2].

Европейское сообщество и в дальнейшем рекомендовало внедрение примирительных процедур для повышения эффективности судопроизводства. Так, было принято руководство Европейской комиссии по эффективности правосудия от 7 декабря 2007 г. по улучшению реализации ранее принятой Рекомендации «О медиации по уголовным делам».

Во многих зарубежных странах медиация в уголовном процессе получила законодательное закрепление. При этом способы оформления медиации в разных

[2] Рекомендация № R (99) 19 : принята Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г. URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/international_law/eu_council_1 (дата обращения: 18.11.2015).

странах различаются: в законах о ювенальной юстиции (Австрия, Германия, Финляндия, Польша, некоторые штаты в США), в уголовно-процессуальном кодексе (Австрия, Франция, Бельгия, Финляндия, Польша), в уголовном кодексе (Германия, Финляндия, Польша), в специальном законе о медиации (Норвегия, Финляндия, Молдова), в законе о службе пробации (Чехия, Латвия)[3].

При этом в зарубежных странах выделяются различные модели медиации в зависимости от соотношения данной процедуры с обычным порядком судопроизводства. В первом случае дело выводится из уголовного процесса на достаточно ранних стадиях либо вообще не возбуждается; во втором – медиация включена в судопроизводство как его составляющая. Здесь медиация не является полной альтернативой уголовному преследованию. Если сторонам удастся прийти к соглашению, то это в дальнейшем будет влиять на результаты судебного разбирательства. Третья модель предполагает, что медиация является дополнительной к традиционному судопроизводству процедурой, проводимой после вынесения судебного решения[4].

Однако российскими законодателями рекомендации Комитета министров Совета Европы о закреплении в законодательстве программ, позволяющих осуществлять медиацию в уголовном процессе, остались без внимания. Вступивший в силу с 1 января 2011 г. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[5] распространил процедуру медиации исключительно на сферу гражданского и арбитражного судопроизводства, оставив за пределами регулирования уголовно-правовые конфликты.

Несмотря на отсутствие законодательной регламентации, в России с конца 90-х гг. XX столетия ведутся работы по разработке и внедрению программ восстановительного правосудия в уголовном процессе.

С 1997 г. общественный центр «Судебно-правовая реформа» распространяет в России идею и технологию восстановительного правосудия. Правда, использование медиации по уголовным делам ограничивается пока только сферой правосудия в отношении несовершеннолетних. Центр занимается также обучением навыкам ведения восстановительных программ.

В 2000 г. начали действовать региональные организации и группы в Иркутске, Тюмени, Дзержинске, Великом Новгороде, Новосибирске и др.

В 2009 г. создана Всероссийская ассоциация восстановительной медиации. Членами ассоциации разработаны стандарты восстановительной медиации[6], которые служат руководством для продвижения восстановительного правосудия в России.

В 2009–2012 гг. в Москве, Тюмени, Волгограде, Новосибирске, Перми, Кирове, Красноярске, Казани, Самаре, Липецке, Череповце и Чебоксарах созданы региональные ассоциации медиаторов, которые работают с ситуациями преступлений и уголовно наказуемых деяний несовершеннолетних, а также поддерживают создание школьных служб примирения[7].

---

[3] См.: *Карнозова Л. М.* Медиация по уголовным делам в российской правовой системе. URL: http://www.sprc.ru (дата обращения: 15.11.2015).

[4] См.: Там же.

[5] Рос. газета. 2010. 30 июля.

[6] Стандарты восстановительной медиации : разработаны и утверждены Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации 17 марта 2009 г. URL: http://sprc.ru (дата обращения: 18.11.2015).

[7] См.: *Максудов Р. Р.* Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций : от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М., 2012. С. 126.

Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 утверждена «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», в соответствии с которой в рамках формирования дружественного к ребенку правосудия как системы гражданского, административного и уголовного судопроизводства, которая гарантирует обеспечение прав ребенка в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, прежде всего Конвенции ООН о правах ребенка, одним из основных принципов становится приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия, а развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия предусматривается в числе мер, направленных на поэтапное введение дружественного к ребенку правосудия[8].

По данным проводимого Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации мониторинга, в России на 2013 г. действовали 35 служб в 12 регионах, в 2014 г. – 41 служба в 14 регионах, среди которых наибольшее число восстановительных программ проводится в Пермском крае, Архангельской области, Москве, Республике Татарстан[9].

В Удмуртской Республике вопрос о внедрении восстановительных программ, в том числе медиации, является актуальным, однако до настоящего времени речь в основном идет о введении медиативных технологий в образовательных организациях в целях разрешения и профилактики возникающих в школьной среде конфликтов. В Удмуртии обращение к медиаторам достаточно редкое явление, особенно по делам, подсудным мировым судьям. Институт медиаторства для республики – явление достаточно новое, практически не урегулированное, роль медиаторов чаще всего выполняют адвокаты. В связи с этим полагаем, что институт медиаторства большого распространения в России иметь не будет как по уголовным делам, подсудным мировым судьям, так и по тем делам, которые могут рассматриваться на уровне районных федеральных судов, особенно в периферийных регионах России.

Парадигма восстановительного правосудия возрастных ограничений не знает, она в равной степени применима как для несовершеннолетних, так и для взрослых лиц, совершивших преступление.

В соответствии с Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» постановлением Правительства Удмуртской Республики от 28 декабря 2012 г. № 623 утверждена «Региональная стратегия действий в интересах детей в Удмуртской Республике на 2013–2017 годы»[10], в которой в числе мер, направленных на развитие дружественного ребенку правосудия, предусмотрено обобщение и распространение на территории Удмуртской Республики положительного опыта работы специалистов восстановительного правосудия других регионов по внедрению ювенальных технологий; внедрение технологий восстановительного подхода для реализации примирительных программ и применения механизмов возмещения ребенком-правонарушителем ущерба потерпевшему, а также проведение социальной, психологической и иной реабилитационной работы с жертвами преступлений, оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, создание службы примирения в целях реализации восстановительного правосудия. В целях реализации Региональной стратегии составлен план на 2013–2017

[8] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012 г. № 23. Ст. 2994.

[9] См.: Вестник восстановительной юстиции. 2014. Вып. 11. С. 137 ; Вып. 12. С. 130–131.

[10] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

годы (Приложение № 2 постановления Правительства УР от 28.12.2012 № 623), из которого следует, что на 2015 г. запланирована организация школьных служб примирения, решающих вопросы конфликтов в образовательных учреждениях, профилактика правонарушений несовершеннолетних.

В настоящее время отсутствуют четкая региональная политика и план мероприятий по развитию программ восстановительного правосудия в Удмуртской Республике и внедрению медиации в уголовное судопроизводство, а также их методическое и организационное обеспечение. Представляется, что для внедрения соответствующих технологий в рассматриваемом регионе требуется изучение опыта регионов, в которых успешно действуют программы восстановительного правосудия, разработка методических рекомендаций по организации деятельности служб примирения, принципов и порядка их функционирования и взаимодействия с судами, прокуратурой, субъектами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, следственными органами и другими учреждениями.

Внедрение процедуры медиации в уголовное судопроизводство в Удмуртской Республике осложняется также отсутствием организационных и кадровых ресурсов, наблюдается отсутствие реальной заинтересованности административных органов и общественных организаций в развитии и поддержке новых технологий в сфере восстановительного правосудия. Просветительская работа с гражданами по вопросам возможного урегулирования конфликта при помощи профессионального посредника не проводится. Подготовка профессиональных медиаторов в республике также практически не осуществляется. Так, в Удмуртском государственном университете проводится обучение бакалавров и магистров-конфликтологов, на базе Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста России проводится переподготовка по программе подготовки медиаторов «Медиация. Базовый курс», срок обучения по которой составляет один месяц. Ожидается подготовка медиаторов на базе Международного института мира, конфликта и медиации[11]. Очевидно, что этих ресурсов недостаточно для подготовки профессиональных медиаторов. Успешное внедрение восстановительных технологий, на наш взгляд, невозможно без корпуса квалифицированных посредников, имеющих юридическое образование, способных не просто оказать содействие сторонам в разрешении спора, но и разобраться в правовой сущности конфликта, а также эффективно взаимодействовать с правоохранительными органами, судами и другими учреждениями. В связи с этим полагаем, что подготовка медиаторов должна проводиться на базе юридических факультетов (институтов), обладающих высококвалифицированными и опытными преподавателями, необходимыми методиками и материальной базой.

Нельзя не отметить, что проблемы по введению медиации в уголовное судопроизводство кроются довольно глубоко, и их решение возможно только на государственном уровне, в том числе путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, касающихся как введения процедуры медиации в уголовное судопроизводство, так и требований к медиаторам и их подготовке. Но для этого необходимо также исследование различных аспектов данной процедуры, основанное на изучении опыта зарубежных государств, применяющих медиацию и другие восстановительные программы для разрешения уголовно-правовых конфликтов.

---

[11] URL: http://gorodfm.net/news/obrazovanie/obrazovanie_5191.html?template=129? (дата обращения: 19.11.2015).

Представляется справедливой позиция А. А. Арутюняна, что «на сегодняшний день отсутствует целостная концепция медиации в российском уголовном процессе»[12]. Автор полагает, что концепция медиации в российском уголовном процессе должна содержать следующие положения: 1) понятие медиации в уголовном судопроизводстве; 2) место медиации в современном уголовном процессе; 3) модель медиации, применимая в российской правовой системе, и правовое регулирование медиации в уголовном судопроизводстве; 4) круг дел, по которым возможно применение медиации; 5) статус медиатора, его права и обязанности; 6) предложения по поэтапному внедрению медиации в российское уголовное судопроизводство[13]. С указанной точкой зрения можно согласиться.

Итак, для того чтобы медиация стала эффективным правовым институтом в уголовном судопроизводстве России, действующим во всех регионах страны, способствующим повышению качества осуществления правосудия по уголовным делам, необходим комплексный подход, включающий в себя разработку модели медиации, ее законодательную регламентацию, поэтапное внедрение в профессиональную деятельность, подготовку высококвалифицированных специалистов (юристов-медиаторов), а также информирование граждан о возможности применения процедуры медиации при разрешении уголовно-правовых конфликтов. Указанная совокупность мероприятий, на наш взгляд, будет способствовать поэтапному внедрению медиационных технологий в правовую действительность Российской Федерации и их успешному применению в Удмуртской Республике.

---

[12] *Арутюнян А. А.* Указ. соч.

[13] См.: Там же.

Удмуртский государственный университет

Абашева Ф. А., *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

Басова О. О., *аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

Udmurt State University

Abasheva F. A., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process and Law Enforcement Activity Department*

Basova O. O., *Post-graduate Student of the Criminal Process and Law Enforcement Activity Department*

E-mail: kafedrauppd@mail.ru

Tel.: 8 (3412) 91-60-07

УДК 343.1

М. Р. Галиахметов

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье отражена целесообразность урегулирования производства дознания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Производство по уголовному делу всегда происходит в условиях конфликта, особенно ярко он проявляется по делам с участием несовершеннолетних. От того, насколько дознаватель способен урегулировать конфликтную ситуацию с подозреваемым или обвиняемым, зависит качество расследования, которое может осуществляться как в условиях противостояния, так и в условиях сотрудничества с органами расследования. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних сконструированы в нормах главы 50 УПК РФ.

Ключевые слова: производство дознания по уголовным делам, преступления несовершеннолетних, следственные действия, допрос несовершеннолетнего обвиняемого.

FEATURES OF INGUIRY ON CRIMINAL CASES ABOUT CRIMES OF MINORS

The article reflects the appropriateness of the settlement of the inquiry in criminal cases against minors. The proceedings on a criminal case always occurs in the context of the conflict, especially its manifestations in cases involving minors. How capable the investigator to resolve the conflict situation with the suspect or the accused, depends on the quality of the investigation, which may be in dispute, and in terms of cooperation with the investigative authorities. Peculiarities of proceedings on criminal cases about crimes of minors designed in Chapter 50 of the code.

Key words: investigation proceedings in criminal cases, juvenile crimes, investigations, interrogation of a juvenile accused.

Поступила в редакцию 4 мая 2016 г.

Одним из дискуссионных в уголовном процессе является вопрос о возможности производства дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Исходя из требований ст. 20.1 Пекинских правил о ведении любого дела о несовершеннолетнем, с самого начала, «быстро, не допуская каких-либо ненужных задержек»[1], проведение расследования по делам о преступлениях несовершеннолетних в форме дознания не противоречит международным стандартам. Сложившаяся следственно-судебная практика показывает, что органы дознания адаптировались к проведению расследования преступления несовершеннолетних, ежегодно увеличивается число уголовных дел данной категории, находящих-

[1] Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. // Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция. М., 2000. С. 230–241.

© Галиахметов М. Р., 2016

ся в производстве дознавателей[2]. Тенденция ускорения расследования преступлений несовершеннолетних представляется своевременной. В то же время следует отметить, что независимо от этого процессуальные гарантии, обеспечивающие компенсацию их физического и психического недоразвития, должны соблюдаться в полном объеме. В связи с этим представляется обоснованной позиция законодателя, исключившая возможность согласно п. 1 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ проводить дознание в сокращенной форме по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних.

Производство по уголовному делу всегда происходит в условиях конфликта, который особенно ярко проявляет себя по делам с участием несовершеннолетних. От того, насколько способен дознаватель урегулировать конфликтную ситуацию с подозреваемым или обвиняемым, зависит качество расследования, которое может осуществляться как в условиях противостояния, так и в условиях сотрудничества с органами расследования. Специфическими чертами конфликтных ситуаций, возникающих в процессе расследования преступлений несовершеннолетних, являются следующие:

– особенности, обусловленные возрастным периодом (психологическая незрелость, более низкий, чем у взрослых, интеллектуальный уровень, отсутствие жизненного опыта и др.);

– более низкий уровень конфликтности, чем у подследственных старшего возраста;

– наличие общей негативной тенденции возникновения или обострения конфликтных ситуаций с момента дачи объяснения несовершеннолетним (до возбуждения уголовного дела) до момента его допроса в качестве подозреваемого (на первоначальном этапе расследования);

– сложность причин возникновения конфликтных ситуаций, которые не всегда поддаются строгому логическому анализу и часто нагружены трудноустранимой иррациональной составляющей, отличающейся индивидуальностью, препятствующей своевременному прогнозированию и разрешению острой конфликтной ситуации традиционными средствами;

– наличие расширенного круга участников уголовного судопроизводства, которые могут быть как инициаторами конфликтных ситуаций, так и их активными участниками[3].

Особенности производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних сконструированы в нормах главы 50 УПК РФ. Следует обратить внимание на то, что их конструкция направлена на обеспечение дополнительных гарантий, касающихся производства по уголовным делам в форме предварительного следствия, фактически не затрагивая особенности производства по данной категории

---

[2] См.: *Николюк В. В.* Расследование преступлений несовершеннолетних в форме дознания // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 594–595.

[3] См.: *Вахмянина Н. Б.* Предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 19 ; О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Калугин А. Г.* Вопросы предварительного следствия и дознания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. М., 2009. С. 32–33.

уголовных дел в форме дознания. Данное положение представляется некорректным, так как при производстве дознания следует особо обеспечивать защищенность несовершеннолетних, поскольку они еще не адаптированы ко взрослой жизни, в основе мотивации их поведения лежит еще подростковое восприятие произошедших событий и явлений, недопонимание общественных отношений, неприятие социальной разницы и т.п.

Законодатель в ст. 423 УПК РФ регламентирует особенности применения в отношении несовершеннолетнего таких мер процессуального принуждения, как задержание и применение мер пресечения.

В указанной норме не содержится каких-либо особенностей их применения при производстве дознания. Меры процессуального принуждения к несовершеннолетним не могут применяться в общем порядке. Это предложение обусловлено действующим законодательством. В частности, несовершеннолетнему, впервые совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести, в силу ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы не может быть назначено, даже если оно предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судов на необходимость соблюдения при избрании в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести такой меры пресечения, как заключение под стражу, устанавливающей ограничения при назначении осужденным несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы (положение ч. 6 ст. 88 УК РФ).

Следовательно, орган расследования не вправе задержать, а судья не вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, впервые совершившего преступление не только небольшой, но и средней тяжести даже в исключительном порядке, как это допускается ч. 2 ст. 108 УПК РФ.

Представляется, задержание подозреваемого согласно ст. 91–92 УПК РФ к несовершеннолетним должно применяться только в случае совершения ими преступлений тяжких и особо тяжких. При совершении преступления небольшой и средней тяжести применение указанной меры не должно иметь места. Это обусловлено тем, что за совершение указанных преступлений к несовершеннолетним не применяются меры наказания, связанные с лишением свободы, соответственно изолировать несовершеннолетнего от общества, помещая в среду с антисоциальной направленностью, значит воспитывать в нем негативное отношение к обществу и государству. Подросток не готов принять и осознать жесткое наказание за свои действия. Оказавшись в условиях изоляции, он попадает в условия жизни не по закону, а по понятиям, впитывает в себя субкультуру мест лишения свободы. Нахождение в подобных условиях ранит душу несовершеннолетнего и закладывает необратимые прогрессирующие процессы деформации его личности, что подтверждается статистикой, показывающей рецидив преступлений несовершеннолетних, отбывавших наказание в местах лишения свободы.

Если несовершеннолетний совершил ранее преступление и был привлечен к уголовной ответственности, то должен решаться вопрос о помещении его в центр временной изоляции несовершеннолетних.

Необходимо ввести в ст. 423 УПК РФ положение, в соответствии с которым задерживать несовершеннолетнего подозреваемого в порядке ст. 91–92 УПК РФ за совершение преступлений небольшой и средней тяжести недопустимо. Учитывая,

что многие несовершеннолетние освобождаются от уголовной ответственности за совершение преступлений в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, впоследствии совершают преступления средней тяжести, в отношении их следует решать вопрос о возможности помещения в центр временной изоляции несовершеннолетних (ЦВИН), где должны применяться меры социальной реабилитации в целях исключения возможных последующих рецидивов. Помещение в условия следственного изолятора не является способом исправления, наоборот, подросток, у которого имеется определенное отклонение, оказавшись с лицами, имеющими отклоняющееся поведение, более склонен к использованию негативной информации. Поэтому следует принимать меры к изоляции подобных подростков от лиц, которые могут продолжить дальнейшее его разложение как личности.

Решая вопрос о применении задержания, следует обращать внимание на то, что многие несовершеннолетние имеют психологическое недоразвитие. В связи с этим в последующем решается вопрос о прекращении в отношении их уголовного дела, соответственно применение задержания является не только нецелесообразным, но и беспредметным. При наличии информации о наличии у несовершеннолетнего отклонений в области психофизиологического развития должен решаться вопрос о передаче его под надзор родителей или лиц, их заменяющих, в случае, если это невозможно, то помещать их в ЦВИН. При применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего в виде отдачи под присмотр органами дознания возникает вопрос о целесообразности ее использования и о необходимости получения согласия лиц, под присмотр которых предполагается передача несовершеннолетнего.

Поскольку реализация данной меры пресечения невозможна без принятия лицом обязательств по обеспечению надлежащего поведения несовершеннолетнего, то дознаватель должен получить письменное согласие данных лиц. Учитывая, что присмотр за несовершеннолетним для должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, является должностной обязанностью, при избрании рассматриваемой меры пресечения согласия данной категории лиц не требуется.

Эффективной мерой пресечения в отношении несовершеннолетних могут выступать такие, как залог и личное поручительство. Залог выступает в качестве экономической гарантии надлежащего поведения обвиняемого. Применение залога связано с материальными затратами. Подростки чувствительны к утрате денежных средств, которые могли бы быть использованы на них, поэтому они стараются выполнять все условия, чтобы не нарушать залога. Личное поручительство следует применять в случаях, когда у подростка развито чувство ответственности, желание быть личностью. Для такого подростка недопустимо, чтобы поручитель, который ему поверил, ошибся в нем. Применение указанных мер пресечения особенно эффективно при производстве дознания, когда сокращенные сроки производства не позволяют затягивать расследование.

Законодатель сконструировал нормы главы 50 УПК РФ таким образом, что предусмотрел обязательное участие защитника при допросе несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого. В отношении законного представителя решение вопроса отдано на усмотрение дознавателя.

Полностью следует поддержать авторов, считающих, что при производстве любых следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых

участие защитника должно быть обязательным[4]. Речь ведется только о защитнике. Участие педагога и психолога при производстве иных следственных действий, кроме допроса, представляется нецелесообразным. Это обусловлено тем, что все следственные действия с участием подозреваемого проводятся после его допроса, где уже получены и зафиксированы показания в присутствии педагога и психолога.

Участие законного представителя является обязательным при производстве по рассматриваемой категории уголовных дел, но оно не должно подменять участие защитника. Законный представитель должен уведомляться о проведении всех процессуальных и следственных действий с участием несовершеннолетних, что вытекает из позиции Верховного Суда РФ. Отсутствие законного представителя в деле либо его неинформированность о производстве процессуальных действий с участием несовершеннолетних могут быть расценены судом как нарушение прав несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), влекущее признание показаний, полученных в отсутствие законного представителя, недопустимыми доказательствами[5].

Для выяснения психофизиологического состояния и особенностей личности несовершеннолетнего подозреваемого дознаватель после возбуждения уголовного дела должен назначить в отношении его комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Это обеспечит получение более полной и адекватной характеристики несовершеннолетнего, которая позволит принять правильное решение. Необходимо учитывать, что психическое состояние несовершеннолетних практически не исследуется; подросток, имеющий различные патологии, рассматривается как невоспитанный, грубый и т.п. В целях избежания ошибки в оценке его поведения следует получить заключение специалистов.

При производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних обвинительный акт должен предъявляться обвиняемому только в присутствии защитника, педагога и законного представителя. После ознакомления с обвинительным актом несовершеннолетнего следует ознакомить с материалами уголовного дела. Участие педагога при этом не имеет смысла. Несовершеннолетний обвиняемый должен знакомиться с материалами уголовного дела в присутствии защитника и законного представителя.

Считаем необходимым при производстве дознания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предусмотреть на законодательном уровне:

– обязательное проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого;

– участие защитника при производстве всех следственных действий с участием несовершеннолетнего;

---

[4] См.: *Калугин А. Г.* Указ. соч. С. 36 ; *Эстерлейн Ж. Б.* Дознание по делам о преступлениях несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 86 ; *Татьянина Л. Г.* Предварительное расследование многоэпизодных групповых дел о преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 12 ; *Ожиганова М. В.* Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности. М., 2008. С. 112–114 ; и др.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 октября 2004 г. № 489п2004 по делу Валимухаметовой (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– отказ от помещения несовершеннолетнего в СИЗО, в случае необходимости ограничения свободы его передвижения, помещение его в ЦВИН;

– допрос несовершеннолетнего обвиняемого после предъявления ему обвинительного акта, который должен производиться до начала ознакомления его и законного представителя со всеми материалами уголовного дела.

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова

Галиахметов М. Р., *кандидат юридических наук*

Kalashnikov Izhevsk State Technical University

Galiakhmetov M. R., *Candidate of Legal Sciences*
E-mail: Mgaliahmetov@mail.ru

УДК 343.1

М. В. Зотова

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ И СОЗДАНИЯ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена вопросам дифференциации форм уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе. Рассматривается необходимость создания нового процессуального института – дознание в сокращенной форме. Проводится анализ данной нормы применительно к протокольной форме досудебной подготовки материалов.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, дознание в сокращенной форме, протокольная форма досудебной подготовки материалов, права подозреваемого, права обвиняемого, дознаватель.

THE NEED OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURAL FORM AND CREATE A SHORTENED FORM OF INQUIRY

The Article is devoted to the differentiation of forms of criminal proceedings in the Russian criminal process. Discusses the need for creating a new procedural Institute – inquiry in an abbreviated form. The analysis of the norm Protocol with regard to the form of trial preparation materials.
K e y w o r d s: criminal proceedings, the inquiry in abbreviated form, the Protocol of trial preparation materials, rights of suspects, rights of the accused, investigator.

Поступила в редакцию 8 февраля 2016 г.

Вопрос о необходимости дифференциации уголовного судопроизводства на протяжении многих лет не утихает в научных кругах.

Н. С. Алексеев, В. Г. Даев и Л. Д. Кокорев – известнейшие ученые-процессуалисты – писали, что указанный вопрос не является дискуссионным, так как дифференциация в соответствии с различными данными существует давно (например, в зависимости от субъекта и характера преступления и др.). В качестве критерия дифференциации они предложили два признака: очевидность, простота и несложность события преступления, а также наименьшая общественная опасность преступления[1].

За «различение» форм уголовного судопроизводства высказывались и другие деятели науки (например, Р. Д. Рахунов, В. Д. Арсеньев, А. С. Кобликов), посвятившие этому вопросу множественные исследования[2].

Еще ранее к проблеме повышения эффективности уголовного процесса с помощью создания упрощенной формы судопроизводства обращались ученые-юристы П. И. Люблинский, В. Я. Лившиц, А. А. Лиеде[3].

---

[1] См.: *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д*. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 163.

[2] См.: *Гирько С. И., Власова Н. А*. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их комплектации в Российской Федерации // Труды ВНИИ МВД России. 2007. № 10. С. 3–13.

[3] См.: *Якубина* Ю. П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 25.

© Зотова М. В., 2016

Гораздо позже эту тему развивали И. Б. Михайловская, А. А. Давлетов, С. С. Цыганенко[4] и др.

На современном этапе развития Российской Федерации система уголовной юстиции претерпевает интенсивное преобразование. Серьезные изменения происходят в сфере правового регулирования уголовного судопроизводства, в определенных случаях приводящие к появлению новых правовых институтов. К их числу относится дознание в сокращенной форме, которое было введено Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Главной целью создания новой формы предварительного расследования в виде дознания в сокращенной форме является «исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения»[5].

Необходимость введения сокращенной формы досудебного производства прослеживается также в Рекомендации № R (87) 18 Комитета министров Совета Европы государствам-членам от 17 сентября 1987 г. «Об упрощении уголовного правосудия», принятые Комитетом министров на 410-м заседании представителей министров[6], созданные в соответствии с требованиями ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., ратифицированной Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», ст. 6 «Право на справедливое судебное разбирательство»)[7].

Дознание в сокращенной форме появилось в качестве одной из разновидностей дознания, упрощающей его порядок. Вместе с тем указанная новелла, как и любое другое изменение, вносимое в уголовно-процессуальное законодательство, направлена на оптимизацию его применения, устранение возникающих при этом ошибок, на усиление обеспеченности прав участников уголовного судопроизводства.

Фундаментом данного института являются нормы, содержащиеся в главе 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме».

Дознание, предусмотренное данной главой УПК РФ, является продуктом дальнейшей дифференциации уголовно-процессуальной формы – феномена, справедливо оцениваемого в литературе как допустимого и непротиворечащего никаким положениям уголовного процесса[8]. Дифференциация в рассматриваемом случае

---

[4] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект федерального закона // Программа межведомственного семинара-совещания «Органы дознания системы МВД России в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства». М., 2013. С. 4–10.

[5] *Шкель Т.* Понятые за кадром // Рос. газета. 2012. 11 марта. URL: http://www.rg.ru/gazeta/2012/03/11.html (дата обращения: 01.01.2016).

[6] Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/90199470 (дата обращения: 19.01.2016).

[7] Там же. URL: http://docs.cntd.ru/document/1000003045 (дата обращения: 19.01.2016).

[8] См.: *Трубникова Т. В.* Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России : автореф. … дис. канд. юрид. наук. Томск, 1997. С. 239.

привела к созданию упрощенного производства внутри дознания – формы предварительного расследования, которая сама по себе является упрощенной.

Получается, что дознание в сокращенной форме является результатом двойного упрощения применительно к стадии предварительного расследования, а именно упрощенной уголовно-процессуальной формой упрощенного предварительного расследования (дознания). В этом смысле дознание в сокращенной форме характеризуется большей упрощенностью, чем дознание, осуществляемое в общем порядке. Закономерно возникает вопрос: чем обусловлен такой шаг законодателя? Он продиктован потребностями в сокращении продолжительности периода предварительного расследования в форме дознания, а значит быстроте этой стадии уголовного процесса; экономии сил и средств; обеспечении наиболее скорого восстановления нарушенных прав потерпевшего и минимальной продолжительности нахождения лица в положении, когда оно подвергается уголовному преследованию; снижении до минимума неудобств, связанных с реализацией своих обязанностей, для участников уголовного судопроизводства, выполняющих вспомогательную роль; простоте уголовно-процессуальной формы, напрямую связанной с ликвидацией ненужных процессуальных формальностей при сохранении необходимых процессуальных гарантий для участников уголовного судопроизводства[9].

Следует отметить, что одной из разновидностей ускоренного досудебного производства была протокольная форма досудебной подготовки материалов, ранее закрепленная в главе 34 УПК РСФСР. Она была эффективной в борьбе с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности.

Деятельность органов дознания при применении протокольной формы досудебной подготовки материалов до момента их направления в суд для разрешения заключалась в том, чтобы без возбуждения уголовного дела и производства следственных действий (за исключением осмотра места происшествия (ст. 178 УПК РСФСР) в 10-дневный срок установить обстоятельства совершенного преступного деяния и личность правонарушителя, получить объяснение от него, а также от свидетелей, очевидцев и других лиц, собрать характеризующий личность правонарушителя материал: истребовать справку о наличии/отсутствии судимости у правонарушителя, получить характеристики с места работы, учебы, места жительства/регистрации, а также другие имеющие значение для рассмотрения дела в суде материалы

При протокольной форме к правонарушителю не применялись меры процессуального принуждения. У него отбиралось обязательство о явке по вызову органа дознания и суда и сообщать о смене места жительства (ст. 415 УПК РСФСР).

Протокольная форма заключалась в составлении всех указанных мероприятий в единый документ-протокол, в котором указывалось следующее: время и место его составления, кем он составлен; событие преступления – место и время его совершения, в чем оно заключалось, способы, мотивы, его последствия и другие существенные обстоятельства; фактические данные, подтверждающие наличие преступления и виновность правонарушителя; квалификация преступления по статье

[9] См.: *Нагаев Е. А*. Упрощенное производство : от протокольной формы досудебной подготовки материалов к дознанию в сокращенной форме // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник науч. трудов № 23 по материалам межведомственного семинара-совещания «Органы дознания системы МВД России в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства». М., 2014. С. 62.

Уголовного кодекса; данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему ущерба.

К протоколу приобщался список лиц, подлежащих вызову в суд, а также все собранные материалы, подтверждающие вину правонарушителя и характеризующие его личность.

Как верно отмечается в литературе, несмотря на определенную аналогию протокольной формы с дознанием в сокращенной форме, нельзя не обратить внимания на одно из принципиальных отличий. Оно заключается в том, что основанием производства дознания в сокращенной форме является ходатайство об этом подозреваемого, которое должно быть им заявлено не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство. При поступлении ходатайства дознаватель, убедившись, что наличествуют все необходимые условия для применения сокращенной формы дознания, предусмотренные ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ, должен принять решение о юридической сложности уголовного дела, основываясь на полученных в ходе сбора материла доказательствах на стадии предварительного расследования, которые не должны оставлять сомнений в совершении преступления конкретным лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Однако данный момент субъективен и будет зависеть от опытности дознавателя.

В связи с этим необходимо, чтобы начальники подразделений дознания, владеющие необходимыми навыками и знаниями, корректировали и направляли ход расследования путем дачи дознавателю указаний. Кстати, на активную роль начальника подразделения дознания при реализации своей функции процессуального ведомственного контроля в ходе дознания уже обращалось внимание в литературе[10].

Сокращенная форма дознания, являясь упрощенной и сокращенной процедурой досудебного производства, призвана уменьшить сроки производства по не представляющим сложности уголовным делам и облегчить работу дознавателей по сбору доказательств и направлению дела в суд. На нее возложены также большие обязанности по усиленной защите прав и законных интересов лиц, в отношении которых предусмотрено применение мер медицинского характера, так как сами они не могут их реализовать.

На неравенство на стадии предварительного расследования сторон обвинения и защиты в определенных полномочиях отмечалось в научных трудах[11].

В уголовном судопроизводстве отводится особое место системе обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Это связано с тем, что права и законные интересы любого лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, могут быть подвергнуты существенным ограничениям со стороны государственных органов.

При производстве дознания в сокращенной форме особенно остро стоит вопрос защиты прав и законных интересов участников, поскольку данная модель призвана ускорять производства, а следовательно возможно в той или иной мере их нарушение.

---

[10] См.: *Насонова И. А., Степанова Т. А.* К вопросу о понятии начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе // Научный портал МВД России. 2012. № 4 (20). С. 7–12.

[11] См.: *Насонова И. А., Туров Д. А*. Теоретические аспекты принципа состязательности в уголовном процессе России // Проблемы состязательного правосудия : сб. науч. трудов. Волгоград, 2005. С. 7–13.

Итак, в результате дифференциации моделей предварительного расследования создана новая процессуальная форма – дознание в сокращенной форме, призванная обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства. Какова эффективность нововведения со временем покажут судебная практика, работа органов дознания, прокуратуры и судей.

Воронежский институт МВД России

Зотова М. В., *адъюнкт кафедры уголовного процесса*

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Zotova M. V., *Adjunct of the Criminal Process Department*

E-mail: missleytenant@gmail.com

УДК 343.1

И. А. Насонова, Т. А. Арепьева

ОПТИМИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблемы совершенствования процессуального положения начальника подразделения дознания. Обосновывается необходимость частичных изменений его полномочий на законодательном уровне, предполагающем расширение в их составе как прав, так и обязанностей. В работе также показано, что введение фигуры начальника подразделения дознания продиктовано необходимостью повышения эффективности расследования в форме дознания.
К л ю ч е в ы е с л о в а: начальник подразделения дознания, дознание, полномочия, возбуждение уголовного дела, доказывание, окончание дознания, процессуальный контроль за дознавателем, эффективность расследования.

OPTIMIZING THE PARTICIPATION OF CHIEF OF DIVISION OF INQUIRY AS ONE OF THE CONDITIONS OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

The article considers the problems of improvement of the procedural position of chief of division of inquiry. The necessity of partial change of powers on the legislative level, implying an extension in their composition of both rights and responsibilities. The paper also shows that the introduction of the figure of the head of unit of inquiry is dictated by the need to improve the efficiency of the inquiry in the inquiry form.
K e y w o r d s: chief of division of inquiry, inquiry, authority, initiation of a criminal case, proof, end of inquiry, procedural control over the interrogating officer, the effectiveness of the investigation.

Поступила в редакцию 4 марта 2016 г.

Данная статья посвящена памяти известного в России ученого Зои Филипповны Ковриги, внесшей значительный вклад в исследование проблем дознания. Для одного из авторов данной статьи – И. А. Насоновой – это имя особенно дорого. После смерти Льва Дмитриевича Кокорева, с которым начиналось написание моей кандидатской диссертации, Зоя Филипповна любезно согласилась сотрудничать со мной в качестве научного руководителя. Навсегда останутся в памяти такие ее личные качества, как требовательность, справедливость, принципиальность, а вместе с тем – доброта, отзывчивость, желание прийти на помощь.

Благодаря помощи Зои Филипповны работа над диссертацией была завершена и состоялась защита в Волгоградском юридическом институте МВД России. Помню, каким непререкаемым авторитетом и уважением она пользовалась в научной среде. Многие к ней относились с теплотой и вниманием.

Я, как и другие ученые-процессуалисты, преклоняюсь перед ее научным талантом, широким кругозором, профессионализмом. Ее труды широко использу-

© Насонова И. А., Арепьева Т. А., 2016

ются в научных исследованиях многих авторов. Они стали основой не только для моих работ, но и для диссертаций моих учеников, продолживших изучение проблем дознания. Особое место среди них отводится проблемам участия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве. Именно о них в аспекте совершенствования уголовно-процессуальной деятельности пойдет речь дальше.

Уголовно-процессуальная деятельность предусмотрена законом и осуществляется в форме правоотношений. Нормативные акты, регулирующие их, в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс, призваны реагировать на качественные изменения, происходящие в обществе, удовлетворять потребности в его дальнейшем развитии.

Говоря об УПК РФ, важно иметь в виду, что он является положительным результатом современного отечественного законодательства, в котором учтен отечественный и международный опыт борьбы с преступностью. Очевидна его направленность на защиту прав и законных интересов личности и ее обеспеченность, что следует из назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Отчетливо прослеживается стремление придать уголовному судопроизводству состязательную форму[1].

В то же время нельзя не отметить, что в адрес УПК РФ было высказано немало претензий. За непродолжительное время в него было внесено более 1500 изменений. Все это не свидетельствует в пользу идеальности и безупречности УПК РФ. Правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности в настоящее время требует совершенствования. Этот процесс связан, прежде всего, с таким условием, как обеспечение охраны прав всех участников уголовного судопроизводства, предполагающее четкую правовую регламентацию всех видов уголовно-процессуальной деятельности, а также создание системы надежных и стабильных гарантий для них.

Среди тенденций совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности обращает на себя внимание направление, связанное с преодолением диспропорции в процессуальных возможностях некоторых участников уголовного судопроизводства. В первую очередь речь идет о тех, кто занимается расследованием преступления. В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на некоторых проблемах совершенствования процессуального положения начальника подразделения дознания.

Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90 впервые в круг участников уголовного судопроизводства был включен начальник подразделения дознания, который пришел на смену руководителю специализированного подразделения по организации дознания, существовавшего в системе ОВД с 1992 г. и осуществлявшего свою деятельность только в соответствии с ведомственными актами.

Одной из особенностей начальника подразделения дознания является его принадлежность к участникам, занимающимся дознанием. Он, как и начальник органа дознания и дознаватель, призван решать следующие вытекающие из положений закона задачи, стоящие перед дознанием: быстрое и полное раскрытие преступлений, отнесенных к его подследственности; установление и привлечение виновного к уголовной ответственности; принятие мер к возмещению причинен-

[1] См.: *Насонова И. А., Туров Д. А.* Теоретические аспекты принципа состязательности в уголовном процессе России // Проблемы состязательности правосудия : сборник науч. трудов. Волгоград, 2005. С. 4–13.

ного преступлением ущерба; выявление причин преступлений и способствовавших их совершению условий[2].

В то же время на начальника подразделения дознания возлагаются и специфические задачи: организация и производство дознания по уголовным делам, отнесенным к подследственности дознавателей органов внутренних дел, профилактика преступлений в пределах своих полномочий и методическое обеспечение этой работы.

Появление начальника подразделения дознания в качестве участника уголовного судопроизводства учеными было оценено неоднозначно. Не все одобрительно восприняли наделение начальника подразделения дознания процессуальными полномочиями. Б. Т. Безлепкин, подмечая «тенденцию перерождения дознания в предварительное следствие второго сорта», считает, что такое преобразование начальника подразделения дознания «несостоятельно с теоретической точки зрения и иллюзорно с практической, потому что ничего не меняет в главном: вся полнота таких полномочий сосредоточена в руках руководства данным учреждением, которое и назначает как дознавателей, так и руководителя подразделения дознания, поручает этому подразделению расследование конкретных дел и несет ответственность за состояние работы на этом участке»[3].

Другие авторы, напротив, поддержали нововведение. Например, С. А. Табаков аргументируя свою позицию, обращает внимание на такое важное преимущество начальника подразделения дознания перед другими субъектами, осуществляющими процессуальный контроль за дознавателем (начальником органа дознания, прокурором), как нахождение его вблизи объекта контроля[4].

Присоединяясь к данному мнению, полагаем, что наделение начальника подразделения дознания процессуальными полномочиями положительно сказалось на эффективности дознания. Об этом свидетельствуют анализ состояния преступности в Российской Федерации, а также показатели расследования преступлений, предварительное следствие по которым не обязательно.

Кроме того, важно учитывать также следующее обстоятельство. Начальник органа дознания выполняет многочисленные функции. Это в какой-то мере затрудняет реализацию им процессуальных полномочий. В связи с этим вполне логичным выглядит введение законодателем в круг участников уголовного судопроизводства начальника подразделения дознания. Только он сможет тщательно обеспечить процессуальное руководство ходом дознания. Находясь ближе к своим подчиненным, начальник подразделения дознания имеет возможность осуществлять руководство и контроль за ними постоянно, выполняя основную работу по организации расследования в форме дознания. Как показывает практика, фактически процесс контроля за деятельностью дознавателей при расследовании уголовных дел осуществляет начальник подразделения дознания, причем систематически[5].

А потребность в таком контроле только возрастает. В связи с этим справедливым является следующее замечание: «Объем полномочий начальника подраз-

---

[2] См.: *Насонова И. А., Степанова Т. А.* К вопросу о понятии начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 7–11.

[3] *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. С. 27–28.

[4] См.: *Табаков С. А*. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 177.

[5] См.: *Митюкова М. А*. Полномочия начальника органа дознания в системе органов внутренних дел // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 79–84.

деления дознания достаточно широк, потому что профессиональный опыт дознавателей оставляет желать лучшего, стаж работы у них невелик, а начальник подразделения дознания близок к объекту контроля и обладает всем объемом профессиональных качеств»[6].

Полагаем, что введение фигуры начальника подразделения дознания, продиктованное необходимостью повысить эффективность расследования в форме дознания с помощью процессуального контроля за дознавателями, является правильной и своевременной мерой законодателя.

Анализ закрепленных в УПК РФ полномочий начальника подразделения дознания позволяет говорить о его определенной процессуальной независимости по отношению к начальнику органа дознания, которая обеспечена соответствующими процессуальными средствами. К их числу относятся и процессуально-организационные средства, используемые начальником подразделения дознания применительно к находящимся в его подчинении дознавателям.

Указанные изменения в УПК РФ, безусловно, направлены как на усиление обеспеченности прав участников уголовного судопроизводства, так и на повышение качества расследования преступлений по уголовным делам в форме дознания.

Анализируя правовые нормы, посвященные начальнику подразделения дознания, следует отметить, что до настоящего времени остается неясным ряд вопросов, связанных с его участием в уголовном судопроизводстве. К их числу относятся роль и положение начальника подразделения дознания в системе участников уголовного судопроизводства; принципы осуществления полномочий начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе; совершенствование объема его полномочий; разграничение полномочий начальника подразделения дознания с полномочиями других субъектов дознания; выявление функций начальника подразделения дознания; сбалансированность процессуальной самостоятельности дознавателя и процессуального контроля его деятельности со стороны начальника подразделения дознания; оптимизация процессуальных средств, используемых начальником подразделения дознания, и др.

Сказанное не может не вызвать интерес к данному участнику уголовного судопроизводства, поскольку непосредственно связано с поиском наиболее рациональной процессуальной формы, обеспечивающей качество и эффективность дознания.

Совершенствование правовой регламентации полномочий начальника подразделения дознания связано со следующими обозначившимися в литературе, не совпадающими друг с другом тенденциями определения границ указанных полномочий: уравниванием в полномочиях начальника подразделения дознания с руководителем следственного органа; сближением полномочий начальника подразделения дознания с полномочиями прокурора; наделением начальника подразделения дознания полномочиями начальника органа дознания; частичным расширением полномочий начальника подразделения дознания без претензии на повторение полномочий руководителя следственного органа, начальника органа дознания или прокурора; сокращением полномочий начальника подразделения дознания; коррекцией полномочий начальника подразделения дознания с позиции приведения уголовно-процессуальных норм в системное соответствие; созда-

[6] *Гредягин И. В.* Факторы, ограничивающие процессуальную самостоятельность дознавателя // Научный журнал КубГАУ. 2010. № 8(62). С. 447.

нием дополнительных гарантий для реализации уже имеющихся возможностей начальника подразделения дознания.

Наиболее приемлемые формы совершенствования правовой регламентации полномочий начальника подразделения дознания с точки зрения оптимизации выполнения им своей роли в уголовном судопроизводстве и создания условий для максимально оперативного реагирования его на нарушения законности при производстве дознания связаны: с частичным изменением его полномочий на законодательном уровне, предполагающем расширение в их составе как прав, так и обязанностей, дополненное коррекцией уже существующих полномочий начальника подразделения дознания с позиции приведения уголовно-процессуальных норм в системное соответствие и созданием дополнительных гарантий для реализации уже имеющихся возможностей начальника подразделения дознания.

Применительно к совершенствованию процессуального положения начальника подразделения дознания в рассматриваемом выше аспекте стоит обратить внимание на следующие проблемы.

Первая проблема, связана с защищенностью личности начальника подразделения дознания, исключающей возможность его необоснованного преследования. Решить ее можно, распространив требования главы 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» на дознавателей и начальников подразделения дознания, на что уже обращалось внимание в литературе[7]. Это связано с тем, что указанные участники наряду со следователями и руководителями следственных органов защищают публичные интересы. Потребность в этом становится очевидной, если учесть, что законодатель распространил иммунитет и на тех, кто такую функцию не осуществляет (например, адвокатов).

Вторая проблема связана с надлежащей правовой регламентацией участия начальника подразделения дознания в доказывании. Необходимо включить его в число тех участников, которые наделены правом признавать доказательства недопустимыми (ч. 3 ст. 88 УПК РФ). Таким правом по действующему законодательству наделен дознаватель, следовательно, начальник подразделения дознания как лицо не только, контролирующее дознавателя, но и осуществляющее лично уголовное преследование в определенных случаях, должно также пользоваться им. По той же причине необходимо расширить за счет начальника подразделения дознания круг участников уголовного судопроизводства, оценивающих доказательства.

Третья проблема связана с предоставлением начальнику подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела таких же полномочий, как и дознавателю. В настоящее время начальник подразделения дознания отсутствует в перечне участников, принимающих решение о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст.146 УПК РФ); среди лиц, обязанных незамедлительно направлять прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ); среди субъектов, обязанных проверять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); среди лиц, обладающих правом отказать в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ). Примечательным является то, что такой подход законодатель предпринял только в отношении начальника подраз-

[7] См.: *Бродуленко А. В.* Дознание в России и иных странах СНГ : теоретико-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 8.

деления дознания. Дознаватель во всех перечисленных выше перечнях присутствует. Полагаем необходимым дополнить их и за счет начальника подразделения дознания. В противном случае сохранится противоречие между существующими полномочиями начальника подразделения дознания и его возможностью лично осуществлять уголовное преследование.

Кстати, диспропорция в процессуальном статусе начальника подразделения дознания и дознавателя прослеживается, правда уже по другим вопросам, и в положениях п. 25 ст. 5, ч. 1 и ч. 2 ст. 67, ч. 1 ст. 453 УПК РФ. Общим для всех этих ситуаций является то, что выполняемые следователем, руководителем следственного органа и дознавателем процессуальные действия актуальны и для начальника подразделения дознания, согласуются с его полномочиями, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ. Однако законодатель не учел эти обстоятельства в перечисленных нормах.

Следующая проблема касается окончания дознания. Так, среди авторов обоснованно предлагается исключить из процессуальных полномочий начальника органа дознания право утверждения обвинительного акта[8], обвинительного постановления[9] с его передачей начальнику подразделения дознания. Объясняя причины утверждения обвинительного акта в таком порядке, в литературе справедливо обращается внимание на то, что «начальник органа дознания при значительном объеме должностных обязанностей не в состоянии должным образом контролировать расследование преступлений, законность принимаемых дознавателем решений по соответствующим уголовным делам»[10].

Полагаем, что указанная мера в качестве разновидности процессуального ведомственного контроля удачно дополнит прокурорский надзор, существующий в этой области, поскольку необходимость в утверждении обвинительного постановления прокурором по-прежнему остается.

Еще одну проблему нельзя обойти стороной. Это предоставление начальнику подразделения дознания полномочия по установлению срока дополнительного дознания при возобновлении приостановленного уголовного дела, который не должен превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к дознавателю. Этот шаг позволит гарантировать возможность начальника подразделения дознания отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. В настоящее время проблемы по установлению срока дополнительного дознания решаются по аналогии с нормой, закрепленной в ч. 6 ст. 162 УПК РФ, рассчитанной на такую форму предварительного расследования, как предварительное следствие.

Целесообразность расширения процессуального статуса начальника подразделения дознания в указанных выше случаях объясняется не только соображениями удобства реализации данным участником уголовного судопроизводства возложенных на него действующим законодательством полномочий, но и соображениями качества расследования уголовного дела в форме дознания, так как

---

[8] *Малышева О. А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе : проблемы реализации и правового регулирования : дис. …д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 17 ; *Митюкова М. А.* Полномочия начальника органа дознания в системе органов внутренних дел // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 79–84.

[9] См.: *Насонова И. А., Арепьева Т. А.* Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства / под ред. О. А. Зайцева. М., 2014. С. 13.

[10] *Кольчурин А.* Уголовно-процессуальный статус дознавателя органов внутренних дел и роль дознания в борьбе с преступностью // Уголовное право. 2006. № 2. С. 88.

никто лучше начальника подразделения дознания не знает ошибки, допущенные при расследовании преступления, а это значит, что, ознакомившись с уголовным делом, ему легче установить оптимальный срок их устранения.

Таким образом, решение проблемы участия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве, несомненно, будет способствовать в целом совершенствованию правовой регламентации указанного участника.

Воронежский институт МВД России

Насонова И. А., *доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса*

Арепьева Т. А., *кандидат юридических наук, следователь отдела по расследованию преступлений на территории Советского района СУ УМВД России по г. Воронежу*

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Nasonova I. A., *Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Process Department*

Arepyeva T. A., *Candidate of Legal Sciences, the Investigator of Department of investigation of Crimes in the Territory of Sovetsky District of SU of UMVD of Russia Across Voronezh*

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

УДК 343.1

И. Г. Савицкая

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализируется практика привлечения специалиста к изъятию электронных носителей информации в ходе производства следственных действий, возможности извлечения и исследования полученной информации, а также способы ее процессуального оформления.
К л ю ч е в ы е с л о в а: специалист, следственные действия, осмотр предмета, извлечение информации, мобильные устройства, доказательства, заключение специалиста.

EXPERT INVOLVEMENT IN INVESTIGATING PROCESS RELATED TO DATA STORAGE DEVICE WITHDRAWAL

The article describes the practice of expert involvement into the data storage device withdrawal over the course of investigation, options of data extraction and analyses as well as forms of its procedural implementation.
K e y w o r d s: investigative practice, object inspection, expert, data extraction, mobile devices, evidence, expert opinion.

Поступила в редакцию 12 февраля 2016 г.

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий, появление новых видов преступлений все чаще влечет необходимость изъятия в ходе ряда следственных действий таких предметов, как электронные носители информации. В ряде случаев они могут содержать важную информацию, имеющую значение для уголовного дела.

К электронным носителям информации принято относить различного рода электронные устройства, а именно: телефоны, смартфоны, компьютеры, портативные устройства GPS, цифровые фотоаппараты, видеорегистраторы, платежные системы, которые все чаще используются при подготовке, совершении и сокрытии преступлений. С каждым годом растет число преступлений с использованием электронных платежных средств и систем[1]. Информация о преступном событии часто фиксируется на цифровые устройства помимо воли совершающих их лиц. Именно она может иметь для следователя важное доказательственное или ориентирующее значение, выполняя как диагностические, так и идентификационные задачи.

В связи с этим Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) были внесены дополнения, согласно которым электронные носители информации могут признаваться ве-

[1] См.: *Олиндер Н. В*. Типичные способы совершения преступлений с использованием электронных платежных средств и систем // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 13.

© Савицкая И. Г., 2016

щественными доказательствами по уголовным делам (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ)[2]. Электронные носители информации могут быть изъяты при производстве ряда следственных действий, например осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ); осмотра трупа (ст. 178 УПК РФ); обыска (ст. 182 УПК РФ); выемки (ст. 183 УПК РФ); личного обыска подозреваемого, обвиняемого (ст. 93, 184 УПК РФ).

По результатам исследования, проведенного сотрудниками Института повышения квалификации Следственного комитета РФ, наиболее частыми объектами изъятия и извлечения электронной информации выступают мобильные телефоны (67 %), сим-карты (29 %) и планшетные компьютеры (4 %)[3]. Это связано с тем, что в настоящее время мобильные устройства используются повсеместно как для соединений между абонентами, передачи информации в виде текстовых сообщений, картинок, так и в качестве записной книжки, фотоаппарата, видеокамеры и т.д. Поэтому находящиеся у подозреваемого телефоны и смартфоны с большой долей вероятности содержат информацию, имеющую отношение к преступлению.

Согласно поправкам в УПК, внесенным вышеназванным законом, при производстве обыска или выемки электронные носители информации изымаются с участием специалиста (ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ). Пока изменения коснулись лишь обыска и выемки, хотя некоторые ученые в целях единообразного подхода к следственным действиям, связанным с электронными устройствами, видят необходимым признать обязательным участие специалиста и при производстве следственных действий, указанных в ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ[4].

Наиболее распространенные электронные устройства, а именно мобильные телефоны и смартфоны изымаются, как правило, в ходе задержания либо производства следственных действий, о чем в протоколе делается отметка.

Участие специалиста, а также применение им соответствующих технических средств может способствовать недопущению сокрытия мобильных устройств, сим-карт, а также удалению содержащейся на них информации. При отсутствии специалиста к участию в следственном действии может привлекаться любое лицо, обладающее специальными знаниями в области электронных устройств (например, консультанты специализированных магазинов, программисты и т.д.). Целью данного требования является исключение возможности потери следователем каких-либо данных с указанных устройств, привнесения внешней информации в их память, а также для того, чтобы полученная информация и сами устройства были допустимыми доказательствами.

На наш взгляд, участие специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей информации, включает в себя два этапа.

Первый этап – изъятие электронного носителя информации в ходе следственного действия. С точки зрения уголовно-процессуального закона сложностей здесь нет. Часть 9.1 ст. 182 УПК РФ детально регламентирует изъятие электронных

---

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.07.2012).

[3] См.: *Багмет А. М.*, *Скобелкин С. Ю.* Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4 (48).

[4] См.: *Шибанова Е. В.* Особенности реализации следственных действий, проводимых с использованием кибернетических систем // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 51.

носителей при производстве обыска. Аналогично решаются указанные вопросы и при производстве выемки электронных носителей (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ). Мобильные устройства, планшетные компьютеры, навигаторы и другие электронные устройства, изъятые в ходе следственных действий, упаковываются, опечатываются и удостоверяются подписями следователя, специалиста и понятых, в целях обеспечения безопасности информации, хранящейся в цифровой памяти. Возникает вопрос всегда ли по уголовному делу допускается изъятие электронного устройства? В ходе производства следственных действий изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу. В данном случае словосочетание «предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу» следует толковать расширительно, ввиду того что электронные устройства, в том числе мобильные телефоны, стали активно использоваться при совершении преступлений.

Вторым этапом можно назвать непосредственное извлечение и исследование информации, содержащейся в электронном устройстве с привлечением специалиста.

В настоящее время правоохранительные органы обеспечены специальной криминалистической техникой, например комплекс «Стикер-лаб», георадар, а также устройство UFED[5], с помощью которого специалист может извлекать информацию из памяти различных электронных устройств. В частности, в соответствии с приказом Следственного комитета РФ в 2013 г. все следственные управления СК РФ были обеспечены мобильными комплексами по сбору и анализу цифровых данных «UFED», который позволяет извлекать информацию из большинства имеющихся на рынке телефонов, обходя установленные на них пароли. В 2014 г. комплекс применялся 11 752 раза, что на 45 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (6566), в результате его использования обнаружено и изъято 9068 информационных следов, имеющих доказательственное значение[6]. Технические возможности мобильного комплекса позволили извлечь из мобильных устройств насильников и педофилов, фиксирующих свои преступные действия на видео- и фотосъемку, тысячи изобличающих их цифровых файлов, а в отдельных случаях были выявлены латентные преступления.

За три последних года в следственных управлениях РФ сложилась определенная практика извлечения из мобильных устройств значимой для расследования информации с помощью UFED. В разных субъектах РФ, несмотря на отсутствие прямого указания в УПК РФ или подзаконных нормативных правовых актах, такая практика складывается довольно однообразно. Следователем производится извлечение информации из мобильного устройства с участием специалиста и с помощью криминалистической техники UFED и оформляется протоколом осмотра предмета. В настоящее время данный способ юридического оформления извлечения информации из мобильных устройств является самым распространенным. В протоколе осмотра предмета (мобильного устройства) описываются все действия следователя, а также вся обнаруженная с помощью специальной техники информация. К протоколу осмотра прилагается аналитический отчет в бумажном

---

[5] См.: *Хмелева А. В.* Тактические особенности назначения судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 12.

[6] О работе следователей-криминалистов следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в 2014 году : аналитическая справка. Документ официально опубликован не был.

виде и на электронном носителе. Процессуальной основой следственного действия в данном случае выступает ч. 6 ст. 164 УПК РФ, предусматривающая применение при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

С процессуальной точки зрения оформление протоколом осмотра предмета процесса извлечения информации из мобильного телефона является не совсем верным. Следует согласиться с А. М. Багметом и С. Ю. Скобелиным[7], которые справедливо указывают, что осмотр предмета – это следственное действие, направленное на собирание доказательств в основном путем непосредственного внешнего наблюдения за объектом и отражения его результатов в соответствующем протоколе. Предметом осмотра являются вещи материального мира, которые отобразили на себе следы о событии преступления, например орудия преступления, документы, которые признаются вещественными доказательствами и приобщаются на основании постановления следователя к уголовному делу (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Мобильное устройство может быть предметом осмотра в случаях, если с его помощью было совершено преступление, оно явилось предметом хищения или орудием преступления. Предполагается, что следователь при осмотре мобильного устройства с помощью специальных устройств должен сначала изъять информацию, а затем ее осматривать, оформив осмотр протоколом. Основываясь на вышесказанном, некоторые авторы предлагают выделить процесс извлечения данных из электронных устройств в самостоятельное следственное действие и внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ[8].

Извлечение информации из мобильных устройств может также производиться в рамках назначения и производства компьютерно-технической экспертизы. На разрешение эксперту в этом случае ставятся вопросы общего диагностического характера о наличии в устройстве каких-либо файлов (текстовых, видео-, фотофайлов, СМС-сообщений и др.), и эксперт извлекает всю необходимую информацию.

На наш взгляд, процесс извлечения данных из мобильных устройств, фактически выполняемый привлекаемым к следственному действию специалистом, может оформляться его заключением. Для этого следователь готовит специалисту, имеющему соответствующую квалификацию, поручение о производстве исследования мобильного устройства. Специалист производит исследование мобильного устройства с применением UFED с извлечением, декодированием значимой для дела информации. Полученный с использованием UFED и распечатанный отчет об извлеченных данных приобщается к материалам уголовного дела в полном объеме. Электронное устройство и (или) иной носитель электронных следов на основании постановления следователя приобщаются к материалам уголовного дела как вещественное доказательство, хранятся в опечатанном виде в условиях, исключа-

[7] См.: *Багмет А. М., Скобелкин С. Ю.* Указ. соч. С. 24.

[8] См.: *Зуев С. В*. Электронное копирование информации – регламентация в УПК // Законность. 2013. № 8. С. 22–23 ; *Багмет А. М*. Указ. соч. С. 22–27 ; *Зуев С. В*. Электронное копирование информации и снятие информации с технических каналов связи как новые следственные действия // Бюллетень Уральского отделения Междунар. ассоциации содействия правосудию. 2009. № 1(1). С. 25–28.

ющих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

В целях подтверждения получения искомой информации именно с данного мобильного устройства с помощью UFED необходимо фиксировать всю процедуру получения информации с помощью видео- или фотосъемки, составлять фототаблицу, которую прилагать к заключению специалиста.

Воронежский институт МВД России

Савицкая И. Г., *кандидат юридических наук,*
доцент кафедры уголовного процесса

Voronezh Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

Savitskaya I.G., *Candidate of Legal Sciences,*
Associate Professor of the Criminal Process Department
E-mail : arisha_s@list.ru,
Tel.: 8-951-568-98-22

УДК 343.1

О. В. Скрипченкова

ЭВОЛЮЦИЯ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ЭТАПА К СОВРЕМЕННОМУ

Говорится о становлении института дознания в период перехода от советского к современному этапу, о появлении новой формы дознания – дознания в сокращенной форме. Предлагается использовать положительный опыт отечественного уголовного судопроизводства в части установления продолжительности производства в протокольной форме – 10 суток без возможности продления.
Ключевые слова: дознание, предварительное расследование, протокольная форма досудебной подготовки материалов, дознание в сокращенной форме.

EVOLUTION OF INQUIRY IN CRIMINAL PROCESS IN RUSSIA: FROM SOVIET STAGE TO MODERN

The article talks about the formation of the Institute of inquiry in the period of transition from Soviet to modern stage, the emergence of a new form of inquiry – inquiry in an abbreviated form. It is proposed to use the positive experience of domestic criminal justice as establishing the duration of production in the form of Protocol – 10 days without possibility of renewal.
Key words: inquiry, the preliminary investigation, the Protocol of trial preparation materials, the inquiry in abbreviated form.

Поступила в редакцию 3 марта 2016 г.

Дознание в уголовном процессе России прошло сложный эволюционный путь, который можно разделить на четыре этапа: I этап – дореволюционный; II этап – советский (с 1917 г. до вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.[1]); III этап – переходный период от советского к современному (с 1961 по 2002 г.); IV этап – современный (с момента введения Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г.[2] в действие (с 1 июля 2002 г.) и до настоящего времени).

В советское время дознание претерпевает ряд коренных изменений, становясь равноправной формой досудебного производства и основой для судебного разбирательства[3]. УПК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида дознания. Первый вид – дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, заключавшееся в осуществлении неотложных следственных действий с последующей передачей дела следователю для производства предварительного следствия (ст. 119 УПК РСФСР). Второй вид – дознание, производившееся по делам, по которым производство предварительного следствия не являлось обязательным (ст. 120 УПК РСФСР). Материалы такого дознания являлись основанием для рассмотрения дела в суде. В ст. 120 УПК РСФСР были установлены следующие отличия второго вида дознания от предварительного следствия: при производстве

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[3] См.: *Каретникова С. В.* Осуществление уголовно-процессуальной деятельности органами дознания во второй половине XX в. // История государства и права. 2012. № 5. С. 6.

© Скрипченкова О. В., 2016

дознания защитник не участвовал (позднее данное положение было отменено); потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители извещались об окончании дознания и направлении дела прокурору, но материалы дела для ознакомления им не предъявлялись; при несогласии с указаниями прокурора орган дознания был вправе обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая выполнения этих указаний.

Законодатель пошел по пути сужения перечня преступлений, расследование которых ограничивается дознанием. Если к моменту принятия УПК РСФСР 1960 г. расследование в форме дознания предусматривалось по 56 составам преступлений, то после его принятия всего по 19 статьям УК.

Таким образом, в УПК РСФСР 1960 г. законодатель четко разграничил дознание и предварительное следствие, а также два вида дознания (дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, и дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно).

После создания в 1963 г. следственного аппарата в Министерстве охраны общественного порядка (МООП) дознание в значительной мере утратило свою функцию, поскольку для его осуществления не были созданы соответствующие организационные структуры, что не могло не сказаться на качестве проведения неотложных следственных действий и материалов, направляемых в суд. Приказом МООП от 31 июля 1963 г. «О производстве дознания в органах милиции» устанавливается порядок, по которому производство дознания по уголовным делам должно было поручаться наиболее опытным, имеющим юридическую подготовку оперативным работникам уголовного розыска, БХСС, других служб, а также участковым инспекторам. Таким образом, функция дознания была рассредоточена между отдельными службами милиции. Вместе с тем в приказе отмечалось, что сотрудники, производящие дознание, от оперативной работы не освобождаются.

УПК РСФСР, наряду с двумя формами дознания, предусматривал также протокольную форму подготовки материалов, которую было принято рассматривать в качестве упрощенной формы предварительного производства. Законодателем данная форма не была отнесена к форме предварительного расследования в виде дознания, однако ее рассмотрение непосредственно оказало влияние на развитие института дознания. В 1966 г. в УПК РСФСР впервые было введено производство в протокольной форме по делам о хулиганстве (ст. 206 УК). В 1977 г. протокольное производство было распространено на дела о мелком хищении государственного или общественного имущества (ст. 96 УК). В 1985 г. законодатель значительно расширил перечень преступлений, по которым была установлена протокольная форма, и существенно модернизировал порядок производства (глава 34 УПК РСФСР). Этот шаг был предпринят в целях ускорения производства по делам о преступлениях, которые не представляли большой общественной опасности.

За упрощение форм расследования приводились такие аргументы, как исключение дублирования процессуальных действий в связи с необходимостью придания материалам доследственной проверки статуса доказательств; уменьшение сумм судебных издержек; уменьшение неоправданных расходов бюджетных средств, вызванных проведением повторных исследований, трат на командировки, возможный розыск подозреваемого, обвиняемого и др.; своевременное воз-

мещение потерпевшему причиненного общественно опасным деянием вреда[4]; концентрация внимания и увеличение усилий органов предварительного следствия и дознания на расследовании более сложных, неочевидных преступлений.

Исторический опыт России по протокольной форме досудебной подготовки материалов свидетельствует и об имевшихся возражениях против нее: нарушение конституционных прав участников процесса; протокол по своей сути являлся лишь результатом административно-процессуальной деятельности, а не уголовно-процессуальной; отсутствие института обвинения; отсутствие четкой регламентации правового статуса участников упрощенного производства[5].

При подготовке материалов по уголовному делу в протоколе в соответствии с изменениями, введенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР»[6], органы дознания по делам о некоторых преступлениях (16 составов) за 10 суток должны были установить обстоятельства совершенного преступного деяния и личность правонарушителя, получить от него объяснения, а также от очевидцев и других лиц, истребовать справку о судимости правонарушителя, характеристику с места работы или учебы и иные материалы, значимые для рассмотрения дела в суде. При этом такой срок не продлевался.

Об обстоятельствах совершения преступления составлялся протокол, направляемый в суд для возбуждения, рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов допускалась при наличии следующих условий: 1) очевидный состав преступления; 2) личность нарушителя известна, он не скрывается, является совершеннолетним, не страдает психическими и физическими недостатками; 3) дело не представляет сложности; 4) отсутствует необходимость в избрании меры пресечения. Отсутствие перечисленных условий влекло проведение дознания или следствия. Данная форма была введена в целях ускорения производства по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, преимущественно за счет упрощения досудебной подготовки материалов и установления сокращенных сроков рассмотрения этих дел судом.

По сути, протокольная форма была схожа с доследственной проверкой, проводимой для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако ее недостаток в том, что уголовное дело должно было возбуждаться судом, а это не могло прижиться в состязательном процессе[7].

Само лицо, в отношении которого проводилась досудебная проверка в протокольной форме, не наделялось статусом подозреваемого, а именовалось правонарушителем. При этом какими-либо процессуальными правами оно не наделялось. Права, закрепленные ст. 415 УПК РСФСР (на разъяснение сущности обвинения, ознакомление с материалами дела, заявление ходатайств, обжалование действий

---

[4] См.: *Масленков С. Л.* Обстоятельства, обусловливающие дифференциацию современного уголовного судопроизводства // Следователь. 2004. № 10. С. 11.

[5] См.: *Чабукиани О. А.* Ускоренное (упрощенное) расследование : «за» и «против» // Рос. юстиция. 2012. № 12. С. 68.

[6] Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

[7] См.: *Аширбекова М. Т.* О сокращенной форме дознания // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : теория, законодательство и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 18 апреля 2013 г.) / ред. кол.: В. Н. Тронева [и др.]. Волгоград, 2013. С. 12.

органа дознания, а также права на защиту), появлялись у такого лица по окончании досудебной подготовки материалов дела в протокольной форме. Таким образом, названными правами лицо может обладать только после того, как в отношении его будет возбуждено уголовное дело.

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 28 ноября 1996 г.[8] протокольная форма досудебной подготовки материалов была практически ликвидирована. Данным постановлением были признаны противоречащими Конституции РФ положения ст. 418 УПК РФ, возлагающие на судью полномочия возбуждать уголовное дело и формулировать обвинение по подготовленным органом дознания материалам, следствием чего стал отказ от применения протокольной формы.

Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»[9] исключил ст. 418 УПК, признанную неконституционной.

Таким образом, производство в протокольной форме выступало важнейшей формой производства по делам о незначительных преступлениях. Как отмечает Ю. П. Якубина, при протокольном производстве малыми процессуальными силами и средствами удавалось достигать таких же результатов, как и при производстве предварительного расследования[10]. Предварительное расследование осуществлялось по УПК 1960 г. в трех формах – предварительное следствие, дознание и досудебное производство в протокольной форме. Протокольная форма являлась упрощенной процедурой досудебного производства.

Интерес к протокольной форме досудебной подготовки материалов обусловлен тем, что она имеет некоторое сходство с новой уголовно-процессуальной формой – дознанием в сокращенной форме. Прежде всего, сходство обнаруживается в цели введенной новеллы – ускорить производство по уголовному делу (приблизить момент наступления уголовной ответственности к моменту совершения преступления) и одновременно упростить процедуру расследования уголовного дела. Именно эти достоинства протокольной формы досудебной подготовки материалов в свое время единодушно подчеркивали ученые-процессуалисты.

Далее, материалы проверки сообщения о преступлении, согласно п. 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, являются доказательствами по уголовному делу, по которому проводится дознание в сокращенной форме; при проверке в протокольной форме доказательственная информация может быть также получена в виде объяснений правонарушителя, пострадавшего, очевидцев[11].

При сравнении протокольной формы досудебной подготовки материалов и дознания в сокращенной форме видно, что законодатель учел недостатки протокольной формы и решил часть ее проблем в сокращенной форме дознания. Так, для производства дознания в сокращенной форме должно быть возбуждено уголовное дело, поэтому «вопрос о характере процедуры – административном или

---

[8] По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 50. Ст. 5679.

[9] Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 46. Ст. 5244.

[10] См.: *Якубина Ю. П.* Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 16.

[11] См.: *Ефимичев С. П.* Протокольная форма досудебной подготовки материалов // Формы досудебного производства и их совершенствование : сб. науч. тр. Волгоград, 1989. С. 85–86.

уголовно-процессуальном – решен безоговорочно»[12]. В рамках протокольной формы следственные действия, за исключением осмотра места происшествия, были запрещены. Теперь же дознаватель вправе проводить любые следственные действия, предусмотренные законом, поскольку уголовное дело возбуждено.

Налицо прогресс (в соотношении с протокольной формой досудебной подготовки материалов) и в отношении перечня обстоятельств, подлежащих установлению в рамках сокращенного дознания: в ст. 226.5 УПК РФ законодатель сужает предусмотренный ст. 73 УПК РФ общий предмет доказывания по уголовному делу, определяя в числе обстоятельств, подлежащих установлению, событие преступления, характер и размер причиненного им вреда и виновность лица в совершении преступления. Часть 1 ст. 415 УПК РСФСР обязывала установить обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя.

Наконец, сокращенная форма дознания свободна от принципиального недостатка протокольной формы досудебной подготовки материалов – отсутствия гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Следует отметить и то, что законодатель сегодня последовательно проводит политику расширения частных начал уголовного судопроизводства, отдавая вопрос о возможности упрощения уголовной процедуры на волю невластных участников уголовного судопроизводства. Так, дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого при соблюдении ряда условий (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ); согласно п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, если потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме, дознание проводится в общем порядке.

В части восприятия положительного опыта отечественного уголовного судопроизводства представляет интерес установленная продолжительность производства в протокольной форме – 10 суток без возможности продления. Именно такой срок и невозможность его продления могут говорить об эффективности современного дознания в сокращенной форме.

В УПК РФ 2001 г. законодатель оставил термин «дознание» только для формы предварительного расследования. Производству дознания в УПК РФ в первоначальной редакции посвящались ст. 223–226 (глава 32). Перечень уголовных дел, по которым оно осуществлялось, закреплен в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Срок дознания составлял 15 суток со дня возбуждения уголовного дела и до дня принятия решения о направлении уголовного дела прокурору. Указанный срок мог быть продлен прокурором, но не более чем на 10 суток.

Вид деятельности, ранее называвшийся дознанием по делам, предварительное следствие по которым обязательно, в ст. 157 УПК РФ назван «производством неотложных следственных действий». Таким образом, на законодательном уровне была отменена двухстадийная классическая схема инквизиционного процесса, состоявшая из предварительного следствия и формального следствия. При этом дознание стало формой предварительного расследования, практически равнозначной по значению предварительному следствию.

Российский законодатель изначально подошел к регламентации процедуры основной формы дознания – дознания в полном объеме без должного внима-

[12] *Кривощеков Н. В*. Сокращенная форма дознания : шаг вперед или два шага назад? // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Тюмень, 27 марта 2013 г.). Тюмень, 2013. С. 57.

ния, что повлекло отнесение к подследственности дознания отдельных составов и даже групп преступлений (например, преступлений о несовершеннолетних), которые объективно не могли расследоваться в ускоренной форме. Был допущен и ряд других принципиальных ошибок. Самые крупные из них повлекли за собой немотивированный переход уголовных дел из дознания в органы предварительного следствия, волокиту расследования и нарушение конституционных прав участников уголовного судопроизводства. В результате в настоящее время в УПК РФ внесено значительное число изменений и дополнений, большая часть которых приходится именно на досудебное производство, в том числе на дознание. Уже 29 мая 2002 г. ст. 223 УПК РФ, устанавливающая порядок и сроки дознания, была дополнена положением о том, что предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, установленном как главами 22, 24–29, так и главой 21 УПК РФ (общие условия предварительного расследования)[13].

Следующее изменение коснулось срока дознания. Законодатель пошел по пути увеличения срока дознания. В соответствии с Законом от 4 июля 2003 г.[14] начальный срок дознания составил 20 суток с возможностью продления его прокурором на 10 суток.

Порядок производства дознания подвергся значительным коррективам Законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[15]. В первоначальной редакции УПК РФ дознание проводилось по уголовным делам, отнесенным к подследственности органов дознания, если они возбуждены в отношении конкретных лиц. Теперь же дознаватели были обязаны расследовать все преступления, перечисленные в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, независимо от того, установлено ли лицо, подозреваемое в совершении такого преступления. «Это позволило освободить следователей от расследования значительного числа уголовных дел о нераскрытых преступлениях небольшой и средней тяжести»[16].

Кроме того, этим же законом увеличен до 30 суток первоначальный срок дознания и предусмотрена возможность неоднократного его продления прокурором: до 30 суток, до 6 месяцев и до 12 месяцев. Продление сроков дознания, с одной стороны, обеспечивает полноту и качество расследования, однако при этом неизбежно стирается грань между предварительным следствием и дознанием, а дознание утрачивает ускоренный характер.

Единственное, что отличает дознание от такой же процедуры предварительного следствия – это субъект процессуального производства: в первом случае дознаватель, во втором – следователь.

Разработчики УПК РФ не смогли сформулировать уникальную процедуру дознания, подчеркнуть ускоренный и упрощенный характер, отражающий ее сущность. Так, закрепленная в УПК РФ система доказывания, по сути, общая и для дознания, и для предварительного следствия.

---

[13] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22. Ст. 2027.

[14] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Там же. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

[15] Там же. 2007. № 24. Ст. 2833.

[16] *Семенцов В. А., Науменко О. А.* Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования // Общество и право. 2011. № 4. С. 260.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[17] в УПК РФ была введена новая глава 32.1, положения которой регулируют производство дознания в сокращенной форме. С этого времени берет начало второй период современного этапа развития института дознания.

Таким образом, процессуальная форма предварительного расследования в российском уголовном процессе развивалась в направлении сокращения громоздких процедур досудебного производства, что вылилось в законодательное закрепление дознания как самостоятельной ускоренной и упрощенной формы расследования. Важнейшей оптимальной формой упрощенного производства по делам о незначительных преступлениях выступила протокольная форма досудебного производства. В части восприятия положительного опыта отечественного уголовного судопроизводства представляет интерес установленная продолжительность производства в протокольной форме – 10 суток без возможности продления. Именно такой срок и невозможность его продления может говорить об эффективности современного дознания в сокращенной форме. Десять суток должны быть достаточны при наличии условий для производства данной разновидности дознания. Если имеются какие-либо осложнения в виде обстоятельств, исключающих или препятствующих производству сокращенного дознания, то дознание должно проводиться в общем порядке.

---

[17] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

Воронежский государственный университет

Скрипченкова О. В., *аспирант кафедры криминалистики*

Voronezh State University

Scripchenkova O. V., *Post-graduate Student of the Criminalistics Department*

E-mail: baev@law.vsu.ru

УДК 343.1

А. А. Лотарев

ОСНОВАНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Рассматриваются теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы условно-досрочного освобождения осужденных иностранных граждан.
К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, основания, УДО, освобождения, иностранцы.

BASES OF PAROLE OF THE CONDEMNED FOREIGN CITIZENS

Theoretical, legislative and law-enforcement problems of parole of the condemned foreign citizens are considered.
K e y w o r d s: criminal process, bases, parole, releases, foreigners.

Поступила в редакцию 8 ноября 2015 г.

Происходящие в современный период изменения в мировой политике, а также ослабление социально-правовых институтов в странах бывшего СССР и ближневосточного региона усилили миграционные процессы в европейской части евразийского континента. Российская Федерация не стала исключением. Так, по данным Федеральной миграционной службы, в 2014 г. на территорию России въехало иностранных граждан 17 281 971 чел., из них остались на территории государства 11 072 255, из которых на миграционный учет поставлено 8 393 655 чел., что на 1 023 627 чел., или 12 %, больше, чем в 2013 г.[1]

Увеличение количества иностранных граждан негативно влияет на динамику преступности в Российской Федерации, в том числе формируемой данной категорией лиц, а также влечет рост числа осужденных иностранных граждан, содержащихся в местах лишения свободы. Так, в 2011 г. в изоляции от общества содержалось 26 937 иностранных граждан; в 2012 г. – 26 308; в 2013 г. – 27 930 чел.[2] Содержание такого значительного количества осужденных иностранных граждан требует увеличения затрачиваемых Российским государством средств финансового, материально-технического, ресурсного характера, что, по нашему мнению, снижает эффективность осуществляемой государственной финансовой политики.

Важным направлением в решении рассматриваемой проблемы выступает применение института условно-досрочного освобождения к осужденным к лишению свободы иностранным гражданам с последующей их депортацией в государства их гражданства, учитывая международный опыт, в частности Республики Азербайджан.

Условно-досрочное освобождение (далее – УДО) от отбывания наказания к осужденным иностранным гражданам применяется на основании правовых

[1] URL: http://www.fms.gov.ru (дата обращения: 21.10.2015).

[2] Данные, представленные УИПСУ ФСИН России.

© Лотарев А. А., 2016

норм, содержащихся в ст. 79 УК РФ. Препятствием для УДО не может выступать особая тяжесть преступления или большой срок наказания. Между тем главным условием применения УДО выступает решение суда о том, что для своего исправления осужденный иностранный гражданин не нуждается в полном отбывании уголовного наказания.

Для применения УДО к отмеченной категории осужденных требуется соблюдение не только материального критерия, обозначенного выше, но и наличие и учет формального. В частности, содержание формального критерия проявляется в том, что условно-досрочное освобождение может быть применено только после отбытия осужденным не менее одной трети срока при совершении преступления небольшой или средней тяжести, не менее одной второй – при совершении тяжкого преступления и двух третей – при совершении преступления особой тяжести или назначенного лицу, ранее условно-досрочно освободившемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным уголовным законом. Данные временные рамки были установлены в 2001 г.[3], когда были значительно сокращены сроки, после отбытия которых возможно условно-досрочное освобождение. По мнению Ю. М. Ткачевского, указанное изменение было ориентировано на значительное ускорение, а следовательно, на увеличение объемов применения условно-досрочного освобождения от уголовного наказания, что могло быть обусловлено переполненностью мест лишения свободы, а также необходимостью снижения расходов государства на содержание лиц, отбывающих уголовное наказание[4]. Однако данные нововведения вызвали неоднозначную реакцию среди ученых-юристов. Так, Т. Ф. Мензяева полагала, что «вряд ли такая позиция законодателя окажется способной содействовать стремлению осужденного к исправлению»[5]. Ю. М. Ткачевский отмечал, что столь резкое сокращение срока, после отбытия которого возможно условно-досрочное освобождение от наказания, представляется недостаточно обоснованным, а также противоречащим мировой практике правового регулирования рассматриваемого института[6].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что ранее таких кратких сроков, по отбытию которых было бы возможно применение условно-досрочного освобождения совершеннолетних осужденных, отечественное уголовное законодательство не предусматривало. На наш взгляд, данная мера, направленная на сокращение срока отбытия наказания, после которого осужденному может быть предоставлено УДО, положительным образом сказалась на приведение условий отбывания наказаний в исправительных учреждениях в соответствие с уголовно-исполнительным законодательством.

В данном случае нельзя обойти вниманием и такой спорный вопрос – с какого момента исчисляется фактически отбытый срок наказания: с момента вступления приговора суда в законную силу согласно ст. 390 УПК РФ либо же с момента

---

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ (в ред. от 08.12.2003) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 11. Ст. 1002.

[4] См.: *Ткачевский Ю. М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2002. № 1. С. 28–29.

[5] Цит. по: *Игнатов А. Н., Красиков Ю. А.* Курс российского уголовного права. Т. 1 : Общая часть. М., 2001. С. 491.

[6] См.: Российское уголовное право. Т.1 : Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2003. С. 541.

вступления в силу последнего приговора согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. от 03.12.2013)[7]. По приведенному вопросу мы разделяем точку зрения А. Кропачева, которая состоит в том, что срок отбывания наказания должен исчисляться с момента вступления первого приговора в законную силу, так как с этого момента правовое положение лица изменяется с «подсудимого» на «осужденного», весь период до вступления приговора в законную силу на лицо распространяется действие Федерального закона 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», определяющего права и обязанности, лица к которому применена мера пресечения, а не мера наказания[8].

Фактически отбытый осужденным иностранным гражданином срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев, так как это, по мнению законодателя, минимальный срок, необходимый сотрудникам учреждений УИС и прокурору по надзору за соблюдением законности в ИУ для изучения личности осужденного. В данном случае закономерен вопрос: целесообразен ли этот срок для осужденных иностранных граждан, которые согласно действующим нормативным актам[9] в принудительном порядке покинут пределы Российской Федерации?

Проведенный сравнительный анализ норм уголовного права европейских государств, касающихся УДО осужденных, показал, что в таких странах, как Швеция, Венгрия, Германия, Дания, Австрия минимальный абсолютный срок наказания, который необходимо отбыть для получения права на условно-досрочное освобождение составляет менее 6 месяцев и варьируется во временном промежутке от 1 до 3 месяцев, в странах постсоветского пространства данный срок равен 6 месяцам, а в Италии – 30 месяцам[10].

По нашему мнению, минимальный 6-месячный срок, установленный законодателем в том числе и в отношении осужденных иностранных граждан, завышен и материально не обоснован. Согласно ст. 43 УК РФ основной целью наказания является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Что же касается рассматриваемой категории лиц, то тут ключевой целью наказания, на наш взгляд, должно стать не исправление осужденного и не предупреждение новых преступлений, а в первую очередь восстановление социальной справедливости. Так как для их действительного исправления государству потребуется обучить квалифицированный персонал, способный оказывать на них воспитательное воздействие, подготовить соответствующую материально-техническую базу, привлечь переводчиков и т.д., т.е. затратить финансовые и человеческие ресурсы на лиц, которые после освобождения из мест лишения свободы должны быть депортированы из страны. Налицо – неэффективное расходование средств федерального бюджета.

---

[7] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

[8] См.: *Кропачев А.* Когда возникает право осужденного на условно-досрочное освобождение // Законность. М., 2003. № 9. С. 22–24.

[9] О порядке представления и рассмотрения документов для подготовки распоряжений Министерства юстиции Российской Федерации о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы : приказ Минюста РФ от 20 августа 2007 г. № 171 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 15. Ст. 1369.

[10] См.: *Додонов В. Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С. П. Щербы. М., 2009. С. 399–448.

Полагаем, что минимальный фактически отбытый срок лишения свободы для осужденных иностранных граждан должен быть равен сроку принятия решения Министерством юстиции Российской Федерации о нежелательности его пребывания на территории государства и не должен превышать двух месяцев. Данное предложение не распространяется на ту категорию осужденных, в отношении которой минимальные сроки для предоставления УДО были завышены законодателем ввиду их особой общественной опасности.

Кроме соблюдения материального и формального критериев при рассмотрении ходатайств осужденного об условно-досрочном освобождении судом учитывается факт – достигло ли наказание необходимых целей. Анализ судебной практики показал, что для вынесения положительного решения судом большое значение имеет поведение осужденного во время отбывания наказания, которое оценивается в соответствии со ст. 11 УИК РФ. Помимо этого учитываются такие обстоятельства, как: признал ли осужденный вину в совершенном им преступлении; погашен ли полностью или частично причиненный преступлением вред; положительно ли относится осужденный к труду и учебе; имеются ли место жительства, связи с родственниками, документы о согласии работодателя принять на работу после освобождения по УДО.

Если первые три критерия в равной степени распространяют свое действие как на российских осужденных, так и на осужденных иностранных граждан и не требуют никакой корректировки, а также выступают основополагающими при предоставлении осужденному иностранному гражданину право на условно-досрочное освобождение, то остальные критерии, на наш взгляд, слишком унифицированы и не могут отвечать реалиям, сложившимся в стране в целом и в уголовно-исполнительной системе в частности. Полагаем, что такие обстоятельства, как положительное отношение осужденного к труду и учебе, наличие места жительства, связей с родственниками, а также документов о согласии работодателя принять на работу после освобождения, не должны оказывать какого-либо влияния на решение суда при рассмотрении вопроса об УДО осужденного иностранного гражданина по той причине, что данное лицо в обязательном порядке будет депортировано в страну своего гражданства.

Таким образом, применение института условно-досрочного освобождения для осужденных иностранных граждан влечет возникновение ряда проблем теоретического, законодательного и правоприменительного характера, требующих глубокой и детальной проработки. Их решение позволит полностью оптимизировать правовой институт УДО, в максимальной степени обеспечить соблюдение прав, законных интересов иностранных граждан, осужденных к лишению свободы, на что нацелены российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также пенитенциарная практика.

Академия ФСИН России (г. Рязань)

Лотарев А. А., *адъюнкт ФПНПК*

Academy FSIN of Russia

Lotarev A. A., *Adjunct*

E-mail: moa_0510@mail.ru

УДК 343.1

А. А. Насонов

О СОСТОЯНИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛИЦА, ЗАПРАШИВАЕМОГО ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ К ВЫДАЧЕ

Рассматриваются особенности правовой регламентации прав лица, запрашиваемого к выдаче. Обосновывается необходимость совершенствования правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запрашиваемого иностранным государством к выдаче. Анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство, международные договоры, зарубежное законодательство.
К л ю ч е в ы е с л о в а: лицо, запрашиваемое к выдаче; права; процессуальные возможности; защита; правовая регламентация; заключение под стражу; задержание; международные договоры.

STATUS OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURAL CAPABILITIES OF THE PERSON SOUGHT BY A FOREIGN STATE FOR EXTRADITION

The article with deals peculiarities of legal regulation of the rights of the person sought for extradition. The necessity of improvement of legal regulation of the procedural capabilities of the person sought by a foreign state for extradition. In this regard, the author analyzes the current criminal procedure legislation, international treaties, foreign legislation.
K e y w o r d s: the person requested for extradition; law; legal; protection; legal regulation; taking into custody; detention; international treaties.

Поступила в редакцию 10 февраля 2016 г.

Лицо, запрашиваемое иностранным государством к выдаче, так же как и другие лица, задействованные в уголовном судопроизводстве, должны быть наделены необходимыми процессуальными возможностями для защиты своих законных интересов. Однако УПК РФ не содержит четкого перечня прав и обязанностей лица, запрашиваемого к выдаче.

Отсутствие надлежащей регламентации в УПК РФ правового статуса лица, выдача которого запрашивается, послужило поводом для научных исследований в указанной области. Одним из них является диссертационное исследование А. Е. Косаревой, в котором автор предлагает следующую систему прав запрашиваемого лица:

«– знать, в чем оно обвиняется (подозревается либо за что осуждено) на территории иностранного государства, т.е. основания, в связи с которыми лицо было объявлено в международный (межгосударственный) розыск и впоследствии задержано на территории Российской Федерации;

– пользоваться помощью переводчика;

© Насонов А. А., 2016

– пользоваться помощью защитника, с которым можно иметь возможность конфиденциальных бесед без ограничения во времени;

– давать устные и письменные объяснения;

– знакомиться с представленными в суд материалами в полном объеме как через защитника, так и непосредственно;

– лично участвовать в рассмотрении представленных материалов судом;

– заявлять суду ходатайства и отводы;

– представлять по существу поданной жалобы дополнительные документы;

– знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания;

– использовать право обжалования, предусмотренное ч. 9 ст. 463 УПК РФ»[1].

Часть прав, указанных в приведенном перечне, в той или иной интерпретации закреплена в действующих уголовно-процессуальных нормах. Например, право лица, выдача которого запрашивается, на обжалование предусмотрено в следующих формах: право на обжалование решения Генерального прокурора РФ или его заместителя о выдаче (ч. 1 ст. 463 УПК РФ); право лица и защитника на обоснование жалобы на решение о выдаче в судебном заседании (ч. 5 ст. 463 УПК РФ); право на апелляционное обжалование постановления судьи (ч. 9 ст. 463 УПК РФ).

Отстаиваемое в литературе право личного участия лица в рассмотрении представленных материалов судом обусловлено закрепленной в УПК РФ возможностью личного участия в судебном заседании (ч. 4 ст. 463 УПК РФ).

О возможности пользоваться помощью защитника, законодатель также не забыл, правда, применительно к судебной процедуре обжалования решения о выдаче лица (ч. 4 ст. 463 УПК РФ).

Право лица, выдача которого запрашивается, воспользоваться помощью переводчика вытекает из общей нормы, закрепляющей один из важнейших принципов уголовного судопроизводства – принцип языка уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ).

Полагаем, что правовая регламентация процессуальных возможностей лица, выдача которого запрашивается, должна быть более четкой и детализированной по указанным направлениям.

Требуют также систематизации и иные права указанного лица, представленные в УПК РФ: на получение письменного уведомления о решении, принятом в отношении его Генеральным прокурором РФ или его заместителем (ч. 5 ст. 462); не подвергаться выдаче в случае обжалования решения Генерального прокурора РФ или его заместителя (ч. 6 ст. 462); на проверку законности и обоснованности решения в открытом судебном заседании (ч. 4 ст. 463); на разъяснение прав, обязанностей и ответственности как участнику судебного разбирательства (ч. 4 ст. 463).

Отдельно стоит сказать о правах лица, выдача которого запрашивается, возникающих у него в связи с применением к нему задержания и заключения под стражу. Эти права образуют целый блок, правовым фундаментом которого на уровне национального законодательства выступают нормы, содержащиеся не только в главе 54 УПК РФ, но и в статьях кодекса, к ней не относящихся (ст. 108 «Заключение под стражу», ст. 109 «Сроки содержания под стражей», статьи главы 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого»), но распространяющихся на правоотношения, вытекающие из международно-правовых обязательств по задержанию, заключению под стражу и выдаче лиц, совершивших преступления на территории

[1] *Косарева А. Е.* Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 14.

других государств, и применяемых во взаимосвязи со ст. 466 УПК РФ «Избрание или применение меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица». Этот блок представлен, главным образом, следующими правовыми возможностями: на освобождение из-под стражи, если лицо не будет принято в течение 15 суток со дня, установленного для передачи (ч. 1 ст. 467 УПК РФ); на освобождение по истечении 30 суток со дня, установленного для его передачи (ч. 5 ст. 467 УПК РФ); на применение к нему меры пресечения в соответствии с требованиями УПК РФ, если не представлено решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу (ч. 1 ст. 466); не быть задержанным, привлеченным в качестве обвиняемого, осужденным без согласия государства, его выдавшего, передано третьему государству за преступления, не указанные в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 461); на обязательное участие в судебном заседании лица и его защитника, законного представителя несовершеннолетнего, в котором рассматривается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4 ст. 108); на разъяснение прав и обязанностей судьей в судебном заседании, в котором решается вопрос об избрании меры пресечения к лицу (ч. 6 ст. 108); на обжалование постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в апелляционном порядке (ч. 11 ст. 108); на незамедлительное уведомление кого-либо из близких родственников лица, при их отсутствии – других его родственников о месте содержания этого лица под стражей или изменении места содержания под стражей (ч. 12 ст. 108); на зачет в срок содержания под стражей времени: а) на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; б) домашнего ареста; в) принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по решению суда; г) в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ (ч. 10 ст. 109); на обязательное участие лица и его защитника в судебном заседании, в котором рассматривается вопрос о продлении срока, за исключением случаев нахождения обвиняемого на стационарной судебно-психиатрической экспертизе и иных обстоятельств, исключающих возможность его доставления в суд, что должно быть подтверждено соответствующими документами (ч. 13 ст. 109).

Следует отметить, что возможности лица, выдача которого запрашивается, предусмотрены не только в национальном законодательстве. Об их существовании можно сделать вывод, проанализировав некоторые многосторонние международные договоры Российской Федерации, регламентирующие вопросы выдачи. В чем особенность их закрепления в указанных источниках? Во-первых, в общих положениях, касающихся указанных возможностей, прослеживается в той или иной форме цель беспрепятственной реализации права лица на защиту. Показательны в этом плане положения об эффективных средствах правовой защиты в целях сохранения своих прав (ст. 5 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.); о гарантированности справедливого обращения с лицом на всех стадиях производства, включая осуществление всех прав и гарантий, предусмотренных внутренним законодательством государства-участника, на территории которого находится это лицо (ч. 13 ст. 16 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.); о праве граждан каждой из договаривающихся сторон, а также других лиц, проживающих на ее тер-

ритории, свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру, органы внутренних дел и иные учреждения других договаривающихся сторон, к компетенции которых относятся в том числе уголовные дела, могут выступать в них, подавать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане данной договаривающейся стороны (ст. 1 Минской конвенции 1993 г.). Кстати, некоторые из указанных в многосторонних международных договорах положений общего характера почти полностью воспроизводятся в двусторонних договорах. Так, о праве лиц, предусмотренном ст. 1 Минской конвенции 1993 г., говорится, например, в Договоре между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 г. (ч. 2 ст. 1), Договоре между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. (ч. 2 ст. 1), Договоре между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г. (ч. 2 ст. 1) и др.

Во-вторых, о правовых возможностях лица, выдача которого запрашивается, в международных договорах говорится, главным образом, в контексте его задержания и заключения под стражу (например, ст. 60–62 Минской конвенции 1993 г.; ст. 16 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 2000 г.; ст. 16 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. (с изм. от 10.11.2010).

В-третьих, правовая регламентация возможностей указанного лица в связи с применением к нему задержания и заключения под стражу характеризуется большей подробностью. В частности, более детализированы случаи освобождения задержанного или взятого под стражу лица, выдача которого запрашивается. Они связаны с поступлением уведомления запрашивающей договаривающейся стороны о необходимости освобождения лица, взятого под стражу; неполучением запрашиваемой договаривающейся стороной в течение 40 дней со дня взятия под стражу требования о выдаче со всеми приложенными к нему документами; непоступлением в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания, ходатайства о взятии под стражу задержанного лица (ст. 62 Минской конвенции 1993 г.).

В-четвертых, скудность спектра закрепленных в них прав лица, выдача которого запрашивается, не позволяет безоговорочно говорить о нем как о полноправном субъекте правоотношений, возникающих в связи с выдачей лица для уголовного преследования. Ведь его интересы особенно нуждаются в защите, реализовать которую в полной мере может лишь активный носитель этих интересов со своими правами, выступая не объектом, а субъектом данного вида правоотношений.

Кроме международных договоров и УПК РФ, судить о тех или иных возможностях лица, четко не прописанных в указанных документах, можно и по судебной практике. Изучение постановлений Европейского суда по правам человека позволяет, например, говорить о праве на ходатайство перед Генеральной прокуратурой РФ об отказе в запросе иностранного государства о его выдаче; подачу жалобы в прокуратуру на действия сотрудников правоохранительных органов, предпринятых в отношении лица, выдача которого запрашивается; обжалование в вышестоящий орган прокуратуры; подачу жалобы в соответствии со ст. 125 УПК РФ на действия должностных лиц и др. Приведенные в данных примерах возможности являются различными формами таких более общих прав, закрепляемых в главе 6 УПК РФ (в

отношении потерпевшего) и главе 7 УПК РФ (применительно к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты), как право на заявление ходатайства и на обжалование действий, решений правоприменителя. Поскольку предусмотреть все формы общих прав лица, выдача которого обжалуется, весьма затруднительно, да и нет целесообразности в такой детализации, то очевидна потребность в статье, закрепляющей общие возможности данного субъекта, по типу тех, которые содержат нормы, адресованные таким участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты, как, например, подозреваемым (ст. 46 УПК РФ), обвиняемым (ст. 47 УПК РФ). Сравнение лица, выдача которого запрашивается, именно с этой группой участников уголовного судопроизводства особенно уместно, поскольку указанное лицо выполняет уголовно-процессуальную функцию защиты, о которой немало говорилось в литературе[2]. Об этом свидетельствует и характер процессуальных возможностей лица, выдача которого запрашивается. Они же одновременно являются условиями для действительного осуществления указанным субъектом своей уголовно-процессуальной функции. К сожалению, УПК РФ не отличается четкостью в закреплении уголовно-процессуальной функции защиты за лицом, выдача которого запрашивается. О принадлежности данному лицу указанной функции позволяет судить прежде всего название участника, отстаивающего его интересы в ходе оказания юридической помощи и следующего позиции лица, выдача которого запрашивается. Таким участником является защитник, которого законодатель относит к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты (глава 7, ст. 49 УПК РФ).

В отличие от УПК РФ УПК Республики Беларусь совершенно недвусмысленно признал носителем функции защиты лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (п. 9 ст. 6). Полагаем, что такой подход может быть взят на вооружение российским законодателем. Ведь характер выполняемых в ходе выдачи процессуальных действий в отношении лица, выдача которого запрашивается, обусловливает защитную деятельность как со стороны самого лица, так и со стороны его защитника и законного представителя.

Таким образом, совершенствование правовой регламентации процессуальных возможностей лица, запрашиваемого к выдаче, необходимо для повышения эффективности его защиты в уголовном судопроизводстве. Решение этой проблемы является актуальным особенно в контексте достижения назначения уголовного судопроизводства.

---

[2] См.: *Дмитриева Н. А*. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней института адвокатуры : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 187 с. ; *Насонова И. А.* Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования. Воронеж, 2002 ; *Насонова И. А., Туров Д. А.* Теоретические аспекты принципа состязательности в уголовном процессе России // Проблемы состязательного правосудия : сб. науч. трудов. Волгоград, 2005. С. 4–13 ; и др.

Воронежский государственный университет
Насонов А. А., *аспирант кафедры уголовного процесса*

Voronezh State University
Nasonov A. A., *Post-graduate Student of the Criminal Process Department*
E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

УДК 340

Ю. А. Иванов

СУД И СУДОПРОИЗВОДСТВО ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА

Рассмотрены вопросы эволюции организации судебной власти и судопроизводства западных славян (Чехия, Моравия, Польша) в период Средневековья.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Чехия, Моравия, Польша, славяне, суд, судопроизводство, ответственность, наказание.

THE ORGANIZATION OF JUDICIARY AND PROCESS OF WESTERN SLAVS IN THE MIDDLE AGES

The article deals with the evolution of the organization of judiciary and process of Western Slavs (Bohemia, Moravia, Poland) in the Middle Ages.
K e y w o r d s: Bohemia, Moravia, Poland, the Slavs, the court proceedings, responsibility, punishment.

Поступила в редакцию 30 января 2016 г.

Со второй половины VII в. у славян начинаются процессы образования государств, в рамках которых происходило формирование отдельных славянских народностей.

У западных славян вплоть до периода Высокого Средневековья (XII–XIII вв.) государственность сохраняла вид варварского королевства или раннефеодальной монархии. Слабой была и степень феодализации общественного уклада, исключая те народы, которые были под влиянием или властью более мощных политических образований – Священной Римской или Византийской империи.

Феодальная самостоятельная государственность в истории западных славян была по протяженности самой продолжительной. Однако уже в период развитого феодализма и в начале Нового времени славянские территории были включены в состав мощных государственных образований – Российскую и Австро-Венгерскую империи. Раннефеодальные славянские государства, пережив период феодальной раздробленности, не получили, за исключением поляков, опыта сословно-представительной монархии в рамках собственных государств, а период абсолютизма для всех зарубежных славян прошел под знаком господства иноязычного и инородного элемента.

Эти обстоятельства имели решающее значение на процесс формирования государства и права славянских народов. Большое влияние на феодальное право оказали развитые правовые системы, возникшие в государствах имперского характера. Нередко право славянских государств представляло историческую переработку или прямое заимствование институтов права и даже целых правовых

© Иванов Ю. А., 2016

кодексов. Тем не менее право имперских народов было адаптировано к местным общественным славянским особенностям и поэтому приобрело во многом уникальные черты. Собственные правовые памятники у западных и южных славян появились относительно поздно – с XIII в. Это происходило под более значительным, чем на западе Европы, влиянием королевского законодательства, нередко и ограничивалось им.

Судебная система в чешских и моравских землях начала приобретать более-менее конкретные черты в XII–XIII вв. Однако большинство процессуальных норм продолжали базироваться на обычае, а компетенция судебных органов ясно не была определена.

Самые важные судебные разбирательства, преимущественно по государственным вопросам, осуществлялись на дворянских собраниях. Государь выполнял на них функции председателя, а техническую сторону процесса обеспечивал княжеский или королевский дворский судья.

Довольно часто собирался дворский суд при дворе государя, компетенция которого была практически неограниченной. Судебное разбирательство поручалось в этих случаях дворскому судье, а в качестве судебных должностных лиц выступали наивысший коморник (собирал выплаты и штрафы), пугонцы (вызывали в суд, обеспечивали исполнение судебных решений).

В градах судебными правомочиями обладали сановники, назначенные князем (королем). Постепенно появилась специальная должность градского судьи. В судебном разбирательстве принимали участие высшие чины градского управления и богатые местные землевладельцы.

В XII–XIII вв. происходило формирование специальных судов господ над зависимым населением: владарские в градах и вотчинные суды. С XIII–XIV вв. чешские и моравские суды приобрели ярко выраженную сословную окраску.

Главной судебной инстанцией на протяжении всего периода сословно-представительной монархии в землях Чешской короны являлся шляхетский земский суд. В Чехии земский суд заседал в Праге, в Моравии существовали два земских суда – в Брно и Оломоуце. В их состав входили: король или местный князь (например, маркграф Моравский) либо их заместители; высшие земские чины; шляхетские заседатели. В земских судах были более четко определены функции должностных лиц и участников судебного разбирательства. Коморник обеспечивал фискальные интересы, судья вел разбирательство, писарь занимался протоколом. В пражском суде первоначально было 12 заседателей, позднее и в Чехии, и в Моравии их число возросло до 20. Панство и рыцарство обычно распределяли количество заседательских мест на основе договора. Земские суды заседали, как правило, четыре раза в году, в период религиозных постов, которые носили название «сухие дни».

К числу других шляхетских судов в землях Чешской короны относились основанный в XIV в. коморный суд – при коморнике, прерогативой которого стали споры о дворянских имениях; суд маршалка, занимавшийся вопросами шляхетской чести; дворский суд, в компетенции которого находились проблемы ленов и выморочного имущества шляхты; суд наивысшего бургграфа, являвшийся всесословной и экзекутивной инстанцией.

В первой половине XVI в. король Фердинанд попытался создать общий бессословный суд, который находился бы под контролем центральной власти. Королевским указом такая инстанция была создана, ее председателем стал

высший гофмейстер. Двенадцать присяжных заседателей назначались лично королем из членов королевского совета, состоявшего в основном из представителей высшего шляхетского и рыцарского сословий. Новый суд должен был работать ежедневно, кроме среды и субботы, а расходы по его содержанию нес король.

Особой сложностью отличалось городское судопроизводство. В каждом городе были свои судьи – местные рыхтаржи, или фойты, которые решали незначительные гражданские и уголовные дела. Все серьезные судебные вопросы относились к компетенции трибуналов радних – членов городской управы или трибуналов шефов во главе с бургомистром. В начале XVI в. в Праге возникли десятипанские суды, заседателями которого являлись десять членов городского совета. Они разбирали гражданские иски по значительным суммам. При решении сложных дел суды малых городов часто обращались за консультациями к судам более крупных городов. Кроме того, в течение достаточно длительного времени существовала возможность апелляции к одному из известнейших иностранных судов, например суду в Магдебурге.

Помимо перечисленных судебных инстанций в период развитого Средневековья действовали специальные суды – горные в городах рудокопов; суды сельских рыхтаржей, или фойтов, и коншелов, разбиравших дела от имени феодала; церковные суды после получения широких иммунитетов церковью; суд Пражского университета; суды еврейских общин в отдельных городах и др.

Чешское земельное право к середине XIV в. имело уже сложившуюся собственную систему, в том числе и определенный порядок в земском суде и правила судебного процесса. В средневековой Чехии не существовало деления судебного процесса на гражданский и уголовный. Наиболее характерным в Чехии являлся судебный процесс по делам о нанесении ущерба имуществу и личности. Процесс в основном велся устно и отличался многостадийностью и формализмом, что приводило к затягиванию судебных споров. Сложные процессуальные порядки привели к появлению профессиональных знатоков процессуального права, так называемых «ораторов» – адвокатов. Судебное следствие было довольно дорогим, поскольку процессуальное действие было связано с оплатой. Поэтому стороны часто стремились решить спор частным образом, посредством договора о мирном решении спора или с помощью арбитра (ubrmane).

Процесс в земских судах условно можно разделить на три части: а) предварительные действия; б) судебное следствие; в) исполнение судебного решения.

Предварительные действия начинались с того, что потерпевший должен был оповестить соседей о нанесенном ущербе или дать знать каким-либо способом об этом в кратчайший срок. Запись земской книги 1350 г. говорит о том, что «поправцы» и жители обязаны были оказать помощь при крике пострадавшему, а кто не окажет помощи, платит штраф 5 марок. Сообщать о случившемся можно было поправцам или судебным чиновникам по существу жалобы. Чешские источники позднего периода Средневековья говорят об оповещении как необходимом предварительном действии, называемом пугон (puhon), или вызов в земский суд. Жалобы записывались в земские книги или доски. Вызов в суд было делом суда. Для большинства жалоб вызовы совершались несколько раз. Наиболее характерным был тройной вызов в суд. Между вызовом в суд и сроком явки устанавливался срок от двух до шести недель. Вызов сопровождался множеством формальностей, несоблюдение которых влекло за собой аннулирование вызова.

Судебное разбирательство начиналось после проверки правильности вызова в суд. Последствием вызова было то, что на имущество ответчика накладывались обязательства и ответственность в случае проигрыша им дела. Это являлось характерной чертой земского суда в Чехии.

После объявления существа спора устанавливалось присутствие истца и ответчика. Если стороны присутствовали, начиналось устное следствие. В случае если одна из сторон отсутствовала, то, как правило, проигрывало дело. В то же время было принято, что сторона, которая не имела возможности присутствовать на суде, могла просить о перенесении суда на более позднее время.

В судебном заседании стороны излагали свои жалобы, прибегая к различным доказательствам. Самыми важными доказательствами были записи в земских досках и оспаривание их было невозможно. Большую роль играли также присяги, вещественные доказательства и свидетельские показания. Если в раннем Средневековье в качестве доказательств широко использовались ордалии – раскаленным железом и водой, то уже «Majestas Carolina» строго запрещает использование обычая присяги посредством раскаленного железа и опущения в воду под страхом лишения имущества и смертной казни. После рассмотрения всех показаний и доказательств суд выносил приговор. Вехами для этого правотворческого процесса служили законы, обычаи и юридическая практика. С введением «Majestas Carolina» при вынесении приговора вводился новый принцип – решение земского суда должно быть принято только в строгом соответствии с текстом Законника. Решение земского суда было окончательным и не подлежало апелляции.

После вынесения приговора наступает третья стадия процесса – исполнение решения. В Чехии исполнение решения земского суда было связано с имуществом ответчика и носило особые черты. Устанавливался двухнедельный срок для возможного добровольного исполнения проигравшей стороной судебного решения – так называемый уговор (umluva). Истец должен был послать к проигравшей стороне особого служащего суда – пугончего, для того чтобы через него договориться с ответчиком о выполнении приговора. Если ответчик отказался от уговора с истцом, то специальный служащий суда должен был официально призвать исполнить решение суда или ввести истца в имущество ответчика. Введение в имущество заключалось в официальной подготовке недвижимого имущества осужденного к соответствующим правовым операциям с ним, в том числе и его реализацию. Оно было временным и длилось до полного удовлетворения истца за счет имущества проигравшего. Если же исполнялось решение, по которому присуждалась недвижимость, истец становился держателем нового имущества и ему выдавалось так называемое охранное свидетельство.

Неразделенность судебных и административных полномочий, характерная для европейского Средневековья, присутствовала и в организации польской судебной власти. В Польском государстве XIII в., когда страна находилась в состоянии политической раздробленности, высшей судебной властью в каждом княжестве обладал удельный князь, который отправлял суд в своей резиденции при участии высших придворных сановников. При этом наиболее важные дела князь решал обычно на вече, где наряду с феодальной знатью принимали также участие судья и подсудок, помогавшие князю в соблюдении процессуальных формальностей.

В связи с объединением страны и централизацией государственного аппарата произошли изменения в организации польских судебных органов. Судами первой инстанции стали суды земские и подкормские. Земский суд, состоявший из судьи, его заместителя, писаря и кормников, имелся, как правило, в каждом воеводстве. В определенные сроки («рочки») он поочередно объезжал все поветы, входившие в состав воеводства и рассматривал различные уголовные и гражданские дела. При рассмотрении уголовных дел в работе земского суда принимали участие пять-шесть представителей местной феодальной знати. В компетенции земских судов находились почти все уголовные и гражданские дела шляхты по первой инстанции.

Подкормский суд, возникший раньше земского, выполнял функции «межевого», или пограничного, суда, поскольку решал спорные дела, касавшиеся спорных границ между землевладениями.

Кроме земского и подкормского судов на местах существовали суды представителей королевской администрации – старостинские суды, в которых с конца XIV в. вместо старосты председательствовать начали их заместители – подстаросты. Старостинскому суду были подсудны как шляхта, так и все остальное свободное население области, не допускавшееся к сословным феодальным земским и подкормским судам.

Выше всех перечисленных судов находились вече, судебное разбирательство на которых осуществлялось везде за исключением Малой Польши под председательством старосты. Вече осуществляло суд по важнейшим делам, причем критерием этой важности выступал не всегда состав преступления, а в ряде случаев его отдельные элементы, например совершение преступления каким-либо должностным лицом и др.

Над всеми судами стоял королевский суд как высшая судебная и единственная апелляционная инстанция в стране. К осуществлению судопроизводства в нем привлекались кроме специальных судей так называемые асессоры, назначенные королем из числа высших государственных сановников. Королевский суд не только рассматривал дела во дворце монарха, но и выезжал в провинцию. Компетенция королевского суда, по существу, была неограниченной.

В городах, переведенных на немецкое право, судебные полномочия осуществлял войт как глава городской общины совместно с выборными присяжными заседателями – лавниками. Параллельно с судом – лавой – вскоре в городах начали появляться суды рады (городского совета). В деревнях, переведенных на немецкое право, суд осуществлял солтыс вместе с выборными лавниками, а по важнейшим уголовным и гражданским делам не менее трех раз в год собирались под председательством владельца деревни «великие гайонные суды».

Все суды, организовавшиеся на основе немецкого права, обращались в затруднительных случаях в германские города к местным судам за консультациями. Стремясь ликвидировать подобного рода практику, Казимир III в 1356 г. основал высший Замковый суд немецкого права в Кракове, который являлся апелляционной инстанцией на приговоры и решения городских и сельских лав. В свою очередь, на приговор Замкового суда можно было апеллировать в особый королевский суд, составленный из представителей шести городов – Кракова, Сонча, Велички, Бохнии, Казимира и Илькуша. Однако реально суды немецкого права и после этого продолжали обращаться за правовой помощью в Магдебург.

Вотчинные и церковные суды в Польше обладали теми же характерными чертами, что и в остальной средневековой Европе.

Правовые памятники Польши XIII–XIV вв. свидетельствуют о наличии в этот период подробной регламентации судопроизводства. Так, в Полном своде статутов Казимира Великого, состоявшего из двух статутов – Вислицкого (Малопольского) и Петрковского (Великопольского), из имевшихся в нем 165 статей вопросам судопроизводства посвящено 89 статей. Детально регламентируя вопросы процесса, памятники, тем не менее, не разграничивают, как правило, гражданское и уголовное судопроизводство.

Начальной стадией судебного процесса служило заявление истца. Обращаться в суд с иском имели право только лица, достигшие совершеннолетия. На основании заявления истца суд производил вызов ответчика. Если в XIII в., согласно Польской правде, ответчика вызывал по поручению судьи коморник, то в XIV в. вызов осуществлялся специальными судебными чиновниками. Форма вызова была по преимуществу устной. Вислицкий статут предусматривал, что вызов ответчика должен был производиться за три недели до рассмотрения дела, чтобы ответчик имел возможность подготовиться к процессу.

Истец и ответчик обязаны были явиться в суд в назначенный судьей срок. По Вислицкому статуту за неявку в суд в назначенный срок без уважительной причины ответчик приговаривался к конфискации у него одного или двух волов. В случае неявки ответчика после троекратного вызова он проигрывал дело. Если в суд не являлся истец, то при наличии на месте ответчика дело решалось в пользу последнего. Истец и ответчик могли поручить ведение дела в суде другим лицам – уполномоченным или поверенным, которые в источниках называются прокураторами, или адвокатами.

Рассмотрение дела в суде начиналось с разъяснения истца сущности своего заявления с четкой формулировкой выдвинутых требований. На эти требования ответчик давал свои объяснения или возражения. Вместе с тем ответчик имел право отказаться отвечать на задаваемые вопросы судьи в трех случаях: если ответчик ссылался на свою неподсудность данному суду; если он еще не достиг совершеннолетия; если он просил суд в целях более полного рассмотрения дела вызвать указанное им третье лицо. Защищая свои интересы, ответчик имел право ссылаться на истечение срока исковой давности. В начальной стадии рассмотрения дела ответчик мог заявить против жалобы истца так называемый встречный иск.

После начальной стадии судопроизводства судья переходил к рассмотрению доказательств, предоставленных сторонами. В качестве судебных доказательств принимались: собственное признание, присяга, показания свидетелей, официальные (королевские привилегии) и частные (долговые обязательства) документы. Постепенно из набора судебных доказательств в период развитого и позднего польского средневековья вытеснялись судебные поединки и ордалии.

После выступления сторон и оценки всех полученных доказательств суд выносил свое решение. Сторона, выигравшая дело, должна была внести в пользу разбиравшего спор судьи соответствующую плату, которая называлась «подарком на память». Закон разрешал судье взимать за разбирательство крупных дел четыре гроша, за рассмотрение мелких дел – два гроша. Если истец проигрывал дело, то он уплачивал в пользу судьи крупный штраф.

Большая часть уголовных правонарушений носила вплоть до конца развитого Средневековья характер частного обвинения, поэтому судопроизводство по

уголовному делу начиналось, как правило, после подачи потерпевшей стороной заявления в суд. Заявитель обязан был указать в своей жалобе имя убийцы, так как судьи по закону не имели права расследовать дела об убийстве, если имя совершившего преступление было неизвестно. Получив заявление, судья выделял в помощь обвинителю специального судебного чиновника для расследования преступления и вызова обвиняемого в суд. Непосредственное судопроизводство по уголовным делам осуществлялось по сходному с гражданским процессом сценарию.

Воронежский государственный университет

Иванов Ю. А., *кандидат исторических наук,*
доцент кафедры теории и истории государства и права

Voronezh State University

Ivanov Yu. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: ivanov@law.vsu.ru

УДК 343.1

Л. И. Малахова, Д. В. Зотов

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу: Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. А. П. Кругликов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 688 с.

Поступила в редакцию 16 мая 2016 г.

В 2016 г. исполняется 15 лет принятию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Это приличный срок, позволяющий подводить определенные итоги и делать прогнозы для дальнейшего развития теории и практики уголовно-процессуальной деятельности. Постоянные, а порой и несистемные изменения Кодекса требуют осмысления новых законодательных новелл, анализа и изучения проблемных ситуаций, преподнесения различных точек зрения по тому или иному вопросу в изучении студентами вузов курса уголовного процесса. В связи с этим можно приветствовать появление новых, глубоких и оригинальных работ, к числу которых с полной уверенностью следует отнести учебник для бакалавров «Уголовный процесс» под редакцией А. П. Кругликова.

Прежде всего, вызывает интерес авторский коллектив учебника, включающий представителей различных авторитетных российских школ уголовно-процессуального права, проводящих исследования как в классических традициях отечественной науки, так и пытающихся привить «революционные» новации теории уголовного судопроизводства.

К числу положительных сторон учебника следует отнести проработанность его структуры. Учебник традиционно делится на две части: Общую и Особенную с разбивкой на соответствующие главы. Особое внимание в Общей части уделено назначению и задачам уголовного судопроизводства, источникам уголовно-процессуального права и механизму уголовно-процессуального регулирования, законодательной регламентации уголовно-процессуальных принципов, необходимости установления по каждому уголовному делу истины, механизму обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве. Отдельно авторы уделяют углубленное внимание изучению гражданского иска в уголовном процессе, раскрывают понятие, классификацию и виды доказательств, элементы процесса доказывания, анализируют меры уголовно-процессуального принуждения и иные положения, содержащиеся в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Довольно удачным в Общей части является анализ исторических типов процесса. Всякий, кто начинает читать учебник, с первых глав оказывается погруженным в интересную материю. Разумеется, названные типы уголовного процесса не встречаются в чистом виде, а представляют собой идеальные модели, но их сочетание в различных видах позволяет сконструировать исторические типы уголовного судопроизводства отдельных стран.

© Малахова Л. И., Зотов Д. В., 2016

Однако исторические аспекты были бы выдержаны авторами в полном объеме, если был бы представлен раздел, посвященный развитию отечественного уголовного процесса, что позволило бы проследить преемственность и достижения уголовно-процессуальной науки. Компенсацией здесь выступает изложение различных академических взглядов ученых по тем или иным проблемам уголовного процесса, которые рассредоточены по всей работе. Авторы, излагая тот или иной вопрос курса, предлагают различные научные подходы, что, с одной стороны, свидетельствует о глубине изложения, а с другой – затрудняет формирование устойчивого «азбучного» понимания материала студентами-бакалаврами. Предложеннй подход в большей степени соответствует формированию знаний у обучающихся в магистратуре.

Значительное внимание уделено в работе принципам уголовного процесса (глава 3). Формулировка дефиниции принципов, анализ тех из них, которые закреплены в УПК РФ, вызывают поддержку и одобрение. Предложены различные основания для классификации основных начал. Вместе с тем ряду принципов не нашлось места в учебнике. Так, авторы не говорят о необходимости восстановления принципа всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела (принцип материальной истины), называя диспозитивность в качестве принципа, не проводят разграничения с дискреционным усмотрением и др.

Значительное внимание на страницах учебника уделено доказательствам и доказыванию. Раскрывая свойства доказательств, авторы ведут речь только об относимости и допустимости доказательств и обходят стороной другие их свойства (например, достаточность).

Особенная часть учебника посвящена производствам в отдельных стадиях уголовного процесса, а также включает в себя производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц, производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении отдельных категорий лиц, а также международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Раздел «Особенная часть» открывает глава «Возбуждение уголовного дела», в которой раскрываются особенности возбуждения уголовного дела как публичного, так и частнопубличного обвинения.

При анализе форм предварительного расследования удачным является рассмотрение вопроса о взаимодействии следователя и органов дознания. Сожаление вызывает лишь то, что авторы обошли вниманием вопрос о производстве дознания по неотложным следственным действиям с передачей материалов уголовного дела следователю.

Рассматривая вопросы, связанные с подсудностью уголовных дел, необходимо было рассмотреть и такой вид подсудности, как персональная (специальная) подсудность (с. 493–498).

Много интересного и полезного высказано авторами в главе, посвященной постановлению приговора (глава 28), хотя здесь есть определенного рода замечания. Рассматривая виды обвинительного приговора, наряду с УПК РФ, необходимо учитывать положения УК РФ и УИК РФ. Авторы выделяют три вида обвинительного приговора: обвинительный приговор с назначением наказания, подлежащего отбыванию; с назначением наказания и освобождением от его отбывания и без назначения наказания (с. 539–541). На наш взгляд, следует выделить еще и обвинительный приговор без назначения наказания. Такой приговор постановляется

в случае, если издан акт об амнистии, исключающий наказание за это преступление, либо в связи с истечением сроков давности (ст. 83, 84 УК РФ). Также отдельно выделяют обвинительный приговор с назначением наказания и отсрочкой его исполнения. Он постановляется при наличии одного из следующих оснований: 1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления; 2) беременность осужденной или наличие у нее малолетних детей – до достижения младшим ребенком возраста 14 лет, за исключением осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности; 3) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев (ч. 1 ст. 398 УПК РФ, ст. 81, 82 УК РФ).

Глава 35 «Производство в кассационной и надзорной инстанциях» изложена не совсем удачно. Следовало бы отдельно проанализировать законодательные положения кассационного производства и сущность производства в надзорной инстанции. Данная глава может вызывать определенные трудности при изучении у студентов.

Заслуживает одобрения и поддержки глава 37 учебника, посвященная производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В этой главе подробно с учетом анализа международных актов раскрыты как особенности предварительного расследования, так и особенности судебного разбирательства.

Интересно изложена глава 40 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Авторы уделили пристальное внимание вопросам экстрадиции лица для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передаче лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является.

Рецензируемый учебник является значительным вкладом в развитие уголовно-процессуальной науки. Оформление и структура учебника стройны, логичны и последовательны. Данный учебник будет полезен ученым, студентам юридических вузов и практическим работникам правоохранительных органов.

Воронежский государственный университет

Малахова Л.И., *кандидат юридически наук, доцент кафедры уголовного процесса*

Зотов Д. В., *кандидат юридически наук, заведующий кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности*

Voronezh State University

Malakhova L. I., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process Department*

E-mail: malah78@mail.ru

Zotov D. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity Department*

E-mail: zotov78@mail.ru